

Юрий Хечинов

Ангелы-хранители

Крутые дороги Александры Толстой

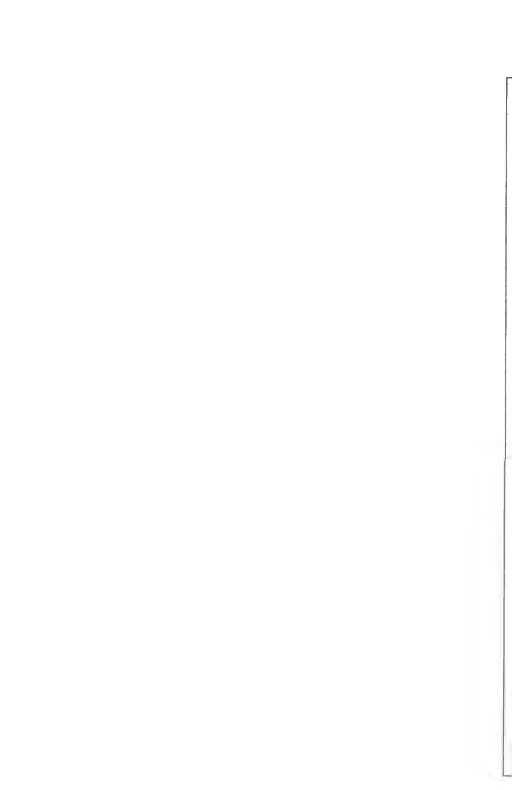
МОЕ ОТЕЧЕСТВО

МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Ю. ХЕЧИНОВ

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Страницы истории Отечества

КРУТЫЕ ДОРОГИ АЛЕКСАНДРЫ ТОЛСТОЙ

Москва, 1996

Рекламно Издательское Агентство

ББК 63.3(2)7
Х 41

Хечинов Ю.Е.

Ангелы-хранители. Крутые дороги Александры Толстой/Предисл. С.Л. Лукьяновой. — М.: РИА ДЮМ, 1996 — 464 с.: ил. — (МОЕ ОТЕЧЕСТВО)

В книгу вошли два вышедших рвнее произведения ввторв, вызвввшие горячий отклик читателей.

Книга «Ангелы-хранители» посвящена сестрам милосердия, которые, начиная с Крымской кампании, прошли с солдатвми сквозь пламя многих войн. «Крутые дороги Александры Толстой» — о младшей дочери великого русского писателя, имя которой после ее отъезда за рубеж на Родине было предано забвению. В книге использованы редкие, никогда прежде не публиковавшиеся материалы из отечественных и зарубежных исторических и музейных архивов. Живо и увлекательно повествует автор о невероятных поворотах в судьбе Александры Толстой.

Редактор С.Л. Лукьянова
Художественное оформление И.П. Потапов
Форзацы М.Ю. Хечинова
Набор, верстка – РИА ДЮМ
Лицензия на издательскую деятельность № 071270 от 4 марта 1996 г.

Подписано в печать 17.06.96. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 10000 экз. Заказ № 447
Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате
Комитета РФ по печати.
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ББК 63.3(2)7
Х 41

© Ю. Е. Хечинов
© РИА ДЮМ

Автор приносит сердечную благодарность сотрудникам Толстовского центра в США, Государственного музея Л.Н. Толстого, музея-усадьбы «Ясная Поляна» и московского городского комитета Общества Красного Креста за бесценную помощь и поддержку при подготовке рукописи.

Особую признательность автор выражает Н.Г. Жиркевич-Подлесских и Г.Н. Пироговой за предоставление ряда документов и иллюстраций; сердечно благодарит О.М. Толстую, С.А. Розанову и Н.А. Калинину за ценные замечания, сделанные ими при прочтении рукописи книги; выражает горячую признательность американским гражданам К. Голицыну, О. Родзянко, С. Крыжицкому, К. Хечинову и Т. Хечиновой за неоценимую помощь при сборе необходимых материалов и других услуг, а также Президенту Ильчикову М.З., и ректору Копайгородскому Е.М. (Институт международного права и экономики) и всем тем, кто добрым советом способствовал скорейшему выходу в свет этой книги.

Предисловие

В художественную летопись нашей страны вписаны новые — интересные, весьма ценные страницы, позволяющие воссоздать несправедливо преданные забвению важнейшие факты, события нашего прошлого, извлечь из небытия образы многих людей, действовавших в тех обстоятельствах... Речь идет о двух уже изданных книгах Ю.Е. Хечинова — «Ангелы-хранители. Страницы истории Отечества» (1993) и «Крутые дороги Александры Толстой» (1995).

О чем эти книги? Кто их автор, как он пришел в литературу? Почему его книги ныне переиздаются?

В литературу, как известно, приходят по-разному. Одни уже в школьные годы обнаруживают свое призвание, упорно идут к заветной цели, обучаясь мастерству, оттачивая свое перо. Другие занимаются литературой параллельно со своей основной профессией, которая нередко дает им интересный материал для художественного творчества. Третьи становятся писателями не вдруг, как бы исподволь, резко меняя на каком-то этапе свою жизнь, профессию...

Именно так и произошло с автором вышеназванных книг Юрием Евгеньевичем Хечиновым — доктором технических наук, профессором МГСУ, специалистом в области гидротехнического строительства, известным не только в России, но и странах ближнего и дальнего зарубежья. И хотя он еще в школьные и студенческие годы «баловался пером», писал стихи (кто из нас в молодости не переболел этим!), хотя из своих служебных командировок, поездок по Кавказу, по зарубежным странам он, уже зрелый ученый, привозил порой путевые очерки, стихотворные зарисовки, Ю. Хечинов не придавал этому серьезного значения. Он считал все написанное им лишь данью красоте окружающего мира, своеобразной эмоциональной разрядкой души человека, занятого сугубо техническими проблемами, ведущего напряженную научную и практическую жизнь. И даже когда друзья восторженно отзывались о его стихах и очерках, Ю. Хечинов не пытался публиковать то, что писал «для души».

Однако жизнь устроила-таки своеобразную «ловушку» серьезному технарю. Еще от деда он был наслышан о своей тетушке Елене Хечиновой — замечательной женщине, которая в начале первой мировой войны, переодевшись в мужскую одежду, ушла на фронт, храбро сражалась там, затем стала сестрой милосердия, проявила немало мужества, отваги, героизма, спасая ране-

ных воинов, за что и была награждена Георгиевским крестом . И позже, оказавшись со своим мужем генералом Карпинским в Польше, а затем во Франции и Англии, куда они перебрались, чтобы участвовать в движении Сопротивления, Елена Хечинова вместе со всей семьей, в том числе с двумя сыновьями-летчиками и дочерью, самоотверженно сражалась против фашизма, опять надев форму сестры милосердия...

Подробности, перипетии сложной, скорбной и прекрасной жизни своей родственницы Ю. Хечинов узнал, когда всерьез решил заняться сбором материалов о Елене Хечиновой, дабы не быть «Иваном, родства не помнящим», и передать сведения об этой замечательной женщине двум своим дочерям, — «чтобы помнили и гордились».

Многотрудные поиски в этом направлении, работа в отечественных архивах, поездка во Францию, когда в Париже в сентябре 1990 года отмечалось 100-летие со дня рождения Елены Хечиновой и Юрию Евгеньевичу предоставилась возможность встретиться и побеседовать с родственниками, поведовавшими ему о жизни, героических деяниях его тетушки, предоставившими немало интересных материалов, уникальных фотографий, — все это «стучало в сердце», требовало взяться за перо, написать о Елене Хечиновой. Да и не только о ней, ибо жизнь, героические деяния ее все более отчетливо вырисовывались во взаимодействии с другими замечательными женщинами, сестрами милосердия, которые за мужество, проявленное на театре боевых действий, при оказании помощи раненым на боевых позициях, стали кавалерами орденов и медалей Святого Георгия.

Все это и обусловило появление первой книги Ю. Хечинова «Ангелы-хранители» — так точно и красиво назвал автор сестер милосердия, т. к. они, действительно, нередко спасали раненых воинов от неминуемой смерти, оберегали их жизнь, несли им успокоение, утешение...

Сестрами милосердия являлись представительницы разных сословий, в том числе и из привилегированной части общества. Было среди них и немало особ, принадлежавших царской фамилии. Воспитанные в традициях добра и любви к Отчизне, сестры милосердия, зачастую еще совсем молодые барышни, получившие знания в объеме первой медицинской помощи, добровольно отправлялись на фронт, работали в полевых госпиталях, лазаретах, на санитарных поездах, санитарно-транспортных судах... Им, как пишет Ю. Хечинов, нередко приходилось «смотреть в окаменевшие зрачки павшего воина, подхватывать на поле битвы слабеющее тело раненого и взваливать его на хрупкие плечи, чтобы вынести с поля боя и вновь окунуться в грохочущий, стонущий и низвергающий пламя вихрь сражения ради облегчения страданий защитников Отечества».

Автор подробно описывает героические подвиги многих сестер милосердия, которые принимали участие в Крымской кампании (1853-1856), в русско-турецкой (1877-1878), русско-японской (1904-1905) и, особенно, первой мировой войнах. В их числе – Дарья Севастопольская, Е.А. Хитрово, Е.М. Бакунина, Е.П. Карцева, баронесса Ю.П. Вревская, А.Н. Стрекалова, О. Савватьева, М. Вяземцева, В. и С. Лобко, Э. Жаклен, Е.А. Воронова, А.Ф. Мейендорф, баронесса Е.П. Толль, О. Шидловская, Е.К. Хечинова, Р.М. Иванова, графиня А.Л. Толстая, Г.В. Сорокина и многие другие.

Судьбы, героические дела и поступки сестер милосердия представлены в книге Ю. Хечинова на широком фоне российской действительности II половины XIX – начала XX вв. , тесно связаны с ходом событий того времени, рассмотрены под углом зрения зарождения и развития движения милосердия. В ней достаточно полно освещена роль Российского общества Красного Креста, особенно в период русско-японской и первой мировой войн, показана солидарность обществ Красного Креста различных стран. Здесь интересно повествуется о благотворительных акциях и участии в них представителей царской семьи, дворянства, промышленников, деятелей искусства, литературы, церкви и, конечно, Российского Красного Креста. Именно с такой точки зрения высоко оценивают эту книгу и видные представители русского зарубежья. «В основу книги, – пишет, например, княжна Вера Константиновна Романова, – положены исторические факты, повествующие о благотворительных акциях российского общества и царской семьи в период войны, о судьбах доблестных воинов и сестер милосердия, отличившихся героизмом, самопожертвованием и преданностью Отечеству, что может быть поучительным примером для нынешнего поколения возрождающейся России».

Ю. Хечинову, безусловно, удалась его задумка – стереть «пыль с могильных плит», помочь читателю вспомнить имена российских героев и, главное, героинь, воссоздать драматическую атмосферу минувших войн, трагедию прошедшей эпохи. Читая его книгу, живо представляешь начало первой мировой войны, о которой у многих было однобокое представление, предвоенную обстановку, массовый патриотический порыв всех слоев российского общества, яснее понимаешь причины удач и поражений в этой «неизвестной» войне ...

Первая презентация книги прошла в русско-американском обществе «Отрада» в США; произведение было тепло принято русскими американцами. Затем состоялась презентация в Московском комитете Красного Креста, где эта книга также имела хороший резонанс. Публикация ее вызвала немало положительных отзывов в печати, рецензий. В них подчеркивалась определенность позиций Ю. Хечинова в оценке роли различных политических сил, партий в ходе развития первой мировой и гражданской войн, верная расстанов-

ка автором «акцентов в освещении событий, приведших к катастрофе великое Российское государство с последующим уничтожением значительной части собственного народа» (А. Трофимов). В этих откликах и рецензиях справедливо отмечались также большое воспитательное значение и несомненная познавательная ценность книги «Ангелы-хранители», снабженной значительным количеством уникальных фотографий, которые в немалой степени обогащают текст. Кроме того, в книге этой, основанной на богатом фактическом материале, архивных данных, отсутствует сухое изложение фактов. Напротив, она написана живо, увлекательно, серьезная научная информация удачно сочетается здесь с интригующим повествованием о прошедших событиях, оригинальной трактовкой их. Все это свидетельствовало о наличии у Ю. Хечинова не только дара исследователя, но и таланта писателя. Однако книга эта – еще не художественное произведение, а научно-популярное, публицистическое.

Книга Ю. Хечинова вызвала интерес у широкой читательской аудитории. И этот успех окрылил его, вдохновил на написание нового произведения, преемственно связанного с первым, благо непрекращающиеся научные изыскания автора позволили ему обнаружить немало новых, неизвестных фактов в интересующей его области.

В этот раз объектом пристального изучения Ю. Хечинова стала деятельность на поприще милосердия в годы первой мировой войны (да и позже) младшей дочери Л.Н. Толстого – Александры Львовны, судьба которой неразрывно сплетена в книге с бурной, полной драматизма общественно-политической ситуацией в России того периода.

В книге «Ангелы-хранители» Александре Толстой уделено всего несколько страниц, облик ее намечен лишь контурно. Она представлена здесь как одна из многих сестер милосердия, отличившихся на полях сражений и награжденных Георгиевскими орденами и медалями. Вместе с тем, младшая дочь «великого писателя земли русской» сама по себе – личность весьма незаурядная, самобытная, судьба ее – трагична, прекрасна и поучительна одновременно.

Имя этой замечательной женщины, прожившей долгую, интересную жизнь (1884-1979), на ее Родине было предано забвению, замалчивалось, «повсюду вычеркивалось послушным цензорским пером». Сведения о ней, как удалось выяснить Ю. Хечинову после долгих поисков, хранились в архивах бывшего ЦК КПСС, КГБ, в других спецхранах в папках с грифом «Секретно». Ведь она, как и многие представители русской интеллигенции, не приняла октябрьскую революцию, открыто выражала свои политические убеждения, неприязнь к большевизму и в конце концов оказалась в эмиграции, где выступала страстной правозащитницей, стремясь, как пишет автор, «донести

правду о бедах в России и протянуть руку помощи всем тем, кто нуждался в ней, спасаясь от безжалостной руки Кремля». Она создала фонд помощи политэмигрантам из Советской России и до последних дней боролась против сталинских репрессий, террора, против большевизма...

Ю. Хечинов одним из первых нарушил молчание вокруг имени Александры Толстой, написав первое в русской литературе художественное произведение, посвященное этой замечательной женщине с трудной судьбой, с биографией, отмеченной крутыми поворотами... Однако это далось ему нелегко.

Собирая материал о сестрах милосердия, ставших Кавалерами Георгиевских наград, листая пожелтевшие страницы старых подшивок российских газет и журналов, Ю. Хечинов обнаружил сведения и об Александре Львовне Толстой, которая в первые августовские дни 1914 года добровольно ушла на фронт сестрой милосердия и за свои героические деяния на этом поприще была награждена двумя Георгиевскими медалями.

Естественно поэтому, что когда Ю. Хечинов поехал в Америку на презентацию своей книги «Ангелы-хранители», он не мог, как любой россиянин, не посетить Толстовский центр в Валли Коттедж, не преподнести в дар этому центру свое произведение, где пусть всего лишь на нескольких страницах, но все же говорится и о дочери великого писателя – Александре Львовне.

Знакомство и беседы с представителями русского зарубежья в Америке, работниками Толстовского центра, родственниками Толстых, словом, теми, кто близко знал А. Толстую, наконец, книга ее воспоминаний «Дочь» (Канада, 1979)*, которую американские друзья подарили Ю. Хечинову, – все это будоражило его воображение, вызывало много вопросов, на которые он не мог пока ответить. Но уже начинал догадываться, где нужно искать ответы на эти вопросы.

Вернувшись в Москву, Ю. Хечинов буквально по наитию начал кропотливые поиски в различных архивах, музеях, хранилищах, в том числе в Государственном музее Л.Н. Толстого, в музее-усадьбе «Ясная Поляна», в Военно-историческом архиве, в архиве бывшего ЦК КПСС, личном архиве Ф.Э. Дзержинского, а затем – в архиве Толстовского центра в США.

Ему удалось добыть, порой весьма непростым путем, редкие, уникальные материалы, документы, проливающие свет как на перипетии сложной, трагической судьбы А. Толстой, так и на отдельные моменты, исторические этапы в жизни России на рубеже эпох.

Особое значение приобрели обнаруженные неутомимым исследователем письма Александры Львовны к родным и близким с театра военных действий, отовсюду, куда кидала ее судьба. Чисто информативные поначалу, они в

* В Москве книга «Дочь» была издана в 1992 году.

дальнейшем все более принимали исповедальный и даже философский характер. В них появляются жалобы на усталость, на тяготы жизни в полевых условиях, на болезни, мучившие эту женщину, на тоску по родным местам. Однако в этих посланиях нет и намека на то, чтобы оставить благородное, милосердное дело, которым она занималась. Зато в них все чаще звучат тревожные раздумья о настроениях в армии, о положении в стране, о том, что ждет Россию...

Письма А. Толстой помогли автору будущей книги о ней еще лучше понять душу этой замечательной русской женщины, продолжательницы гуманистического дела своего отца, настоящей патриотки.

Не меньшее значение в воплощении замысла нового произведения имела и уже упомянутая выше книга воспоминаний А. Толстой «Дочь». По прочтении ее Ю. Хечинов почувствовал, что при всем богатстве содержащегося здесь материала мемуарного характера она, вместе с тем, не лишена отдельных пробелов. Обусловлено это было тем, что писались эти воспоминания в основном по памяти, так как А. Толстая была оторвана от оставшихся в России архивов, где хранились письма и документы. А память, как известно, порой подводит нас...

Ю. Хечинов понял, что может, обязан восполнить определенные пробелы книги, восстановить забытое, рассказать, основываясь на обнаруженных им материалах, об этой незаурядной женщине, «чью судьбу исковеркали войны и революции», миллионам ее сограждан. Так окончательно выкристаллизовался замысел книги об Александре Толстой.

Назвав свою книгу «Крутые дороги Александры Толстой», автор особое внимание уделил в ней наиболее драматическому периоду жизни своей героини – от участия в роли сестры милосердия на Западном и Кавказском фронтах до ареста ее в 1920 году и последующего затем заключения.

Живо, увлекательно раскрывая перед читателями перипетии запутанной судьбы А. Толстой, Ю. Хечинов ярко, убедительно описывает в I главе книги (очерки «Накануне войны», «Выстрел в Сараево», «Воззвание государя», «Поезд идет в Белосток» и др.) не менее драматические события начала века, приведшие к первой мировой войне и революционным потрясениям. Апеллируя к письмам, запискам своей героини, писатель прослеживает, как пришла она к решению стать сестрой милосердия.

Подобно своему отцу, Александра Львовна осуждает войну. Но, вместе с тем, она убеждена, что Отечество нужно защищать. Полемизируя перед уходом на фронт со своей старшей сестрой, она, полная сострадания к русскому воину, простому солдату, переносящему все тяготы и страшные будни войны, восклицает: «...Кто поможет ему, когда он с простреленной грудью будет лежать на поле брани? Если не ты, не я, не другой? Кто вынесет его с

поля боя, кто спасет его от неминуемой гибели? Дать солдату шанс выжить – разве это не человеколюбие?»

А. Толстая понимает, что должна «участвовать в общей беде», помогать больным и раненым воинам, быть там, где льется кровь ее соотечественников, и потому уходит на фронт.

Через всю войну прошла Александра Толстая, работая сестрой милосердия в самых «горячих» ее точках – на Кавказском и Западном фронтах, спасая тысячи жизней, врачуя телесные и душевные раны... Повествуя об этом во II и III частях книги (очерки «Дорога на Кавказ», «К подножию Арарата», «Принципиальный спор с толстовцами», «Всероссийский Земский Союз», «На Западный фронт», «Награда», «Возрождение отряда», «Минский лазарет» и др.), тщательно прослеживая боевой путь своей героини, все перемещения госпиталей, лазаретов, санитарно-транспортного поезда и т.п. , где приходилось работать ей, Ю. Хечинов акцентирует внимание на том, как время, драматические события российской действительности 1914-1917 годов властно вторгались в ее жизнь, меняли и формировали личность А.Л. Толстой, способствуя эволюции ее мировоззрения.

Не менее интересна и та часть книги, которая посвящена периоду 1917-1920 гг. В этой части, названной «Апокалипсис», автор в целом ряде очерков («Февральская революция», «Кошмарный июль», «Брестский мир», «Тактический центр», «Судебный процесс», «В застенках Новоспасского монастыря» и др.), пожалуй, чаще, чем в других главах, прибегает к архивным материалам, историческим документам, недавно еще находившимся «за семью печатями». Он описывает здесь взаимоотношения А. Толстой с советской властью, говорит о мере причастности ее к деятельности Тактического центра, об аресте, пребывании в камере на Лубянке, в Новоспасском монастыре, превращенном в концлагерь... Ю. Хечинов предоставляет читателю возможность «побывать» на заседании Политбюро РКП/б/, состоявшемся 15 мая 1920 года, на котором в присутствии Ленина, Каменева, Сталина, Томского обсуждался вопрос об аресте А. Толстой; на проходившем в августе того же года судебном процессе, где главным обвинителем по делу Тактического центра выступал Крыленко; дает возможность ознакомиться с письмом своей героини к Ленину, в котором А. Толстая смело и бескомпромиссно заявляла, что она – «не сторонница большевизма», обвиняла советское правительство в нарушении принципов демократии...

Закономерным следствием отмеченного представлены в книге Ю. Хечинова этапы дальнейшего жизненного пути Александры Толстой – ее деятельность в должности хранителя музея-усадьбы «Ясная Поляна», борьба с тульскими партийными функционерами, отъезд в Японию, эмиграция, создание в США Комитета помощи российским беженцам, названного в честь великого

писателя Толстовским центром, деятельность в годы Второй мировой войны, активная борьба против сталинских репрессий...

Строго следуя фактам биографии своей героини, основываясь на богатом мемуарном наследии, оставленном ею, Ю. Хечинов, вместе с тем, сумел, как справедливо заметила С. Розанова, автор «Вступления» к I изданию книги «Крутые дороги Александры Толстой», «решить стоявшую перед ним трудную задачу: избегнуть дублирования воспоминаний А. Толстой о пройденных ею «дорогах», военной и мирной, сквозь тьму, окутавшую Страну Советов. Разумеется, без совпадения из-за общности жизненного материала, реалий, фактов обойтись было невозможно. Но между произведением Ю. Хечинова и мемуарами дочери великого писателя существенная и принципиальная разница, методологическая, жанровая».

Действительно, исходя из писем, воспоминаний А. Толстой, Ю. Хечинов существенно дополняет их, ибо у него есть возможность «проверить алгеброй гармонию», выверить точность оценок своей героини, соответствие ее мировосприятия, ощущений, предчувствий исторической правде жизни. Он сумел по-новому взглянуть на многие факты, события прошлого, осветить и оценить «главнейшие вехи российской истории, очевидцем которых была фронтовая сестра милосердия», с позиций сегодняшнего дня (как не вспомнить здесь С. Есенина, утверждавшего: «...Большое видится на расстоянье»!).

Кроме того, автор расширяет рамки повествования за счет не только более подробного освещения целого ряда эпизодов, которые лишь намечены А. Толстой, но и за счет более подробной характеристики персонажей, порой лишь упомянутых ею или, в силу объективных причин, оставленных «за кадром». В этом ему в немалой степени помогли его кропотливые изыскания в указанных выше и других архивах, книгохранилищах, собраниях частных лиц.

Однако солидная документальная основа книги «Крутые дороги Александры Толстой», насыщенность ее информативным материалом отнюдь не делают данное произведение сухим и скучным. Напротив. Живость, увлекательность, яркая образность повествования в сочетании с отмеченным выше умелым, оригинальным вплетением в смысловую ткань книги исторических документов и писем героини к родным и близким не только убеждают читателя в полной исторической достоверности описываемых событий, но и дают ему возможность как бы смотреть на окружающее глазами самой героини книги, переживать и страдать вместе с ней.

Ю. Хечинову удалось добиться того, что образ Александры Львовны Толстой получился у него живой, убедительный. На это обстоятельство указывала и Ольга Михайловна Толстая, которая писала из США, что образ младшей дочери великого писателя «выявляется живой и правдивый, такой, какой я ее знала на протяжении многих лет».

В этом немаловажное значение принадлежит и художественным достоинствам книги. Нельзя не отметить, к примеру, подлинного лиризма в авторском описании природы Кавказа или средней полосы России, толстовской усадьбы в Ясной Поляне и др. В соприкосновении, единении героини с природой наиболее полно раскрыты писателем ее душа, ее нежное самоотверженное сердце... Художественная убедительность книги, яркая образность ее, своеобразие авторского стиля в сочетании с умелым использованием Ю. Хечиновым ряда художественных приемов, — все это позволяет утверждать, что «Крутые дороги Александры Толстой», несомненно, художественное произведение, хотя и основанное на документальных данных. Многие из этих документов, а также редкие, уникальные фотографии впервые представлены широкому кругу читателей.

Как и «Ангелы-хранители», данное произведение имеет большое познавательное и воспитательное значение. Это — не просто подробный рассказ о деятельности одной из сестер милосердия, награжденной двумя Георгиевскими наградами, но и важный вклад в историографию семьи Толстых. Именно историко-познавательная ценность и воспитательное значение преемственно связанных между собой книг Ю. Хечинова «Ангелы-хранители» и «Крутые дороги Александры Толстой», которые читаются с неослабевающим интересом от первых до последних страниц, обуславливают необходимость переиздания этих произведений.

Идя навстречу многочисленным пожеланиям читателей и рецензентов, издательское агентство «РИА-ДЮМ», специализирующееся на выпуске книг под девизом «Мое Отечество», безусловно, делает доброе дело, переиздавая вышеназванные произведения в дополненном и переработанном виде. Прочитав их, читатель получит реальную возможность убедиться в том, что «никто не забыт, ничто не забыто».

А автор этих книг, Ю. Хечинов, уже уверенно идущий по литературной стезе, полон новых творческих замыслов: опубликованы новые очерки о славных россиянках, чьи самоотверженные поступки, удивительные, нередко мученические судьбы вызывают восхищение, уважение и не дают писателю покоя...

С. Лукьянова
Доктор филологических наук.

Но ведь весна есть даже
у черной смерти этой!
Из недр могильных грянет
гимн солнцу недопетый!

Тициан Табидзе, 1915

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Страницы истории Отечества

ОТ АВТОРА

Рождению книги способствуют обычно разные обстоятельства – либо подсмотренная в житейской практике удивительная история, либо созревший в недрах собственной фантазии занимательный сюжет, либо вдохновившая автора героическая судьба известных или безвестных сынов и дочерей Отечества. Так родилась и книга, которую ты , дорогой читатель, держишь сейчас в руках. Толчком к размышлениям и моим многолетним поискам стали воспоминания детства. Мой дед, капитан дальнего плавания, часто рассказывал мне о своей дочери – сестре милосердия, ставшей Георгиевским кавалером в первую мировую войну. Помню крошечную фотографию, с которой на нас смотрела миловидная молодая женщина с Георгиевским крестом на груди. Долгие годы мне хотелось найти какие-либо документальные сведения об этом ангеле-хранителе тысяч воинов, узнать подробности ее героических деяний и дальнейшую судьбу.

Шло время, однако поиск доказательств героического прошлого сестры милосердия не дал быстрых результатов, но произошло нечто более важное – в просматриваемых подшивках старых журналов и газет времен первой мировой войны, а также в архивных документах передо мной раскрылся огромный и неведомый мир человеческих судеб.

Это им, молодым барышням, воспитанным в традициях добра и любви к Отчизне, довелось испытать горестные мгновения жизни – смотреть в окаменевшие зрачки павшего воина, подхватывать на поле битвы слабеющее тело раненого и взваливать его на свои хрупкие

плечи, чтобы вынести с поля боя и вновь окунуться в грохочущий, стонущий и низвергающий пламя вихрь сражения ради облегчения страданий защитников Отечества.

Какая сила влекла этих ангелов-хранителей в гущу тяжких испытаний? Любовь к Родине? Или жажда отмщения за пролитую кровь и сострадание к людям?

Суровая большевистская цензура и идеологическая пропаганда не только извращали целые периоды истории нашего народа, но и сознательно разрывали живительные связи прошлого с настоящим, стирали в памяти целых поколений их духовные и нравственные истоки.

Во многом неизвестной предстает для большинства россиян первая мировая война, страницы истории которой хранят множество примеров мужества и милосердия, самоотверженности и патриотизма, высокого гражданского долга и нравственности «прекраснейших женщин и отважнейших мужчин».

Милосердие к воину как общественное движение родилось в Крымскую войну 1853-56 гг., когда две выдающиеся женщины противоборствующих стран, англичанка Флоренс Найтингейл и Великая княгиня Елена Павловна, одновременно протянули руки помощи воинам, проливавшим кровь на поле брани.

Сегодня, стремительно освобождаясь от оков подозрительности, страха и рабского повиновения, новая демократическая Россия не только ломает на своем пути казалось бы незыблемые устои нашего деформированного общества, но и возрождает интерес к святой памяти героических предков, в борьбе за свободу и независимость Родины отдавших все свои силы и даже жизнь. Без осознания преемственности поколений, памяти сердца, любви и сострадания к павшим невозможно нравственное и духовное развитие российских народов.

Позволь и мне, дорогой читатель, стереть «пыль с могильных плит», вспомнить имена российских героев, воссоздать атмосферу драматической эпопеи народной войны, трагедию прошедшей эпохи.

Да простит нас Бог за столь долгое замалчивание святых имен наших героических предков перед своим же народом!

Твоя похвальна добродетель,
И, Бог души твоей свидетель,
Мала ли мзда заслуг твоих?

В.П. Петров

1 Разделяя боль солдата

Милосердие к солдату. Крымская кампания (1853-1856) и госпитальное дело. Великий хирург — защитник Севастополя. Три столпа общины — три судьбы. Анри Дюнан и Великая княгиня Елена Павловна. Москва. У истоков Красного Креста.

Великая княгиня Елена Павловна, вдова Михаила Павловича, младшего брата Николая I, была в прекрасном расположении духа. Наконец-то ей удалось убедить Государя в необходимости призвать женщин на помощь страждущим воинам, защитникам Отечества, о печальной судьбе которых из Севастополя приходили тревожные вести.

Умная и энергичная женщина, чье сердце было полно добродетели, несмотря на сопротивление чиновников военно-медицинского ведомства, добилась также разрешения направить в Крым великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова с инспекционной поездкой.

Всю обратную дорогу от Зимнего дворца Великая княгиня живо представляла себе батальные сцены Крымской войны и вереницу раненых, бредущих с поля сражения в надежде на скорую помощь, которой там, увы, не существовало.

Экипаж остановился у парадного подъезда. Поднявшись по широкой лестнице, Елена Павловна приказала прислуге:

— Срочно пошлите кого-нибудь к Пирогову, передайте, я буду ждать его к пяти часам вечера.

Великая княгиня вошла в кабинет и углубилась в дела.

Время пролетело незаметно. Елена Павловна оторвалась от секретера, когда из распахнутого настежь, несмотря на осеннюю свежесть, окна донесся цокот копыт — к крыльцу приближался экипаж.

В прихожей раздался звонок. Великая княгиня взглянула на часы и встала из-за стола.

— Заходите, друг мой, — опередила она старого привратника, не дав доложить хозяйке о приезде гостя.

Пирогов вошел в гостиную, поздоровался и сел на указанное Великой княгиней место. Расположившись рядом, она во всех подробностях рассказала о встрече с Государем и его решении поддержать создание Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, а если в этом появится необходимость, не препятствовать направлению сестер на театр военных действий.

— Я выпросила у Государя соизволение направить вас, Николай Иванович, в Крым. Нужно проинспектировать наши госпитальные учреждения и убедиться, в самом ли деле так ужасны условия содержания раненых. Ко мне приходит много писем этих несчастных страдальцев. И еще, голубчик, не дайте вас провести. Будьте настойчивы, ваш несравненный опыт и знания помогут делу. Следом за вами я пошлю первую группу сестер Крестовоздвиженской общины и буду ждать сообщений от вас.

— Как спешно надо выезжать?

— Не медлите, уж вам, светочу хирургии, лучше меня ведомо, что значит скорая помощь. В Крыму уже с месяц как льется кровь.

Сборы знаменитого хирурга были недолги. Первые письма, адресованные жене Александре Антоновне, Пирогов отправил с дороги, пересказывая все перипетии своего утомительного и трудного пути. Главное, на что обратил внимание великий хирург, это непролазная грязь и бездорожье.

Вот письмо от 14 ноября 1854 года:

«Приехал в Севастополь двенадцатого числа и спешу тебя уведомить, милая Саша, что, слава Богу, жив и невредим... С восьми часов утра до шести вечера остаюсь в госпитале, где кровь течет рекой... Скоро поеду в Симферополь навстречу сестрам милосердия, устал, лежу и пью чай.»

Находясь в Севастополе, Николай Иванович регулярно вел журнал экспедиции, и очень часто страницы его становились основой писем к жене. Обширная переписка Пирогова с женой, должностными лицами, сестрами милосердия составила впоследствии книгу «Севастопольские письма и воспоминания».

Первое же знакомство с госпитальными учреждениями произвело на Н.И. Пирогова удручающее впечатление.

— Видели ли вы госпитали на своем пути? — спросил Пирогова

2 447

главнокомандующий российской армией в Крыму князь Меньшиков.

— К сожалению, видел. Они в таком состоянии, что желал бы лучше не видеть. За кого принимают солдата? Будет ли он храбро сражаться, если знает, что раненого его бросят как собаку?

Главнокомандующий промолчал, а потом спросил:

— Как вы считаете, будет ли толк от сестер милосердия?

— Не знаю. Все будет зависеть от личности женщин, которые станут служить в госпиталях.

— Я слышал про какую-то Дарью. Говорят, она очень много помогала солдатам, а под Альмой даже перевязывала их.

Так в разговоре с главнокомандующим великий хирург впервые услышал о Дарье Севастопольской.

Юная девушка рано лишилась матери, отец ее погиб при Синопском сражении, и в тринадцать лет девочка осталась полной сиротой. Пропитание добывала себе поденщиной.

С началом военных действий Дарья начала обстирывать солдат. Ежедневно она появлялась в военном лагере, таща за собой тележку со свежим бельем, раздавала его и нагружала полную тележку грязным, а чаще окровавленным бельем.

Участник Крымской кампании врач Ульрихсон вспоминал о сражении при реке Альма:

«Когда войска наши, проиграв сражение 8 сентября, возвращались после продолжительной и упорной битвы обратно к Севастополю изнуренными, обессиленными физически и морально, со множеством раненых и изувеченных, истекавших кровью, Дарья обратилась в сестру милосердия и принялась безвозмездно помогать страдальцам. К счастью, нашелся в ее повозке и уксус, и кое-какое тряпье, которое употребила она для перевязки ран... Таким образом, повозка Даши была первым перевязочным пунктом при приходе неприятеля в Крым, а сама она — первой сестрой милосердия».

Об этом поступке простой русской девушки вскоре стало известно в Севастополе, а потом о ней заговорили в российской столице.

Впервые о Дарье Севастопольской Н.И. Пирогов упоминает в письме к жене из Симферополя 29 ноября 1854 года.

«На кроватях лежат немногие раненые, большая часть — на нарах. Матрасы, пропитанные гноем и кровью, остаются дня по четыре и пять под больными по недостатку белья и соломы... При перевязке можно видеть ежедневно трех или четырех женщин, одна из них — знаменитая Дарья... Дарья является теперь с медалью на груди, полученной от Государя, который велел ее поцело-

вать Великим князьям, подарил ей пятьсот рублей и еще тысячу, когда выйдет замуж... Она — молодая женщина, недурна собой. Под Альмой она приносила белье, отданное ей для стирки, и здесь в первый раз обнаружилась ее благородная наклонность помогать раненым.»

В очередном письме к жене Н.И. Пирогов упоминает сестер Крестовоздвиженской общины.

«Пишу на почте. Из Севастополя я тебе отправил два письма, из Симферополя — одно, все с фельдъегерем, одно письмо лежит у меня в портфеле, его опасаюсь послать, потому что в нем много правды... Дней пять тому назад приехала сюда Крестовоздвиженская община сестер Елены Павловны, числом до тридцати, и принялась ревностно за дело; если они так будут заниматься, как теперь, то принесут, нет сомнения, много пользы. Они день и ночь непременно бывают в госпиталях, помогают при перевязке, бывают при операциях, раздают больным чай и вино и наблюдают и за служителями, и за смотрителями, и даже за врачами. Присутствие женщины, опрятно одетой и с участием помогающей, оживляет плачевную юдоль страданий и бедствий.»

В числе первых прибывших в Симферополь сестер были Екатерина Бакунина, дочь сенатора, дворянка Елизавета Карцева, мещанка Надежда Башмакова, вдова майора Констанция Власовская, дочь титулярного советника Клеопатра Ведюкова, мещанка Татьяна Дорсонвиль, дворянка Августа Шульц, дочь смотрителя школы Наталья Лукина и другие.

Приезд сестер милосердия на театр военных действий Крымской кампании 1853-1856 гг. и их ревностная служба в госпиталях обострили отношения Н.И. Пирогова и местных властей — сестры активно препятствовали царившим там беспорядкам и особенно — хищениям. Госпитальная администрация всячески противилась приезду сестер милосердия, находя для этого весьма странные доводы.

Тем не менее, сестры милосердия навели в госпиталях порядок и чистоту, взяли на себя заботу о пище, окружили раненых вниманием, ласковым словом согревали сердца страдальцев, бережно сохраняли доверенные им денежные пособия воинов, полученные за увечье. Вспоможения были весьма значительные по тем временам — до семидесяти пяти рублей.

Сестры включались в транспортировку раненых солдат, стараясь облегчить им и без того изнурительный путь.

Соприкасаясь каждодневно с больными, они нередко заражались

тифом и холерой. С декабря 1854 по январь 1856 года семнадцать сестер умерли при исполнении своих обязанностей.

Восточная война, начатая в октябре 1853 года Турцией против России, стала называться Крымской после того, как на Черном море появились корабли англо-французского флота. В феврале 1854 года Россия объявила войну Великобритании и Франции. Боевые действия развернулись на Балканах, Кавказе и в Крыму.

Решительность, проявленная русским командованием на море и на суше против турецких войск, принесла России блистательные победы. Знаменитое Синопское сражение 18 ноября 1853 года составило славу выдающемуся флотоводцу вице-адмиралу П.С. Нахимову, наголову разбившему сильную турецкую эскадру Османа-паши, вдвое превосходящую русскую по численности.

На Кавказе русские войска успешно отражали наступление Абди-паши на Александрополь и Тифлис, а в сражении при Башкадыкларе десятитысячный корпус российских войск под командованием генерала В.О. Бебутова разбил главные турецкие силы численностью более тридцати пяти тысяч солдат.

Весной 1854 года русские войска под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, грудь которого украшал полный бант офицерского боевого ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, успешно форсировали Дунай и овладели рядом турецких крепостей на Балканах.

Значительно драматичнее складывалась ситуация в Крыму, где, несмотря на беспримерную храбрость русских солдат, неудачи связывались с нерешительностью российского командования в лице князя А.С. Меньшикова, а затем и генерала М.Д. Горчакова.

По этому поводу фельдмаршал И.Ф. Паскевич незадолго до своей смерти писал М.Д. Горчакову:

«Вы смотрели только, как союзникам каждый день подвозили свежие войска... Отдавая полную справедливость русскому солдату, защищавшему своею грудью в продолжение одиннадцати месяцев земляные укрепления, и которому, говоря без лицемерия, Россия единственно обязана беспримерною обороною, Вы жили день за днем, никогда не имея собственного мнения и соглашались с тем, кто последний давал вам советы... Признаюсь, я виноват перед Отечеством, что был отчасти причиной возвышения Вашего на ту ступень, на которой Вы находитесь... Будучи обязан в действиях моих отдать отчет потомству, я откровенно сознаюсь в моей ошибке и прошу соотечественников моих простить мне, что я, в заблуждении своем, еще в

1854 году считал Ваше сиятельство способным быть самостоятельным начальником.»

Героическая оборона Севастополя в 1854-1856 гг. золотыми буквами вписана в историю российского военного искусства.

Непосредственный участник защиты Севастополя, молодой Л.Н. Толстой посвятил этим героическим событиям рассказ «Севастополь в мае».

«Лужи крови, видные на местах незанятых, горячечное дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный, тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели четыре свечи на различных концах залы. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате... Сестры, со спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубахами».

По окончании Крымской войны среди многих защитников Отечества шестьдесят восемь сестер милосердия были представлены к медали «За оборону Севастополя». Получила эту награду и Дарья.

С легкой руки Ульрихсона, героиню Крымской войны стали почтительно называть Дарьей Александровной, а позднее к ней прибавилась фамилия Севастопольская. Лишь недавно в Центральном военно-историческом архиве сотруднику музея Красного Креста Российской Федерации Наталье Александровне Терновой удалось выяснить подлинное имя легендарной сестры милосердия — Дарья Лаврентьевна Михайлова.

Великая княгиня Елена Павловна внимательно следила за благородной деятельностью своих подопечных. Н.И. Пирогов регулярно посылал ей подробные отчеты. Среди наиболее ревностных госпитальных работниц он назвал трех сестер милосердия — Екатерину Александровну Хитрово, Екатерину Михайловну Бакунину и Елизавету Петровну Карцеву.

В сентябрьских письмах к жене за 1855 год Н.И. Пирогов неоднократно упоминает о Е.А. Хитрово:

«Третьего дня приехала сюда госпожа Хитрово из Одессы, и мне кажется, что она благостно подействует на будущую судьбу общины...

Всякий вечер до первого часа ночи я провожу с Хитрово, Бакуниной и Карцевой. Это три столпа общины.»

А вот поведение главной начальницы Крестовоздвиженской общины А.П. Стахович, высокомерной и крикливой особы, восстановившей против себя весь медицинский персонал, очень возмущало Н.И. Пирогова.

Обеспокоенная неурядицами, случающимися по вине начальницы, великая княгиня Елена Павловна предложила Екатерине Хитрово управлять общиной. Н.И. Пирогов всячески приветствовал это назначение.

«Хитрово не Стахович, сама ходит на дежурство, не стыдится скатывать бинты и перевязывать больных и не величает себя превосходительством, и не хочет быть главной начальницей общины, а просто старейшей сестрой,» — писал Н.И. Пирогов 20 октября 1855 года.

Подробных сведений о Екатерине Александровне Хитрово, к сожалению, не сохранилось. Известно лишь, что когда Е.М. Бакунину называли идеалом сестры милосердия, она не принимала на свой счет эти лестные слова, а уверяла, что знает только одну сестру, соответствующую этому высокому званию, — Екатерину Хитрово.

В отчете о деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия Н.И. Пирогов писал:

«Пусть будущее поколение судит, в какой мере община при самом ее начале осуществила благую мысль высокой покровительницы ее и сделалась достойной цели ее учреждения.»

Деятельность Е.А. Хитрово на посту старейшей сестры милосердия, как она сама себя называла, способствовала воспитанию в сестрах милосердия истинного взгляда на высоту своего назначения.

Заразившись тифом, Е.А. Хитрово скончалась в Симферополе. Известие об этом болью отозвалось в сердцах защитников Севастополя. Тело выдающейся сестры милосердия на военном корабле было перевезено в Одессу и предано земле там, где начиналась ее милосердная деятельность.

Значительных трудов стоило Пирогову и Великой княгине Елене Павловне уговорить Е.М. Бакунину принять на себя после смерти Е.А. Хитрово должность настоятельницы общины.

Истинная аристократка, глубоко верующая, Екатерина Михайловна Бакунина была женщиной великого смирения — на протяжении долгого времени предпочитала оставаться рядовой сестрой. На посту руководителя общины она проявила большие организаторские способности, неустанно объезжая самые отдаленные госпитали, вникая в проблемы снабжения их медикаментами и продовольствием, хозяйственным скарбом и теплой одеждой для раненых воинов. Строго

взыскивая за равнодушие и тем более за мошенничество среди госпитальных служителей, Екатерина Михайловна способствовала налаживанию контроля со стороны сестер за состоянием госпитальных дел.

Строг был и Н.И. Пирогов к разного рода расхитителям.

«Да, вот еще геройский поступок сестер, о котором я сейчас слышал и который уже верно известен Великой княгине, они в Херсоне аптекаря, говорят, застрелили. Истинные сестры милосердия — так и нужно, одним мошенником меньше», — писал он Александре Антоновне.

По ходатайству Е.М. Бакуниной раненым регулярно выдавалось теплое белье. Зачастую она сопровождала обозы с ранеными, разделяя с ними все невзгоды тяжелого пути, голодая, болея вместе с ними, но и оберегая их от равнодушия и разгильдяйства нерадивых работников.

После окончания Крымской кампании Москва устроила Е.М. Бакуниной торжественную встречу, а в честь ее приезда в Петербург поэт Федор Глинка написал стихотворение «26 марта 1856 года».

Из мира бурь пришла на мир в столицу,
Приветим же Бакунину сестрицу
И милосердия приветим в ней сестру!

В Москве Е.М. Бакунина по просьбе Великой княгини Елены Павловны продолжала возглавлять Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия. Однако когда казенщина начала сковывать ее инициативу, Екатерина Михайловна отказалась от своего поста и в 1860 году уехала в родовое имение Козицино (Тверская губерния). Рядом с барским домом она устроила лечебницу для больных крестьян, аптеку с бесплатной раздачей лекарств, которые сама и приготовляла.

Великая княгиня Александра Николаевна и принцесса Терезия Ольденбургская в 1844 году основали в Петербурге общину сестер милосердия, названную Свято-Троицкой. Ровно через десять лет, во время Крымской войны, Великая княгиня Елена Павловна учредила общину сестер милосердия, названную Крестовоздвиженской и предназначенную специально для работы в Действующей армии. Так впервые русские женщины вышли из сферы домашней жизни на государственную службу.

Гуманистическая деятельность сестер милосердия Никольской и Крестовоздвиженской женских общин оказала большое влияние на

развитие военно-медицинского дела во всем мире. Тем не менее, символом милосердия мировая общественность избрала Флоренс Найтингейл, возглавившую группу сестер милосердия в армии Великобритании во время Крымской войны. По этому поводу Н.И. Пирогов в письме к Э.Ф. Раден с горечью писал:

«Может, конечно, носится слух в Западной Европе и даже у наших соседей пруссаков, будто бы мисс Найтингейл с тридцатью семью сестрами, «дамами высокой души»,.. была первая, которая по собственному желанию приехала в Крымскую войну, чтобы с сестрами взять под свое попечение всех больных и раненых, находящихся в амбулатории. Мы, русские, не должны дозволять никому до такой степени переделывать историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном, благородном и ныне всеми принятом... О мисс Найтингейл и о ее «высокой души дамах» мы в первый раз услышали только в начале 1855 года, когда злоупотребления английской военной администрации во время зимних месяцев 1854 года так же ясно обнаружились, как и у нас.»

Между тем, в этом историческом споре главное — не признание первенства той или иной стороны, а добродетель и милосердие, одновременно родившиеся в сердцах людей, принесших облегчение и возвращение к жизни больным и раненым воинам, большинство из которых было обречено на смерть.

Имя Флоренс Найтингейл увековечено медалью, утвержденной в 1912 году как высшая награда международного Красного Креста.

Не менее известным в мире стало имя швейцарского гражданина Анри Дюнана, инициатора создания международного общества Красного Креста.

Оказавшись в 1859 году в небольшой итальянской деревне Сольферино, раскинувшейся на берегу живописной реки Минчио, он стал свидетелем битвы, в которой ценой огромных потерь объединенные силы сардинцев и французов одержали победу над австрийцами.

На поле битвы остались лежать сорок тысяч погибших воинов; стенания раненых оглашали окрестности. Брошенные, они молили о помощи.

Картина ошеломила Дюнана. Особенно запали ему в душу слова одного умирающего сержанта, которому Анри Дюнан тщетно пытался помочь:

— Я умру сегодня, — сказал сержант, — но если бы обо мне позаботились раньше, я мог бы еще пожить.

Анри Дюнан пытался, используя имеющиеся подручные средства,

оказывать раненым посильную помощь. К этому делу он привлек и местных жителей. Вместе им удалось не только облегчить страдания солдат, но и спасти многих из них от неминуемой смерти.

После этого случая Дюнан поклялся, что всю последующую свою деятельность посвятит оказанию помощи больным и раненым воинам. Прежде всего он решил поведать миру об увиденном и вскоре опубликовал книгу «Воспоминание о Сольферино», которая потрясла всю Европу.

Кроме описания ужасов войны, кровавых сражений, очевидцем которых он был, Анри Дюнан изложил в этой книге свои соображения о практической помощи раненым, создании добровольческих отрядов из числа медиков и придании им статуса нейтральных лиц даже на поле боя.

На помощь Дюнану, полностью разделяя его мысли, пришли четверо его соотечественников: президент женевского благотворительного Общества поощрения общественного блага Гюстав Муанье, опытный генерал Гийом-Анри Дюфур и известные врачи Луи Аппиа и Теодор Монуар. Вместе они впервые основали Международный комитет помощи раненым.

В августе 1863 года Анри Дюнан встретился в Женеве с Великой княгиней Еленой Павловной. Он подарил ей, основательнице Крестовоздвиженской общины сестер милосердия военного времени, недавно изданную им книгу «Воспоминание о Сольферино» и поделился планами только что созданного Международного комитета и проведения Женевской конференции.

Великая княгиня приветствовала эту идею.

Долго длилась их беседа на берегу Женевского озера. Полные благородства и милосердия к людям, они понимали друг друга.

В Женеву на конференцию, которая состоялась в октябре 1863 года, Великая княгиня Елена Павловна направила в качестве наблюдателя своего представителя — заведующего личной библиотекой Е. Есакова.

Эксперты из 16 стран собрались в Женеве и после обсуждения животрепещущих вопросов приняли 10 резолюций, которые стали прообразом Устава Красного Креста, вобравшего в себя основные замыслы Анри Дюнана.

В августе 1864 года по инициативе Швейцарского правительства прошла Дипломатическая конференция, в работе которой приняли участие Баденское герцогство, Бельгия, Дания, Испания, Франция, Гессенское герцогство, Италия, Португалия, Альгарвское королевство,

Пруссия, Вартембергское королевство и одна неевропейская страна - Соединенные Штаты Америки.

Текст договора участники конференции приняли практически без возражений. Договор, состоящий из десяти разделов, получил название «Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и явился знаменательным событием в истории человечества.

В начале 1867 года в С.-Петербурге при содействии Великой княгини Елены Павловны организовалось Общество попечения о раненых и больных воинах, высочайшей покровительницей которого стала Ее Императорское Величество Государыня Императрица Мария Александровна.

Согласно Уставу Общества, утвержденному 3 мая 1867 года, с организацией Главного управления предусматривалось образование и местных управлений.

В том же году Указом Его Императорского Величества Александра II от 3 мая 1867 года Россия присоединилась к Женевской конвенции, а 29 сентября 1867 года Правительствующий Сенат, получив копию министерской декларации о присоединении России к Женевской конвенции, разослал русский перевод ее Наместнику Кавказскому, Наместнику в царстве Польском, министрам и главноуполномоченным, генерал-губернаторам, губернаторам, губернским, областным и войсковым управлениям к сведению и руководству.

Вслед за этим стали организовываться местные управления. В числе первых, кроме С.-Петербурга, городов, где организовались местные управления Общества попечения о раненых и больных воинах, стали Вятка и Владимир. Организацию создания Московского управления Общества попечения о раненых и больных воинах поддержал московский митрополит Филарет, ставший одним из его учредителей. В число учредителей местного Общества вошли 140 известных московских граждан, таких, как надворный советник И.С. Аксаков, графиня С.П. Бобринская, князь Л.Н. Гагарин, генерал-лейтенант П.П. Корнилов, княгиня М.А. Мещерская, почетный гражданин В.М. Бостанджогло, княгиня Н.Б. Трубецкая, почетный гражданин К.Т. Солдатенков, княгиня Н.Б. Шаховская, граф А.К. Сиверс и другие состоятельные и высокопоставленные лица.

16 сентября 1867 года на имя А.А. Зеленого, министра Государственного имущества, Василий Михайлович Бостанджогло направил письмо:

«Ваше Высокопревосходительство Александр Алексеевич!

По поручению Московского Городского головы, князя Александра Алексеевича Щербатова, честь имею при сем препроводить Вам подробный список лиц, подписавшихся в первоначальные учредители и члены Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы.

Деньги тысячу сто тридцать восемь рублей серебром означенными лицами внесены сполна.

С отличным почтением и преданностью честь имею Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга В. Бостанджогло, старшина Московского купеческого сословия».

Несмотря на то, что в Главное управление были переданы списки учредителей и значительная сумма денег, открытие местного управления Общества в Москве задерживалось. Вызвано это было тем, что циркулярное сообщение из Петербурга от Главного управления Общества миновало московского генерал-губернатора и губернского Предводителя Дворянства.

В последующих письмах А.А. Зеленый просил Предводителя московского дворянства Л.Н. Гагарина, графа А.К. Сиверса и тайного советника А.Г. Евреинова, используя свое влияние и личный авторитет в обществе, способствовать скорейшему открытию местного управления Общества.

18 ноября 1867 года министр Государственного имущества лично обратился к московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову с посланием, в котором просил не отказать в благом содействии к образованию в Москве местного отделения, присовокупив к своему письму 10 экземпляров Устава Общества.

После того, как к организации местного управления Общества присоединился сам генерал-губернатор, дело пошло быстрее: был уточнен и расширен список учредителей, намечены кандидатуры руководства управления, распределены их роли...

15 января 1868 года московский генерал-губернатор направил в С.-Петербург письмо, адресованное министру А.А. Зеленому:

«Милостивый Государь Александр Алексеевич!

Спешу Вас уведомить, что вчерашний день в большом зале Дворянского Собрания происходили выборы в члены Московского местного Общества попечения о раненых и больных воинах. Список избранных лиц я имею честь препроводить при сем. В непродолжительном времени избранные члены будут приглашены ко мне для избрания из

своей среды Председателя, товарища его, казначея и кандидата к нему. Начало сделано, и я надеюсь в будущем на несомненный успех.

Прошу Вас принять уверения в отличном моем к Вам почтении и преданности.

Князь Владимир Долгоруков».

Через 10 дней состоялись выборы должностных лиц, по результатам которых Председателем местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах единогласно был избран московский генерал-губернатор, князь В.А. Долгоруков.

Москва уже тогда славилась благотворительностью. Христианская любовь к ближнему и милосердие к страждущему, зародившиеся в сердцах добропорядочных людей, которых не оставляла равнодушными чужая боль, подвигли целую плеяду московских граждан на благотворительные акции и щедрые пожертвования. Среди них были: основательница Дамского попечительства о бедных С.С. Щербатова, основательница Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами Н.Б. Трубецкая, учредительница Мариинского женского училища О.Н. Талызина и многие другие.

В эти же годы широкую известность на ниве милосердия и благотворительности приобрело имя Александры Николаевны Стрекаловой, основательницы Общества поощрения трудолюбия и других московских благотворительных организаций.

Спустя месяц после создания Московского управления газета «Голос» от 21 марта 1868 года сообщала о том, что в московском Дамском комитете местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, которым руководила Н.Б. Трубецкая, заявлена была мысль об учреждении общины сестер милосердия. «Теперь эта мысль, — писала газета, — осуществилась, такая община открывается из инокинь и послушниц одного из московских женских монастырей. Двигательницей этого дела является известная на поприще благотворения Александра Николаевна Стрекалова...»

Известная на поприще благотворительности княгиня Н.Б. Шаховская вслед за основанной ею общиной сестер милосердия «Утоли моя печали» на собственные средства учредила в 1871 году, с согласия властей, новую — для призрения сирот и душевнобольных.

В 1876 году Российское общество попечения раненых и больных воинов было переименовано в Российское Общество Красного Креста (РОКК).

Трансвааль, Трансвааль...
страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Д. Байрон

2 От Балкан до Порт-Артура

Княгиня Шаховская на войне. Ветераны вновь в строю. На помощь иноземцам. Под абиссинским солнцем. Трансвааль в огне. На сопках Манчжурии. Оборона Порт-Артура. Эжени Жаклен — участница Цусимы. Герои Чемульпо.

Печальная статистика прошлых войн убедительно показывала, что в большинстве своем солдаты умирали не на поле битвы, а на госпитальных койках, пораженные массовыми эпидемиями. Историки подтверждают, что из почти 4,5 миллионов рекрутированных солдат французской армии в сражениях во время наполеоновских войн, с 1792 по 1815 годы, было убито около 150 тысяч человек, а два с лишним миллиона солдат и офицеров умерло в госпиталях.

По данным Мольтке, Жомини и других, из 115 тысяч солдат русской армии, перешедших границы Турции в войне 1828 - 1829 годов, возвратилось обратно не более 15 тысяч. В сражениях погибло только 20 тысяч солдат, а 80 тысяч воинов стали жертвами лихорадки, тифа и других болезней.

Во время Крымской войны 1853 - 1856 гг. в английской армии, насчитывавшей 98 тысяч человек, в сражениях полегло около 3 тысяч человек. В госпиталях же от эпидемических болезней скончалось более 16 тысяч человек.

Потери русской армии во время Восточной войны 1853 - 1855 гг. на всех фронтах составили 25 тысяч убитыми, умерло от ран 16 тысяч воинов, а от разных болезней — 89 тысяч.

В войне с Турцией (1877 - 1878 гг.) крайне неблагоприятный кли-

мат, порождавший лихорадку, тиф и другие эпидемические болезни, отсутствие приемлемых путей сообщения и непроходимая грязь в осенне-зимний период, стужа, а иногда и голод способствовали огромным людским потерям.

По мнению известного врача С.П. Боткина, в Балканской армии налицо было, помимо объективных причин, «истребление людей вследствие неряшества и злоупотреблений». По его данным, на Балканах умерло 49104 человека, из которых от полученных в бою ран погибли всего лишь 4673 человека; остальных унесли эпидемии. Аналогичная картина приводится и по Кавказской армии: из 37471 скончавшегося на войне от ран умерло всего 1839 человек.

Учитывая горький опыт предыдущих войн, и в первую очередь Крымской, российское правительство перед началом войны 1877 года поручило известным медицинским профессорам составить специальную инструкцию по военной гигиене. Над ее составлением работали Н.И. Пирогов, А.А. Остроумов, С.П. Боткин, Д.А. Корсаков, А.А. Бобров и др. Инструкцию распространили по всем частям войск для руководства. Однако в критические минуты роль «ангелов-хранителей» российских солдат брали на себя, как и раньше, заботливые руки сестер милосердия.

Замечательным подвижничеством отмечена судьба княгини Наталии Борисовны Шаховской. Особого внимания и восхищения заслуживает деятельность сестер общины, основанной ею в 1876 году во время сербско-турецкой войны. Первый отряд из тридцати шести сестер общины возглавила сама княгиня.

Только в сражении под Парчанами, работая на стороне сербов в полевых лазаретах, они принимали и обрабатывали до пятисот раненых в сутки. Княгиня не раз сама отправлялась на поле боя, разыскивая раненых.

В своем историческом очерке «Утоли моя печали», опубликованном в 10-м номере журнала «Наука и религия» за 1991 год, Ю. Бураков приводит интересный факт: «Не обошлось и без курьезов — однажды княгиня с сестрой Бушман, разыскивая раненых на поле боя под Джунисом, увлекшись, не заметили, как подошли вплотную к расположению турок... Но к счастью все обошлось благополучно. Шаховскую тогда наградили сербским орденом «Большой крест Такова», а Бушман — золотой медалью «За храбрость».

Позднее, на Балканах, в русско-турецкую войну, находясь в составе Дунайской армии, княгиня Н.Б. Шаховская самоотверженно трудилась вместе со ста восемнадцатью сестрами милосердия, прибыв-

шими из Москвы, во временных военных госпиталях, облегчая страдания тысячам раненым и больным воинам — своим соотечественникам и славянским братьям по оружию. В ту войну шесть сестер милосердия погибли на поле брани, о чем скорбели и медики, и солдаты...

В мае 1877 года оставшиеся в Москве сестры милосердия развернули на базе своей больницы временный госпиталь на 300 коек и в течение пяти месяцев приняли около 3700 раненых воинов.

В годы русско-турецкой войны отличились и ветераны сестринского движения, участники Крымской кампании.

С началом войны Великая княгиня Екатерина Михайловна, дочь Великой княгини Елены Павловны и продолжательница благотворительных дел своей добродетельной матери, обратилась к Е.М. Бакуниной с просьбой возглавить отряд сестер милосердия, отправляющийся на Кавказ. Из любви и сострадания к русским воинам, разделяя боль защитников Отечества, шестидесятилетняя Е.М. Бакунина, ветеран Крестовоздвиженской общины, за плечами которой была уже Крымская война, с радостью приступила к организации отряда.

На Кавказе Бакунина возглавила руководство всеми военными госпиталями от Тифлиса до Александрополя и одновременно как простая сиделка выхаживала не только раненых воинов, но и сестер милосердия, ставших жертвами разгулявшейся тогда эпидемии сыпного тифа.

По окончании войны Е.М. Бакуниной в знак ее выдающихся заслуг был преподнесен адрес. Текст его воспроизвел священник Сергий Махаев в книге «Подвижницы милосердия», вышедшей в 1914 году: «Мы затрудняемся, всеми нами уважаемая сестра, определить, какому из Ваших душевных качеств отдать предпочтение. Во всех отношениях Вы явили себя достойной имени святой русской веры. Ни жар лета, ни осенние ненастья, ни зимний холод, ни дальность расстояния того места, куда Вас звала нужда больных, — ничто и никогда не удерживало Вас от исполнения своего долга».

Вернувшись опять в родные места, Бакунина приступила, несмотря на свой уже преклонный возраст, к обычным занятиям. В августе 1894 года Екатерина Михайловна Бакунина скончалась в возрасте 80-ти лет и была погребена в родном имении, оплаканная облагодетельствованными ею крестьянами.

Елизавету Петровну Карцеву русско-турецкая война застала на посту настоятельницы Георгиевской общины. Верная долгу милосердия к воину, она в короткие сроки сформировала отряд из нескольких десятков сестер милосердия своей общины и совершила во главе его

опасный и изнурительный переход через Балканские горы к Александрополю, а потом — от Плевны до Сан-Стефано.

Великой труженицей предстала перед ранеными и больными воинами эта уже немолодая, хрупкая на вид женщина, протянувшая руку помощи тысячам нуждающимся в ее уходе.

Имя Елизаветы Петровны Карцевой стало священным для российского воина, милосердие ее носило легендарный характер. Скончалась Елизавета Петровна Карцева 24 октября 1898 года на посту бессменной настоятельницы Георгиевской общины.

Рядом с Елизаветой Карцевой в русско-турецкую войну трудилась и баронесса Юлия Петровна Вревская, вдова погибшего на Кавказе генерал-лейтенанта Ипполита Александровича Вревского.

На фронте она находилась в составе Свято-Троицкой общины сестер милосердия.

Великий русский прозаик И.С. Тургенев, хорошо знавший баронессу, писал Юлии Петровне из Парижа:

«Мое самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжелом странствовании. Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным».

К сожалению, добрые пожелания писателя не сбылись. В октябре 1877 года баронесса Вревская прибыла в Яссы для работы в военном госпитале, но вскоре ее направили в Болгарию, поближе к театру военных действий. На передовых позициях сестра милосердия перевязывала раненых, ассистировала хирургам при операциях, выхаживала больных. Однако через два месяца после приезда баронесса заболела сыпным тифом. Болезнь протекала тяжело. По словам очевидцев, почти все время Юлия Петровна была в беспамятстве и вскоре, так и не приходя в сознание, скончалась.

«Она получила тот мученический венец, к которому стремилась ее душа, жаждая жертвы. Ее смерть меня глубоко огорчает. Это было прекрасное, неописанно доброе существо», — писал И.С. Тургенев другу.

В сентябре 1878 года он вновь вспомнил о баронессе:

«Она была в беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее, больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались со своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка».

Раненые, за которыми совсем недавно ухаживала сестра милосердия, вырыли могилу и проводили ее в последний путь.

В болгарском городе Плевна сохранилась могила легендарной сестры милосердия, а в городском музее экспонируется портрет неизвестного художника, на котором изображена баронесса Ю.П. Вревская.

Глубокое уважение к памяти Юлии Петровны звучит в посвященном ей стихотворении Я. Полонского «Под Красным Крестом».

И вот я на родине! Те же невзгоды...
Но нет, не забыть мне сестрицы святой!
Рубашку ее сохраню я до гроба...
И пусть наших недругов тешится злоба...
Я верю, что зло отзовется добром:
Любовь мне сказалась под Красным Крестом!

В тыловых и общинных госпиталях самоотверженно трудились сотни сестер милосердия, выхаживая эвакуированных с поля боя больных и раненых воинов.

Во время сербско-турецкой и русско-турецкой войн 65 сестер Покровской общины работали во временном госпитале, устроенном на территории общины, в Лефортовском и других госпиталях Москвы, в санитарных поездах и полевых лазаретах Действующей армии.

Представляют исключительный интерес воспоминания одной из сестер милосердия, опубликованные в 7-м номере журнала «Русская старина» за 1887 год:

«Госпиталь, — пишет она, — это машина, где всякое колесо знает свое дело и идет как его поставили и пустили. Каждый служащий знает и исполняет свои обязанности: фельдшер обязан каждое утро перевязывать больных, дать им лекарство, доктор обязан каждый день навестить больных, старший врач контролирует ординара; старшего же врача контролирует всевозможное начальство, налетающее с таким громом и молнией, что кажется, все разнесет, — но в большинстве случаев все предвидится и все оказывается благополучным».

Однако, как отмечала она, несмотря на общие цели оба медицинских ведомства — военное и Красного Креста — вечно не ладили между собою, особенно если военный госпиталь и лазарет Красного Креста находились недалеко друг от друга.

В лазаретах Красного Креста раненые и больные воины находили больше комфорта и удобств, а главное — чуткое отношение к ним со стороны медицинского персонала.

Вспоминая свое пребывание в лазарете, сестра милосердия пи-

3 447

шет: «*...Я скоро привыкла и привязалась к своим больным; мне стали дороги более других эти беспомощные, наиболее нуждающиеся во мне люди. Я полюбила их: и вырванных от смерти, и борющихся с ней. Я была счастлива и невольно внутренне гордилась, когда доктор говорил: «Это только благодаря уходу и Вашим заботам».*

Меня иногда поражало то чувство наслаждения, гордости, которое доставляли пожалованные значки, благодарности и ордена некоторым из председательниц, личностям, выдающимся своею деятельностью и умом, женщинам далеко не пустым и, по-видимому, не тщеславным».

Кстати, как отмечала сама сестра милосердия, тщеславие было слишком безвредной вещью, чтобы его можно было ставить в укор некоторым из этих дам.

Гораздо большего укора заслуживали те из уполномоченных Красного Креста, которые, вопреки бескорыстным, светлым личностям, искренне сочувствовавшим великой идее милосердия к воину и отдавшим свои средства и силы на доброе дело, использовали свое положение в корыстных целях. Особенно этим отличались, как утверждали очевидцы, некоторые из помощников уполномоченных, привыкшие заискиванием и лестью пробивать себе дорогу. К счастью, таких было мало. Многие же люди личным примером подтверждали, что милосердие — это не только сострадание, которое порой растворяется в пустых словах, а в первую очередь — реальная помощь нуждающемуся в ней. И на фронте, и в тылу таких было достаточно.

Ярким примером тому является Александра Николаевна Стрекалова, по инициативе которой было устроено Александровское убежище для увечных, престарелых и неизлечимо больных воинов. В 1878 году она создала дом воспитания сирот, где находились дети воинов, погибших во время войны на Балканах.

Близ Остоженки, в Зачатьевском переулке, откуда хорошо был виден величественный Храм Христа-Спасителя, построили двухэтажный дом, в котором разместился приют для дочерей убитых и тяжело раненных офицеров.

К благотворительной деятельности был привлечен и известный пианист Н.Г. Рубинштейн. Он согласился совершить благотворительное турне с концертами в пользу Российского Общества Красного Креста. Вырученные деньги в сумме 9 тысяч рублей пошли на строительство нового детского приюта.

По окончании войны сестры милосердия вернулись в свои общины и приступили к уходу за больными. Так, например, сестры Покров-

ской общины взяли под свое покровительство Московский Троицкий дом и городские больницы.

В конце 1877 года, в разгар войны, Председатель Главного управления РОКК генерал-лейтенант А.К. Баумгартен представил военному министру отчет, который позволяет определить размеры деятельности вверенной ему общественной организации. Расширение военных действий потребовало в короткий срок развернуть местные и полевые лазареты на 16 тысяч коек и подготовить для эвакуации 10 санитарных поездов. В действительности, число мест в выдвижных лазаретах увеличилось до 2250. По дорогам войны курсировали 24 санитарных поезда, в том числе по российским железным дорогам — 18 и по дорогам Румынии — 6 поездов.

Незадолго до войны медицинское ведомство обратилось с Высочайшей просьбой обязать 300 вольнопрактикующих врачей гражданских учреждений отправиться в Действующую армию, на что Император Александр II дал следующую резолюцию: *«И без новых обязательных правил для врачей, те из них, которые могут посвятить свои труды на службу по военно-медицинскому ведомству, добровольно, по собственному патриотическому побуждению, предложат свои услуги».*

Надежды монарха оправдались, и вместо требуемых 300, свои услуги предложили 432 врача.

К 1 января 1878 года на Дунайском и Кавказском фронтах насчитывалось уже 3105 врачей.

В госпитали, расположенные в Болгарии, Румынии и Бессарабии, РОКК направило свыше 600 сестер милосердия. Открылись склады медицинских материалов в Кишиневе, Яссах, Бухаресте, Зимнице и других городах, которые постоянно пополнялись из центральных складов С.-Петербурга и Москвы. На театры войны направили специальный транспорт для перевозки больных по горным дорогам. Один из таких транспортов в 100 повозок предназначался для перевозки раненых и больных воинов от Плевны, Габрово и Бъелой к Систаву, а другой, тоже в 100 повозок, — от Зимницы во Фратиешти, а оттуда — железнодорожным транспортом. Открылись эвакуационные пункты в Яссах и Фратиешти. По дорогам войны до российской границы курсировали поезда Государыни Императрицы Марии Александровны, Великой княгини Александры Петровны, генерал-адъютанта князя Долгорукова...

Согласно отчету Главного управления РОКК, к 30 сентября 1877 года в кассу Общества от частных лиц поступило 3704647 рублей, авансовая сумма, выделенная Военным министерством на продовольст-

вие больным, составила 350000 руб.; Московская Городская Дума пожертвовала 200000 руб.; из этих сумм израсходовано было 3373843 рубля.

В кассы местных организаций РОКК ежемесячно от частных жертвователей поступало 150-200 тысяч рублей, но когда стало видно, что война затянулась, суммы пожертвований заметно сократились.

В мирное время преисполненное интернационального долга РОКК направляло, соблюдая принципы, заложенные в Женевской конвенции 1864 года, отряды сестер милосердия в помощь солдатам, получившим ранения во время франко-прусской, сербско-болгарской, китайско-японской войн. Тяжелые известия, приходившие в начале 1896 года с абиссино-итальянского театра войны, кровопролитные битвы, значительное число жертв и множество раненых не могли не побудить Главное управление РОКК придти к ним на помощь.

С соизволения Августейшей покровительницы РОКК Государыни Императрицы Марии Федоровны, решено было организовать и отправить санитарные отряды в Абиссинию и Эритрею под начальством главноуполномоченного, генерал-майора Н.К. Шведова, имевшего уже солидный опыт в деле оказания помощи раненым и больным воинам во время русско-турецкой и сербско-болгарской (1885 г.) войн. Крупный отряд, сформированный в С.-Петербурге в двухнедельный срок, 25 марта 1896 года отправился по железной дороге в Одессу, а оттуда морским путем до Александрии. В составе отряда, кроме главноуполномоченного генерал-майора Шведова и двух уполномоченных, находились: священник, казначей, секретарь, заведующий складом, семь врачей, провизор, 4 помощника врача, 6 фельдшеров, 12 сестер милосердия, 2 переводчика и 21 санитар.

По прибытии в Африку часть персонала осталась для работы в Эритрее, а другая со своим грузом последовала дальше в Абиссинию. Однако в последний момент, когда итальянское правительство отказалось от помощи Российского Красного Креста, маршрут движения отряда изменили, и он с любезного согласия французов направился в Абиссинию через Джибути. Отряд из 43 человек посадили в Порт-Саиде на специально зафрахтованный для этого пароход английской компании и 13 апреля высадили в Джибути.

В страшную жару, страдая от желудочных заболеваний и тропической экземы, горстка одержимых милосердием северян, непривычных к тропическому климату, медленно двигалась с караваном в направлении города Харар, а затем далее, в глубь страны. Медикаменты

и необходимое снаряжение вез караван, состоящий из 252 верблюдов и 19 ослов.

Путь через пустыню от Джибути до Харара длиной в 350 километров санитарный отряд прошел за 18 дней. Прибыв в Харар, русские врачи организовали амбулаторный прием больных и раненых. Наплыв желающих, в том числе и местного населения, был огромный.

В течение месяца врачи приняли около 1200 посетителей, выполнили 51 операцию и оказали помощь 28 раненым.

Оставив для оказания помощи раненым воинам небольшую группу врачей и сестер под командованием Раса Маконена, отряд двинулся в столицу Абиссинии Аддис-Абебу. Через Данкильскую пустыню, а затем и горный массив, в жару и под проливным дождем отряд прошел 640-километровый путь за пять суток. В Аддис-Абебе развернули склад, аптеку, госпиталь и амбулаторию. Для помощи медицинскому персоналу и для охраны было привлечено 200 местных жителей из племени галасов.

Молва о прибытии санитарного отряда распространилась по стране. Отовсюду прибывали нуждающиеся в помощи — не только раненые воины, но и местное население. Часто в очередях, которые выстраивались у входа в амбулаторию, возникали потасовки. За порядком следила местная охрана.

В абиссинской столице отряд проработал два месяца и за это время принял и оказал помощь 8919 больным и раненым, из которых последних было всего лишь 358, и выполнил 217 операций.

После окончания своей миссии отряд по дороге из Харара в Джибути повстречал идущий навстречу им полевой отряд итальянского Красного Креста. Встреча была исключительно теплой и радушной, совместный дружеский привал надолго остался в памяти у всех.

Об этом обо всем сообщалось в «Кратком отчете Русского Красного Креста в Абиссинии в 1896 году», изданном отдельной брошюрой. 500 экземпляров ее в мае 1897 года поступило в продажу на московские книжные прилавки.

Когда в одной из китайских провинций вспыхнуло народное боксерское восстание, в подавлении которого приняли участие и русские войска, туда вскоре был направлен санитарно-транспортный отряд. Среди сестер милосердия в отряде находилась графиня Е.Н. Игнатьева.

Начавшаяся в 1899 году англо-бурская война на южной оконечности африканского материка вновь всколыхнула российскую общественность.

Добровольческому санитарному отряду, сформированному, в основном, на средства россиян, по решению РОКК предстояло отправиться на фронт в далекий Трансвааль совместно с представителями голландского Красного Креста. Возглавил интернациональный отряд доктор Ван Леерсум из Амстердама.

Во время формирования отряда особое внимание, помимо высокого профессионализма и опыта работы, уделялось знанию претендентами немецкого языка и знакомству с голландским. Это обстоятельство обусловило наличие в российской части отряда большого количества русских немцев, среди которых были Ф. Вебер — оператор Петербургской больницы, К. Ренненкампф из Александровской больницы, Л. Борнгаупт из Риги, а также В. Кухаренко — врач московской больницы Св. Екатерины, Йозефина Ежевская — опытная сестра Крестовоздвиженской общины, за плечами которой была работа в санитарном отряде в русско-турецкую войну, сестры милосердия Амалия Якобсен и Гильда Мейер из Александровской немецкой общины, Гильда Мейснер из Евангелической больницы, С. Изъединова из Георгиевской общины и другие.

Торжественные проводы в С.-Петербурге в середине декабря 1899 года русско-голландского отряда превратились в настоящую демонстрацию. Огромная толпа, собравшаяся у пристани, бурно приветствовала добровольцев, пожелавших оказать помощь свободолюбивым бурам в их борьбе против могущественных англичан.

Два месяца пароход, на котором следовал русско-голландский отряд Красного Креста, преодолевал морские просторы, пока не прибыл в африканский порт Лауренсо-Маркиш. А через несколько дней он железной дорогой отбыл в Преторию.

В начале марта 1900 года отряд разделился на несколько групп, которые направились в глубь страны, где приступили к самостоятельной работе.

Наибольшую известность и уважение местных жителей получили доктора А. Садовский, В. Давыдов, О. Гольбек и А. Эбергардт, которые в равной степени гуманно относились и к больным из местных племен, и к представителям белой расы.

В короткий срок российским врачам удалось основать несколько больниц. Так, доктор Вебер по просьбе Йоханнесбургского Красного Креста открыл больницу в Элансфонтене, что позволило ему принять у себя часть больных, перевезенных из переполненного Кронстатского госпиталя, в котором работали доктор Ренненкампф и сестра милосердия Якобсен.

После окончания контракта русские врачи и сестры покинули страну, возвратившись в Россию. Работа российских отрядов Красного Креста на территории Трансвааля завершена была к середине 1900 года. Однако короткий период пребывания в стране добровольческого отряда из России не помешал бурам высоко оценить его деятельность. Одному из представителей руководства Трансвааля принадлежат такие лестные слова: «Если бы русское общество прислало к нам одного доктора Ренненкампфа, оно уже имело бы полное право на нашу признательность и могло вполне гордиться этим представителем...»

Разразившаяся внезапно русско-японская война также поставила перед российским обществом ряд сложных проблем.

28 января 1904 года Николай II, приветствовавший выпускников технического морского училища, так обратился к молодым гардемаринам:

— Вам известно, господа, что третьего дня нам объявлена война. Дерзкий враг в темную ночь осмелился напасть на нашу твердыню — наш флот, без всякого вызова с нашей стороны. В настоящее время Отечество нуждается в своих военных силах — как флота, так и армии. Я сам приехал сюда к вам нарочно, чтобы видеть вас и сказать вам, что я произвожу вас сегодня в мичманы. Я уверен, что вы приложите всю свою ревность и усердие для пополнения ваших знаний и будете служить, как служили ваши прадеды, деды и отцы в лице адмиралов П.В. Чичагова, М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, В.А. Корнилова и В.И. Истомина на пользу и славу нашего дорогого Отечества.

В этот же день с Николаевского вокзала российской столицы при большом стечении горожан отбыл с торжественными проводами на Дальний Восток первый отряд сестер милосердия.

«Тяжела и трудна будет их служба, — напутствовала в дальнюю дорогу сестер столичная пресса, — но велика будет и их слава».

Много работы выпало на долю российского Красного Креста, особенно трудным было снабжение полевых госпиталей перевязочным материалом и медицинским оборудованием. Первый груз принял на себя корабль «Монголия», принадлежавший обществу Восточно-китайской железной дороги и переоборудованный в плавучий госпиталь. По прибытии в Порт-Артур он приступил к службе под флагом Красного Креста. Среди других госпитальных кораблей он был наиболее оснащенный и комфортабельный, способный принять на свой борт двадцать восемь офицеров и более трехсот нижних чинов.

Через всю страну к дальневосточным берегам потянулись один за другим железнодорожные составы, груженные военной техникой, боеприпасами, провиантом... Эшелонами перебрасывали и войска.

В составе Георгиевской общины в Харбин выехал известный врач Евгений Сергеевич Боткин. В одном из первых писем к супруге, датированном 18 февраля 1904 года, он писал: *«Мы едем весело и удобно. Все едут за одним делом; все военные совершенно спокойны; нет никакого разговора о возможных опасностях. Все даже веселы и большинство рвется на войну».*

По сравнению с прошлыми войнами, в Японскую кампанию РОКК развернуло свои силы широко и оперативно. Оно не только стало деятельным помощником военно-санитарному ведомству, но и само по себе представляло сильную самостоятельную организацию. В относительно короткий срок, несмотря на отдаленность театра военных действий от центральных районов России, РОКК развернуло сеть полевых лазаретов и госпиталей на 35 тысяч коек.

Обозы Красного Креста Евгеньевской, Благовещенской, Иверской, Георгиевской, Кубанской и других общин растекались по просторам Манчжурии, поближе к сосредоточению российских войск.

1 марта 1904 года Е.С. Боткин отправил домой очередное короткое письмо: *«Итак, с неимоверной быстротой мы долетели вчера до Харбина. Осталось самое светлое воспоминание обо всем путешествии и обо всех спутниках. В Харбин мы приехали как к себе домой...»*

Председательница местного комитета Красного Креста К.А. Хорват радушно встретила известного врача с отрядом сестер милосердия, которые разместились в доме управления главноуполномоченного РОКК в Харбине.

По приезде в Харбин Е.С. Боткин занялся открытием 1-го Георгиевского госпиталя в Ляояне. В конце апреля он уже в Действующей армии, в летучем отряде. Недалеко от него на противоположном берегу небольшой речушки расположился дивизионный лазарет. *«Будем работать с ним рука об руку,* — сообщал он домой. — *И он, и мы вышлем в бой еще по небольшому отряду, а здесь, где мы сейчас стоим, будем перевязывать доставляемых раненых. Я выехал из Ляояна в 11 часов вечера, когда получил известие о наших тяжких потерях под Тюренченом...*

Они шли, эти несчастные, но ни стонов, ни жалоб, ни ужасов не принесли с собой. Шли они в значительной мере пешком, даже раненые в ноги (чтобы только не ехать в двуколке по этим ужасным дорогам), терпеливые русские люди, готовые сейчас опять идти в бой,

чтобы отомстить за себя и товарищей... По счастью, японская пуля пока удивительно мила: мышцы пробивает, кости редко разрушает, пронизывает человека насквозь — и то не причиняет смерти».

В день освящения 1-го Георгиевского госпиталя в Ляояне его посетил командующий армией генерал-адъютант Куропаткин. А уже через несколько недель из-за неудач и отступления российских войск была ликвидирована целая цепь краснокрестных этапных лазаретов. В этих сложнейших условиях выше всяких похвал были сестры милосердия, многие из которых за свой самоотверженный труд удостаивались наград. В бою под Ляояном отличилась сестра милосердия Благовещенской общины О. Савватьева. Переползая под шквальным огнем противника от одного раненого к другому, она перевязывала их, а затем помогала уйти из-под обстрела. Ничто — ни разрывы снарядов, ни пулеметные очереди — не могло остановить эту бесстрашную женщину, если раненый воин нуждался в ее помощи.

С 16 июня 1905 года двадцатисемилетняя сестра работала в передовом Тулусском отряде, прикомандированном к дивизии генерал-майора Сидорина. За героический труд она была удостоена серебряных медалей на Георгиевской и Аннинской лентах и золотой медали на Станиславской ленте. Почетные боевые награды — Георгиевские медали «За храбрость» — получили и многие другие сестры милосердия, почти 150 человек.

Некоторые имели пять и более наград. Например, шести медалей удостоилась сестра милосердия лазарета Кубанской общины М. Вяземцева. С 9 ноября 1904 года по 25 февраля 1905 года она, находясь в составе летучего отряда под Харбином, оказывала необходимую помощь раненым на передовых позициях. Сестры милосердия Иверской общины Вера и Софья Лобко, за плечами которых были три войны, уже в немолодом возрасте приняли участие и в русско-японской войне. С 19 февраля 1904 года по 16 апреля 1906 года они самоотверженно работали на Дальнем Востоке и заслужили семь медалей каждая, в том числе и на Георгиевской ленте.

На театре военных действий в русско-японскую войну находилось 50 женщин-врачей, многие из которых также были удостоены наград. Золотую и серебряную Георгиевские медали получила А. Ткачева. Среди мужественных женщин - кавалеров Георгиевских медалей в русско-японскую войну значатся А. Лутовинова, Е. Радецкая, С. Тучкова, А. Хвастунова, М. Софронова, Е. Осетрова, П. Давыдова, С. Андронова, Е. Черкасова, Е. Карпенко, Е. Васильева, Е. Петрова, А. Борисова и многие, многие другие.

В одном из августовских (1904 год) писем домой Е.С. Боткин не без гордости сообщал жене: *«Всем врачам приходится работать под огнем, и, к чести сказать, они все без исключения, как военные, так и наши, краснокрестные, повсюду ведут себя просто доблестно... Каждый из наших летучих отрядов заработал самое лестное имя и сердечную благодарность».*

Под Мукденом Боткина застала весть о трагедии, разыгравшейся в Цусимском заливе. Уже после окончания войны, незадолго до отъезда, Боткин в беседе с санитаром Бараевым спросил последнего, доволен ли он известием о мире?

— Все-таки для России позорец небольшой есть, — ответил ему санитар.

Известный врач не мог не согласиться с этим. Тяжелые дни отступления под Тюренченом, Вафангоу и Мукденом надолго остались в его памяти.

К началу войны 1904-1905 гг. Япония превосходила Россию по численности сухопутных сил и флота, внезапное нападение на Порт-Артур, длительная его осада принесли потери обеим сторонам в живой силе — около двухсот семидесяти тысяч человек.

К дальневосточным берегам для оказания помощи бедствующим и раненым морякам направились госпитальные суда «Царица», «Гера», «Экватор», «Орел» и другие.

На «Орле» сестрой милосердия служила молодая француженка Эжени Жаклен. Уроженка Лиона, Э. Жаклен с дипломом преподавательницы французского языка приехала в Россию незадолго до войны. Когда началась русско-японская война, она добровольно поступила на курсы сестер милосердия, по окончании которых ее направили в Действующую армию — сначала в Кронштадт, а потом — на госпитальное судно «Орел», которое с опознавательными знаками Красного Креста двинулось через Индийский океан к японским берегам.

Поход закончился в Цусимском проливе, где команда «Орла» стала свидетелем жесточайшего морского сражения. Капитан «Орла» хотел прийти на помощь тонущему броненосцу «Ослябя», но японцы взяли судно в плен и препроводили его под конвоем в порт Сасебо.

Судьба свела молодую француженку с русским врачом Е.Е. Арндтом. По возвращении из Цусимы в Россию она приняла русское подданство и вышла замуж за врача, с которым долгое время работала в разных городах России. Через много лет, в 1941 году, семья Арндт была депортирована в Казахстан.

Наиболее драматические события русско-японской войны развер-

нулись в Порт-Артуре. В ночь на 27 января 1904 года японские миноносцы внезапно атаковали стоявшую на внешнем рейде русскую эскадру. Когда ставка на молниеносный удар провалилась, японские войска перешли к осаде военно-морской крепости.

Сестра милосердия Георгиевской общины О.А. Баумгартен в опубликованном дневнике под названием «В осажденном Порт-Артуре» писала:

«Дай Бог в будущем никому не видеть и не пережить всего того, что мы здесь видели и переживаем. Было так тяжело, что временами казалось, что приходит конец света: так все близко подходит к тем представлениям, которые мы себе составили о конце земного шара, что нет сил отогнать от себя ощущения, чувства и мысли о близкой нашей гибели.»

Высадившийся 22 апреля 1904 года севернее Порт-Артура японский десант нанес поражение русским войскам у Цзиньчжоу и Вафангоу. После неудачной попытки захватить крепость боем японское командование перешло к осаде Порт-Артура.

Следующая запись из дневника О.А. Баумгартен гласила:

«Оставшиеся в живых завидовали умершим, так как были убеждены, что всем неминуемо придется погибнуть, но только после ужасных мучений — голода, холода и мучительных болезней... На следующее утро за кофе сестры Мезенцова, Мартынова и я переглянулись и вдруг как-то неожиданно горько-горько заплакали. Мы плакали не о себе, а о несчастных страдальцах, защитниках Артура. Мы чувствовали свое бессилие, свое ничтожество в борьбе со смертью».

Оборона Порт-Артура продолжалась до ноября 1904 года, и лишь после внезапной гибели ее вдохновителя генерала Р.И. Кондратенко комендант крепости генерал-лейтенант А.М. Стессель сдал город японцам.

Несмотря на многомесячную осаду, в Порт-Артуре активно действовал отдел Красного Креста, основанный О.И. Субботич, супругой бывшего приамурского генерал-губернатора.

Один за другим на Дальний Восток отправлялись санитарные отряды. Один из них был сформирован петербургским женским комитетом Красного Креста, его возглавляла княгиня М.А. Мещерская. Другой, так называемый летучий лазарет, был организован на средства шталмейстера П.В. Родзянко. Киевский отряд был сформирован при Мариинской общине сестер милосердия во главе с попечительницей Е.Н. Сухомлиной. Прибыл на Дальний Восток и госпитальный отряд Красного Креста города Вильны. По сравнению с прошлыми войнами, в русско-японскую войну учреждения Красного Креста разверну-

ли активную деятельность и явились не только надежными помощниками военно-санитарному ведомству, но и сами представляли объединенные под флагом Красного Креста самостоятельные санитарные организации.

В госпитальных учреждениях Красного Креста для приема раненых и больных воинов было оборудовано свыше тридцати тысяч коек, а общая сумма расходов по содержанию двухсот сорока тысяч солдат и офицеров, нуждавшихся в стационарном лечении, составила более пятидесяти миллионов рублей, что в три раза превышало аналогичные расходы в русско-турецкую войну 1877-78 гг.

Ветеран сестринского движения Евдокия Алексеевна Воронова в первые же месяцы русско-японской войны организовала санитарный летучий отряд, но долго не могла получить официального разрешения на выезд. И только добившись аудиенции у главнокомандующего генерала А.Н. Куропаткина, Е.А. Воронова получила, наконец, разрешение на выезд.

— Желаю вам успеха, сестра, поезжайте на ваше святое дело, с Богом! — напутствовал ее седой генерал.

В «Дневнике корреспондента» В.И. Немировича-Данченко приводятся очень интересные сведения о Е.А. Вороновой:

«Она еще в Китайскую войну оказывала чудеса храбрости и самоотверженности, работая под огнем, за что и была удостоена медали на Георгиевской ленте. И в русско-японскую ей захотелось работать не в тылу, а на театре военных действий, на боевых позициях. Сразу после разрешения она прибыла на фронт, где собственноручно, создав перевязочный пункт, перевязывает раненых, кормит раненых, верхом на лошади объезжает район боевых действий, снабжает летучий отряд марлей, эфиром, бинтами, спиртом и т.п.».

Крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» война застала в порту Чемульпо. 27 января 1904 года японский адмирал уведомил российских командиров о начале военных действий. Ультиматум требовал от русских кораблей выйти в открытое море и сдаться. Командир крейсера «Варяг» капитан I ранга В.Ф. Руднев совместно с командиром «Корейца» приняли решение выйти за пределы рейда и принять неравный бой против шести крейсеров и восьми миноносцев противника.

После ожесточенного часового боя крейсер «Варяг» потерял почти всю артиллерию, получил опасную, ниже ватерлинии, пробоину и лишился вместе с «Корейцем» более двухсот матросов. В этом же бою русские моряки потопили крейсер «Такачихо» и миноносец, а крейсеру

«Асама» нанесли серьезные повреждения носовой башни, снесли капитанский мостик и частично разрушили палубу.

После часовой перестрелки русские суда вернулись на рейд. Командиры кораблей, убедившись, что суда невозможно подготовить к очередному бою, отправили раненых моряков на иностранные корабли. Затем было принято решение потопить оба судна. Раненых русских моряков взял на борт французский крейсер «Паскаль».

19 марта 1904 года Одесса торжественно встречала героев Чемульпо. На пристани и на лестнице Николаевского бульвара, украшенных знаменами, был выставлен почетный караул военных моряков. Многочисленный отряд моряков «Варяга» и «Корейца» прибыл в Одессу на пароходе «Малайя». 16 апреля 1904 года героев Чемульпо приветствовали в Петербурге.

От Николаевского вокзала команда моряков торжественным маршем прошла по Невскому проспекту, на всем протяжении которого горожане устроили героям бурную овацию. В тот же день в Зимнем дворце морякам был дан обед. После обеда Николай II обошел фронт выстроившихся команд крейсера «Варяг» и лодки «Кореец» и поблагодарил за верность Отчизне. В память об этой встрече каждому моряку был вручен комплект столовых приборов.

Однако основные события были еще впереди. В феврале 1905 года русская армия потерпела тяжелое поражение под Мукденом в Манчжурии, а в морском бою 14-15 мая основные силы русской эскадры были разгромлены в Цусимском проливе превосходящими силами японских кораблей.

Война с Японией закончилась подписанием 5 сентября 1905 года Портсмутского мирного договора. Не пройдет и десяти лет, как Россия снова будет втянута уже в одну из самых кровопролитных войн, беспрецендентной по своему масштабу, продолжительности и трагическому исходу.

Когда колокола торжественно звучат
Иль ухо чуткое услышит звон их дальний,
Невольно думою печальною объят.

Аполлон Григорьев

3 В преддверии войны

Успех премьеры библейской драмы «Царь Иудейский». Веселящаяся Москва. Завещание меценатов Бороздина и Шелапутина. Открытие психологического и инженерного институтов. Гастроли балерины Анны Павловой. Спортивные новости и успехи авиаторов. Выстрел в Сараево. Государь перед народом. Объявление войны.

Переполненный зал Императорского Эрмитажа в Петербурге с трепетным восторгом наблюдал за событиями, развивающимися на сцене, бурно реагировал на великолепную игру актеров, богатые декорации и чарующие звуки музыкального сопровождения.

11 января 1914 года давали премьеру библейской драмы «Царь Иудейский», написанной Великим князем Константином Константиновичем. В составе актерской труппы выступали: сам Августейший актер, исполнявший одну из центральных ролей — Иосифа Аримафейского, сыновья Великого князя — Константин Константинович и Игорь Константинович, артисты петербургских театров и офицеры Измайловского полка. Великолепная постановка режиссера Н.Н. Арбатова, а также музыка к спектаклю, написанная гениальным А.К. Глазуновым, выдвинули спектакль в ряд лучших в сезоне.

Пресса восторженно подчеркивала достоинства поэтического изложения библейской драмы, освещавшей события Страстной недели — от вступления Иисуса Христа в Иерусалим до его распятия и вос-

кресения, роскошные декорации, игру и музыкальные номера, сопровождавшие драматическое развитие событий.

Несколькими днями раньше в Москве торжественно открылся Союз деятелей искусства под названием «Алатр», в честь мистического камня, который, согласно старинному русскому сказанию, закрывает собой вход в мир мечты и сказки. Приподнявшему его дано увидеть неведомый мир и стать творцом искусства.

Программа праздника завершилась концертом, в котором приняли участие блистательные певцы Собинов, Бочаров, Плевицкая и другие.

Как бы подхватывая эстафету новогоднего веселья, четырнадцатого января в залах Купеческого клуба состоялся театральный раут, устроенный в пользу Общества помощи деятелям сцены.

«Денежная Москва», в благодарность за выступления кумиров публики М.Н. Ермоловой, А.А. Яблочкиной, О.Л. Книппер, А.И. Южина, В.И. Качалова и других известнейших артистов, не жалела средств.

Для помощи актерам провинциальных театров по окончании театрального сезона в Москве была организована биржа актерского труда, крайне необходимая: ведь из сорока двух провинциальных театров благополучными в материальном отношении оказались только тридцать три. Среди нуждающихся были труппы Одесского русского драматического театра, Рязанского, Иркутского, Черниговского и Екатеринославского. Биржа привлекла большое количество периферийных актеров, неуверенных в завтрашнем дне. Им так необходимо было заручиться поддержкой известного антрепренера, попасть в лучшую антрепризу, заполучить интересную роль, наладить связи...

Конец января 1914 года омрачился в Москве крупнейшими авариями водопроводной сети. 25 января сперва у Краснохолмского моста, а затем у Калужской заставы произошел разрыв труб, сопровождавшийся грохотом и выбросом колоссального потока воды, который подмыл набережную и затопил дом полковника Комарова. К счастью, обошлось без жертв, хотя пострадало имущество многих жильцов.

В эти же дни возобновленная постановка «Макбета» на сцене Малого театра вызвала в прессе оживленную дискуссию. Большинство газет, с похвалой отзываясь о самом спектакле, не приняло исполнительской манеры актеров; в особенности досталось актрисе Н.А. Смирновой, игравшей леди Макбет.

В Петербурге состоялось освящение нового здания Сената. Внут-

ренняя его отделка поражала роскошью. Здесь разместились уголовный и гражданский департаменты Сената.

А в это время за десятки тысяч верст от столицы, в Енисейской губернии, разыгрался голод, а вместе с ним неизменные его спутники — цинга и другие болезни.

Шестидесятилетний переселенец Бик Ярмухаметов, доведенный до отчаяния голодом, продал свою пятнадцатилетнюю дочь Хаттеру за двадцать рублей. Несмотря на разразившийся голод и мольбы переселенцев о помощи, местные власти и переселенческие комитеты хранили невозмутимое молчание. Помощь пришла, когда сведения о голоде и болезнях достигли администрации губернии. В охваченный голодом район прибыли губернатор И.И. Крафт, врачебный инспектор и заведующий переселенческим управлением. По их распоряжению в район бедствия была срочно направлена медицинская и продовольственная помощь.

Газетные полосы запестрели сообщениями о том, какие меры принимаются российской общественностью для помощи пострадавшим.

В марте появилось известие о новом пожертвовании на благотворительные и просветительные цели, оставшемся после смерти крупного чиновника, известного мецената М.А. Бороздина. Выйдя в отставку, он начал играть на бирже и сразу выиграл огромную сумму. «Счастье, улыбнувшееся ему в начале игры, — сообщал художественно-литературный журнал «Искры», — не оставляло его никогда». Вскоре М.А. Бороздин стал обладателем огромного состояния и ценнейшей коллекции картин. По воле жертвователя, коллекция картин была завещана Румянцевскому музею, а все денежное состояние направлялось на организацию женских курсов, строительство хирургической, терапевтической и нервной клиник, в которых лечение и содержание больных предполагалось сделать бесплатным.

23 мая 1914 года пришло известие из Фрейбурга о кончине П.Г. Шелапутина, посвятившего всю свою жизнь общественной деятельности в области просвещения. В это дело он вкладывал всю душу и большую часть своих громадных доходов. И только после его смерти стало известно, что пожертвования П.Г. Шелапутина составили свыше пяти миллионов рублей. На эти средства в Москве построены школа и приют для увечных сирот, дом дешевых квартир, шесть учебных заведений, в том числе ремесленное училище на Миусской площади, гинекологический и педагогический институты.

Похороны крупного мецената и просветителя состоялись на Рогожском кладбище в Москве при стечении огромного количества народа. В похоронной процессии приняли участие профессора, гимназисты и реалисты училища, которое носило имя покойного.

С именами М.А. Бороздина и П.Г. Шелапутина связана примечательнейшая страница российской благотворительности. Их гуманистическая деятельность создавала ту благодатную почву, на которой появлялись все новые и новые всходы. Щедрые жесты их благотворительности поддерживали другие сословия, которые продолжали своеобразную эстафету доброты и помощи малоимущим.

Все это вместе рождало уверенность в экономическом восхождении России, укрепляло в ее гражданах любовь к Отчизне.

В Пенатах в гостях у маститого художника И.Е. Репина провел несколько дней, позируя ему, Федор Шаляпин. В перерывах между сеансами великий певец отдыхал на лоне природы, то катаясь на коньках и санях, то с удовольствием убирая снег с тропинок знаменитой усадьбы. Через месяц полотно будет готово и войдет в число известнейших работ художника.

А в Петербурге с огромным успехом прошла посмертная выставка картин В.А. Серова.

Стабильное экономическое положение России, меценатство, все более ощутимое в городах, способствовало расцвету театрального и изобразительного искусства, появились новые молодые таланты, которые обретали популярность на многочисленных выставках.

Крупные шаги Россия делала и в дальнейшем развитии науки как неотъемлемой фундаментальной базы развития общества. Торжество науки знаменовалось открытием новых учебных заведений и преобразованием училищ в институты.

Московское инженерное училище стало институтом.

2 февраля 1914 года по этому поводу состоялся молебен. На первом публичном заседании института министр путей сообщения С.В. Рухлов, которому инженерное училище было обязано своим преобразованием, выступил с речью, приветствуя преподавателей и студентов с началом их занятий на пользу Отечества. С подробным докладом выступил директор института И.Д. Тяпкин, который в заключение заявил, что с преобразованием училища в институт питомцы его уравниваются в правах с петербургскими студентами-путейцами.

4 447

В не менее торжественной обстановке в Москве был открыт первый в России психологический институт имени Л.Г. Щукиной.

В празднике принимали участие делегации различных учебных заведений, научных обществ и культурно-просветительских организаций. После молебна и вступительной речи ректор университета М.К. Любовский зачитал приветствие совета московского университета жертвователю, оказавшему огромную услугу российской науке и просвещению. Собравшиеся почтили молчанием память Л.Г. Щукиной, имя которой присвоено институту, и приват-доцента А.С. Белкина, передавшего в дар институту ценную библиотеку. Затем с трибуны торжественного собрания к присутствующим обратился профессор Г.И. Челпанов, директор, основатель и главный устроитель института:

— Будем верить, что скоро настанет время, когда русские с гордостью будут говорить о русской психологии, как принято говорить о психологии немецкой, английской и американской. Когда все это осуществится, пусть наши преемники не забудут тогда, что сделал для этого И.С. Щукин, подаривший московскому университету психологический институт и давший ему имя своей покойной супруги.

В заключение были зачитаны приветствия и более ста пятидесяти телеграмм, многие из которых были получены из-за границы.

В общем стремлении к просветительству ширилось движение за эмансипацию женщин, все более претендовавших на активную роль в научной и общественной жизни России. Примечательным в этом плане событием, освещенным в газетах, стала лекция, прочитанная 22 мая 1914 года на кафедре патологии и терапии новороссийского университета доктором медицинских наук М.Б. Станишевской на тему:«О современных способах предохранения и лечения брюшного тифа», после которой факультет единогласно избрал М.Б. Станишевскую приват-доцентом университета и направил соответствующее ходатайство министру народного просвещения для утверждения.

Как исключительное явление в области театральной жизни в Москве, а затем и в Петербурге восприняли выступление великой русской балерины Анны Павловой. После долгого перерыва ценители красоты и изящества снова получили возможность увидеть блистательные выступления балерины, покорившей весь мир. К тому времени Великобритания уже стала для Анны Павловой второй родиной,

она жила в Лондоне, где, как следует из воспоминаний Дандре, с лета 1910 года в течение пяти лет она имела сезоны в лондонском театре «Палас».

Перед приездом в Россию неутомимая балерина с огромным успехом выступала в США, Канаде, Германии и Австрии. Очарованная ее талантом российская публика одаривала великую танцовщицу нескончаемыми аплодисментами и засыпала ее цветами, не подозревая, что находится в преддверии окончательной разлуки с ней.

Стараясь не отставать от Европы, Россия начала стремительно осваивать воздушное пространство, а российские летчики — искусство пилотирования.

По инициативе Великого князя Александра Михайловича в 1910 году правительство России утвердило «Положение о первой русской военно-авиационной школе», а вскоре поочередно стали открываться Куликовская авиационная школа под Севастополем, Гатчинская авиашкола, а затем знаменитое Качинское авиационное училище, давшее России множество летчиков-истребителей.

В январе 1914 года по представлению Великого князя Александра Михайловича Николай II передал военную авиацию в ведение военного министерства. Государственная Дума, утвердив это решение, узаконила существование нового — воздушного — флота России.

Осенью 1914 года военный летчик П.Н. Нестеров, потрясший мир своей знаменитой «мертвой петлей», совершил дальний по тому времени перелет из Киева в Гатчину, покрыв тысячу двести верст за восемь часов и превзойдя все российские рекорды по продолжительности, дальности и скорости полета.

Еще учась в гатчинском авиационном отряде, П.Н. Нестеров в 1912 году теоретически доказал возможность выполнения «мертвой петли». В школьном «Альманахе» по этому поводу была опубликована шарада «Кто он?»:

Ненавидящий банальность
Полупризнанный герой,
Бьет он на оригинальность
Своею «мертвую петлей».

Узнав себя в шараде, молодой выпускник Гатчинской школы после тщательных теоретических проверок и опытных полетов 27 августа 1913 г. на Сырецком военном аэродроме близ Киева выполнил «мерт-

вую петлю», устыдив иронизировавших над ним бывших однокурсников.

«Мертвая петля» П. Нестерова была зафиксирована в протоколе киевского общества воздухоплавания.

«Русским дьяволом» назвали французские газеты авиатора А.М. Габер-Влынского. Он по нескольку раз на дню выполнял «мертвую петлю», еще когда учился в знаменитой французской авиационной школе. По приезде в Москву А.М. Габер-Влынский ошеломил двухсоттысячную публику каскадом из двенадцати «мертвых петель». Зрители устроили авиатору шумную овацию и на руках унесли его с летного поля.

К сожалению, воздушные полеты не обходились без жертв.

Во время учебных полетов в апреле 1914 года погиб военный летчик подпоручик Д.М. Ветчинкин — участник русско-японской войны, Георгиевский кавалер.

21 апреля 1914 года на открывшемся незадолго до этого аэродроме в Бронницах поручик М.И. Лященко и его пассажир, секретарь Бронницкого уездного присутствия К.П. Савицкий, поднявшись в воздух на «Ньюпоре», рухнули на землю и оказались под обломками самолета. За год до гибели М.И. Лященко окончил авиационную школу под Севастополем.

Очередными жертвами опаснейшей профессии военных пилотов стали унтер-офицер Дм. Семишкуров, погибший на «Фармане» во время учебного полета под Севастополем, и поручик К. Кузьминский, выпускник Севастопольской авиационной школы, рухнувший с самолетом со стопятидесятиметровой высоты.

Несмотря на очевидную опасность, к летной профессии потянулись и женщины. Первой из них, поразившей мир редкостной смелостью, оказалась С.Г. Попова. Вместе с пилотом, уже известным к тому времени авиатором А.А. Васильевым, она отважилась совершить «мертвую петлю».

Французский пилот Пегу повторил успех русских летчиков, проделав в Германии вместе с Ганной Вершаген «мертвую петлю» и вызвав среди немцев подлинную сенсацию.

Справедливости ради надо отметить, что покорение воздушного пространства России чаще шло по пути преодоления все более сложных трюков. Об этом позже вполне справедливо выскажется попавший в плен майор немецкого генерального штаба фон Бозе:

— В то время, как незадолго до войны дело полетов по воздуху на крылатых машинах во Франции и России хотя и быстро росло, но склонялось к вырождению не то в новый вид спорта, не то в какую-то воздушную забаву-акробатику, мы, немцы, потихоньку, без шумных эффектов, но упорно работали над применением самолетов в военных целях. Как на все, так и на это новое дело мы посмотрели трезво и чисто практически.

В феврале 1914 года в небо России был поднят воздушный гигант «Илья Муромец», сконструированный талантливейшим инженером-авиатором Игорем Сикорским. И.И. Сикорский установил мировой рекорд: полет с шестнадцатью пассажирами при общем тоннаже поднятого в небо груза в тысячу триста килограммов. Поднявшись на высоту пятьсот метров, гигантская по тем временам машина парила в воздухе в окрестностях Петербурга, изумляя жителей столицы и ее предместий.

Уже после Октябрьского переворота, не приемля большевистского кровавого режима, И.И. Сикорский переехал в США и отдал весь свой конструкторский талант служению американскому народу. Здесь, в эмиграции, болея душой за Россию, И.И. Сикорский стал одним из учредителей Толстовского фонда. Все свои сбережения отдал он в помощь русским эмигрантам.

В развитии спорта Россия также не отставала от своих постоянных соперниц — Франции, Англии и Германии. Конечно, в те времена международные контакты между спортивными обществами были еще очень слабы, организационно не оформлены, но несмотря на это приезд международных мастеров спорта и спортивных команд в Россию, их соревнования с российскими спортсменами становились весьма желанными для обеих сторон. Особой популярностью пользовались шахматные матчи и турниры с участием зарубежных мастеров. 22 января 1914 года в московском шахматном клубе происходила встреча за шахматной доской О.С. Бернштейна и непобедимого Хосе Рауля Капабланки.

После четырехчасовой борьбы проигравший и присутствующая публика устроили овацию кубинскому шахматисту.

После Х.Р. Капабланки в московский шахматный клуб был приглашен знаменитый шахматист Эмануил Ласкер, который дал сеанс одновременной игры на тридцати шести досках. Экс-чемпион мира выиграл двадцать две партии, четыре проиграл и десять свел вничью.

Встреча Э. Ласкера с О.С. Бернштейном закончилась вновь поражением московского гроссмейстера.

В мае в Петербурге завершился международный шахматный турнир, привлекший лучших шахматных мастеров планеты. Победителем и обладателем приза в тысячу двести рублей стал Эмануил Ласкер, выигравший тринадцать партий, на втором месте оказался Хосе Рауль Капабланка с призом в восемьсот рублей, а третье место и приз в пятьсот рублей достался молодому шахматисту Александру Алехину. За чертой призеров оказались такие видные шахматисты, как Э. Тарраш, Ф. Маршалл, Н. Нимцович и другие. Несмотря на победу Э. Ласкера, закончившийся в Москве турнир показал, что на шахматном небосклоне взошла яркая звезда А. Алехина, будущего чемпиона мира, феноменальные способности которого вскоре поразили поклонников этой мудрой и древней игры.

Становились традиционными зимние виды спорта, среди которых большое внимание в том году привлек лыжный пробег Сергиев Посад — Москва. Для участия в пробеге в Москву прибыли лыжники из Вологды, Владимира, Твери. В числе участников, успешно завершивших трудную дистанцию, были и женщины — госпожи Генц, Сойникова, Карфейтаг и Четверикова.

Вслед за этим пробегом в Москве на кольцевой трассе по маршруту Петровский парк — Щукино и обратно, длиной в тридцать километров, был разыгран чемпионат России по лыжным гонкам с участием двадцати восьми спортсменов. Первенствовал в гонке Г. Ривари.

Все большую популярность среди любителей летних видов спорта начал приобретать футбол. Строгими экзаменаторами молодых московских футболистов стали англичане, родоначальники этого вида спорта, любезно откликнувшиеся на приглашение москвичей провести показательный матч. Первая встреча проходила в апреле 1914 года при переполненных трибунах стадиона в Орехово, три остальных — на стадионе Замоскворецкого клуба. Все четыре матча завершились победой англичан, которые приехали в Россию после окончания своего футбольного сезона и были намного сыграннее российских спортсменов.

Весьма любопытный эпизод произошел в конце января 1914 года, когда в глуши Пермской губернии опустился воздушный шар, в просторной гондоле которого оказались три немецких гражданина — Ганс Берлинер, Александр Гаазе и Арнольд Николаи.

Задержанные местными властями по подозрению в шпионаже, аэронавты были преданы суду, но за недостаточностью улик их осудили лишь за перелет границы без предварительного разрешения.

Так возник первый в истории русско-германских взаимоотношений воздухоплавательный процесс. До суда, в течение почти двух месяцев, немецкие аэронавты, нарушители государственной границы России, содержались в Перми в Королевских камерах под охраной местной полиции. Несмотря на то, что судебная палата приговорила всех троих аэронавтов к тюремному заключению на полгода с зачетом предварительного срока пребывания в тюрьме, их освободили после внесения залога в размере шести тысяч рублей, и вскоре они выехали в Берлин.

Листая пожелтевшие страницы популярных газет и журналов, можно лишний раз убедиться в том, что пресса, несмотря на свою уважительность к властям и монархии, предпочитала в большей степени освещать события культурно-просветительской жизни всей империи, примеры благотворительности и меценатства, как бы поощряя российских граждан к дальнейшим добрым делам, публиковать сенсационные материалы от научных открытий до железнодорожных катастроф и наводнений, избегая при этом политических тем.

За предвоенный период лишь однажды пресса предала широкой огласке бурное заседание Государственной Думы, состоявшееся 22 апреля 1914 года, когда из зала заседания по настоянию председателя Государственной Думы М.В. Родзянко был удален двадцать один депутат из числа социал-демократов и трудовиков во главе с наиболее активными ее деятелями — А.Ф. Керенским, Н.С. Чхеидзе, Г.И. Петровским. Поводом для политического скандала послужило нежелание крайне левой оппозиции рассматривать бюджет до проведения закона о свободе депутатского слова.

Поведение депутатов-оппозиционеров переходило границы дозволенного и грозило срывом заседания Государственной Думы. Тогда невысокого роста, в полевой форме и при Георгиевских крестах, начальник охраны полковник барон Остен-Сакен в сопровождении нескольких солдат подошел к А. Керенскому и предложил ему покинуть зал заседания.

В ответ на это возмутитель спокойствия стал выкрикивать с места:

— Подчиняюсь грубому насилию! Да здравствует свобода!

Не дожидаясь очередной тирады будущего лидера Временного правительства, полковник Остен-Сакен строго заметил:

— Господин депутат, вы мечтаете о свободе? На воле ее больше, прошу оставить зал.

Вместе с ним из зала заседания Думы были выдворены остальные депутаты-оппозиционеры.

После освещения необычного инцидента в Думе пресса переключилась на другие события, происходившие в стране. Подробности выходки оппозиции по отношению к председателю совета министров И.Л. Горемыкину остались без комментариев.

За спокойным фасадом общественной жизни России, расцвеченной палитрой многообразных событий, бурлили дворцовые страсти, связанные в основном с Григорием Распутиным. Участились незаслуженные обвинения в адрес Императрицы.

Приближался злополучный июнь 1914 года, а в это время в селе Подлесном Михайловского уезда Рязанской губернии был отпразднован двадцатипятилетний юбилей со дня основания школы кружевниц. Созданная помещицей С.П. Казначеевой, школа быстро снискала себе славу и дала возможность многим селянам освоить это редкое ремесло. Среди многочисленных приветствий особой теплотой отличалось послание местных крестьянок основательнице школы с благодарностью за постоянный и достаточно большой заработок. На юбилейных торжествах губернатор князь А.Н. Оболенский горячо поблагодарил учредительницу и попечительницу школы, а наиболее искусные мастерицы преподнесли помещице свои художественные рукоделия.

Скупые телеграфные строки, принесшие в начале лета из Сараево трагическую весть об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Софьи Гогенберг, еще не разлетелись зловещим эхом по Европе, тем более не дошли они до России.

Власти Петербурга и Москвы в эти дни принимали адмирала Битти, прибывшего в Россию с дружественным визитом. Встрече с главой английской эскадры придавалось весьма важное политическое значение, сравнимое, как писали газеты, с первым прибытием в Кронштадт французской эскадры, после которого последовало заключение франко-русского союза по установлению равновесия в Европе.

Английскому командованию был устроен блистательный прием, предоставлена возможность познакомиться с достопримечательно-

стями столицы. Гости пожелали на денек заглянуть в Москву в качестве частных туристов. 16 июня поездом в Москву отбыл адмирал Битти с супругой и приятельницей супруги, дочерью будущего премьер-министра У. Черчилля мисс Черчилль, в сопровождении начальника штаба эскадры, командиров крейсеров, их заместителей и еще нескольких морских офицеров. Наутро их торжественно встретили представители московского городского управления, а сопровождать по городу дорогих гостей взялись общественные деятели. В первый же день Москва произвела на англичан такое впечатление, что они пожелали продлить визит на два дня.

Офицеры во главе с адмиралом Битти осмотрели наиболее достопримечательные места столицы, интересные здания, площади и памятники, а также дворцовые постройки и соборы Кремля. В живописном саду ресторана «Яр» состоялся завтрак в честь желанных гостей, «файф-о-клок» был дан английской колонией на Воробьевых горах в ресторане Крынкина, откуда англичане любовались живописным видом белокаменной Москвы. Парадный обед, данный городской Думой, состоялся на Сокольничьем кругу и прошел со свойственной москвичам теплотой и радушием, что неоднократно подчеркивали гости.

На второй день англичане бродили по Москве и делали многочисленные покупки. В полночь 18 июня английские гости отбыли в Петербург.

А уже 22 июня газеты пестрили фотографиями и подробностями разыгравшейся 15 июня в столице Боснии трагедии.

Накануне злополучного дня генерал-инспектор австрийских войск эрцгерцог Франц-Фердинанд прибыл с супругой в Сараево, чтобы наутро побывать на маневрах двух военных корпусов, дислоцировавшихся там для защиты столицы от возможного военного нападения со стороны Сербии и Черногории. Утром к резиденции высокого гостя подали открытый автомобиль, в котором эрцгерцог с супругой выехали к городской Думе на торжественное совещание в его честь.

Не успел кортеж автомобилей подъехать к парадному подъезду, как кто-то из толпы на глазах у эрцгерцога бросил в его автомобиль бомбу. Наследник успел, встав во весь рост, отбросить бомбу от себя, она взорвалась на мостовой, ранив около двадцати человек, в том числе нескольких лиц из окружения высокого гостя, следовавших в другом автомобиле.

Свидетели происшедшего видели, как молодой мужчина рванулся

из толпы к набережной и через парапет бросился в реку, но был выловлен полицией. Как стало известно, им оказался анархист, сербский наборщик типографии Неделько Чербанович.

Оправившись от инцидента, Франц-Фердинанд и его супруга все-таки продолжили путь, подъехали к Думе и приняли участие в ее заседании.

После окончания торжества вся свита направилась к выходу, с подчеркнутой вежливостью пропуская вперед наследника австрийского престола и его супругу. На сей раз организаторы убийства не промахнулись. Девятнадцатилетний гимназист Гавриил Принцип двумя выстрелами в упор застрелил у подъезда эрцгерцога и его супругу. Эхо выстрелов медленно таяло в гуще оцепеневшей толпы, чтобы затем громовыми раскатами потрясти всю Европу.

Сразу после убийства в Сараево и во многих других городах Боснии и Герцеговины начались массовые преследования сербов. Как сообщила в те дни французская газета «Temps», в течение трех дней около четырех тысяч сербов было арестовано и столько же выслано из страны.

В Вене прошли многолюдные демонстрации. Перед зданием сербской миссии в австрийской столице горожане гневно скандировали:

— Долой сербов! Долой короля Петра!

Демонстранты тут же перед зданием сожгли сербский флаг. Трагический конфликт разгорался, а вскоре австрийские войска форсировали Дунай и вступили в Сербию.

Вслед за этим в Петербурге начались манифестации в поддержку славянского народа на Балканах. Напряжение возрастало. Очевидцы отмечали нескрываемую активность немецких офицеров и солдат на всей русско-германской границе.

Дух войны уже витал в воздухе. Российское военное ведомство объявило о мобилизации военных округов.

Так случилось, что в эти дни Великий князь Константин Константинович возвращался из Берлина на родину, в Павловск. В дневнике, который он вел, есть запись от 21 июля 1914 года:

«К пяти утра все были на ногах... Наш вагон прицепили к паровозу и повезли на следующую станцию Сталупяны, отстоящую от нашей границы на десять верст. Тут мы вышли из вагона. Миллер более чем учтиво предупредил нас не выглядывать из окон автомобилей, чтобы нас не застрелили.»

Этот короткий путь предстояло проехать на автомобиле. Далее Великий князь продолжил свои наблюдения:

«Вот вдали, в стороне Эйдткунена, показались отдельные всадники. Нельзя еще было разобрать, немцы это или русские. Но вот всадники приблизились: трое из них проехали мимо нас по дороге к Сталупянам. Мы в них узнали смоленских уланов... С особо восторженным чувством перекрестился я на пограничном мосту.»

По приезде в Павловск Великий князь Константин Константинович встретился со своим сыном Игорем, офицером гусарского полка, и продолжительно беседовал на тему, взволновавшую тогда всех россиян. В своем дневнике 22 июля Великий князь записал:

«День серый и теплый. Заехали в гусарский полк, где Игорь дежурил. Он начал с того, что отрапортовал мне. Здесь никто не понимал Вильгельма. Узнав о нашей мобилизации, он принял ее за угрозу и, несмотря на слово, данное ему Государем, не начинать неприятельских действий, резко требовал отмены мобилизации, а не добившись этого, объявил нам войну вечером, 19 июля. Нечего и говорить, как сжималось сердце.»

26 июля 1914 года Николай II выступил перед членами Государственной Думы и Государственного совета. Здесь же, в Зимнем дворце, находился князь Николай Николаевич.

— Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к Родине и преданности престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах и, думаю, и в ваших, ручательством в том, что наша великая Матушка Русь доведет ниспосланную Богом войну до желанного конца.

Перед глазами Государя предстала величественная картина, когда он, накануне подписания Манифеста о войне с Германией, закончив молебен о даровании победы и пообещав вести войну до победного конца, вышел вместе с Императрицей на балкон Зимнего дворца к народу.

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в мемуарных записках «Крушение империи» вспоминает этот эпизод:

«Огромная толпа заполнила площадь и прилегающие к ней улицы, и, когда она увидела Государя, ее словно пронзила электрическая искра, и громовое «ура» огласило воздух. Флаги и плакаты с надписями

«Да здравствует Россия и славянство» склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед царем на колени.

Государь хотел что-то сказать, он поднял руку, передние ряды зашикали, но шум толпы, несмолкаемое «ура» не дали ему говорить. Он опустил голову и стоял некоторое время, охваченный торжественностью минуты единения царя со своим народом, потом повернулся и ушел в покои».

В те дни по всей России звон колоколов на православных церквах звучал особенно торжественно и тревожно, леденил душу русского человека, христианина, да и всех россиян перед большой опасностью, нависшей над Отчизной, а потому и пробуждал в народе искреннее желание встать на ее защиту.

5 августа 1914 г. во всех российских газетах было опубликовано воззвание «К русскому народу», текст которого заканчивался следующими словами:

«Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои к Богу с молитвой за Россию, за Русского Царя.

Верховный главнокомандующий генерал-адъютант Николай»

Итак, Россия приняла вызов...

Умру в огне, в тоске, страданье,
Тебя не дам на поруганье.

Б. Тимофеев

Первый Георгиевский кавалер. Галиция — арена борьбы. Подвиги на море и на суше. Государь Император во главе российских войск. Женщины и подростки на войне

Кавалерийский пограничный отряд из пяти казаков, перейдя границу, спешился и направился к ближнему хутору. Уже смеркалось, и казаки решили переночевать в поле, а поутру завершить разведку. Яркие звезды, словно дозорные на небосклоне, стерегли их ночной покой. Светало, когда Кузьма Крючков услышал приближающийся топот копыт.

— Хлопцы, вставай! Немец! — успел крикнуть казак и с саблей в руке вскочил на коня.

Навстречу ему мчался отряд прусской кавалерии во главе с офицером .

Пятеро казаков бесстрашно приняли бой. Один только Кузьма, вертясь волчком, свалил с седел одиннадцать немцев, хоть и получил шестнадцать ранений.

Из двадцати семи немцев в живых осталось лишь трое. За свой ратный подвиг донской казак Кузьма Крючков открыл в первую мировую войну 1914-1918 гг. список Георгиевских кавалеров, получив в награду Георгиевский крест IV степени.

Трое раненых из пяти казаков были эвакуированы на лечение в тыл, а навстречу им уже шли к границе российские войска.

«К западным границам России, полям бывших и будущих сражений, устремились теперь все помыслы русского общества, — писали газеты. — Все потускнело, поблекло, утратило краски и значение перед войной. Только известия о войне и читаются теперь, только о войне слышны разговоры».

Первые успехи русской армии были весьма обнадеживающие. 21 августа 1914 года, после десятидневных жарких и кровопролитных боев, армия, возглавляемая генералом Н.В. Рузским, взяла Львов. В тот же день армия генерала А.А. Брусилова вошла в древний Галич.

В эти дни русскими солдатами был обстрелян и сбит огромный и диковинный с виду «цеппелин» — сигарообразный дирижабль, пытавшийся забросать разрывными снарядами расположение наших войск. Вся команда дирижабля из восьми немецких офицеров была взята в плен. Немцы старались вначале ошеломить русских налетами с воздуха и тем самым приостановить наступление. В районе Желтаево в небе Галиции то и дело появлялись аэропланы неприятеля, один из которых приблизился к русским частям, чтобы забросать их бомбами, но был атакован штабс-капитаном П.Н. Нестеровым. В завязавшемся воздушном бою знаменитый русский пилот протаранил и подбил австрийский аэроплан, предотвратив многочисленные жертвы в рядах наших войск, сам же погиб смертью героя. Это была внушительная утрата. Русская авиация потеряла человека, таившего в себе огромные возможности и виртуозного пилота, и талантливого конструктора.

«Какое счастье жить, какое наслаждение дышать, летать и двигаться!» — любил повторять этот бесстрашный авиатор, человек тонкой натуры, ушедший из жизни в двадцать семь лет.

П.Н. Нестерова хоронили в Киеве на церковном дворе близ Аскольдовой могилы. Участник похорон А.Н. Толстой в своем военном очерке «На Волыни» пишет об этом:

«Его похоронили над Днепром, на откосе, откуда такой же широкий вид на черниговские поля и озера, какой открывался ему с воздушной стремительной высоты. Воистину новых, невиданных героев открывают нам времена».

За время трехдневных боев в Галиции с австро-венгерскими и германскими войсками русская армия захватила огромное количество трофеев, двести тысяч пленных и свыше тысячи орудий. Пленный австрийский полковник Отто Фольтег вспоминал:

«Если суждено, что победа досталась бы русским, то мы все желаем, чтобы это произошло как можно скорее... Это единственный выход из ужасов войны — выход, который может положить конец небывалой деморализации в австрийской армии».

Но, к сожалению, потери русских были тоже немалыми. Это обстоятельство застало врасплох военно-санитарные части, оказавшиеся неспособными оперативно организовать массовую эвакуацию раненых в тыл. Раненые солдаты доставлялись в тыловые лазареты в

неприспособленных для этого вагонах. Труден и мучителен для тяжелораненых был этот длинный путь, не хватало медицинского персонала и сестер.

Между военным ведомством и российской организацией Красного Креста отсутствовала необходимая согласованность. Попытки Красного Креста взять на себя инициативу встречали противодействие уязвленного этим военно-санитарного ведомства во главе с генералом Евдокимовым. Вскоре он был смещен главнокомандующим российских войск Великим князем Николаем Николаевичем.

Начало войны пробудило мощную волну патриотизма. Армия пополнялась добровольцами, в ее рядах находился весь цвет российского общества, в том числе и представители царской фамилии.

В конце сентября в Вильно скончался от полученных в бою ран двадцатидвухлетний князь Олег Константинович Романов.

Из дневника, который вел Великий князь Константин Константинович, удалось узнать подробности последних дней Олега Константиновича Романова.

Первое тревожное сообщение Августейшие родители получили от супруги генерала Шевича, которая уведомила их о якобы легком ранении сына.

Узнав об этом, родители незамедлительно выехали в Вильно. Перед отъездом Великий князь взял с собой принадлежащий отцу и подаренный ему Георгиевский крест.

Утешала лишь надежда на скорое выздоровление. Ночь в поезде прошла спокойно, и даже удалось заснуть с надеждой на скорейшую встречу с любимым сыном.

Однако уже утром в поезд принесли письмо от генерала Адамовича, которое вновь взволновало родителей:

«Спешу скорее сделать вам известным все, что знаю об Олеге Константиновиче. Он ранен третьего дня... Я был допущен к Олегу Константиновичу врачами. Войдя, я поздравил князя с пролитием крови за Родину. Его высочество перекрестился и сказал спокойно, без трепета: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух, в войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь царского дома...»

Поезд двигался неимоверно медленно и опоздал в Вильно на целый час.

Когда Константин Константинович и Елизавета Маврикиевна вошли в палату, молодой князь лежал на кровати. Он был очень бледен. Олег узнал родителей, лицо его засияло от радости. *«С какою нежно-*

стью обвивал он руками за шею мать и меня, — записал в дневнике Великий князь, — *сколько говорил нежных слов! Но сознание заметно угасало. Я стал у его изголовья на колени, моя голова приходилась рядом с его головой. Смотря в упор мне в глаза, он спросил: «Ты здесь?» и попросил перейти по другую сторону кровати. Я это сделал и приколол Георгиевский крест к его рубашке с правой стороны груди... Одно из последних его слов было «Пойдем спать». Он постепенно успокаивался, перестал метаться, становился неподвижнее, дыхание делалось все ровнее и тише. Наконец, он совсем затих, и нельзя было уловить последнего вздоха».*

В горестные минуты расставания с сыном мог ли подумать Великий князь, что остальные его сыновья будут когда-то сброшены в алапаевскую шахту вместе с Великой княгиней Елизаветой Федоровной и другими жертвами большевистского режима?!

Утром третьего сентября 1914 года к станции Волоколамск подошел траурный поезд с телом князя. В вагоне-салоне поезда следовали Августейшие родители князя Олега Константиновича — Великий князь Константин Константинович и Великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Гроб был установлен на орудийном лафете, и траурная процессия в сопровождении более трех тысяч крестьян прибыла в Осташово, где на территории усадьбы справа от дворца тело князя предали земле. Присутствовавших на похоронах пригласили во дворец Великого князя, а для всех крестьян поминальное угощение приготовили в двух чайных лавках. Как и его Августейший отец, покойный князь писал стихи, рассказы. Книга его произведений выйдет в годовщину его гибели, а эпиграфом к ней будет взята фраза из дневника, который вел Олег Константинович: «Быть писателем — это моя самая большая мечта, и я уверен, убежден, что я никогда не потеряю желания писать».

Во время похорон многие, не знавшие в лицо всех членов царской фамилии, обратили внимание на глубоко скорбящую молодую женщину с черной шалью на голове. Оплакивая кончину любимого брата, княгиня Татьяна Константиновна вспоминала, как совсем недавно проводила на войну супруга — грузинского князя Константина Александровича Багратиони-Мухранского, офицера кавалергардского полка.

Выпускник Пажеского корпуса, флигель-адъютант, поручик князь К.А. Багратиони-Мухранский, с первых же дней войны прикомандированный к одному из кавказских полков, сражался в Галиции.

Война на Западном фронте раздвигала границы. Впереди русскую

армию ожидала неожиданная славная победа. Падение казалось бы неприступной крепости Перемышль после почти пятимесячной осады воспринималось всеми как победа морального духа российской армии над противником. После затяжной осады крепости 82-я дивизия 11-й армии русских войск под командованием генерала А.Н. Селиванова перешла в решительное наступление, и после двухдневных боев противник, не имея достаточного количества боезапасов и продовольствия, сдался. Утром 9 мая 1915 года генерал А. Промптов принял австрийских парламентеров с докладом о сдаче крепости и гарнизона.

Еще накануне во Львове распространился слух о падении Перемышля. Невообразимое оживление царило на львовском железнодорожном вокзале. В течение всей ночи не умолкала телефонная связь. Ежеминутно повторялся один лишь вопрос: «Верно ли это?». Напряжение все возрастало, и лишь ранним утром 9 мая залы громадного вокзала огласились громовым «ура» после того, как дежурный офицер хозяйственного управления А.А. Колоколов объявил толпе пассажиров, солдат и офицеров долгожданную весть:

— Перемышль пал!

Ликованию во Львове не было конца. Весеннее солнце озарило все вокруг, как бы подчеркивая величие победы.

В тот же день, когда главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич пожаловал в вагон Государя с радостной вестью о падении Перемышля, Николай II послал письмо супруге:

«Благодарение Богу! Вот уже два дня мы все ждали этого известия с надеждой и тревогой. Падение этой крепости имеет огромное моральное и военное значение. После нескольких унылых месяцев эта новость поражает, как неожиданный луч яркого солнечного света и как раз в первый день весны.»

Несмотря на это, широкомасштабность военных действий и дальнейшая активизация российских войск начали сдерживаться повсеместным отсутствием необходимого количества снарядов и боевой техники. Заверения военного министра В.А. Сухомлинова о том, что армия располагает достаточным количеством снарядов, оказались несостоятельными. Доверие в обществе к военному министру окончательно подорвалось. А вслед за этим оправившиеся от неудач объединенные неприятельские войска, сконцентрировав усилия, перешли в наступление на Львов, который совсем недавно торжественно встречал Николая II. Находившийся в этих местах в инспекционной поездке Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко вспоминал:

«Подтвердилось то, что предсказывал мой сын и все серьезные во-

5 447

енные: недостаток снаряжения сводил на нет все наши победы, всю пролитую кровь».

Крупные силы (численностью более двух миллионов) австро-германских солдат под командованием генерала фон Макензена продвинулись до Львова и, пройдя его, совершили стратегический маневр к северу, выйдя к южным границам Люблинской, Холмской и Волынской губерний.

После жестоких боев русские войска в начале мая начали отход к линии реки Сан, сопротивляясь на каждом участке, а порой нанося противнику ощутимые удары, как это сделал 3-й кавказский корпус. Во время этих боев 19 мая 1915 года геройски погиб князь К.А. Багратиони-Мухранский. Думала ли княгиня Татьяна Константиновна, провожая в последний путь своего любимого брата, что через полгода получит известие о героической кончине супруга?!

Пожар войны разгорался все сильнее не только на суше, но и на море.

В Черном море 28 сентября 1914 года неприятельские подводные лодки атаковали российские крейсеры «Баян» и «Паллада». Несмотря на сильный огонь, подводной лодке удалось дать торпедный залп по нашим кораблям. Мина угодила в центр «Паллады», раздался сильнейший взрыв, и крейсер стремительно пошел ко дну, увлекая за собой весь личный состав вместе с капитаном I ранга Магнусом. Позже журнал «Нива» рассказал о мичмане крейсера «Паллада» Николае Баулине, который перед отплытием передал другу завещание следующего содержания: «В случае моей смерти в море все мое состояние завещаю матросам крейсера «Паллада», оставшимся в живых, поровну. Если вместе со мной погибнет весь экипаж, состояние переходит к матери».

После соответствующих формальностей мать, получив состояние сына, заявила своим близким:

— Иначе не могу толковать волю сына, как только в смысле желания через мое посредство обеспечить семьи героев-матросов, погибших вместе со своим начальником при исполнении долга.

Братья и сестры погибшего мичмана согласились с матерью. Все состояние Николая Баулина было передано семьям погибших.

Благородные порывы наших соотечественников не исчезали бесследно, они вдохновляли на подвиги других, рождая все новых и новых героев, наградой для которых должно быть бессмертие в памяти народной. Одним из таких примеров стала геройская гибель канонерской лодки «Сивуч». В августе 1915 года «Сивуч» нес очередной дозор в Рижском заливе. Глубокой ночью канонерская лодка преградила путь

германскому крейсеру и сопровождавшим его миноносцам и вступила в неравный бой. Расстреливаемая в упор, объятая пламенем, лодка продолжала отчаянно сопротивляться до тех пор, пока не пошла ко дну, потопив перед этим неприятельский миноносец. Бесстрашный офицер, командир канонерской лодки «Сивуч», капитан второго ранга Петр Николаевич Черкасов геройски погиб в этом бою, прославив честь русского морского офицера. Очевидцы морского побоища, моряки канонерской лодки «Кореец», рассказывали подробности разыгравшейся в Рижском заливе трагедии:

В ночном тумане наступающей осени две канонерские лодки под Андреевским флагом встретились с трехпалубным германским крейсером в сопровождении трех миноносцев. Оберегая «Корейца», расстреливаемого крейсером прямой наводкой, канонерская лодка «Сивуч» приняла огонь на себя.

Огромный неприятельский крейсер, обладая значительной скоростью, приблизился к «Сивучу» и разразился залпами по двум лодкам. Вступили в бой и миноносцы. В перекрестной дуэли «Сивуч» потопил миноносец противника. Второй миноносец, понеся значительные потери, вышел из-под огня российских канониров. Однако неравные силы не давали никаких шансов лодкам взять верх над противником. «Сивуч» к тому времени получил серьезные повреждения. Для него это был предсмертный бой. Видя, что «Сивуч» уже не спасти, «Кореец» решил выйти из опасной зоны. На корме столпились моряки и, несмотря на страшный артиллерийский огонь, наблюдали за сверхгеройскими усилиями моряков.

«Сердце разрывалось от боли при виде этой картины, — вспоминали свидетели драмы. — Весь в огне, содрогаясь от получаемых ударов, «Сивуч» непрестанно отвечал стрельбой. Видно было, как у орудий суетились люди, стреляли, падали, исчезали в пламени огня и груде обломков. Лодка шаталась, медленно кренилась и, захлестываемая волнами, продолжала отстреливаться до тех пор, пока не стала погружаться в морскую пучину.»

На «Корейце» матросы плакали, видя гибель российского судна, и крестились, моля Бога о спасении команды. Когда море поглотило пылающий, словно факел, «Сивуч», наступила кромешная тьма, так как прожектора германского крейсера в результате артиллерийской дуэли были разбиты. Пользуясь случаем, «Кореец» дал полный ход и скрылся в тумане. Впоследствии стало известно, что из всей команды легендарного «Сивуча» спасся лишь один матрос.

В историю доблести и мужества морского флота России золотыми

буквами вписаны подвиги лейтенанта Александра Владиславовича Рогуского и иеромонаха Антония. В Черном море близ Балаклавы транспортный корабль «Прут» встретился с германо-турецким крейсером «Гебеном», сопровождаемым миноносцами, который предложил команде «Прута» сдаться. Чтобы не отдать «Прут» в руки неприятеля, командир приказал открыть кингстоны и потопить корабль. Хлынувшая вода заполняла отсеки слишком медленно, и создалась реальная угроза, что неприятель может успеть захватить судно. Тогда молодой минный офицер А.В. Рогуский с несколькими матросами, оставшимися с ним на судне, спустился в трюм и, войдя в пороховой погреб, приказал матросам:

— Ну, теперь уходите! Спасайтесь в шлюпках и позаботьтесь об отце Антонии.

Матросы, поднявшись на палубу, предложили отцу Антонию место в шлюпке.

— Нет, — ответил иеромонах, наотрез отказавшись занять его, — я достаточно жил. Мое место в лодке пригодится молодому.

Матросы, отчалив от тонущего судна, видели пожилого старца, отца Антония, на верхнем мостике, молящегося о спасении душ своих духовных чад.

— Спаси, Господи, люди твоя!

Раздался мощный взрыв, который разорвал судно изнутри, и оно, накренившись, стало исчезать в морской пучине. Горящие обломки деревянной обшивки фейерверком взметнулись вверх и с шипением опустились в воду. Отплывшие от тонущего корабля моряки подняли весла и криками «ура» приветствовали геройский поступок лейтенанта, не пощадившего жизни во имя спасения чести корабля под Андреевским флагом. Салютовали и отцу Антонию.

А через две недели грозный дредноут в открытом бою был жестоко наказан первым же залпом двенадцатидюймовых пушек флагманского корабля черноморской флотилии — крейсера «Евстафий», после чего, ускользнув за счет преимущества в скорости, «Гебен» встал на длительный ремонт в Босфоре.

Победа у Херсонесского маяка и вывод из строя дредноута «Гебен» поставили турецкую армию, сосредоточенную в Эрзеруме, в критическое положение — теперь она была лишена единственного и кратчайшего пути доставки грузов и боеприпасов. Так Черноморский флот разрешил главную задачу в войне с Турцией и, умерив грозный пыл противника, обеспечил России господство на Черном море.

Война множила и имена героев.

За свои бессмертные подвиги в почетный список кружка ревните-

лей Отечественной войны 1812 года были зачислены три брата — ротмистры Лев, Борис и штабс-ротмистр Гурий Панаевы. По поводу героической смерти братьев Панаевых Император обратился с Высочайшим рескриптом на имя военного министра:

«Дмитрий Савельевич!

В нынешнюю войну наша армия являла нескончаемый ряд примеров высокой доблести, неустрашимости и геройских подвигов как целых частей, так и отдельных лиц. Особое Мое внимание привлекла геройская смерть трех братьев Панаевых — офицеров 12-го гусарского Ахтырского генерала Дениса Давыдова, ныне Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полка ротмистров Бориса и Льва и штабс-ротмистра Гурия, доблестно павших на поле брани. Братья Панаевы, проникнутые глубоким сознанием святости данной ими присяги, бесстрашно исполнили свой долг до конца и отдали жизнь свою за Царя и Родину.

Все три брата награждены орденом Святого Георгия IV степени, и их смерть в открытом бою является завидным уделом воинов, ставших на защиту Меня и Отечества.

Такое правильное понимание своего долга Панаевыми всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности к Престолу и Родине.

Сознание, что дети ее честно и мужественно исполнили долг свой, да наполнит гордостью материнское сердце и поможет ей стойко перенести ниспосланное свыше испытание. Признавая за благо отметить заслуги передо Мною и Отечеством вдовы полковника Веры Николаевны Панаевой, воспитавшей героев-сыновей, жалую ее, в соответствии со статьей 8-ю Статута Знака отличия Св. равноапостольной княгини Ольги, сим Знаком II степени и пожизненной ежегодной пенсией в 3000 рублей.

Пребываю к вам благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано:

Царская ставка
2 апреля 1916 года.»

Вслед за этим рескриптом было решено издать описание жизни и смерти братьев Панаевых для будущих поколений.

Из разных источников о братьях-героях удалось выяснить следующие подробности:

У Аркадия Александровича Панаева, полковника в отставке, участника Крымской войны, было четверо сыновей, трое из которых слу-

жили в 12-м Ахтырском гусарском генерала Дениса Давыдова полку. Старший из них, Борис Панаев, участник русско-японской войны, был награжден четырьмя боевыми наградами. Одну награду он получил за то, что во время боя, будучи кавалеристом, вывез из-под огня раненого вестового.

В самом начале войны, 15 августа 1914 года, в одной из кавалерийских атак Борис Панаев бесстрашно повел эскадрон на вражескую кавалерийскую бригаду. Несмотря на полученные ранения, продолжал вести эскадрон в атаку, нанося противнику значительные потери. В этом бою Борис Панаев геройски погиб и оказался единственным погибшим из численного состава эскадрона. Указом Императора от 7 октября 1914 года ротмистр Б.А. Панаев посмертно был удостоен ордена святого Георгия IV степени.

Через две недели в Галиции погиб штабс-ротмистр Гурий Панаев. Участвуя в кавалерийской атаке, он заметил, как под одним из гусаров была убита лошадь. Штабс-ротмистр соскочил с коня, бросился на помощь своему раненому боевому товарищу, перевязал его и, посадив в седло, доставил на перевязочный пункт.

Вернувшись в строй, он примкнул к атакующим, но в сабельном бою был убит.

Так же, как и старший брат, тридцатипятилетний Гурий Панаев был посмертно награжден боевым орденом Святого Георгия IV степени.

В том же бою 29 августа участвовал и ротмистр Лев Панаев и за проявленную храбрость заслужил золотое Георгиевское оружие.

Почетной награды он удостоился за то, что «личным примером довел эскадрон до удара холодным оружием, несмотря на встречные окопы и убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника».

Через несколько месяцев в Галиции во время очередной атаки 19 января 1915 года младший брат героев Лев Панаев геройски погиб и стал третьим в семье кавалером ордена Святого Георгия IV степени.

Недавно в одной из своих статей старший научный сотрудник Государственного Исторического музея В. Дуров привел подробности о судьбе четвертого брата погибших героев — Платона Панаева.

«6 января 1915 года, за несколько дней до гибели Льва Панаева, к командующему 8-й армией генералу от кавалерии А.А. Брусилову явился младший из Панаевых, лейтенант флота Платон Аркадьевич Панаев. До этого он служил на далеком Амуре, был командиром канонерской лодки «Сибирь», затем флагманским артиллеристом всей Амурской

флотилии. С началом войны прикомандирован к сухопутной армии. По преданию, когда Платон представлялся ему, А.А. Брусилов сказал: «Панаевы — героическая семья, чем их больше, тем лучше». Когда же пришло известие о гибели третьего из братьев, Платон Панаев был отозван по настоянию генерала из Действующей армии и зачислен на службу в морское ведомство в Петрограде. Однако подал начальству рапорт об обратном прикомандировании его к Действующему флоту.

Как вспоминал один из современников, «мать погибших трех сыновей вдова Панаева не только не препятствовала намерению сына, а, наоборот, разделив его желание, посчитала, что на месте он нужнее, нежели в Петрограде».

Широкую огласку получил также геройский поступок крестьянина Стефана Веремчука, повторившего подвиг Ивана Сусанина. Отказавшись показать расположение русских войск, он был мученически умерщвлен солдатами венгерской армии.

Помимо единовременного пособия семье погибшего, Государь повелел назначить ежегодную пенсию матери и вдове погибшего, а малолетних сыновей, Макария, Леонтия и Федора, определить, по достижению ими соответствующего возраста, на казенный счет в учебное заведение по усмотрению матери.

Кроме того, было решено начать сбор средств на сооружение памятника-часовни на могиле замученного неприятелем Стефана Веремчука.

Высокие моральные качества и самоотверженность российских воинов отмечали и противники. Немецкий военный корреспондент после пребывания на фронтовых позициях опубликовал в газете «Франкфуртен Цайтунг» заметку «Наш противник», в которой дает, пожалуй, исчерпывающую характеристику нашему воину:

«Русский солдат — это противник, с которым надо очень и очень считаться. Он отважен, прекрасно питается, превосходно вооружен, исполнен личного мужества и презрения к смерти. В натиске он бурно-стремителен, в обороне чрезвычайно стоек».

В австрийской газете «Пестер Лойд» была опубликована статья майора Мората о российской авиации и военных летчиках:

«Было бы смешно говорить с неуважением о русских летчиках. Русские летчики — враги опаснее французов, они хладнокровны. В их атаках, может быть, отсутствует планомерность, так же, как и у французов, но в воздухе они непоколебимы и могут переносить большие потери без паники. Русский летчик есть и остается страшным противником».

Подтверждением тому был массовый героизм русского солдата на полях сражения, редкостная выдержка раненых бойцов и плененных противником.

Широкую известность получило имя разведчика Порфирия Панасюка. О подвиге этого унтер-офицера сообщали многие журналы — «Летопись войны», «Нива», «Искры» и др.

Вот краткое описание героического деяния П. Панасюка в журнале «Верность»:

«В ночь на 16 марта 1915 года германцы, захватив к северу от Мышинца нашего разведчика, привели его в штаб, расположенный в деревне Расог, и под пыткой вынуждали дать показания, отрезая по частям правое ухо. Ему удалось бежать из плена, а 20 марта выйти к своим. Верховный главнокомандующий за верность присяге и мужество пожаловал герою Георгиевский крест I степени; командующий армией выдал Панасюку пособие в тысячу рублей и произвел его в старшие унтер-офицеры».

Как не вспомнить тут тост генерала А.В. Самсонова, командующего 2-й армией Северо-Западного фронта, одного из героев романа А. Солженицына «Август четырнадцатого»: «За русского солдата, за святого русского солдата, которому терпенье и страдание в привычку... Как говорится: русского солдата мало убить, пойди еще его повали!»

Бок о бок с русским солдатом воевали люди иных национальностей. На Западном фронте в Галиции храбро сражались Кавказская конная дивизия под предводительством князя Михаила Александровича, Кутаисский, казачий Терский, Асландузский и другие полки и подразделения.

2-ым Кавказским армейским корпусом командовал генерал от артиллерии Самедбек Мехмандаров.

Уроженец города Ленкорань в Азербайджане и выходец из богатой дворянской семьи, Мехмандаров связал свою жизнь с военной карьерой после окончания юнкерского Константиновского училища. В 1876 году он — командир батареи первой туркестанской артиллерийской бригады. Затем Варшавский военный округ, Забайкальский артиллерийский дивизион, Хейлунгдзенская провинция Китая...

В русско-японскую войну, уже в чине полковника, Мехмандаров участвовал в героической обороне Порт-Артура.

В первую мировую войну генерал Мехмандаров вначале командовал 21-ой дивизией, которая в составе 3-го Кавказского корпуса под командованием генерала В.А. Ирмана успешно участвовала в Горлиц-

кой операции, а затем в должности командира 2-го Кавказского корпуса мужественно противодействовал превосходящим силам противника, нанося ему ощутимые удары.

15 октября 1915 года Государь Император соизволил пожаловать генералу Самедбеку Мехмандарову за отличие в делах против неприятеля орден Святого Благоверного Великого князя Александра Невского с мечами.

Тысячи и тысячи кавказцев верно служили под боевыми знаменами российской армии. На Западном фронте командиру Чеченского конного полка, полковнику, персидскому принцу Фазулле-Мирзе, кавалеру ордена Св. Анны II степени с мечами, Высочайшим приказом от 17 октября 1915 года был пожалован орден Св. Георгия IV степени. 15 февраля 1915 года полковник Фазулла-Мирза, приняв по собственной инициативе команду над 4-мя сотнями Уманского казачьего полка, повел их в решительное наступление. Под сильным огнем противника отряд занял деревню Брынь. Рядом с ним доблестно командовал 4-ым армейским корпусом генерал от артиллерии Эрис-Хан-Султан Гирей Алиев. За успешные бои западнее Варшавы 6-го октября 1914 года генерал, силами своего корпуса отразив атаку немецких сил, изрядно потеснил противника и дал возможность российским основным частям перейти в наступление и отбросить немцев от Варшавы. За свои успешные действия генерал Алиев получил орден Св. Георгия III степени.

Мечи к имеющемуся ордену Св. Равноапостольного князя Владимира IV степени с бантом получил за личное мужество командир 3-го Кубанского пластунского Его Императорского Высочества наследника Цесаревича батальона, полковник, персидский принц Аманулла Мурза.

Георгиевскими кавалерами стали подполковник 12-го Великолуцкого полка Александр Пурцеладзе и его земляк — капитан 15-ой артиллерийской бригады Дмитрий Мансурадзе. 7-го марта 1915 года А. Пурцеладзе, переправившись со своим отрядом через р. Сан у деревни Затварнице, защищаемой противником, овладел укрепленной высотой и, отбив в течение ночи пять яростных атак, удержал важную высоту. Д. Мансурадзе же был удостоен ордена Св. Георгия IV степени за то, что в апреле того же года в бою на Западном фронте у деревни Щавне он, находясь со своим взводом под сильным огнем противника, сумел остановить натиск превосходящих сил неприятеля и дал возможность войсковой колонне совершить отход без потерь, после чего в необыкновенно трудной обстановке вывез орудия своего взвода.

Изобретатель ружейной гранаты штабс-капитан Владимир Мгебров в частях 212-го пехотного Романовского и 39-го пехотного Томского полков успешно провел испытания в боях своего изобретения. В одном из сражений он взял на себя командование ротой и повел ее в атаку. Был ранен в ногу, а после ее ампутации скончался. Штабс-капитан Мгебров посмертно был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

За совершенные подвиги и успешные операции орденов Св. Станислава II степени с мечами были удостоены командующий 2-м конным Дагестанским полком подполковник князь Гиви Амилахвари, капитаны 77-го пехотного Тенгинского полка Павел Амашукели и Мисак Джарьянц.

Ордена Св. Георгия IV степени посмертно удостоился подпоручик 127-го пехотного Путивльского полка Саркис Вартанов. Возглавив 16 февраля 1915 года атаку, он окружил подразделение неприятеля и взял в плен более сотни противников, но в бою погиб.

За успешные действия в бою на Западном фронте мечи и бант к имеющемуся ордену Св. Равноапостольного князя Владимира IV степени заслужил командующий армейской кавалерией прапорщик конного Ингушского полка Баадул Аушев.

Орден Св. Анны I степени с мечами удостоился генерал-майор, командир Кавалергардского имени Марии Федоровны полка князь Александр Эристов. В первые месяцы войны он вместе с ротмистром бароном Врангелем отличился в боях в Восточной Пруссии, у деревни Каушен. Оба были удостоены орденов Св. Георгия IV степени.

26 ноября 1915 года Государь Император Николай II прибыл в Тифлис. «Вся Россия, — писала тогда пресса, — счастлива была видеть в эти незабвенные минуты, как в пламенном патриотическом порыве разноплеменного населения Кавказа исчезли ныне перегородки национальной обособленности и все, без различия веры и национальности, стараются слиться в единую великую семью, объединенную любовью к России». Государь посетил «Храм Славы», лазареты для раненых воинов и наградил отличившихся Георгиевскими крестами и медалями.

Немало представителей различных национальностей служило под российскими знаменами и на Кавказском фронте, где шли упорные бои за обладание очень важным стратегическим пространством — проливами Босфор и Дарданеллы.

Главнокомандующим войсками Кавказского военного округа с начала войны стал генерал-лейтенант И.И. Воронцов-Дашков, заслуживший орден Святого Георгия III степени за блистательные боевые

действия наших войск на Кавказе в 1914-1915 годах. После его кончины 15 января 1915 года главнокомандующим Кавказской армией, а затем фронтом был назначен генерал Н.Н. Юденич. В ее рядах находились известные военачальники: командующий штабом Восточно-Персидского фронта генерал Н.Н. Баратов, командующий дивизией генерал-майор князь Д.П. Багратиони, награжденный многими российскими орденами, генерал-майор Д.Г. Гунцадзе, представитель Георгиевской Думы Кавказского фронта, Георгиевский кавалер генерал-лейтенант Гуссейн Хан-Нахичеванский и другие.

Серьезные успехи на Кавказском фронте, взятие опорных стратегических пунктов и укрепленных крепостей Сарыкамыша и Эрзерума, а затем и Трапезунда открывали путь к господству России над Мраморным морем и овладением огромным морским пространством вплоть до Гибралтара.

Причем, победное взятие Эрзерума всецело и по достоинству приписывалось генералу Н.Н. Юденичу, который, вопреки рекомендациям, а затем и распоряжению штаба, взял крепость штурмом. По этому поводу с Кавказского фронта в Петроград была послана депутация, состоявшая из непосредственных участников штурма крепости Эрзерум — прапорщика К. Одушкина, фельдфебеля И. Лоладзе, фельдфебеля Дм. Радченко, прапорщика П. Рожкова, подпрапорщика Н. Набокова, старшего унтер-офицера Т. Мандрыкина, старшего фейерверкера А. Геловани, младшего унтер-офицера М. Кравчука, фельдфебеля К. Булгакова и старшего унтер-офицера С. Кузнецова, каждый из которых доставил в столицу по одному из трофейных знамен. Все перечисленные воины были удостоены боевой награды — Георгиевского креста. Непосредственно из рук Николая II Георгиевский крест IV степени получил капитан А.Г. Кониев, одним из первых ворвавшийся в крепость Эрзерум со своим отрядом.

Более драматично складывалась военная судьба России на западных ее границах, где к лету 1915 года основные события сконцентрировались на участке между Вислой и Западным Бугом, простираясь от Львова до Брест-Литовска.

Тяжелые, затяжные бои, связанные с наступлением генерала Макензена на стратегически важный район Люблин-Холм, изматывали не только русские войска, но и силы противника, который за короткое время потерял на этом участке до миллиона солдат, из них более ста тысяч были взяты в плен.

Причины неудач российских войск виделись тогда не столько в отсутствии боеприпасов, доставку которых удалось наладить, сколько в

сложной политической обстановке, разногласиях между правительством и Государственной Думой, взаимоотношениях окружения царствующей фамилии и, наконец, тлетворном влиянии личности Григория Распутина, его якобы мистического воздействия на Августейшую семью.

Эти обстоятельства влекли за собой частую смену членов правительства, взаимную неудовлетворенность и недоверие между Ставкой главнокомандующего, правительством и Государственной Думой, порождали слухи и вносили раскол в общественное сознание россиян. С целью примирения всех общественных сил 19 июля 1915 года была созвана Государственная Дума, на которой перед депутатами выступил председатель совета министров И.Л. Горемыкин:

— Будем все думать об одном: об изгнании неприятеля из наших пределов и поражении его во славу Государя и Родины.

Стремясь к единению патриотических сил перед лицом опасности, председатель Государственной Думы М.В. Родзянко несколько позже послал И.Л. Горемыкину письмо с гневным осуждением бездеятельности правительства и требованием решительных мер. Фрагменты письма из его записок «Крушение империи» достаточно красноречиво подтверждают существовавшие в высших кругах разногласия:

«Приближается роковая развязка войны, а в тылу нашей доблестной и многострадальной армии растет общее расстройство всех проявлений народной жизни и удовлетворения первейших потребностей страны. Бездеятельностью власти угнетается победный дух народа и вера его в свои силы.

Ваш первейший долг немедленно, не теряя минуты, проявить, наконец, всю полноту забот об устранении препятствий, мешающих достижению победы...

Если совет министров не примет, наконец, тех мер, которые возможны и которые спасли бы Родину от позора и унижения, то ответственность падет на вас».

Расхождения во взглядах, а порой и откровенная конфронтация между исполнительной и законодательной властями использовались политическими противниками на заседаниях Государственной Думы. Именно эти обстоятельства побудили Государя 23 августа 1915 года принять на себя верховное главнокомандование войсками.

Всенародное моление о даровании победы русскому оружию прошло в годовщину начала войны на Исаакиевской площади в Петрограде и явилось своеобразной поддержкой российскому монарху. Решение Государя взять на себя командование войсками в высших кру-

гах было воспринято неоднозначно. Накануне этого события между председателем Государственной Думы М.В. Родзянко и Государем произошла встреча, на которой обсуждалось предложение заменить начальника генерального штаба Н.Н. Янушкевича генералом М.В. Алексеевым, прекрасно зарекомендовавшим себя в первые месяцы войны:

«В ответ на это, — вспоминал Родзянко, — к своему ужасу, я услышал: «Я решил бесповоротно удалить Великого князя Николая Николаевича и стать самому во главе войск».

— На кого Вы, Государь, поднимаете руку? Вы — верховный судья, а если будут неудачи, кто будет Вас судить? Как можете Вы становиться в подобное положение и покинуть столицу в такое время? Ведь в случае неудачи опасность может угрожать и Вам, Государь, и всей династии.

Государь не хотел слушать никаких доводов и твердо заявил:

— Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию!»

Известный зарубежный историк А.А. Соллогуб в фундаментальном труде «Россия (862-1917 гг.)», вышедшем в 1973 году в Нью-Йорке, приводит слова Николая II, созвучные предыдущим: «Может быть, нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию, я буду этой жертвой. Да свершится воля Господня! Нет той жертвы, которой я не принес бы для Родины, для действительного блага России не пожалею не только трона, но и своей жизни».

Справедливости ради необходимо отметить, что вскоре наметилась стабилизация положения на фронте. Стало быть, не следует думать, что Николай II поступил опрометчиво. Патриотический подъем в войсках, наметившееся улучшение снабжения армий, перелом после неудачной летней кампании 1915 года вселяли в россиян надежду на победоносное завершение войны.

Доминирующее в тот момент настроение в обществе, несмотря на все превратности судьбы, как нельзя лучше выразили опубликованные в журнале «Верность» за 1915 год стихи В.П. Рябова-Бельского:

И придет судный день над довлеющим злом!
Света правды, как солнце, нельзя погасить!
Не ищите сомнений — взгляните кругом —
Сколько веры и сил... Мы должны победить!

Для подъема морального духа армии и тыла Император Николай II вместе с членами царской семьи и сопровождавшими их официальными лицами отбыл 7 мая 1916 года из Ставки, расположенной в Мо-

гилеве, в инспекционную поездку по маршруту Киев-Винница-Бендеры-Одесса-Севастополь.

Утром 8 мая поезд остановился в Киеве. Здесь Николай II встретился с матерью — Марией Федоровной и сестрой — Великой княгиней Ольгой Александровной. Император живо интересовался состоянием госпитального дела, снабжением медикаментами, наличием больничных коек и белья для раненых воинов. В Виннице Николай II посетил госпитали, санитарные отряды, складские помещения, а затем вместе с Александрой Федоровной и детьми — госпитали Подольского и Всероссийского земского союзов. Тепло и радостно восприняли посещение Государя раненые солдаты и медицинский персонал, а сестры милосердия при расставании бросали к ногам царской семьи свежие ветки распустившейся сирени.

В Бендерах Николай II в сопровождении князя Игоря Константиновича и других официальных лиц объехал на коне построения войск, приветствуя солдат и благодаря их за верную службу.

Из Бендер царская семья последовала в Одессу, где была торжественно встречена городской депутацией. Под звуки российского гимна Император обошел почетный караул, а на следующий день, 10 мая, в 10 часов 45 мин. состоялся Высочайший смотр войскам Одесского гарнизона. Церемониальным маршем прошли полки со спущенными перед Императором и Верховным главнокомандующим знаменами.

В знак посещения Одессы Николай II в Николаевском сквере перед городским вокзалом посадил с супругой платаны, а наследник — молодой дубок.

При посещении грязелечебницы в Куяльницком лимане Императору и его семье были представлены сестра милосердия Ольга Овчинникова и врач Глинский, спасшиеся при злодейском потоплении госпитального судна «Португалия». Во время беседы Николай II интересовался обстоятельствами этой трагедии.

В течение последующей недели царская семья посетила Севастополь и Евпаторию, где в Николаевском соборе был отслужен молебен во славу русского оружия и предстоящей победы, и вернулась в Царское Село.

О массовом подъеме патриотизма говорило и небывалое участие женщин и подростков в этой поистине народной войне.

Не довольствуясь тяжелой, порой изнурительной работой в тылу, лазаретах, санитарных поездах и перевязочных отрядах, россиянки вступали добровольно в ряды Действующей армии, несли тяжелую службу наряду с нижними чинами и в окопах, и в разведке, преодоле-

вая, наравне с мужчинами, любые трудности. Далеко не единственным примером участия женщин в боевых действиях служит история Анатолия Тычинина, рассказанная в журнале «Нива» за 1914 год. На самом деле это была женщина — А. Тычинина.

В стрелковый полк прибыла группа нижних чинов, среди которых выделялся своей молодостью и малым ростом один доброволец. Командир роты хотел назначить его на должность ротного писаря и отправить в обоз, но А. Тычинин объявил, что не желает находиться в тылу, настойчиво просился в строй. Молодому солдату выдали винтовку и научили обращаться с ней.

21 сентября 1914 года во время боя под городом Опатов А. Тычинина назначили подносить патроны, что он делал весьма усердно и ловко, невзирая на сильный ружейный и артиллерийский огонь. Воин перевязывал также раненых и под сильным огнем выносил их с поля сражения. Будучи раненым в руку и в ногу, молодой солдат не оставлял своей самоотверженной работы до тех пор, пока неприятельская пуля не сразила его. При отходе от города Опатов тяжело раненный Анатолий Тычинин остался лежать на поле боя. За этот бой добровольцу был жалован Георгиевский крест IV степени.

В ноябре бежавший из плена ротный фельдфебель того же полка доложил командиру полка, что видел в городе Опатове раненого добровольца А. Тычинина, который оказался молодой девушкой, воспитанницей киевской гимназии.

Когда русские войска снова заняли Опатов, она была эвакуирована в Россию на лечение.

11 января 1915 года Государь «всемилостивейше соизволил, — как следует из приказа, — признать девицу Тычинину награжденною Георгиевским крестом IV степени».

На полях сражения Георгиевскими кавалерами стали разведчица Кира Башкирова, унтер-офицер Мария Бочкарева и другие.

Добровольцем на фронт по окончании Томской женской гимназии и курсов медсестер ушла Агния Николаевна Агеева. Вступив в 291 пехотный Трубчевский полк, она участвует в непосредственных боях в районе Августовских лесов. За участие в разведке и добыче «языка» Агния Николаевна Агеева награждается Георгиевским крестом IV степени.

Позднее А.Н. Агеева работала сестрой милосердия в военном госпитале имени генералиссимуса Жоффра в Петрограде. Не приняв Октябрьского переворота, двадцатидвухлетняя сестра милосердия пробилась на Дон и вместе со своей подругой, шведкой Еленой Обрам, вступила в Корниловский ударный полк. Так поступали и многие дру-

гие сестры милосердия, до конца разделившие участь Добровольческой армии, ставшей на борьбу с большевиками.

Рядом со взрослыми воевали и подростки. Военная хроника тех лет пестрит сообщениями о геройских поступках подростков, среди которых Георгиевскими кавалерами стали казак Илья Трофимов, двенадцатилетний разведчик Василий Наумов, пятнадцатилетние добровольцы Ян Пшулковский, Иван Казаков и многие другие.

Летом 1915 года на излечении в лазарете костромских педагогов находился юный Иван Казаков. Корреспондент журнала «Искры» смог побеседовать с ним. Вот строки из последующей публикации:

«Пятнадцатилетний казак родом из Усть-Медведицкой станицы участвовал в кровопролитных боях на территории Восточной Пруссии. В рукопашной схватке отбил у неприятеля пулемет, спас прапорщика Юницкого, а во время удачной разведки обнаружил вражескую батарею, которая затем была целиком, с орудийным расчетом, взята в плен нашим отрядом».

На груди у юного солдата Ивана Казакова красовались Георгиевские кресты II, III и IV степеней.

Шестнадцатилетний воспитанник Строгановского училища доброволец Владимир Соколов, раненный в ногу на австро-германском фронте, был произведен в унтер-офицеры и награжден Георгиевским крестом IV степени за то, что сумел «снять» неприятельский «секрет» и захватить пулемет во время атаки.

За проявленную храбрость на австрийском фронте полным Георгиевским кавалером стал семнадцатилетний юноша Владимир Вейсбах.

И уж совсем удивительную историю, забытую в бурном водовороте последующих событий, поведал Сергей Шпаковский в книге «Женщина-воин», изданной в Буэнос-Айресе в 1969 году.

Вдали от театра военных действий, на северо-западной окраине России, первую в ту мировую войну боевую награду получила Маруся Багрецова, двенадцатилетняя дочь смотрителя маяка, который находился на мысе Святой нос. Мыс стрелой врезался в Белое море, отделяя его от Баренцева. Маяк был оборудован специальной сигнальной мачтой, паровой сиреной для подачи сигналов во время тумана и непогоды и имел прямую телефонную связь с Архангельском.

Долгие годы на маяке исправно служил смотритель со своей семьей и помощником. Жена смотрителя умерла, он часто болел и вскоре потерял слух, а помощника смотрителя призвали в армию. До выхода на пенсию смотрителю оставалось всего несколько месяцев, и, чтобы

не потерять ее, он скрыл недуги, а дочку обучил службе на маяке, с которой она справлялась.

С началом первой мировой войны военно-стратегическое значение маяка резко возросло, так как мимо него проходили караваны судов из Англии, Франции и Америки, доставлявшие в Россию оружие и грузы. До 1915 года интенсивность перевозок была невысока, но затем, когда западная помощь стала существенной, работы на маяке прибавилось. Однако Маруся справлялась и с этой нагрузкой, не давая повода для каких-либо подозрений, что судьба маяка находится в неопытных руках.

Однажды поздно ночью по прямому проводу из Петрограда передали запрос о британском пароходе с ценным военным грузом, сведениями о котором русская служба не обладала и не могла ответить что-либо британскому адмиралтейству. Тогда штабной офицер связался по прямому проводу с мысом Святой нос. Ему ответил детский голос.

— Кто говорит? — удивленно спросил офицер и добавил: — Где смотритель?

После заминки детский голос ответил:

— Он... он немного болен... я сама доложу.

— Кто у телефона? — сердито повторял офицер.

— Маруся Багрецова, дочь смотрителя, — послышалось в трубке.

Затем девочка, внимательно выслушав офицера, неторопливо доложила обо всех перемещениях судов, включая интересовавший офицера. Полученные сведения были переданы в морское ведомство и вполне удовлетворили британское адмиралтейство.

Каково же было удивление руководства Генерального штаба, когда им стало известно о дочери смотрителя, полностью заменившей отца на службе! Правда, через две недели на мыс, стратегическое значение которого возрастало с каждым днем, прибыл новый смотритель и несколько связистов, а старого смотрителя, несмотря на недостающие по стажу месяцы, уволили в отставку на полное пенсионное содержание. Спустя некоторое время последовал приказ: «В воздаяние отличной доблести, спокойствия и редко добросовестного отношения к службе в тяжелых обстоятельствах военного времени, девица Мария Багрецова награждается серебряной Георгиевской медалью».

Так первую боевую награду в Белом море получила девочка-подросток, о дальнейшей судьбе которой, к сожалению, ничего не известно.

Подобных примеров можно приводить множество, и каждый из них убедительно доказывал, что единение армии и народа не ослабевало, несмотря на многочисленные трудности военного времени, неизбежно сопровождавшие сложные периоды истории России.

6 447

В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!

В. Брюсов

5 Общество и милосердие

Открытие российских лазаретов. Благотворительные акции россиян. Письма с фронта. Церковь воинству. Братское всероссийское кладбище в Москве.

В жизни каждого народа война всегда является суровым испытанием. Она выявляет нравственные принципы общества, обостряет чувство патриотизма.

Для России кровопролитная война 1914-1918 гг. с первых же дней приняла широкомасштабный характер, раздвинув свои границы от Кавказа до Балтики. Российские войска вели основные сражения на Западном фронте, в Галиции и в приграничье, не отдавая противнику даже малой части своих территорий.

Возраставшие масштабы войны и героизм защитников Отечества побуждал и российское общество к расширению благотворительных и милосердных акций.

Особое место здесь занимает российское общество Красного Креста (РОКК).

В первые дни войны Императрица Александра Федоровна с дочерьми Ольгой и Татьяной возглавили комитеты по оказанию помощи пострадавшим от военных бедствий; они стали попечительницами госпиталей и лазаретов.

Повсеместно на средства земств создавались лазареты для прибывших с фронта раненых.

Курское дворянство ассигновало семьдесят пять тысяч рублей на

образование превосходного лазарета в здании дворянского собрания. Крестьяне также открыли свой госпиталь, собрав для этого шестьдесят тысяч рублей.

Летом 1915 года в Петрограде, в Зимнем дворце, был открыт лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Раненые поступали в лазарет с Иорданского подъезда, со стороны Невы. Приемная лазарета и сортировочная располагались в вестибюле. Там же была установлена подъемная машина для тяжелобольных. Лазарету были отданы аванзал, Николаевский зал с прилегающей к нему Восточной галереей, большой Фельдмаршальский, Петровский, Александровский, Гербовой залы, военная галерея памяти героев Отечественной войны 1812 года. В Колонном зале расположилась грандиозная операционная, оснащенная самым современным оборудованием, в Помпейском садике установили ванны для водных процедур. Все картины и ценности, находившиеся там в мирное время, оставались на местах, скульптуры и наиболее ценные полотна были закрыты деревянными щитами и покрывалами. Со стен сняли лишь золотые и серебряные блюда — дары русским царям.

Лазарет был рассчитан на тысячу раненых и больных воинов, которых обслуживали сто восемьдесят санитаров, шестьдесят сестер милосердия и десять врачей во главе с доктором Рутковским. Работы по переоборудованию царских зал под лазарет проводились за счет дворцового ведомства. Общество Красного Креста оборудовало лазарет мебелью, снабдило постельным бельем и медикаментами.

Освящение этого крупнейшего в России лазарета состоялось 10 октября 1914 года. После полудня к Зимнему дворцу стали съезжаться приглашенные на торжество официальные лица. В числе их были статс-дама Нарышкина, графиня Гендрикова, военный министр А.А. Поливанов, князь Шервашидзе, генерал-адъютант барон Ф.Е. Мейендорф, председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, начальник Петроградского военного округа генерал-майор Туманов и другие высокопоставленные лица. Молебен по случаю открытия лазарета было намечено провести в Николаевском зале.

Роскошный Николаевский зал с его великолепными массивными колоннами гармонировал с больничным убранством кроватей, белоснежными пикейными одеялами и пуховыми подушками.

К трем часам дня в Николаевском зале собрался также весь медицинский персонал во главе с главным врачом Рутковским, санитары и сестры милосердия во главе со старшей сестрой Матюшкиной.

Ровно в три часа дня из внутренних покоев Зимнего дворца в Ни-

6*

колаевский зал вошли вдовствующая Императрица Мария Федоровна, Августейшая покровительница российского общества Красного Креста, Императрица Александра Федоровна с дочерьми в сопровождении принца Александра Петровича Ольденбургского, назначенного верховным начальником санитарно-эвакуационной части.

Водосвятский молебен начался с благословения протопресвитера Дернова и его пожелания скорейшей победы российскому войску над грозным противником.

Затем залы, переданные под лазарет, были окроплены святой водой.

Через несколько месяцев лазарет начал полностью функционировать.

В канун 1915 года в Петрограде состоялось освящение городского госпиталя имени бельгийского короля Альберта.

На открытии его присутствовал весь состав бельгийской миссии, аккредитованной в российской столице, а также городской голова граф И.И. Толстой и другие официальные лица. Госпиталь был рассчитан на тысячу двести человек и считался самым большим среди городских госпиталей. Он был оборудован по последнему слову техники: имел собственную операционную, рентгеновский кабинет, зубоврачебный кабинет, ушной и глазной кабинеты, дезинфекционную камеру, прачечную и аптеку.

В том же году открылись офицерский лазарет в Царском Селе, патронат-убежище для нижних чинов в Новом Петергофе, Двинский земской лазарет. Все они находились под покровительством царской семьи и периодически посещались Августейшими особами.

7 января 1915 года в зале Государственной Думы торжественно открылся первый съезд, посвященный состоянию отечественных лечебных заведений.

Председателем организационного бюро первого медицинского съезда по улучшению отечественных лечебных заведений был избран профессор Ф.А. Рейн.

В том же 1915 году произошло торжественное освящение открывшегося в Петрограде английского лазарета. Православный священник совершил совместную с английским епископом службу. На этом торжестве религиозного и милосердного единения во имя общего служения страждущим братьям, проливающим кровь в союзной войне, присутствовали Императрица Александра Федоровна с дочерьми, английский посол в России сэр Джорж Бьюкенен, его супруга и дочь посла Мэриель Бьюкенен — сестра милосердия открывавшегося лазарета.

11 мая 1915 года в английской столице успешно прошел так называемый Русский день в пользу раненых и семей доблестных российских воинов. Желая продемонстрировать глубокие симпатии к России, устроители этого крупного благотворительного мероприятия создали подготовительный комитет под председательством бывшего премьер-министра графа Розбери. В этот день устроили повсеместно сбор средств в пользу русских раненых, прошли благотворительные концерты и спектакли.

В дар русской армии лондонские бизнесмены передали полевой моторизованный лазарет из десяти санитарных автомобилей, оснащенных медицинским оборудованием. Серо-зеленые автомобили имели опознавательные знаки с изображением Красного Креста, под каждым из которых красовалась надпись: «Русской армии от Лондона». Королева Великобритании Александра в сопровождении принцесс Виктории и Мод осмотрела полевой лазарет перед его отправкой в Россию и в присутствии заведующего этим лазаретом, князя Георгия Имеретинского, выразила радость по поводу представившегося случая засвидетельствовать Императрице Александре Федоровне восхищение подвигами русской армии.

По инициативе старейших членов русской колонии в Лондоне Н.Н. и Н.А. Веневитиновых в пользу российского Красного Креста были организованы два концерта, а также открытый аукцион продажи кукол, одетых в русские национальные костюмы. Вырученная тысяча фунтов стерлингов была передана российскому обществу Красного Креста.

Английская фирма Вильямс также изъявила желание предоставить российскому Красному Кресту десять санитарных автомобилей.

В сентябре 1914 года из Нью-Йорка в Петроград отбыл отряд американского Красного Креста во главе с доктором Меджилем. Журнал «Нива» сообщал об этом событии и приводил слова американского доктора, сказанные им по прибытии отряда в российскую столицу:

— Со мною прибыли 26 сестер, обладающих огромным опытом и надлежащими знаниями. Мы обратили внимание на то, чтобы наше трудное дело выполнялось женщинами, прослужившими в течение нескольких лет в клиниках.

Главная сестра отряда долгие годы практиковала в Чикагском госпитале, остальные до приезда в Россию работали в клиниках Балтимора, Беклина, Клингтона и других американских городов. Главным распорядителем и душой всего отряда являлась мисс Мабель Бурдман.

В составе 3-го подвижного Кауфманского лазарета имени членов Государственной Думы, все сестры милосердия которого принадлежали к высшему столичному обществу, работали также две англичанки — Мэри Букнау и мисс Елена Люис, а также итальянка — графиня Нина Антонелли. Попечителем подвижного лазарета был член Государственного Совета В.П. Энгельгардт. За свой самоотверженный труд на Восточно-Прусском фронте все сестры милосердия получили золотые медали на Аннинской ленте, а некоторые из них — Георгиевские награды. Среди них были: княжна Варвара Владимировна Урусова, ее родная сестра — княжна Екатерина Владимировна Урусова, баронесса Мария Юльевна Икскуль-фон-Гильденбандт, старшая сестра В.Е. Масленникова и другие.

Отряд выполнял в полевых условиях огромную хирургическую работу, и нельзя было не удивляться усердию сестер и всего медицинского персонала во главе со старшим врачом Бритневым.

В марте 1915 года в российскую столицу прибыл из Копенгагена доктор Томсен с подарками, собранными датчанами для доблестных российских воинов, находившихся в лазаретах РОКК.

— Основная задача моего приезда в Петроград, — сказал датский миссионер, — познакомить петроградское интеллигентное общество с датскими настроениями в связи с великой войной.

Доктор Томсен сообщил, что датские табачные фабрики совместными усилиями выслали в Россию огромный транспорт с табачными изделиями.

— Успехи доблестного русского оружия рождают неподдельный восторг во всех кругах датского народа, — сказал доктор Томсен. — Наше восхищение выражается в виде небольших подарков для русских героев.

Тогда же в Москву из Киева прибыла группа американских сестер милосердия, в течение пяти месяцев работавших в американском лазарете Киева. Американки Марта Мориц из Чикаго, Бланш Хорнер, Елена Линдерман и Фрида Гартман из Нью-Йорка, Люси Барграм из Кентукки и Марго Мак-Гери из Балтимора поделились своими впечатлениями о пребывании в России.

Все они очень тепло говорили о русских солдатах, а ведь за плечами каждой из американских сестер милосердия имелся солидный опыт медицинской помощи в разных странах.

— Русские солдаты поразили нас своими редкостными душевными качествами, они очень чутки, добры, деликатны, готовы отдать все за ласковое слово, за малейшее участие к ним. Нам говорили, что рус-

ский солдат груб, необразован и неделикатен. Нет, мы видели в нем такое благородство и мягкость, которые не даются никаким образованием.

Не оставались безучастными к судьбе раненых на фронтах войны и различные общественные организации. Народный дом московских трезвенников, например, был переоборудован под госпиталь, в одном из просторных залов которого разместилась мастерская по пошиву нижнего белья.

По дорогам войны колесили десятки летучих санитарных поездов и лазаретов, состоявших в ведении члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. В начале 1915 года на передовых позициях Западного фронта начал работать первый пробный поезд-баня. Все пользовавшиеся баней, от солдат до офицеров, получали чистое белье, а свое оставляли в поезде для стирки и починки. Поезда-бани были снабжены оборудованием для машинной стирки, сушки и глажения белья, которое размещалось в специальных вагонах. Поездом-баней в сутки могли пользоваться тысяча пятьсот человек.

Были организованы и передвижные питательные пункты. В считанные часы на открытом воздухе разбивались просторные палатки, складывались печи и кипятильники, устанавливались длинные столы с приборами. В торце стола по вечерам зажигался факел. На столе, по словам очевидцев, было предусмотрено все — от изящных пепельниц до подставок для яиц. Стол накрывался полотняной скатертью, а среди блюд обязательными были закуски — ветчина, сыр, консервы, молоко, яйца, белый хлеб, а к чаю — варенье, пряники, разного сорта конфеты и пастила. Весной и летом на столах в гильзах от шрапнели стояли пышные букеты полевых цветов. В палатках располагались специальные столы с письменными принадлежностями — чернилами, карандашами, конвертами, а также свежие газеты.

Подобные заведения, известные среди солдат и офицеров под названием «питательно-ласкательные пункты», работали круглосуточно, и каждый из воинов, прибывший на пункт, в любое время мог получить еду, горячий чай и внимание со стороны обслуживающего персонала. Офицерам после изнурительных боев и окопной жизни предлагалось принять баню, получить свежее белье и чистую постель. Так же были организованы еще тринадцать питательных пунктов, которые курсировали по дорогам войны, появляясь на передовых и принося радость тысячам уставших воинов.

Не оставались в стороне от происходящих событий русские дипломатические колонии и соотечественники за рубежом. Весной 1915 го-

да в Париже прошло освящение санитарно-автомобильного отряда из двадцати пяти автомобилей. Это был второй санитарный автопоезд, организованный во Франции и предназначенный для французских и русских солдат, которые принимали участие в боевых действиях на стороне союзнических войск.

С расширением военных действий на кавказско-турецком фронте туда был направлен врачебно-питательный отряд земского союза, во главе которого стояли Т.И. Полнер, С.В. Глебов, М.М. Костомаров и священник отец Федор Алферов. Отряду были приданы тридцать два автомобиля, приспособленные для перевозки раненых, и один грузовой автомобиль, на платформе которого была оборудована передвижная автомастерская. В отряде также имелись сорок четыре походные палатки и разборные домики, гужевой и автомобильный транспорт с большим запасом перевязочных средств и пищевых продуктов. Кроме того, отряд включал походную церковь, палатку-госпиталь, палатки для персонала отряда, столовую, походные кухни и палатку-баню. Обслуживали врачебно-питательный отряд врачи, фельдшера, сестры и братья милосердия, санитары. Всего служебного персонала было около четырехсот пятидесяти человек.

Передвижной отряд под названием «Русское учительство» организовал комитет помощи пострадавшим от войны. Необходимые средства поступили от сбора пожертвований в Петрограде и из отчислений провинциальных народных училищ. Во главе отряда стал уполномоченный Петроградской Думы Г.А. Фальнборг. Отряд был сформирован из пяти санитаров-студентов, сестер милосердия Кауфманской общины, классных дам, курсисток, медичек, народных учительниц и трех врачей. Образцово оборудованный отряд, включавший два питательных пункта, дезинфекционную баню и перевязочную, колесил по передовым позициям, неся скорую помощь и облегчение защитникам Отчизны.

Значительную помощь раненым и беженцам оказывал на дорогах войны санитарно-питательный отряд российского Красного Креста во главе с Марией Васильевной Шелапутиной. Кроме оказания первой медицинской помощи, отряд снабжал раненых и беженцев всем необходимым: бельем, табаком, чаем и т.п. За два года существования отряд помог двумстам тысячам беженцев и воинов. Он не раз попадал под обстрел, но не прекращал своей милосердной помощи, за что М.В. Шелапутина и несколько ее сотрудниц были награждены Георгиевскими медалями.

Летом 1915 года по Волге начал курсировать первый специализированный госпиталь-санаторий — переоборудованный пароход «Великая княгиня Ксения». Пароход был приспособлен для лечения офицеров, нижних чинов, в первую очередь пораженных отравляющими веществами, которые неприятель начал применять на позициях российских войск.

Чистый и сухой воздух волжских просторов, в особенности в южных его районах, благоприятствовал излечению болезней дыхательных путей и легких.

Следом за «Великой княгиней Ксенией» речные просторы Москвыреки, Оки и Волги начала бороздить баржа «Славянин», приспособленная под плавучий госпиталь для воинов, пострадавших от удушливых газов.

Первый двухнедельный рейс дал возможность доктору плавучего госпиталя В.В. Рудневу весьма похвально отозваться о результатах лечения: поездка оказала наилучшее действие на здоровье больных со средним и незначительным отравлением. «Больные поправляются быстро, — отмечал В.В. Руднев. — Замечено уменьшение желудочных болей и в области печенки. Уменьшилось сравнительно заметно головокружение и рвота. Силы больных быстро восстанавливались. Апатия сменялась оживлением».

Во время оздоровительного путешествия проводились медицинские исследования и наблюдения. Медики собрали обширный материал о благотворном влиянии волжского климата на различные болезни, вызванные отравляющими газами.

Инициатор этого начинания доцент С.А. Бруштейн в беседе с корреспондентом «Биржевых ведомостей» отметил положительные результаты работы плавучих лечебных заведений:

— Я пришел к убеждению, что больные на Волге поправляются во много раз быстрее, чем в обыкновенных курортах, и результаты поездки далеко превзошли все наши ожидания.

По пути следования плавучих лазаретов население с восторгом встречало больных воинов. Особенно трогательно приветствовали баржу «Славянин» в Касимове. На пристань высыпало почти все городское население со множеством подарков. Такую же теплую встречу устроили раненым в Коломне, Муроме, Павлове и других приокских и волжских городах.

Трогательный случай произошел у села Копаново, где из-за большого тумана баржа вынуждена была остановиться на ночь.

Прослышав, что баржа с ранеными воинами неподалеку, крестья-

не, рано утром подоив коров, доставили в лодках десять ведер парного молока в дар защитникам Отечества.

В крупных городах толпы горожан с цветами и оркестрами тепло встречали воинов, а местные власти предоставляли им возможность осмотреть достопримечательности городов.

Большое внимание уделялось и проблемам военнопленных.

Огромное значение для освобождения российских воинов от унизительного пребывания в плену имело создание комитета по обмену и эвакуации военнопленных инвалидов под председательством супруги министра иностранных дел А.Б. Сазоновой. Налаживались связи с аналогичными комитетами и организациями Красного Креста союзнических и нейтральных стран, через которые велись переговоры об обменах военнопленными.

21 августа 1914 года в помещении Главного Управления Красного Креста перед началом заседания был отслужен напутственный молебен в связи с отъездом в Германию трех российских сестер милосердия. Кроме них, в состав делегации вошли супруга погибшего в плену генерала А.В. Самсонова, попечительница Житомирской общины милосердия Н.И. Оржевская и настоятельница петроградской Георгиевской общины П.А. Казем-Бек.

С приветствием к отъезжающим обратился протоиерей Казанского собора: «Передайте находящимся в плену нашим братьям привет, сообщите им, что они не забыты Россией, что победа несомненна, что в этой победе все убеждены, она не за горами, и пленные обратятся скоро в вольных героев-победителей».

Кроме непосредственного обмена военнопленными, который достигался прямыми договорами между воюющими странами, значительную роль сыграли российские дипломатические посланники за рубежом, в особенности в нейтральных странах. Благородную посредническую миссию выполняла Швеция, оказывая помощь по возвращению на Родину российских солдат и офицеров, попавших в плен в первый год войны. Правительство Швеции организовывало питание, предоставляло пароходы и поезда для возвращения военнопленных домой, Россия же направляла для их сопровождения сестер милосердия и врачей. Труднобольные и тяжелораненые временно, до выздоровления, размещались в шведских больницах и клиниках. Прибывшим из плена оказывался радушный прием, устраивались торжественные чествования, а для раненых приспосабливались помещения в госпиталях, крупнейшим из которых в Петербурге был госпиталь Великой княгини Елены Павловны.

4 августа 1915 года в десять утра специальным поездом из Швеции в Петроград прибыли первые двести пятьдесят бывших военнопленных, в том числе три офицера. Площадь Финского вокзала была запружена народом. Звучал военный оркестр. Инвалидов приветствовал городской голова граф И.И. Толстой. С особыми почестями встречали бежавших из плена солдат и офицеров, большинство из которых представлялось к боевым наградам и денежным вознаграждениям.

Российский Красный Крест взял на себя еще одну немаловажную обязанность — наведение справок о раненых и больных воинах. Для этого в первые же месяцы войны при Российском Красном Кресте организовали справочный отдел. Первоначально он работал на Басковой улице в Петрограде, ютился в тесном помещении, а через год разросся и занимал уже тридцать комнат в доме на Надеждинской улице. Благородная деятельность отдела снискала ему большую популярность. В нем целый день кипела работа, сотни посетителей справлялись о судьбе дорогих им людей. Кроме того, отдел ежедневно отвечал в среднем на пятьсот письменных запросов о нижних чинах и до семидесяти пяти запросов об офицерах.

Налаженная работа в лазаретах, в том числе и в союзнических войсках, которые сообщали справочному отделу данные о поступлении раненых и больных воинов, позволяла почти полностью удовлетворять запросы граждан. За полтора года существования отдела число входящих и исходящих бумаг перевалило за полтора миллиона. Во главе справочного отдела стоял сенатор Д.Р. Вилькен.

Поиском пропавших детей и родителей среди беженцев занимался Центральный русский комитет при Западно-русском обществе, состоявшем под покровительством Великой княгини Виктории Федоровны. При комитете были организованы убежища для детей с помещениями для ночлега, игр и развлечений. Там же дети и подростки обучались грамоте и различным ремеслам.

На Северо-Западном фронте беженцам помогало управление «Северо-помощь», во главе которого стал член Государственного совета С.И. Зубчанинов. Через год «Северо-помощь» насчитывала тысячу шестьсот учреждений, которые занимались организацией питания, трудоустройства и одежды для более чем пятисот тысяч беженцев. За год существования этой благотворительной организации беженцам выдали свыше сорока миллионов обедов; врачебной помощью пользовалось около двухсот тысяч человек, и передано беженцам одежды и обуви до одного миллиона предметов. Продовольственные склады, как отмечали военные инспектора, ломились от запасов продовольствия и муки.

Учитывая вызванную войной нехватку рабочих рук на селе, по инициативе министерства народного просвещения летом в помощь крестьянам были направлены отряды учащейся молодежи. Как следовало из циркуляра министра народного образования, «участие молодежи в деревенской сельскохозяйственной работе имеет огромное воспитательное значение: только разделяя трудовую долю крестьянина, только работая бок о бок с ним, можно действительно сблизиться с народом и научиться понимать его нужды, говорить на его языке».

Огромные военные расходы требовали больших дополнительных материальных средств, и здесь значительную роль сыграла благотворительность российского общества, принявшего на себя часть обременительных расходов по содержанию госпиталей, а также проведению инициативных благотворительных акций.

Владелица местечка Белая Церковь Киевской губернии графиня Мария Броницкая одна из первых предоставила в распоряжение земских комитетов Красного Креста пятьдесят тысяч рублей. В своей усадьбе она отдала под лазарет принадлежащую ей больницу. За свой счет содержала пятьдесят коек для раненых нижних чинов и четырнадцать для раненых офицеров.

Несколько позже в Москве на Якиманке торжественно заложили больницу и дом призрения для увечных воинов на миллион рублей, завещанные А.И. Коншиной. Одновременно с этим душеприказчики А.И. Коншиной передали в ведение городского управления просторную дачу в Петровском парке, где расположился санаторий для раненых.

На военные нужды россияне вкладывали немалые деньги. Так, завещанием нефтепромышленника Левана Константиновича Зубалова московскому городскому самоуправлению и земству на оборудование лазаретов для больных и раненых воинов жертвовались четыреста пятьдесят тысяч рублей.

В «Вестнике Красного Креста» периодически публиковались списки жертвователей, которым объявлялась Высочайшая благодарность Августейшей покровительницы российского общества Красного Креста Императрицы Марии Федоровны.

В списке значились петроградское дворянство, пожертвовавшее сто тысяч рублей на расходы по содержанию санитарного отряда, общество по продаже металлургических изделий русских заводов, пожертвовавшее аналогичную сумму в пользу раненых воинов, совет по управлению имуществом петроградских армянских церквей и проживающих в российской столице армян, снарядивший полевой лазарет.

Среди частных лиц Высочайшей благодарности удостоились семья покойного князя П.Г. Волконского за пожертвование восемнадцати тысяч рублей, графиня Н.В. Толстая, передавшая Красному Кресту десять тысяч рублей на содержание отряда ее имени, графини Е.В. Шувалова и Е.А. Воронцова-Дашкова за щедрые денежные вклады на содержание питательных пунктов и подвижных отрядов сестер милосердия. В этих списках были и очень скромные вклады, как, например, вклад крестьянина П.Н. Семянникова в сумме трех рублей, японского купца Кииициро Цусия, передавшего в РОКК пятьдесят шесть рублей, и младшего унтер-офицера Ф. Грибкова, пожертвовавшего один рубль.

Среди частных лиц вкладчиками значились ученики Белятинского начального училища, группа сирийцев, проживавших в США, Астраханская армянская консистория и даже арестанты Каинской уездной тюрьмы, пожертвовавшие свои скромные средства на содержание коек имени «заключенных в тюрьмах».

Списки жертвователей в пользу раненых воинов ежемесячно пополнялись.

Весной 1915 года от американского Красного Креста в российский Красный Крест было перечислено 10299 рублей 90 копеек. Кроме того, от американских граждан через Красный Крест поступило 11750 рублей в пользу русских госпиталей, в которых работали американские врачи и сестры милосердия. А спустя неделю министерство иностранных дел России передало в Главное Управление РОКК дубликаты двух накладных на груз из ста тридцати двух ящиков, в которых находились подарки из США, адресованные российским детям.

8 сентября 1915 года в Нижнем Новгороде был открыт лазарет при военном учебном заведении Аракчеевского кадетского корпуса. Лазарет содержался на средства служащих корпуса, супруги командира и жен командиров войсковых частей нижегородского гарнизона.

Два месяца спустя там же состоялось освящение другого лазарета, принятого под покровительство Красного Креста и оборудованного на средства крестьянина М.Г. Кугушева. Помещение для лазарета нижних чинов позволяло разместить пятнадцать раненых или требующих постельного режима воинов. Дежурной сестре милосердия и санитарке также предназначались комнаты. Кроме того, сельский благотворитель взял на себя расходы по отоплению и освещению помещений лазарета.

Принимая этот милосердный дар под свое покровительство, пред-

ставители городского отделения Красного Креста не скрывали удовлетворения.

«В наше время, — отмечалось в «Вестнике Красного Креста», — настоящее скромное пожертвование особенно ценно. Не перевелись еще, значит, люди, любящие Родину бескорыстно, не за страх, а за совесть».

Дальнейшее содержание лазарета взяло на себя нижегородское отделение Красного Креста, а заведование им было поручено доктору Алелекову.

В Москве по инициативе Е.С. Щенковой объединенный комитет биржевого и купеческого обществ открыл патронат с учебными мастерскими для воинов, ставших калеками. Для их приобщения к полезному труду оборудовали сапожную, портняжную и шорную мастерские на сто человек. Курс обучения мастерству был рассчитан на три месяца. Известный в России книгоиздатель И.Д. Сытин пожертвовал патронату целую библиотеку книг по необходимым специальностям и коллекцию настенных таблиц по сельскому хозяйству.

Летом 1916 года на месте вечного упокоения князя Олега Константиновича Романова был сооружен небольшой красивый храм во имя Святого князя Олега Брянского, останки которого были перезахоронены в построенной вместе с храмом часовне. А шестого июля в Осташово, имении почившего Великого князя Константина Константиновича, состоялась торжественная закладка ремесленного училища в память о его сыне, умершем от ран, полученных в бою под Сольдау в Восточной Пруссии. На церемонии установления камня в фундамент ремесленного училища, которое предполагал построить для своих селян накануне войны молодой князь, присутствовали мать покойного князя Великая княгиня Елизавета Маврикиевна, князь Игорь Константинович, прибывший на торжество из ставки Верховного главнокомандующего, князь Георгий Константинович и восьмилетняя княжна Вера Константиновна. На торжество прибыли также министр народного просвещения П.И. Игнатьев и генерал-майор Н.Н. Ермолинский. Перед богослужением присутствовавшие отметили, что покойный Олег Константинович придавал огромное значение развитию не только народного образования, но и профессиональных знаний среди селян, неоднократно высказывал свое желание заняться просветительством после войны. На закладку училища в память об Олеге Константиновиче, пользовавшемся трогательной любовью крестьян, пришло не только население села Осташово, но и крестьяне соседних сел. Нарядные, в пестрых одеждах и высоких сапожках, при-

шли крестьянки и свободные от работы мужики вместе с детьми, чтобы выразить глубокую благодарность за внимание к подрастающему поколению селян и еще раз засвидетельствовать уважение к памяти покойного князя. После богослужения первый камень в фундамент училища положила Великая княгиня Елизавета Маврикиевна и ее дети. Новое здание ремесленного училища, по замыслу архитектора Крюкова, предполагалось построить в стиле ампир александровской эпохи.

Недавно мне довелось встретиться с княжной Верой Константиновной. Она помнит мельчайшие детали прошедших событий. С горечью поведала она о том, что с приходом большевиков могилу Олега Константиновича в имении Осташово кощунственно вскрыли и разграбили, хотя ничего дорогого, кроме мундира и орденов, на покойном не было.

В Петрограде известная тогда драматическая актриса О.М. Миткевич, окончив курсы сестер милосердия, вместе с графиней О.В. Тизенгаузен организовала на свои средства госпиталь для раненых солдат.

По инициативе гласного Городской Думы попечителя Всероссийского братского кладбища С.В. Пучкова в Москве были устроены мастерские для изготовления перевязочного материала.

Недалеко от Ильинских ворот, в двух громадных светлых магазинах дома Северного страхового общества, с утра до вечера, без выходных и праздников, безвозмездно трудились московские «пчелки», как любовно окрестила пресса сотни горожан разного пола, возраста и социального положения, всех тех, кто откликнулся на этот призыв и предложил свой труд в помощь российскому обществу Красного Креста, а значит, и Действующей армии.

Моральный дух армии поддерживался также обширной почтой, которая постоянно поступала в штаб Верховного главнокомандующего и в штабы армий от отдельных лиц, обществ и различных органов самоуправления в виде приветствий и обращений к российским войскам с верой в родную армию.

Письмо сельского старосты Калужской губернии Ивана Семеновича Кудряшова, выдержки из которого приводятся ниже, достаточно полно характеризует содержание и дух подобной переписки:

«Да здравствуйте, христолюбивое воинство, герои армии!

Бог вам в помощь победить врага, кланяюсь я вам от лица и до земли и возвещаю я вам радость будущего успеха. Не робейте, ребята, не поддавайтесь врагу германцу. У нас, у всех стариков, кипит геройская кровь к бою на врага; как только какая неустойка, то мы

все успешно на поля брани вылетим, как пчелы из улья, и победим врага. Не допустим врага насмеяться над нашей матушкой Россией».

Молодой литератор К.И. Чуковский в годы первой мировой войны находился в Англии. Впечатления от пребывания на фронте нашли свое отражение в книге «Заговорили молчавшие» (1916). В ней приведены примеры писем англичан к своим воинам, находившимся на фронте. По сравнению с перепиской простых россиян, где большинство посланий выдержаны в добрых, юмористических тонах, полных душевной теплоты и ласки, письма англичан казались особенно сухими. «Жаль, — писал К.И. Чуковский, — что доселе не собраны русские солдатские письма. Я уверен, что коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы в них, было бы духовной красоты удивительной».

Небольшой отрывок из письма одного из казаков красноречиво говорит об этом:

«...А еще извещаю вас, дорогие родители, батенька и маменька, что коня подо мной убили, природного нашего Бурчика, и достал я себе германского коня. Конь неплохой, а все прет в Германию, никак не удержишь.»

И в каждом письме кланяются своим родителям и близким своим от светлого чела до самой земли, и обнимают горячо, и верят в победу над неприятелем.

Были среди них и такие письма:

«Дорогая супруга наша Лукерья Петровна! Уведомляем вас, что теперь пришел мой смертный часочек. Не привел Господь свидеться. Береги Васютку и Дуньку, а ежели опять пойдешь замуж, не давай их бить чужим людям. Мерина продай Павлу Рыжову, ну, только меньше 70 руб. не бери, потому теперь лошади дороги стали. С Петьки Безрукова получи три рубля за овес, а избу проконопатить найми дедушку Власа, он за двугривенный это сделает. Меня ранило в спину, и пули вылетели через брюхо. Насквозь прошло. Божья воля! Тебе бы, Лукерья, лучше продать телку-то, а купить жеребенка у Гавриловых. Лошади теперь дороги будут... Прости меня, Христа ради!»

На передовых позициях военными корреспондентами трудились представители крупнейших российских газет и журналов, освещая исторические события тех тревожных дней. Среди них были В.Д. Набоков, В.И. Немирович-Данченко, Е.А. Егоров и многие другие мастера журналистики.

Особую роль в поддержании морального духа общества и воинов играла православная церковь. В военных частях находились походные церкви, служители которых разделяли с воинами все тяготы фронтовой жизни, порой жертвуя собой ради торжества победы. В храме знаменитого Путиловского завода при большом стечении народа протоиереем Н.М. Павским было совершено освящение напрестольного креста для походного храма Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича. Крест представлял собой точную копию креста, которым преподобный Сергий Радонежский благословлял князя Дмитрия Донского на великое ратное дело против монголо-татарских завоевателей.

Интересна телеграмма главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютанта Н.И. Иванова митрополиту московскому и коломенскому Макарию:

«Мои подчиненные и лично я благодарим сердечно вас, владыко, и духовенство московской епархии за молитвы о ниспослании нам помощи Божьей, за благословение иконою Святого Николая Чудотворца и за подарки для наших воинов в Галиции.

Просим и впредь святых молитв ваших и всего подведомственного вам духовенства о даровании нам побед над исконным жестоким врагом русского народа и о том, чтобы милосердный Бог не допустил из-за наших ошибок и недостатков пострадать тому великому делу, к которому Он ныне нас призвал.

От души желаю вам, владыко, и духовенству утешения в трудах на благо паствы и отрады видеть добрые плоды всех забот, трудов и самоотверженных жертв, которые несут все верные подданные нашего царя с ним самим во главе.»

Текст телеграммы красноречиво раскрывает картину взаимоотношений российского воинства и церкви, их духовную связь в годину трудных испытаний.

Как отмечали газеты, и в том числе орган российского Александра Невского братства трезвости журнал «Родная жизнь», война заставила вернуться к «единственному верному, незыблемому, исконному утешению своему — родной православной Церкви». Великие потрясения, вызванные войной, разбудили душу народа.

«Для пастырей открылось необъятное поле деятельности, — отмечалось в статье «Война и духовенство», опубликованной в журнале «Родная жизнь» за 1915 год. — Прежде всего, ждали от них напутственного, ободряющего, вразумляющего слова».

И начавшие было исчезать из церковной жизни проповеди снова

7 447

приобретали первенствующее, громадное значение. Участились отдельные, общие и частные молебствия о победах, здравии и за упокой наших самоотверженных защитников.

Откликнулись на запросы тревожного времени и монастыри. На необъятных российских просторах открывались отлично оснащенные монастырские лазареты, щедрым потоком со стороны прихожан и духовенства потекли пожертвования на военные нужды.

В Пермской епархии, например, все монастыри, как мужские, так и женские, откликнулись на нужды военного времени, отчисляя постоянно два процента от доходов, собирая денежные и иные пожертвования, чистое белье и одежду для воинов, открывая лазареты для раненых воинов и приюты для солдатских сирот. В здании монастырей по официальным сводкам тех лет насчитывалось сто девяносто лазаретов, из их числа сто двадцать четыре лазарета было взято духовенством на собственное обеспечение с общим количеством более четырех тысяч больничных коек. В дальнейшем количество лазаретов, находившихся на попечении церкви, продолжало расти.

Православная церковь не только укрепляла народный дух, совершала благотворительные и милосердные акции, но и являла примеры подлинного героизма, за что представители ее были справедливо отмечены наградами.

Священник пехотного полка Николай Дубняков получил золотой наперсный крест за то, что во время трехдневных арьергардных боев собрал повозки обоза, лишившегося своего начальника, и, ободряя обозных нижних чинов, среди которых было много раненых, довел его до полка сквозь усиленный артиллерийский обстрел и разрывы бомб.

Орденом Владимира IV степени с мечами наградили служителя церкви Николая Поспехова за то, что во время боя он, находясь в передовом отряде перевязочного пункта, под непрерывным огнем противника неустанно и самоотверженно напутствовал раненых, добрым словом и молитвою воодушевлял солдат, благодаря чему многие из легко раненных возвратились обратно в строй.

Орденом Анны II степени с мечами был отмечен семидесятилетний священник пехотного полка Василий Нименский, который, несмотря на свой почтенный возраст, без устали шагал в строю с полком. С крестом в руках он ходил к передовым позициям и благословлял сражавшихся воинов, нес утешение раненым.

В пылу сражения многие священники помогали сестрам милосердия перевязывать увечных, выносить их с поля боя и напутствовать умиравших, облегчая их мученическую смерть.

Среди отличившихся представителей российского духовенства особое место принадлежит тридцатилетнему священнику 5-го Финляндского стрелкового полка Михаилу Семенову, награжденному офицерским Георгиевским крестом.

В сентябре 1915 года отец Михаил, контуженный, вынес из-под огня тяжело раненного бойца и доставил его на перевязочный пункт, где тут же взялся за причащение раненых, соборование умирающих и похороны убитых. На следующий день, когда противник стал теснить позиции российских войск на левом фланге, отец Михаил, пренебрегая сильным огнем, бросился вперед и, увлекая за собой солдат, повел их в атаку, которую они блестяще завершили.

За время боев с 8 по 21 октября отец Михаил с редким мужеством и хладнокровием выполнял пастырские обязанности, ободряя на передовых позициях солдат.

Когда в окопе у бойцов кончились патроны, а обозные не решались доставить их из-за непрекращавшегося обстрела местности мощным артиллерийским огнем, отважный священник на двуколке смело прорвался сквозь кромешный ад огня и доставил патроны стрелкам. Не прошло и месяца, как отец Михаил вновь отличился, оградив командира полка от неминуемой гибели.

Когда офицеры вошли в помещение, они обнаружили в нем неразорвавшуюся немецкую бомбу. Спас положение отец Михаил. Священник осторожно взял бомбу в руки, вынес ее из помещения и утопил в реке.

О подвиге пастыря Михаила Семенова поведала петроградская газета «Голос Руси».

Героические поступки российских воинов и духовенства на полях сражения, их преданность Отчизне вдохновляли общественность на многочисленные благотворительные акции.

Материальная помощь, помимо общегосударственных ассигнований на нужды войны, поступала из различных источников.

Женское патриотическое общество, основанное еще во время войны 1812 года, выпустило серию патриотических почтовых марок с надбавкой в одну копейку к номинальной цене. Серия состояла из четырех марок стоимостью в одну, три, семь и десять копеек, на которых были изображены древнерусский воин с мечом и щитом, всадник с ружьем, боярыня в окружении детей и Георгий Победоносец, пронзающий копьем дракона. Такая форма пожертвования пришлась по душе российским гражданам. Ежедневно в канцелярию общества, находившегося в Петрограде, поступало множество запросов из провин-

циальных банков и от частных лиц с просьбой прислать марки и для частных лиц, и для распродажи. В губернских столицах крупные учреждения выражали готовность оплачивать свои почтовые расходы исключительно этими марками, а на пасхальные праздники многие пользовались ими для поздравительных открыток. Много писем с подобными марками посылалось на фронт участникам боев.

Не довольствуясь сведениями из газет о положении на фронте, испытывая огромное желание видеть происходящее своими глазами, приобщиться к нуждам солдат и поддержать их, представители российского общества Красного Креста, земских союзов и высокопоставленные особы выезжали на передовые позиции. Поводом для этого чаще всего была раздача подарков нижним чинам.

Графиня Мария Александровна Капнист посетила Кутаисский полк. Под огнем, в передовых окопах раздавала подарки солдатам, за что и была награждена Георгиевской медалью III степени. Впоследствии за подобные акции графиня еще дважды была удостоена Георгиевских медалей.

Супруга члена Государственного совета А.А. Чаплина, уполномоченная от Петрограда по доставке теплых вещей защитникам Родины, также была награждена Георгиевской медалью IV степени за то, что под огнем противника раздавала подарки солдатам. За храбрость, проявленную при посещении передовых позиций с благотворительными целями, Георгиевской медалью IV степени награждена была и княгиня Е.К. Салтыкова, и многие другие.

В орбиту благотворительной деятельности включались и супруги военачальников.

Супруга генерала Брусилова, Надежда Владимировна Брусилова, переехала в 1916 году из Москвы в Одессу для организации склада Императрицы Александры Федоровны по отправке на фронт необходимых вещей для воинов. Н.В. Брусилова организовала в Виннице работу по оказанию помощи пострадавшим в войне и там же основала детский приют, взяв на себя заботы по попечительству. В Москве в 1915 году она восстановила дело братской помощи защитникам Родины, которое было начато ею еще в японскую кампанию.

В разных городах России широко шел сбор подарков воинам, которые затем доставлялись на фронт. Во время рождественских и пасхальных праздников раздача подарков считалась обязательной — ни один из нижних чинов не оставался без внимания.

Частыми гостями на передовых позициях были члены царской семьи, правительства и Государственной Думы. Родная сестра Императ-

рицы Великая княгиня Виктория Федоровна за самоотверженную работу на передовых позициях была награждена тремя Георгиевскими медалями.

Каждому россиянину должен быть памятен и светлый образ Великой княгини Ольги Александровны, родной сестры Императора, душевные качества которой особенно ярко проявились в войну. Открыв в Киеве собственный лазарет, Великая княгиня полностью отдала себя помощи раненым и больным воинам. Преданность работе, исключительная доброта и чарующая простота в общении с людьми, трогательное обращение с ранеными воинами пробуждали к ней глубокое и искреннее уважение. В короткие часы отдыха Великая княгиня Ольга Александровна находила время посетить свою любимую мать, Императрицу Марию Федоровну, переселившуюся с 1915 года из Гатчины в Киев. К тому времени Киев стал наиболее крупным госпитальным центром Юго-Западного фронта, где сосредоточилось сто три лечебных заведения, куда только за период с 20 января по 20 февраля 1915 года были приняты двадцать одна тысяча восемьсот раненых и больных российских воинов.

До переезда в Киев Августейшая Председательница Российского Общества Красного Креста, Вдовствующая Императрица Мария Федоровна вела активную работу по организации госпитального дела в России. Впечатляющие данные об этом приводит в одной из своих статей Л. Тютюнник: «Вдовствующая Императрица Мария Федоровна учредила госпитали в Минске, Киеве и Тифлисе, 2 военно-санитарных поезда на 100 и 400 человек, 5 лазаретов, перевязочно-питательный отряд, санаторий в Крыму для выздоравливающих офицеров, убежище для увечных воинов при Максимилиановской лечебнице. Со склада в Аничковом дворце, где она жила, отправили на фронт с 1 августа 1914 года по 1 августа 1915 года: 398793 штуки белья, 56116 теплых вещей, 133428 образков, 77350 Евангелий. 524 пуда табака, 1640000 папирос, 1060 пудов мыла, 28888 яиц, 274 окорока, 2783 пуда съестных припасов, 10100 банок консервов... Общий расход по складу составил за год 1246567 рублей 55 копеек».

Вместе со своей Августейшей матерью в Киев прибыла Великая княгиня Ольга Александровна, младшая сестра Николая II.

Оставив дворцовую жизнь, Великая княгиня как рядовая сестра милосердия ухаживала за больными, выполняла их поручения: писала и отсылала письма, покупала табак, не давая раненым и больным понять, что перед ними сестра Императора. Рано утром одна или в сопровождении сестер из лазарета в обычном костюме сестры милосер-

дия Великая княгиня отправлялась на базар покупать продукты. Живейшее участие принимала Великая княгиня в облегчении душевных переживаний выздоравливающих солдат, тоскующих по своим близким, — выписывала без их ведома жен, детей и родителей в Киев и сама переживала радость их первого свидания. Непригодным к дальнейшей службе в армии Великая княгиня Ольга Александровна старалась найти работу, хлопотала об их устройстве на государственную или частную службу, пыталась обеспечить для них возможность безбедного существования. Много лет спустя Великий князь Александр Михайлович писал в эмиграции о Великой княгине Ольге Александровне: *«...самые заклятые враги династии не могли сказать ничего, кроме самого хорошего, о ее бескорыстной работе по уходу за ранеными. Женщины с душевными качествами Великой княгини Ольги представляют собою редкое явление. Всегда одетая как простая сестра милосердия и разделяя с другой сестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра и часто не ложилась всю ночь подряд, когда надо было перевязать вновь прибывших раненых. Иногда и солдаты отказывались верить, что сестра, которая так нежно и терпеливо за ними ухаживала, была родною сестрою Государя и дочерью Императора Александра III»*.

За свой самоотверженный милосердный труд Великая княгиня Ольга Александровна была удостоена в 1915 году Георгиевской медали.

В смутное революционное время судьба пощадила Великую княгиню, ей удалось уехать за границу, навсегда разлучившись с родиной.

Да наполнятся покаянием наши сердца перед ее добродетелью!

Историческая роль в развитии благотворительности и милосердия в России по праву принадлежит старшей сестре Императрицы — Великой княгине Елизавете Федоровне, которая в годы тяжелейших личных и общественных потрясений, презрев все земные блага, всецело посвятила себя служению ближним — всем, кто нуждался в помощи.

Деятельное участие Елизавета Федоровна приняла в организации всероссийского Братского кладбища в Москве — своеобразного мемориала павшим защитникам Отчизны. Было приобретено четырнадцать с лишним десятин земли дворянской усадьбы под названием Сад села Всехсвятского. Когда-то этот участок принадлежал Императрице Елизавете Петровне, затем был пожалован грузинским царям, а через некоторое время вновь перешел в ведение государства. В 1816 году усадьба была пожалована молдавскому князю Маврокодато, а за-

тем перешла в частное владение и оказалась в весьма заброшенном состоянии. Попечителем Братского кладбища стал известный московский врач С.В. Пучков, ревностно взявшийся за создание уникального памятника павшим воинам.

Попечитель кладбища рассказывал, какой грандиозный памятник задумали воздвигнуть московские власти:

— Посреди кладбища решено построить величественный храм, на проект которого предполагается объявить конкурс. На левой и правой сторонах будут возвышаться два групповых памятника. Устроим военно-исторический музей, посвященный этой войне. Вокруг памятника поставим орудия, а само кладбище будет обнесено могилами в форме окопов вокруг укрепительных фортов.

15 февраля 1915 года состоялось торжественное открытие Братского кладбища и первое захоронение пяти защитников Отечества. Освящению кладбища предшествовала торжественная литургия, совершенная епископом Димитрием Можайским в храме Сергиево-Елизаветинского убежища. К началу богослужения прибыла Великая княгиня Елизавета Федоровна. По окончании богослужения все присутствующие прошли на новое кладбище, где во временной деревянной часовне стояли пять гробов с телами павших в бою — сотника В.И. Пряничникова, убитого под Сарыкамышем, старшего унтер-офицера Ф.И. Попкова, ефрейтора А.И. Анохина, рядовых Г.И. Гутенко и Я.Д. Салова. Как положено, отслужили панихиду. Когда гробы опускали в могилы, зазвучали орудийные и ружейные залпы. На церемонии открытия кладбища-мемориала присутствовали консулы иностранных государств, представители городских властей, земства и сословий.

Через шесть месяцев после этого события на кладбище состоялась закладка храма, сто пятьдесят тысяч рублей на его строительство выделили А.М. и М.В. Катковы в память о сыновьях Андрее и Михаиле, павших на поле брани ровно год назад.

Вольноопределяющийся Андрей и корнет лейб-гвардии конного полка Михаил погибли во время лихой кавалерийской атаки под Каушеном в Восточной Пруссии. Отец героев, Андрей Михайлович Катков, подольский предводитель дворянства, состоял членом совета Иверской общины сестер милосердия, а его супруга Мария Владимировна, урожденная княгиня Щербатова, была товарищем председателя комитета «Христианская помощь». Автором проекта храма в память безвременно погибших сыновей был известный архитектор А.В. Щусев. Храм располагался в южной части кладбища неподалеку от участка для захоронения сестер милосердия.

В тот же день, 6 августа 1915 года, открылось кладбище для сестер милосердия. После богослужения в присутствии Великой княгини Елизаветы Федоровны, князя Ивана Константиновича с супругой Еленой Петровной были совершены закладка храма и отпевание тела сестры милосердия Анны Павловны Нагибиной, уроженки города Уфы, скончавшейся в возрасте семнадцати лет от брюшного тифа. Епископ Можайский Димитрий провел обряд отпевания первой захороненной на этом кладбище сестры милосердия.

В январе 1915 года Анна Нагибина приехала в Москву и поступила в число сестер милосердия общины «Утоли моя печали». Проработав два месяца в общине, молодая девушка перешла в инфекционный барак госпиталя Красного Креста, где ухаживала за тифозными больными, и там заразилась брюшным тифом. В тяжелом состоянии ее перевезли в лазарет общины, где она скончалась.

Во время похорон на Братском кладбище на гроб покойной были возложены венки от сестер милосердия, с которыми совсем недавно трудилась сестра Анна. На ленте одного из них было начертано: «Любящей сестре — ученице А. Нагибиной». Рядом положили маленький скромный веночек из садовых фиалок с трогательной надписью: «Милой девочке Нюре, положившей душу свою за други своя».

Пройдет совсем немного времени, и кладбище-мемориал станет местом своеобразного паломничества людей, среди которых иностранцы, делегации российских городов, учащиеся и дети.

«Кто бывал на кладбище, — писал журнал «Искры», — тот знает, в каком прекрасном состоянии оно сейчас находится».

На Братском кладбище погребены воины разных национальностей, вероисповедания и социального происхождения. Как писал весной 1916 года «Московский листок», «всех сравняла война. Нет различий между богатыми и бедными на Братском кладбище. И всех одинаково жаль».

Да, старые фотографии подтверждают это. Но мало кто из москвичей знает, что стало с кладбищем потом. Так вот, после Октябрьского переворота 1917 года Братское кладбище еще несколько лет функционировало, но в середине двадцатых годов подверглось небывалому надругательству и осквернению со стороны победившего пролетариата. Разрушались могилы, памятники, кресты, на месте вечного упокоения павших за свободу Родины прокладывались дорожки для гуляния, разбивались спортивные площадки.

Кладбище пришло в запустение, заросло бурьяном... Постепенно пустыри стали застраиваться, а начиная с 50-х годов на костях рус-

ских воинов стремительно выросли унылые кварталы Песчаных улиц.

До наших дней сохранилась лишь небольшая часть знаменитой Всесвятской рощи — Серебряный бор на берегу Москвы-реки. Немым свидетелем крушения нравов осталась чудом сохранившаяся среди городских громадин церковь Всех Святых, освященная еще в 1836 году. Каждый раз гулким эхом разбиваются о глухие стены жилых кварталов отголоски вечернего звона церковных колоколов. Доходят ли они до людских сердец?

А тогда Всероссийское общество памяти воинов русской армии, павших в войне против Германии, Австрии и Турции, объявило всероссийский конкурс на лучшие проекты памятников, достойных увековечить защитников Отчизны.

В большинстве стран Европы, где полыхала первая мировая война, воздвигнуты величественные памятники павшим за свободу своей Отчизны, у братских могил горит негасимо вечный огонь, и не зарастают к ним людские тропы жаждущих поклониться памяти героев.

По какой тропинке пройти нам, где поклониться памяти тех, кто сложил свои головы в смертельном бою, покрыв себя славой, но не ведая, что окажется в полном забвении?

В коридоре длинный хвост носилок...
Все глаза сплелись в тревожно-скорбный взгляд,
Там за белой дверью красный ад;
Нож визжит по кости, как напилок.
Острый, жалкий и звериный крик
В сердце вдруг вонзается как штык.

Саша Черный

6 Ангелы-хранители

Английский епископ о России. Дочь великого писателя — сестра милосердия. Императрица и великие княжны — покровительницы лазаретов. Российское общество Красного Креста и его представительницы. Гибель госпитального судна «Португалия». Сестра милосердия Флоренс Фармборо на русском фронте. Память об Эдит Кавель.

В день торжественного моления о победе, во время проповеди, состоявшейся в Лондоне, епископ, обращаясь к присутствующим, после похвальных слов народам Франции и Бельгии сказал:

— Ну что сказать нам о России? Те из нас, кто посещали Россию, навсегда полюбили великую душу ее народа... Россия никогда не будет побеждена, пока существует мир, не только вследствие обширности ее территории, но также в силу духовной мощи народа.

Всеобщий подъем патриотизма в начале войны, захлестнувший все слои российского общества, красноречиво свидетельствовал о здоровом духовном облике народа. В этом убеждают и многочисленные примеры массового участия женщин как непосредственно в военных действиях, так и в роли сестер милосердия для облегчения участи сражавшихся рядом защитников Отечества.

Александра Львовна Толстая, дочь великого русского писателя, в воспоминаниях под кратким названием «Дочь» описывает на своем примере реакцию русского общества на начало войны:

«Против своего обыкновения я с жадностью прочитывала газеты. В соединенном заседании Совета и Думы Государь держал речь: «Мы не только защищаем свою честь и достоинство в пределах своей земли, но боремся за единокровных братьев славян».

Громкое дружное «ура» было ответом на речь Государя. После Государя говорили председатель Государственного Совета Голубев и председатель Государственной Думы Родзянко.

Родина в опасности! И русские люди различных партий, толков, направлений объединились в одном горячем порыве — любви к Родине и преданности монарху, возглавляющему Россию.

Сидеть сложа руки было немыслимо. Уходят один за другим племянники, рабочие; взяли моих рысистых лошадей. Усадьба опустела, и все то, что частично заполняло жизнь, — хозяйство, организация и работа в кооперативах, — все отошло на задний план.

Я не могла сидеть дома, я должна была участвовать в общей беде. Я решила идти сестрой милосердия на фронт и поехала в Ясную Поляну проститься с матерью».

Перед уходом на фронт между младшей дочерью и престарелой матерью произошел такой разговор. «Зачем ты едешь на войну? — сказала мне мать. — Ни к чему это. Отец был против войны, а ты хочешь в ней участвовать». — «Я не думаю, чтобы он был против того, чтобы я помогала больным и раненым».

Свидетельница тех волнующих событий, старшая из дочерей Л.Н. Толстого Татьяна Львовна Сухотина-Толстая 28 июля 1914 года сделала по этому поводу запись в своем известном «Дневнике»:

«Все газеты пишут о том, как спокойно пошли русские люди на войну. Брата Мишу взяли в Кирсанов в запасную кавалерию. Саша уехала на трехнедельный курс сестер милосердия, а оттуда на войну».

Обладая неплохими познаниями в медицине, Александра Львовна Толстая успешно выдержала экзамен на сестру милосердия военного времени и начала работать в Звенигородском госпитале. Однако работа в тылу ее не удовлетворяла, молодая графиня рвалась на фронт, и вскоре ей удалось добиться назначения уполномоченной Всероссийского Земского Союза, а затем попасть в санитарный поезд Северо-Западного фронта.

Недолго проработав в санитарном поезде, а затем на Белостокском пункте по перевязке и эвакуации в тыл российских воинов, А.Л. Толстая переводится на Кавказский фронт, после того как 16 октября

1914 года турецкий флот без объявления войны вероломно обстрелял Одессу и принудил тем самым Россию начать военные действия.

Несмотря на серьезные успехи российских войск на Кавказском фронте благодаря взятию опорных стратегических пунктов и укрепленных крепостей Сарыкамыш и Эрзерум и стремительному продвижению российских войск в направлении Трапезунда, работа санитарных отрядов была на редкость тяжелой и опасной.

Военные тропы привели графиню А.Л. Толстую, сестру милосердия 7-го полевого врачебно-питательного отряда Всероссийского Земского Союза, в Армению. Здесь, у подножия седого Арарата, в маленькой армянской деревушке Игдырь, были развернуты госпиталь на сорок пять коек и палаточная амбулатория для оказания помощи раненым бойцам, местному населению и армянским беженцам. Собранная наспех пекарня обеспечивала хлебом больных, раненых и всех нуждающихся в районе до Каракилиса.

А впереди, по мере продвижения российских войск, ее ожидал сложнейший переход в глубь Турции, а вернее, турецкой Армении, некогда исконных армянских территорий, до древнего города Ван, оставленного турецкими войсками после безуспешной осады.

На Кавказском фронте графине пришлось работать в невыносимо тяжелых условиях, во время эпидемии тифа.

Завершая милосердную миссию, Александра Львовна Толстая оказалась в Тифлисе.

«Попав в цивилизованный город Тифлис, я бегала по магазинам, покупала одежду, так как все платья висели на мне, как на вешалке. Я потеряла около 40 фунтов.

Вечером мы до поздней ночи сидели в ресторане, ели шашлык и слушали хороший оркестр. Но надо было ехать домой и приниматься за работу».

Пробыв еще несколько дней среди грузинских друзей, почитателей огромного таланта ее отца, Александра Львовна отбыла поездом в Москву, а затем в Ясную Поляну. Здесь она задержалась недолго.

«Вернувшись в тыл, я сразу попала в сеть сплетен, разговоров о том, что происходило при Дворе, о неудачах на фронте, о разрушительной работе социалистов, которые где только могли подрывали власть...

Всюду шло брожение, начиная со столицы, недовольство, растерянность на верхах, в Ставке; в Думе шли бесконечные, ни к чему не приводящие разговоры... Тыл и фронт представляли собой нечто совершенно различное, между собой не связанное.

Мне было больно и противно слушать тыловые разговоры. Я старалась не вникать в них, меня тянуло на фронт».

Вскоре Александре Львовне поручили организовать на прифронтовой полосе Западного фронта сеть школ-столовых для детей. Отобрав по конкурсу около шестидесяти сестер милосердия и учительниц, А.Л. Толстая со свойственной ей энергией занялась устройством школ, часть из которых размещалась в блиндажах, так как прифронтовая местность подвергалась бомбардировке с воздуха.

После этого графиня Толстая занялась формированием подвижного санитарного отряда Всероссийского Земского Союза с тремя летучками и базой. На этом участке фронта ей впервые, как и многим другим, пришлось столкнуться с коварным оружием противника — газами.

«Я ничего не испытывала более страшного, бесчеловечного в своей жизни, как отравление этим смертельным газом сотен, тысяч людей, — вспоминала через многие годы сестра милосердия, дочь великого гуманиста. — Бежать некуда. Он проникает всюду, убивает не только все живое, но и каждую травинку».

В эти дни тяжелых испытаний на боевые позиции с инспекционной целью прибыл генерал-адъютант Государя князь Юсупов и в числе других награжденных вручил Александре Львовне Толстой Георгиевскую медаль II степени за мужество при спасении воинов, отравленных газами.

Вместе с А.Л. Толстой во время ее пребывания на Кавказском фронте сестрой милосердия служила Александра Владимировна Медведникова, врач-хирург Марфо-Мариинской обители. Перед отъездом на фронт Великая княгиня Елизавета Федоровна подарила сестре милосердия несколько икон, написанных в обители. Работая хирургом на Кавказском фронте, Александра Владимировна Медведникова помогала не только русским воинам, но и пленным туркам. Григорий Медведников приводит воспоминания Александры Владимировны о забавном случае, когда она работала в Гасан-Кале в полевом лазарете. В турецкой армии вместе с солдатами на передовых позициях находились их жены, разделяя с ними все лишения и невзгоды. Однажды к пленному раненому турку, находившемуся в российском полевом госпитале, допустили его жену. Перед свиданием ей предложили хорошенько помыться и вообще привести себя в порядок. Каково было удивление персонала госпиталя, когда турок при виде жены не узнал ее, замахал руками и начал кричать, что ее подменили. Там же

во время эпидемии холеры Александра Владимировна Медведникова заразилась этой страшной болезнью от раненых, но чудом осталась жить.

Направленные в распоряжение воинских частей корреспонденты газет и журналов сообщали со всех фронтов о массовом героизме и милосердии российских солдат.

«Тифлисский листок» поместил тогда небольшую заметку о трогательном эпизоде, произошедшем на Кавказском фронте:

«В перерыве между перестрелками, когда окопы одной и другой стороны сдвинулись так близко, что, казалось, неприятеля удерживает от бегства только один безграничный ужас, когда вся площадь боя словно замерла, вздыхая лишь тяжкими стонами невидимых жертв, из русских окопов вдруг поднялась женщина. В дымном воздухе блеснула белая косынка, блеснул пурпурный знак Креста. Это сестра С., движимая любовью, бежала в промежутке между окопами туда, где нужна была помощь ее маленькой руки и ее большого сердца. Казалось, минута — и пуля сразит победившую в себе страх героиню, но из турецких окопов высунулись любопытные головы, поднявшиеся было ружья сами собой опускались и... на всем протяжении вражеских окопов бурной волной прокатились рукоплескания. «Браво, ханум!» — кричали пораженные неожиданностью враги, между тем как виновница этих оваций на поле битвы спокойно исполняла свой долг.

Минутой перемирия отметили мужество женщины турецкие солдаты, зачарованно наблюдавшие за тем, как сестра милосердия перевязывала без разбора раненых и стонущих солдат, своих и чужих. Было видно, как на глазах у турок блестели слезы. Жаль, очень жаль, что мы не знаем имени героини».

История первой мировой войны хранит множество героических страниц, вписанных женщинами, и прежде всего сестрами милосердия российского общества Красного Креста.

Уже к концу 1914 года РОКК содержал семьдесят один госпиталь, сто восемнадцать подвижных и этапных лазаретов, пятьдесят восемь передовых отрядов, одиннадцать санитарных поездов, обслуживавших театры военных действий Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов, тридцать четыре санитарных транспорта, сто восемьдесят пять питательных пунктов, двадцать два дезинфекционных отряда, пять хирургических отрядов и другие полевые медико-санитарные учреждения.

На содержание постоянных коек Красного Креста из казенного по-

собия выделялось не более трех миллионов рублей, остальная же часть покрывалась из собственных капиталов общества Красного Креста (13,5 млн. рублей) и многочисленных пожертвований.

К началу войны повсеместно были организованы подготовительные курсы сестер милосердия как для обслуживания тыловых лазаретов, так и для работы на передовых позициях.

В Центральном государственном военно-историческом архиве имеется более ста тысяч алфавитных карточек служащих РОКК, награжденных за самоотверженную деятельность по оказанию помощи больным и раненым воинам в период войны 1914-1918 гг. В начале войны главным управлением РОКК был введен порядок, согласно которому первой наградой для сестер милосердия являлась специально установленная для них медаль на Аннинской ленте с надписью «За усердие». Однако уже с 1915 года героизм и самопожертвование женщин проявлялись не только в их помощи раненым. В приказах главнокомандующих армиями все чаще встречаются фамилии сестер милосердия, удостоенных военных орденов и медалей. Добрый пример патриотического порыва показывали члены царской семьи и в первую очередь Императрица Александра Федоровна и ее старшие дочери Ольга и Татьяна.

Княжна Вера Константиновна, дочь Великого князя Константина Константиновича, рассказывала мне в Толстовском центре под Нью-Йорком, где она проживает и поныне, анекдотичный случай, произошедший с Великой княжной Татьяной Николаевной во время ее работы в лазарете.

Сестра милосердия ухаживала за тяжело раненным солдатом, и, когда больной после неустанных ее забот почувствовал себя значительно лучше и готовился к выписке, между ними произошел такой разговор.

— Выходи за меня замуж, — настоятельно попросил сестру солдат, на что она, смутившись, сказала:

— Боюсь, отец не позволит.

— Ну и дурак твой отец! — промолвил солдат, не ведая о том, что признавался в любви дочери российского Императора.

Великая княжна, прыснув со смеху, удалилась, а спустя некоторое время в углу просторной палаты раздался дружный хохот дежурных сестер, которым дочь Императора смущенно пересказала этот разговор.

Несколько позже к милосердной деятельности матери и старших

сестер присоединились младшие Великие княжны — Мария и Анастасия. В петроградском госпитале обязанности сестры милосердия выполняла Великая княгиня Мария Павловна, посвятила себя уходу за ранеными и Великая княгиня Ольга Александровна.

В первые же месяцы войны, находясь на передовой, корреспондент петроградской газеты «Биржевые новости» приводил выдержки из рассказа офицера, раненного под Джунковичем и доставленного в Ксенинский лазарет в Ровно. К раненому офицеру подошла сестра милосердия и со словами утешения сняла повязку с больной руки, внимательно осмотрела рану, обработала ее, а затем позвала врача.

После наставлений доктора сестра наложила повязку и забинтовала руку.

С трепетным волнением следил офицер за действиями опытной сестры милосердия, излучавшей сострадание и доброту. Лишь на следующий день раненый узнал, что сестрой милосердия, оказавшей ему первую помощь, была Великая княгиня Ольга Александровна, родная сестра российского Императора.

Члены царской фамилии были частыми гостями и на передовой. Сохранился приказ из Действующей армии по Второму Кавказскому армейскому корпусу от 20 января 1915 года, где сообщалось о прибытии на передовую в перевязочный отряд 13-го лейб-гвардейского Эриванского полка княгини Татьяны Константиновны Багратиони-Мухранской. «Здесь под действительным артиллерийским огнем, — следовало из приказа, — Ее высочество обходила больных и раненых, помогая и милостиво беседуя с ними».

За самоотверженный подвиг княгиня Татьяна Константиновна Багратиони-Мухранская была награждена Георгиевской медалью III степени.

Приказ подписан командиром корпуса генерал-лейтенантом Самедбеком Мехмандаровым и заверен подписью начальника штаба генерал-майора Федорова.

Еще в декабре 1914 года княгиня Т.К. Багратиони-Мухранская взяла на себя заботы по обеспечению одеждой лейб-Эриванского полка, и тогда Вятское местное управление послало тысячу пятьсот комплектов одежды этому полку. В письме на имя княгини губернатор Вятской губернии А.Г. Чернявский писал: *«Председательствуемое мною Управление Красного Креста позволяет себе просить Ваше Высочество принять его лепту в Ваш сбор теплых вещей для славных эриванцев, особенно памятных мне по службе в Тифлисской губернии в*

должности начальника губернии. Местное управление было бы счастливо, если бы Ваше Высочество приказали отметить при передаче вещей офицеру полка, что и в далекой Вятской губернии лейб-эриванцы близки русскому сердцу, которое исполнено горячим желанием согреть их в предстоящих еще им боевых подвигах».

Старшей сестрой милосердия в петроградском госпитале работала супруга члена Государственного совета С.П. Денисова, по инициативе которой впоследствии был создан русский госпиталь в Марселе. В Николаевском морском госпитале сестрой милосердия работала К.М. Бубнова, дочь морского министра.

Многие члены семей высокопоставленных особ работали не только в тылу, но и на фронтах. Так, например, дочь председателя совета министров И.Л. Горемыкина Александра Ивановна Охочинская сразу после объявления войны поступила на курсы сестер милосердия и по окончании их отправилась на Западный фронт. Там же в одном из головных отрядов служила сестра милосердия Елизаветинской общины Н.Г. Ступина — дочь героя русско-японской войны, Георгиевского кавалера генерал-майора Г.В. Ступина. Рядом работала супруга генерал-майора. Она и похоронила свою дочь, скончавшуюся на передовых позициях от простуды. В лазарете Георгиевской общины умерла сестра милосердия баронесса Е.Н. Штемпель. На служебном посту в санитарном поезде окончила свои дни сестра милосердия графиня Екатерина Николаевна Игнатьева, родная сестра министра народного просвещения, участница русско-японской войны, неоднократно награжденная за усердную службу.

А тогда, в сентябре 1914 года, «Вечернее время» из Петрограда сообщало об отъезде графини на театр военных действий и некоторые подробности о ней. Графиня Е.Н. Игнатьева считалась одной из наиболее опытных сестер милосердия, стаж благородной деятельности которой составлял более двадцати лет. В качестве сестры милосердия графиня находилась в Китае во время крестьянского восстания 1898-1901 гг., а затем в Манчжурии, помогая раненым участникам русско-японской войны. В мирное время графиня продолжала работать в Свято-Троицкой общине в Петербурге. Графиня Е.Н. Игнатьева являлась старшей дочерью покойного генерал-адъютанта графа Н.П. Игнатьева, известного посла в Константинополе, одного из авторов Сан-Стефанского договора, которым завершилась русско-турецкая война 1877-1878 гг.

О том, в каких условиях приходилось работать на фронте санита-

8 447

рам и сестрам милосердия, красноречиво повествуют «Записки санитара», опубликованные в февральском «Вестнике Красного Креста» за 1915 год: «Сегодня я заснул рано. Меня разбудили около трех часов ночи. Надо вставать и идти за ранеными, на линию огня... Только что я вышел за дверь, как со всех сторон зажужжали пули. Звук пуль неприятен. Я предпочитаю все, даже самое страшное, бомбы этому свисту. Я наблюдал за собой и говорил себе в утешение: «Если мне суждено умереть, я не избегну смерти, кланяясь пулям». Но утешение не помогало. Сегодня продолжается бой... В два часа началась канонада, она длилась без перерыва до пяти часов. В ее гуле тонет и треск солдатских винтовок, и частый стук пулеметов. Неприятель отвечает из тяжелых орудий. Вскоре становится ясно, что наш огонь сильнее и метче: немецкие батареи умолкают одна за другой. Из штаба нам сообщают, что на левом фланге одна из наших бригад сумела продвинуться за левую линию немецких траншей, а значит, мы не напрасно атаковали... Приказ продолжать наступление. Как и вчера, без умолку гремят пушки».

На этом запись санитара кончалась. В ту же ночь он был убит на передовой.

На фронтах первой мировой войны трудилось более семнадцати тысяч сестер милосердия.

Листая архивные документы, вчитываясь в скупые строчки старых приказов, мне удалось найти фамилии сестер милосердия, отмеченных наградами, узнать о героических деяниях, совершенных ими. В прессе того времени приводились сведения не только о награжденных, но и о тех, чей патриотический порыв вызывал у соотечественников чувство глубокого уважения.

В журнале «Летопись войны» за 8 октября 1916 года помещена фотография сестры милосердия Приамурского лазарета Инны Владимировны Чагиной, дочери начальника дивизии, сраженной при исполнении служебного долга германским снарядом. Инна Владимировна находилась в передовом отряде А.И. Гучкова. До назначения в отряд она работала в военном госпитале в городе Вильно, куда прибыла из Оксфордского университета, прервав учебу, как только узнала о начале войны.

В военно-санитарном поезде номер 1 трудились также сестры Татьяна и Надежда Черняевы, дочери известного в России генерала, героя Крымской войны М.Г. Черняева. Сестры Черняевы были награждены золотыми медалями на Аннинской ленте. Спустя десять меся-

цев, они удостоились Георгиевских медалей III степени, как следует из приказа, «за самоотверженность, проявленную под огнем противника при оказании помощи раненым». Татьяна и Надежда получили эту награду за успешную эвакуацию 6 июля 1915 года раненых с железнодорожной станции Остроленка, которая в тот момент подверглась обстрелу неприятелем из тяжелых орудий.

Среди награжденных значится сестра милосердия военно-санитарного поезда при 8-м головном эвакуационном пункте О. Плахова, отмеченная Георгиевской медалью «За боевые отличия». В приказе командующего 10-й армией от 10 ноября 1915 года отмечалось, что «17 августа 1915 года, следуя в военно-санитарном поезде на перегоне между станциями Рудишки и Ландворово, с полным самоотречением, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника и с явной опасностью для жизни, Ольга Плахова дважды подобрала раненых в поезд и сделала им перевязки».

Четырежды были награждены сестры милосердия 7-го головного эвакуационного пункта в городе Ряжев Агафья Стрига и Екатерина Ржевусская, прибывшие в первые же дни на театр военных действий из Кубанской и Минской общин. В 1915 году они были награждены серебряной и золотой нагрудными медалями на Аннинской ленте «за отличную усердную службу» и «ревностные труды по обслуживанию раненых», затем Георгиевскими медалями IV степени «за перевязку раненых под обстрелом неприятельской артиллерии близ станции Тарнов» и Георгиевскими медалями III степени за то, что во время бомбардировки 21 и 22 апреля 1916 года на станции Ясло «с опасностью для жизни под градом бомб, бросаемых с аэропланов, продолжали перевязывать раненых».

Четырех наград была удостоена также сестра милосердия, доброволец 7-го эвакуационного пункта Юлия Пучковская, причем, одну из своих боевых наград, Георгиевскую медаль IV степени, она получила за перевязку раненых во время боев у реки Сан близ железнодорожной станции Сурахов. Находясь во временном санитарном поезде № 228, Юлия Пучковская беспрестанно принимала на передовых позициях воинов под сильным огнем австрийской артиллерии, за что и была удостоена награды. Георгиевской медали III степени она удостоилась за то, что, как следует из приказа о награждении, «находясь 22 апреля 1915 года под действительным огнем и разрывами неприятельских снарядов и будучи оглушена сама, оказывала первую помощь раненым нижним чинам с явной опасностью для собственной жизни».

Не меньшие подвиги, граничащие с самопожертвованием, совершали сестры милосердия, добровольно выражавшие желание работать с инфекционными больными, нередко становясь жертвами этих болезней.

Сестра милосердия санитарно-эпидемического поезда Матрена Макарьевна Лютикова до войны работала сельской учительницей в селе Николаевка Самарской губернии и, несмотря на просьбы родителей не рисковать жизнью, поступила в сестры милосердия, до последних дней пребывая в бараках для инфекционных больных, где и скончалась от сыпного тифа.

На Кавказском фронте Мария Николаевна Агапова, врач-ординатор 2-го самарского лазарета Всероссийского Земского Союза, в возрасте двадцати пяти лет пала жертвой тифа, заразившись им во время ухаживания за больными пленными турками.

Здесь же от сыпного тифа скончалась сестра милосердия Нина Ивановна Окунева, дочь известного москворецкого пароходовладельца И.П. Окунева. С начала войны она работала в санитарном отделе Всероссийского Земского Союза. Затем по собственному желанию уехала на Кавказский фронт, в отряд, обслуживавший инфекционных больных. Потом работала в Персии, а затем была переведена в походный лазарет действующей армии под Эрзерумом. Двадцатидвухлетняя сестра милосердия скончалась от сыпного тифа и была похоронена на Братском кладбище в Москве.

Таких примеров, когда гражданский долг для сестер милосердия становился выше собственной жизни, было немало.

Огромной трагедией для российской общественности стала гибель госпитального судна «Португалия», потопленного неприятельской подводной лодкой в Черном море у турецких берегов вблизи города Офф. Ранее пароход «Португалия» принадлежал известной французской компании «Месажери Маритим» и совершал морские круизы по маршруту Марсель-Александрия-Константинополь-Одесса и обратно. К началу войны он застрял на рейде у Одессы, а в 1915 году был переоборудован в госпитальное судно для перевозки раненых российских воинов с турецкого фронта на Кавказ.

Утром 17 марта 1916 года «Португалия», следовавшая в Трапезунд, стала недалеко от берега у города Офф. Весь медицинский персонал, по счастливой случайности разбуженный дежурным санитаром раньше, чем следовало, находился на палубе и любовался живописной картиной.

Баронесса Мария Федоровна Мейендорф, сестра погибшей на «Португалии» старшей сестры милосердия Анны Федоровны Мейендорф, в своих «Воспоминаниях» так описывает этот момент со слов очевидцев трагедии:

«Вдруг с левой стороны судна появился перископ подводной лодки. Он был так близко, что, по словам прикомандированного к судну молодого священника, можно было бросить в него камнем и погубить эту вражескую лодку».

С подводной лодки были видны и красные кресты на трубах и флагах, и сестры в белых халатах с красными крестами на груди. Поэтому для «Португалии» лодка эта не представляла опасности. «Вдруг от подводной лодки по направлению к судну побежала по воде зыбь от пущенной мины. Капитан забил тревогу и приказал всем находящимся на судне надевать на себя спасательные пояса. Сестры метались по палубе. Одна из них, надев один пояс, держала в руках другой, тщетно разыскивая свою родную сестру. Многие санитары, да и сам капитан снимали с себя пояса и надевали их на сестер. Первая мина, однако, не повредила судно».

Сразу после первого залпа баронесса Анна Мейендорф и врач Н.А. Воеводин бросились по трапу вниз — спасать оставшихся в каютах парохода нескольких сестер милосердия.

Подводная лодка обошла «Португалию» и уже с правой стороны попала миной в самый центр ее, как раз в машинное отделение.

Врач успел вернуться наверх и выпрыгнуть за борт.

Когда началась паника, радиотелеграфист Жоржетти насильно надел свой спасательный жилет на, казалось, обезумевшую сестру Т.С. Александрову, после чего оба бросились в воду, но погибли в морской пучине.

Бросившись на помощь тонущему судну, миноносец «Сметливый» начал спасать беспомощных сестер милосердия, пассажиров и команду корабля.

К месту катастрофы поспешили находившиеся поблизости тральщики, боты и шлюпки, пренебрегая опасностью встречи с подводной лодкой, которая тут же скрылась.

Далее Мария Федоровна Мейендорф продолжает:

«Они видели, как скрестились мачты кормы и носа, как мачты образовали на этот раз уже не красный, а черный крест и как под знаменем черного креста судно скрылось под водой. Они стали спешно подбирать людей, плавающих в волнах взбудораженного моря».

Удалось спасти лишь сто шестьдесят пять человек, сто тринадцать погибло, и среди них уполномоченный российского общества Красного Креста граф Л.Л. Татищев, старшая сестра милосердия баронесса А.Ф. Мейендорф, сестра милосердия баронесса В.В. Арпсгофен, сестры милосердия Г.Ю. Медзыховская, Андронникова, Овчинникова, Александрова, Воронова, Лихтанская, Селяева и другие.

В числе спасенных оказалась и графиня Е.В. Татищева, поэтесса, известная под псевдонимом Е. Минеева. Ценою собственной жизни графиню спас фармацевт госпитального судна Александр Леонидович Рытвинский, самоотверженно отдавший ей свой спасательный пояс.

Гибель «Португалии» вызвала гневный протест мировой общественности. Министр иностранных дел Франции писал по этому поводу: *«Интересно знать, долго ли еще цивилизованные государства, не принимающие до сих пор участия в войне, останутся в стороне от борьбы между низостью, преступлением и простым чувством человеколюбия?»*

Пароход «Португалия» имел все опознавательные знаки госпитального судна. Согласно Женевской конвенции, оно было окрашено в серый цвет с красной полосой по бортам. На трубах и баркасах имелись большие красные кресты, легко различимые издалека.

В связи с этим прискорбным событием был обнародован протест русских женщин, в котором, в частности, говорилось:

«Да, война есть война, но врачи, сестры, санитары ограждены неприступным кругом. Сострадание и самоотверженность несут они на поле битвы, и рука солдата не смеет подняться на тех, кто идет под знаком Креста».

Главное управление РОКК разослало этот протест всем воюющим и невоюющим государствам, а также в национальные общества Красного Креста.

Между тем почти незамеченным остался другой аналогичный случай с госпитальным судном «Вперед», по-видимому, из-за того, что количество жертв тогда оказалось значительно меньшим.

Суть происшедшей трагедии раскрывалась в телеграмме, посланной главноуполномоченным РОКК при Кавказской армии камергером Л.В. Голубевым в адрес Главного управления Красного Креста:

«25 июня в 9 час. 35 мин. утра выпущенной с неприятельской подводной лодки миной со значительного расстояния потоплено госпитальное судно Красного Креста «Вперед» в 32 милях от Батума, про-

тив Ризе, в двух с половиной милях от берега. Госпитальное судно «Вперед» шло в Трапезунд, имея на борту 67 человек медицинского и санитарного персонала и экипажа, из коих спасено 60».

Подробности трагедии, происшедшей в тех же местах, где погибла тремя месяцами ранее «Португалия», таковы. На рассвете 25 июня 1916 года капитан госпитального судна «Вперед» Петров покинул батумский порт и направился в Трапезунд за очередной партией раненых воинов. Команда работала слаженно. Пароход миновал селение Вице, и тут справа от борта показался пенистый след мины, выпущенной неприятельской подводной лодкой. Как отмечали очевидцы, которые наблюдали с берега за разыгравшейся на море драмой, подводная лодка всплыла, чтобы убедиться в результатах торпедирования, а затем быстро исчезла в морской пучине. Как только было замечено приближение смертоносного снаряда, капитан, находившийся на мостике, немедленно скомандовал спускать шлюпки и приготовиться к эвакуации людей. Мина ударила в носовую часть парохода и оставила огромную пробоину. Госпитальное судно содрогнулось от удара и стало медленно погружаться. Однако своевременный приказ командира судна, слаженная работа командного состава, моряков и персонала Красного Креста, не поддавшихся, по свидетельству оставшихся в живых, панике, способствовали снижению масштабов трагедии.

На судне погибли контр-адмирал, комендант судна Альфред Вильгельмс, кочегары Иван Миронов, Захар Малания, матросы Афанасий Сердюков, Иона Марочка и Василий Галушкин, а также унтер-офицер Михаил Щепкин и юный санитар-доброволец Франц Домбровский.

Остальные спаслись благодаря шлюпкам, своевременно спущенным на воду, а оказавшиеся в воде были подобраны лодками, которые подоспели на помощь.

Медики, и среди них сестры милосердия Успенская, Вебер, княжна Эристова, Оганезова и другие во главе с доктором Невтоновым, не успев обсушиться, приступили к перевязке раненых и оказанию им медицинской помощи.

Главнокомандующий Кавказской армией генерал Юденич, получив сообщение о гибели госпитального судна «Вперед», представил весь персонал погибшего судна к боевым наградам.

Раненых срочно доставили в батумский госпиталь, а остальных расселили в общежитии РОКК и на пароходе «Экватор», бывшем госпитальным судном еще в русско-японскую войну.

Варварская акция неприятеля была осуждена некоторыми странами и обществами Красного Креста. Сочувственные телеграммы пришли от итальянского, французского, сербского, шведского обществ Красного Креста.

«*Новый акт варварства,* — гласила телеграмма, присланная из Рима, — *жертвой которого сделалось судно, носящее наши знаки, наполняет наши сердца самым глубоким возмущением. Мы протестуем против жестокого врага, нарушающего законы милосердия и человечности*».

В связи с официальным протестом со стороны российского общества Красного Креста германский Красный Крест отправил ответную телеграмму:

«*Не имея возможности высказаться в данный момент об ответственности, германский Красный Крест спешит уверить русский Красный Крест в открытии тщательного расследования потопления судна «Вперед», от которого и будет зависеть ответ на телеграфный протест от 1 июля*».

Еще более уклончивый ответ пришел от общества турецкого Полумесяца, что послужило основанием для министерства иностранных дел России через посредство посольства США официально заявить турецкому правительству о неприменении Россией впредь к турецким госпитальным судам постановлений Гаагской конференции 1907 года, касающихся их неприкосновенности в военное время.

Так суровые законы войны раздвигали свои границы.

Наталья Бобринская, сестра милосердия, направленная из-под Двинска в штаб Восточно-Персидского фронта под командованием генерала Г.А. Баратова, вспоминает:

«С первых дней войны все принимало такие грандиозные масштабы, что кадровых общинных сестер, которые составляли резерв Красного Креста, не могло хватить на обслуживание всей массы раненых. И когда сформированная в Москве группа из семи сестер милосердия наконец прибыла в Восточную Персию в распоряжение экспедиционного корпуса под командованием Г.А. Баратова, то при виде нас, прошедших трудный и опасный путь, храбрый, уже в летах седой генерал воскликнул: «Сестрицы, вы просто ангелы-хранители!»

Среди ангелов-хранителей в российской армии были и иностранки. В передовом отряде Всероссийского Земского Союза с первых же месяцев войны служила сестра милосердия мисс Флоренс Фармборо. Прелестная англичанка чуть не со школьной скамьи начала путеше-

ствовать по миру, объездила всю Европу и Азию. Война застала ее в России, и бесстрашная дочь Альбиона, не задумываясь, пошла на фронт, на передовые позиции союзнической армии. В свободные между боями минуты она увлекалась фотографией, и ее снимки часто публиковались в российских журналах.

В канадской провинции Альберта, недалеко от города Джаспер, высится гора, носящая имя легендарной сестры милосердия Эдит Кавель. Так благодарные канадцы увековечили память английской патриотки, которая, работая сестрой милосердия в бельгийском лазарете, скрывала нескольких английских солдат, бежавших из германского плена. Скрывала, несмотря на то, что в городе, как и по всей Бельгии, по распоряжению германского командования были расклеены объявления, один из пунктов которых гласил: «Бельгийские и французские солдаты должны быть выданы в качестве военнопленных и приведены к городской тюрьме. Граждане, не подчинившиеся этому приказу, будут осуждены к бессрочным каторжным работам в Германии. Всякий обнаруженный солдат будет немедленно расстрелян».

Германские солдаты схватили Эдит Кавель, а затем повели на расстрел, предварительно завязав глаза. У стены, где состоялась казнь, сестра милосердия сорвала повязку и так приняла смерть.

29 октября 1915 года в Лондоне в кафедральном соборе Святого Павла прошло заупокойное богослужение по мужественной сестре милосердия. Служба проходила в присутствии королевской четы Великобритании, министров, других высокопоставленных особ и многотысячной толпы народа.

Все английские газеты и журналы посвятили памяти Эдит Кавель целые полосы, а художники и скульпторы запечатлели в своих произведениях ее подвиг. В годовщину гибели мужественной сестры милосердия французы обратились к правительству с предложением увековечить память героев и жертв мировой войны.

В это же время популярный российский еженедельник «Нива» писал:

«Настало время и нам поставить свой российский светильник жертвам, чтобы он озарял всю Россию добром и бескорыстной любовью к человечеству!»

Одной из жертв, по ком должен был быть зажжен на Руси вечный светильник памяти, несомненно, является Елизавета Федоровна, алапаевская мученица, причисленная православной церковью к лику святых.

Родная сестра Императрицы Александры Федоровны, Елизавета Федоровна, выйдя замуж за Великого князя Сергея Александровича, немка по крови, стала русской по вере, укладу жизни и интересам. В смутное время 1905 года член террористической группы эсеров-боевиков, возглавляемой небезызвестным Борисом Савинковым, Иван Каляев бросил бомбу в проезжавшую по территории Кремля карету, в которой находился Великий князь.

Трагическая гибель супруга еще более укрепила в сознании Елизаветы Федоровны желание продолжить милосердную и благотворительную деятельность в организациях, которые она возглавляла в Петербурге и в Москве. Простив убийцу, она разделила немалое состояние на три части: в казну, наследникам покойного мужа и большую — на благотворительные цели.

Под руководством Елизаветы Федоровны было реализовано несколько крупных проектов благотворительных деяний, в том числе создана Марфо-Мариинская обитель. Целиком посвятив себя служению Богу и ближним, Великая княгиня на собственные средства приобрела на Большой Ордынке усадьбу с четырьмя домами и садом и основала там Марфо-Мариинскую обитель — в память о двух евангельских сестрах, соединивших два жизненных направления — духовное служение и милосердие. В 1911 году, когда по проекту А.В. Щусева было завершено строительство соборного Покровского храма, Марфо-Мариинская обитель приняла вид законченного архитектурного ансамбля. В ней функционировали амбулатория, аптека, приют для девочек, бесплатная больница на двадцать две койки, в которой безвозмездно работали лучшие в Москве медики.

Не ограничиваясь деятельностью в стенах Марфо-Мариинской обители, Елизавета Федоровна организовала помощь больным на дому. Кроме того, сестры милосердия Марфо-Мариинской обители присматривали за детьми, помогали бедным устраиваться на работу, поддерживали их материально, одаренных детей отправляли на учебу за границу, помогали бедным одеждой, продуктами и лекарствами.

К середине 1914 года в Марфо-Мариинской обители работало около ста сестер, но с началом войны часть сестер отправилась в полевые лазареты, а Великая княгиня Елизавета Федоровна продолжала свою благотворительную деятельность.

По инициативе Елизаветы Федоровны в Москве была организована мастерская протезов. Средства на нее были отпущены городскими властями, Красным Крестом, кредитным, купеческим и биржевым

обществами, городским и земским союзами. Ежемесячно мастерская выпускала более двухсот протезов.

Исключительно трогательно выглядела передача протезов увечным воинам. Как радовались эти несчастные! Как облегчалась их жизнь при использовании ими протезов! В такие минуты Великая княгиня непрестанно повторяла слова Христа:

— И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды,.. не потеряет награды своей.

Подобные мастерские были открыты в Петрограде, Харькове и других российских городах.

В Москве при комитете Великой княгини был также создан отдел по опеке над детьми воинов, который взял на себя воспитание малолетних детей. Для самых маленьких устроили ясли и детский сад, в которых нянечки и бонны из высшей московской аристократии заменяли детишкам матерей. Ясли находились в частном имении под Москвой. Для детей постарше были открыты школы и мастерские. Их достаток и уровень даваемого детям образования был высок. Из опекаемых в 1915 году семидесяти детей школьного возраста десять учились в гимназиях, несколько из них — в Комиссаровском и Строгановском училищах изящных искусств. Созданное в Москве центральное учреждение обслуживало всю Россию. Как отмечалось тогда, в попечительских мероприятиях по воспитанию детей воинов Россия стояла впереди Англии и Франции.

Оставшиеся в обители сестры продолжали трудиться, принося утешение прихожанам и раненым солдатам, для которых была переоборудована больница, несмотря на то, что сестрам милосердия случалось терпеть насмешки и оскорбления. Не избежала такой незаслуженной участи и сама Великая княгиня. Об этом пишет в своей недавно изданной книге «Святая мученица российская Великая княгиня Елизавета Федоровна» Л. Миллер: «Осенью 1916 года прошел слух о том, что брат Елизаветы Федоровны Эрнст послан кайзером в Россию для переговоров о сепаратном мире и прячется в Марфо-Мариинской обители. Возмущенная толпа окружила обитель, швыряла камни и кирпичи и кричала: «Немку долой! Выдавай шпиона!» Другая группа хулиганов ворвалась в монастырь, чтобы арестовать настоятельницу и отвести ее в тюрьму».

В тревожные дни февральской революции 1917 года шведский министр по поручению германского кайзера специально приехал в Москву на встречу с Елизаветой Федоровной, желая уговорить ее покинуть

Россию. Однако все было тщетно. Позже германский посол Мирбах, получив согласие советских властей на выезд Великой княгини в Германию, дважды пытался встретиться с ней и передать приглашение вернуться домой, но Елизавета Федоровна не приняла его — она категорически отказалась покинуть Россию, ставшую ей второй родиной.

— Я никому ничего дурного не сделала, — отвечала она тем, кто предостерегал ее от грядущих репрессий в связи с Октябрьским переворотом и захватом власти большевиками, — и повторяла: «Будет воля Господня!»

К сожалению, трагические события не обошли стороной Великую княгиню. В апреле 1918 года ее арестовали и увезли в уральский городок Алапаевск. Обреченная на уничтожение, как и вся царская семья Романовых, она смиренно ждала своей участи.

Глубокой ночью 18 июля 1918 года бывшую настоятельницу Марфо-Мариинской обители, сестру милосердия, чьи благодеяния и доброта коснулись тысяч и тысяч российских сограждан, сбросили в шахту старого алапаевского рудника вместе с другими членами Императорского дома. Безбожие порождало зверство!

— Господи, прости их, они не ведают, что творят, — до последней минуты молила Бога Великая княгиня, прося Господа простить ее палачей.

После освобождения Алапаевска генералом Колчаком трупы извлекли из шахты и доставили в кладбищенскую церковь, а через год восемь оцинкованных гробов, погруженные в железнодорожный состав и сопровождаемые отцом Серафимом, в строжайшей тайне двинулись к Чите.

Шесть месяцев гробы прятали в женском Покровском монастыре в большой яме под кельей. Но здесь оставлять их становилось опасно, и 26 февраля 1920 года с огромными трудностями тела убитых перевезли через границу и доставили в Пекин, где тогда находилась русская духовная миссия. По просьбе сестры и брата убиенной, гроб с телом Великой княгини последовал в ноябре 1920 года из Пекина в Шанхай, а дальше морским путем до Порт-Саида и лишь затем специальным поездом перевезен в Иерусалим, где и был предан земле на территории церкви Святой Марии Магдалены.

Так исполнилась воля Великой княгини Елизаветы Федоровны, которая, находясь как-то в Гефсимании, промолвила: «Как бы я хотела быть похоронена здесь!»

Отец Серафим, сопровождавший тело великомученицы на всем протяжении этого долгого и опасного пути, после погребения остался там жить, неустанно молясь на чужбине за своих соотечественников.

Я знаю, — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

С. Есенин

7 В земле российской просиявшие

Первая из сестер милосердия — кавалер Георгиевского креста. Героическая смерть Риммы Ивановой. Полный кавалер Георгиевских медалей. Три Георгиевских креста баронессы Толль. По стопам «кавалерист-девицы».

Теплый сентябрьский день клонился к вечеру. Торопливо выскочив из подземного лабиринта парижского метро на улицу Эксельман, я обратился к прохожей:

— Простите, как пройти на улицу Клода Лоррена?

Парижанка, уловив чужие нотки моего произношения, сразу поняла, что перед ней иностранец и ответила вполне вразумительно, помогая жестами:

— Сверните направо, через два квартала вы попадете на улицу Клода Лоррена.

— Благодарю вас. Спасибо! — ответили разом я и подоспевшие дочери.

Не теряя ни минуты, мы торопливо проследовали по указанному пути и на крохотной улочке без труда нашли православный храм Всех святых, в земле российской просиявших, где все было готово к торжественной панихиде по случаю столетия со дня рождения сестры милосердия Елены Хечиновой, первой из сестер милосердия удостоившейся в войну 1914-1918 гг. Георгиевского креста IV степени.

На небольшом круглом постаменте с горящими свечами стояла фотография сестры милосердия в форменном плаще и с Георгиевским крестом на груди. Фотографию украшала Георгиевская лента, рядом лежали цветы, и мы прибавили к ним несколько пурпурных роз.

Торжественность обстановки, песнопение радостью наполняли мое сердце, вызывая ощущение исполненного долга перед всеми, для кого удивительная судьба легендарной сестры милосердия стала важным звеном в их родословной.

Рядом со мной стояли моя двоюродная сестра Ирен, дочь прославленной сестры милосердия, и двоюродный брат Константин, прилетевший вместе с семьей из Нью-Йорка специально к этому событию. Именно там, в Париже, я познакомился с французскими и американскими родственниками.

Неторопливо шла служба.

Перед мысленным взором в который раз, как в немом кинематографе, прокручивались полные драматизма и патриотического пафоса истории героических судеб, так не похожих друг на друга, но несмотря на это поразительно близких в одном — в любви к Отчизне и готовности к самопожертвованию ради нее. Лишь о немногих известны подробности.

Фельдшер-доброволец.

Не отставая ни на шаг, шел в строю недавно примкнувший к одной из маршевых рот молодой, небольшого роста и по-мальчишески хрупкий фельдшер-доброволец. Стремительным и тяжелым был путь от Люблина до Ченстохова, короткие привалы под дождем не снимали усталости, но законы войны звали солдат вперед к новым позициям российской армии.

«Бои будут еще впереди, а пока главное выдержать, не падать духом, — думал в короткие минуты отдыха новоявленный фельдшер. — И упаси Бог увидеть им во мне женщину!»

Елена Константиновна Хечинова родилась 22 сентября 1890 года в приморском городе Батуми в семье известного моряка, первого в Грузии капитана дальнего плавания торгового флота Константина Ивановича Хечинова (Хечинашвили), ставшего впоследствии лоцманом Батумского порта. Говорили, что еще в детстве эта хрупкая девочка была отчаянно смелой, она бесстрашно лазала по деревьям, прекрасно умела плавать и ездить верхом на лошади.

Пример отца, глубоко почитаемого в городе капитана, демократически настроенного отважного мореплавателя, и романтическая сентиментальность ее матери, Ромуальды Семеновны Алескевич-Потоцкой, из древнего польского дворянского рода, незаурядной художни-

цы, окончившей в свое время варшавскую Академию художеств, формировали в ней пылкую и отважную натуру.

После окончания женской батумской гимназии Елена выходит замуж за молодого врача Владислава Цебржинского и вместе с мужем с 1909 года живет в Санкт-Петербурге, где и заканчивает акушерские курсы в родовспомогательном заведении на Надеждинской улице. Здесь же в 1911 году , как следует из послужного списка, Владислав Цебржинский, окончив Военно-медицинскую академию, был командирован в 70-й пехотный Ряжский полк для несения службы в линейном лазарете города Холм недалеко от Люблина.

Отсюда в первые дни войны, расставшись с семьей, Владислав ушел на фронт в составе 141-го Можайского полка и в боях 26-30 августа 1914 года под Сольдау (Восточная Пруссия) попал сначала в окружение, потом в плен. Узнав об этом, Елена Константиновна, к тому времени уже мать двоих детей, принимает единственно приемлемое для себя решение — отправиться на фронт. Она отвозит сыновей, шестилетнего Виктора и трехлетнего Арсена, в Батуми и оставляет на попечение родителей, а сама добровольно уходит на фронт, переодевшись в мужскую одежду. Ей удалось присоединиться к маршевой роте под именем Глеба Цетнерского, фельдшера.

Прибыв на фронт, новоявленный фельдшер в звании прапорщика был зачислен в 186-й пехотный имени Императора Петра I Асландузский полк, который входил в состав 4-й армии под командованием генерала от инфантерии А.Е. Эверта и составлял авангард 47-й пехотной дивизии.

Эти сведения приводятся в сборнике «Герои и трофеи великой народной войны», изданном в 1916 году.

Позже в военно-историческом архиве я отыскал на редкость подробный приказ, подписанный командующим 4-й армией генералом А.Е. Эвертом. в котором во всех деталях описывается, за что фельдшер Г. Цетнерский представлялся к награде. Необычное содержание приказа и интересные подробности дают основание привести его полностью.

«Приказ войскам 4-й армии 10 июня 1915 г. № 867

19 сентября 1914 г. с одной из маршевых рот прибыл на укомплектование 186-го пехотного Асландузского полка фельдшер-доброволец Цетнерский.

Со дня своего прибытия в полк фельдшер-доброволец, находясь при 7-й роте, в высшей степени добросовестно исполнял свои специаль-

ные обязанности как на походе, так и в бою, причем, не только в роте, к которой был причислен, но и везде, где только он узнавал, что нужна была медицинская помощь. Все тяготы походной и боевой жизни названный фельдшер-доброволец нес наравне со строевыми нижними чинами, часто подавая пример выносливости, хладнокровия и бодрости духа.

2 ноября 1914 г. при наступлении полка на деревню Журав, когда артиллерия противника начала обстреливать боевой порядок полка, занявшего опушку леса, что к востоку от этой деревни, названный фельдшер-доброволец, вызвавшись охотником, под сильным шрапнельным огнем противника влез на дерево, стоявшее впереди цепи, и, высмотрев расположение цепей, пулеметов и артиллерии противника, доставил важные и весьма точные сведения о его силах и расположении, что и способствовало быстрой атаке и занятию нами этой деревни.

Затем 4-го того же ноября, в бою западнее указанной деревни, находясь в продолжение всего дня в боевой линии под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника и проявляя необыкновенное самоотвержение, названный фельдшер-доброволец оказывал помощь раненым.

Наконец, вечером того же дня фельдшер-доброволец Цетнерский во время перевязки своего раненого ротного командира сам был ранен осколком тяжелого снаряда, но несмотря на это продолжал начатую перевязку и только по окончании таковой сам перевязал себя, после чего под сильным огнем артиллерии противника, забыв собственную рану, вынес своего ротного командира из боевой линии огня.

При окончательной перевязке в 12-м передовом отряде Красного Креста названный фельдшер-доброволец оказался женщиной, дворянкой Еленой Константиновной Цетнерской.

Оправившись от ран, г. Цетнерская вновь добровольно возвратилась в полк в форме санитара-добровольца и заявила о своем желании послужить Родине в боевой линии, но, как женщине, в этом ей было мною отказано.

По докладе Государю Императору обстоятельств этого дела, Его Императорское Величество в шестой день мая сего года Высочайше повелеть соизволил на награждение дворянки Елены Цетнерской Георгиевским Крестом 4-й степени за № 51023, по званию фельдшера-добровольца 186-го пехотного Асландузского полка.

Командующий армией генерал от инфантерии Эверт».

Интересно также, что первоначально в списках офицеров 47-й пехотной дивизии, представленных к внеочередным наградам в период боев с 21 октября по 1 декабря 1914 года за подписью полковника Лукомского, значился и прапорщик Глеб Цетнерский, который представлялся к ордену Анны II степени с мечами. Первоначально наградной список был согласован с генерал-лейтенантом В.Н. Клембовским.

Кем и каким образом была изменена награда Глебу Цетнерскому, неизвестно, но здесь напрашивается единственная версия. О перевоплощении Елены узнают лишь в госпитале, куда после боя она попала с плечевым ранением. После уточнения всех обстоятельств первоначальная награда была заменена на более почетную — Георгиевский Крест IV степени, полученный ею за № 51023. Справедливости ради надо отметить, что согласно «Статуту Императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия», утвержденного еще при Екатерине II, и с учетом последующих изменений, по двум пунктам перечня примеров геройских поступков ей давалось право на получение боевого ордена.

В упомянутом выше сборнике, автором которого являлся заведующий Императорской канцелярией знамен и трофеев П.И. Белавенец, соединены в одном лице три фамилии: Цетнерский, Цебржинская и Хечинова.

Осталось неизвестным, как произошло перевоплощение Елены Константиновны в Глеба Цетнерского и почему молодая грузинка примкнула именно к Асландузскому полку, который, как известно, с 1834 года поочередно назывался Грузинским, Кавказским, Тбилисским батальоном, а с 1883 по 1889 год носил название 5-го Кавказского резервного пехотного батальона и лишь с 1891 года был переименован в 186-й Асландузский резервный батальон. Лишь перед самой войной он был переформирован в 186-й пехотный Асландузский полк. Можно лишь догадываться, что кто-то из ее соотечественников порекомендовал или, возможно, способствовал ей попасть именно в этот полк.

А вот как сама героиня вспоминает в беседе с П. Белавенцем о тех ноябрьских боевых днях:

«Уже под Ченстоховым, когда наши заняли опушку леса вблизи деревни Журав, из которой необходимо было выбить противника, а он оттуда вел сосредоточенную стрельбу по нашим цепям, необходимо было высмотреть расположение батареи, а противник, как назло, засыпал нас шрапнельным огнем. Вызвали охотников, но произошла

заминка. Очень было опасно пробираться на виду у врага по малому кустарнику, влезть на одиноко стоявшую сосну: только там можно было осмотреть местность. Я вызвалась идти. Меня не хотели пускать, но потом разрешили, и для связи с людьми нашей роты со мной поползли еще несколько человек, дабы иметь возможность передать мои наблюдения своим. Трудно было ползти. Снаряды рвались кругом, но все-таки я добралась до дерева, взобралась на него и, прикрывшись ветвями, начала наблюдение. Скоро удалось высмотреть и сообщить своим расположение неприятеля, после чего наши сосредоточили по противнику огонь и тем подготовили атаку. Асландузцы храбро бросились на врага и скоро заняли деревню.»

После лечения в московском госпитале Елена Константиновна снова возвратилась в строй, намереваясь продолжить службу в армии, но ей было отказано в этом.

Как следует из ее послужного списка, 30 мая 1915 года Елена Цетнерская командируется фельдшером в 3-й Кавказский передовой отряд, а точнее в Агудзерский военный госпиталь под Сухуми.

Дважды за короткое время она направлялась в Железноводск в распоряжение помощника Главного уполномоченного Почетного лейб-медика Раева для прохождения курса лечения. Можно предположить, что плечевое ранение давало о себе знать и, возможно, поэтому 31 декабря 1915 года ее отчислили со службы. Но не проходит и трех месяцев, как Елена Константиновна уже служит сестрой милосердия при Тифлисской Надеждинской общине, а в конце апреля того же года переводится ближе к фронту, в Батумский госпиталь, где, наконец, после долгой разлуки ей удается увидеться с родителями и повзрослевшими детьми.

Летом 1915 года по заданию Ставки генерал А.А. Поливанов совершил инспекционную поездку в Крым и на Кавказ с целью осмотра лечебных учреждений. Вернувшись из поездки, генерал обратил внимание на то, что, по сравнению с Крымом, на Кавказском черноморском побережье лечебные здравницы пустуют. Побывав в Тифлисе, он посетил лазарет имени Императрицы Марии Федоровны, расположенный в здании духовной семинарии, и высоко оценил деятельность сестер милосердия Кауфманской общины.

Профессор Миротворцев, заведовавший медицинской частью управления главноуполномоченного Красного Креста при Кавказской армии, высоко отозвался и об остальных городских госпиталях. В своем отчете он писал, что медицинская часть поставлена вполне удовле-

творительно. Выше всяких похвал, по заключению профессора Миротворцева, была работа сестер милосердия, командированных в основном из Надеждинской общины, в числе которых были и отмеченные боевыми наградами. Профессор упомянул в своем отчете и Елену Хечинову — кавалера Георгиевского Креста IV степени.

Кавказская армия вела победоносное наступление на турецкие войска. Один за другим заняв важные опорные пункты Сарыкамыш, Эрзерум и Трапезунд, российские войска вышли из горных теснин на стратегический простор, в то время как на Западном фронте бои носили затяжной характер.

С начала 1917 года Елена Константиновна вновь на тяжелом участке войны. Известен случай, когда в Галиции передовые цепи из-за продолжительного и сильного огня противника оказались отрезанными от основных частей. Около суток солдаты оставались без пищи, никто не решался пробиться к ним. Тогда Елена Константиновна вскочила на повозку с походной кухней, запряженную лошадьми, и погнала их через все поле к окопам, чтобы накормить солдат. Чудом спаслась!

Немного спустя, Елена Константиновна, ставшая свидетельницей замечательных успехов российских пилотов в борьбе с противником, поступает во Львове на курсы военных летчиков, где знакомится со слушателем курсов Станиславом Карпинским. 30 октября 1917 она венчается с ним в православной церкви Преображения города Одессы.

Брестский мир (1918 г.) застал Елену Константиновну в Польше. По окончании войны сестра милосердия сформировала эшелон из раненых и военнопленных российских воинов и сопроводила их в Россию. Попав вновь на Родину, она возвращается в Батуми, забирает своих повзрослевших сыновей и окончательно переезжает в Польшу.

В Польше у нее родится дочь Ирен, мальчики Виктор и Арсен окончат кадетскую школу, военные курсы пилотов и станут летчиками-офицерами военно-воздушных сил Польши. Пройдет более двадцати лет, и уже пятидесятилетнюю женщину захлестнет волна драматических событий второй мировой войны, непосредственными участниками которой станут все члены ее семьи.

Нападение гитлеровской Германии на Польшу, как взрывной волной, разбросало семью Елены Константиновны.

Станислав Карпинский, к тому времени генерал польских военно-воздушных сил, в первые же дни войны, спасая личный состав пило-

тов и летную технику, перебазирует их сначала в Румынию, а затем во Францию.

После оккупации Парижа гитлеровскими войсками польские летчики, возглавляемые генералом Карпинским, примкнули к силам Сопротивления и бок о бок с английскими и французскими летчиками защищали небо Великобритании, препятствуя вторжению на остров гитлеровских войск. Вместе со своим знаменитым отчимом в небе туманного Альбиона храбро сражались пилоты польских ВВС, офицеры Виктор и Арсен Хечинашвили-Цебржинские, удостоенные к тому времени нескольких боевых наград.

В воздушном бою 19 сентября 1940 года над Ла-Маншем погиб смертью храбрых младший сын Елены Константиновны Арсен.

В феврале 1942 года военный штурман Виктор Хечинашвили с подбитым в бою самолетом упал в море у берегов Голландии и после тщетных попыток выбраться на берег был подобран немецким патрульным катером.

Сильнейшие потрясения, вызванные гибелью младшего брата, перенесенной катастрофой и пленом, стали причиной психического расстройства отважного летчика. 21 июля 1945 года Виктор покончил с собой в лондонской больнице, после того как случайно узнал диагноз своей болезни.

Оба отважных пилота похоронены недалеко от базы Нордхолт королевских военно-воздушных сил, где в военные годы базировалась группа польских эскадрилий.

А как сложилась судьба легендарной сестры милосердия и ее дочери Ирен в оккупированной Польше?

Семнадцатилетняя Ирен в дни оккупации, как и многие другие поляки, была вовлечена в общую волну Сопротивления. Во время антифашистского вооруженного восстания, вспыхнувшего 1 августа 1944 года, Ирен зачислили в медицинскую часть дивизиона Армии Крайовой. Елена Константиновна, находясь на другом конце Варшавы, в районе Чернякуф, тоже примкнула к восставшим. Опытная сестра милосердия, за плечами которой была первая мировая война, вначале в своей квартире, а затем в квартале создала пункты медицинской помощи и службу питания.

Надежды восставших связывались со стремительным наступлением советских войск, которые 10 августа 1944 года вышли на правый берег Вислы, заняли прилегающий к нему район польской столицы и ... остановились.

В течение двух месяцев народное восстание, так и не получившее военной поддержки со стороны Красной Армии, было жестоко подавлено. Более двухсот тысяч варшавян погибло.

Сотни тысяч поляков, в том числе Елена Константиновна и Ирен, пополнили многочисленные бараки немецких концлагерей. Елене Константиновне первой удалось освободиться, а затем она разыскала дочь и, используя свое грузинское происхождение, а также, по-видимому, какие-то связи, добилась ее освобождения.

Барачная жизнь, освобождение из плена американскими войсками, скитания по разгромленной Германии, голод и холод не сломили боевой дух женщин. В конце войны они попадают в Англию и зачисляются на военный польский корабль, который в составе морской эскадры готовился к отплытию в район тихоокеанских боевых действий против милитаристской Японии.

Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки (1945 г.) и последующая за этим капитуляция Японии сделали ненужной эту кампанию.

Петр Белавенец, завершая в 1915 году свой очерк о кавалере Георгиевского Креста, сестре милосердия Елене Константиновне Хечиновой-Цебржинской, добровольно ушедшей на фронт в мужской одежде, писал: «Слава ей, слава Родине, у которой есть такие храбрые женщины!»

Да, свою храбрость и любовь к Отечеству она подтвердила не раз, воспитав в таком же духе и своих детей.

Скромная могила легендарной сестры милосердия, героини двух прошедших войн, затерялась в пышной зелени кладбища Сент-Фуа под Лионом, далеко от ее Родины.

Единственная среди женщин...

Весной 1916 года на выставке товарищества художников в Петрограде, организованной с благотворительной целью в помощь раненым воинам, большим успехом среди многих других пользовалась картина известного в начале XX столетия русского художника П. Горюшкина-Сорокопудова под названием «Подвиг женщины». Подолгу останавливались посетители перед ней, вникая в подробности героического поступка, о котором тогда так много писали газеты.

Сюжетом картины стало взятие российскими воинами вражеского окопа. В центре полотна истекает кровью сестра милосердия. С двух сторон ее поддерживают солдаты, взывая о помощи раненой женщине.

Сегодня мало кто знает, что художник использовал подлинный эпизод кровопролитных боев на Западном фронте, потому что был потрясен самоотверженностью бесстрашной сестры милосердия.

Кто же она, эта героиня, и какова ее судьба?

С самого утра 25 сентября 1915 года привокзальная площадь города Ставрополя начала заполняться народом без привычного шума и праздничной суеты. Спустя некоторое время к городскому вокзалу подошел траурный поезд с телом сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой, посмертно награжденной за свой беспримерный подвиг очень высокой наградой — офицерским орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени.

Гроб с телом дочери казначея ставропольской консистории, воспитанницы ставропольской Ольгинской гимназии, а затем народной учительницы, скорбно и торжественно встречали духовенство во главе с епископом Михаилом, губернские и военные власти, представители города, земства и общественных организаций, учащиеся ставропольских школ и горожане.

Траурная процессия направилась к месту захоронения героини. При погребении сестры милосердия в ограде Святой Андреевской церкви ей были отданы воинские почести. Прощальный ружейный салют и звон колоколов слились воедино.

В траурной церемонии участвовал и представитель Главного управления российского Красного Креста князь Н.Д. Голицын, возложивший на гроб отважнейшей женщины от имени Николая II серебряный венок.

Из архивных документов и различных источников прошлых лет мне удалось восстановить подробности трагической гибели отважной героини.

Первые упоминания о Римме Михайловне Ивановой были обнаружены в коротких сообщениях журналов «Летопись войны» и «Нива» за 1915 год.

Лишь после долгих поисков удалось найти заметку в газете «Биржевые новости» за 1916 год, очерк В. Высоких в «Памятке отдельных подвигов русских воинов Великой войны 1914-1915 годов» и, наконец, две заметки в журнале «Искры» за 1916 год. Все эти материалы, собранные воедино, позволили составить представление об образе этой героической личности. Кроме того, в книге Сергея Шпаковского «Женщина-воин», изданной в Аргентине в 1969 году, содержится упоминание о месте захоронения героини, и теперь можно убедиться, со-

хранилась ли ее могила. Почему это важно, станет ясно из последующих строк.

Как следует из перечисленных выше источников, Римма Михайловна Иванова, уроженка города Ставрополь-Кавказский, окончила местную Ольгинскую гимназию и перед самой войной начала работать народной учительницей.

В первые дни войны она ушла добровольно на фронт сестрой милосердия. Римма Михайловна Иванова служила в 105 пехотном Оренбургском полку, который в составе 3-го армейского корпуса принимал участие в сражениях на Северо-Западном фронте. На передовую она попала, невзирая на долгие отговоры офицеров полка и своего брата — полкового врача. Все приводимые ими резоны не убеждали сестру милосердия.

«Я должна быть рядом с солдатами, раненый требует скорейшей помощи», — неустанно повторяла она.

Небольшого роста, изящная, ослепительной красоты молодая женщина поражала всех своей выносливостью и работоспособностью. Сутками не покидала она перевязочной, вызывая тем самым искреннюю любовь у окружающих, и в первую очередь у раненых.

9 сентября 1915 года полк, в котором служила сестрой милосердия Римма Михайловна Иванова, участвовал в боевой операции, отражая неистовые атаки австро-германских войск. На перевязочный пункт прибывали все новые и новые раненые. Уступая настойчивым требованиям начальства, сестра милосердия согласилась перенести перевязочный пункт вглубь расположения полка, а сама с несколькими санитарами осталась помогать раненым в окопах.

«В то же время, — повествуется в «Биржевых новостях», — со стороны противника начался убийственный пулеметный обстрел. Пуля легко ранила ее в левую руку. Потери были большими не только среди солдат, но и среди офицеров полка».

Видя, что командир и офицеры 10-й роты родного полка убиты, а солдаты вот-вот оставят позиции, Римма Михайловна, глубоко сознавая важность наступившей решительной минуты боя, выхватила из ножен убитого офицера саблю и устремилась на врага, увлекая за собой растерявшихся солдат.

Ведомая бесстрашной сестрой милосердия, рота стремительно ворвалась в неприятельский окоп и в штыковой атаке заняла его.

«Но в глубине окопа, на земле, изрытой сапогами сражавшихся, на залитом кровью песке лежала сестра милосердия Римма Иванова, а

над ней, плача, склонились солдаты, стараясь перевязочными пакетиками удержать кровь, хлынувшую из горла. Ее вынесли сквозь огонь, но не успели сделать и несколько шагов, как новая пуля сразила сестру. И она умерла среди солдат».

Эти строки взяты мной из «Памятки отдельных подвигов русских воинов Великой войны 1914-1915 гг.»

Одиннадцать пулевых ранений и штыковых ран насчитали на теле погибшей.

Из обнаруженного в Военно-историческом архиве рукописного журнала военных действий 105 пехотного Оренбургского полка за время с 1 сентября по 31 октября 1915 года еще более проясняются подробности совершенного Риммой Ивановой подвига. Выписка из него об этом трагическом для сестры милосердия дне гласит:

«...Противник отчаянно защищал свои позиции: в районе деревни Мокрая Дубрава было несколько линий окопов. В 6 часов 30 минут вечера наши роты заняли третью линию окопов, противник расположился впереди деревни Мокрая Дубрава. В полку была получена в 3 часа дня телефонограмма: Командующий армией благодарит доблестные войска 31 корпуса и приданные дивизии за молодецкое дело и желает дальнейших успехов.

Во время боя в рядах доблестных оренбуржцев пришлось принять участие сестре полкового врача Р.М. Ивановой, которая была смертельно ранена и своею славною смертью внесла в историю нашего полка новые страницы и заставила заговорить все общественное мнение России.

Командующим полком полковником Савиновым была послана телефонограмма генералу Вейлю с описанием подвига сестры Ивановой: «В командуемый мной полк в период тяжелых боев прибыла сестра милосердия Римма Михайловна Иванова в форме солдата-санитара. Она совершила с 83 Самурским полком тяжелый отступательный марш с боями от самых Карпат, все время находясь в передовых ротах, самоотверженно и неустрашимо работая под огнем, за что была награждена тремя Георгиевскими медалями. По прибытии в 105 полк сестра Иванова сразу в первых боях выказала чудеса храбрости... Сегодня, 9 сентября, в день тяжелого боя, сестра Иванова неустрашимо работала под ураганным огнем противника в передовых цепях, перевязывая раненых.

Во время нашей атаки 10 рота потеряла убитыми командира роты и младшего офицера. Сестра Иванова, увидев роту без офицеров,

сама бросилась с ней в атаку, собрав ее около себя, и захватила одну из линий окопов противника, где будучи тяжело ранена скончалась славной смертью храбрых на передовой линии в передовых цепях 105 полка.

В глубокой скорби преклоняются перед мужеством, храбростью и неустрашимостью сей молодой отважной сестры милосердия, любимой всеми чинами полка, погибшей славной смертью в роли офицера полка.»

В тот же день командир 105 пехотного Оренбургского полка получил от командира 31 армейского корпуса генерала от артиллерии П. Мищенко телефонограмму следующего содержания:

«Покойной доблестной сестре Римме Ивановой при отправлении тела воздать воинские почести. Почту долгом ходатайствовать о награждении ея орденом Святого Георгия IV степени. О подвиге надо опубликовать, передайте командиру, офицерам и всем нижним чинам».

Российские журналы и газеты незамедлительно поместили репортажи о славной кончине сестры милосердия, сопроводив их фотографиями.

Узнав подробности гибели сестры милосердия, Император, да и все присутствовавшие в этот момент в ставке Верховного главнокомандующего, были поражены мужеством и самопожертвованием молодой женщины. Высочайшим повелением сестра милосердия Римма Михайловна Иванова была посмертно награждена офицерским орденом Св.Георгия IV степени. Впервые с момента основания Екатериной II боевого ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия женщина, сестра милосердия, удостоилась столь высокой награды!

Строки из приказа о награждении гласили:

«Государю Императору благоугодно было за беспримерный подвиг, увенчавшийся полным успехом, содеянный сестрой милосердия Риммой Михайловной Ивановой, наградить доблестно погибшую орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV степени.»

Было решено похоронить героиню не на Братском кладбище в Москве, а на родине, в Ставрополе, и водрузить в ее честь памятник.

Оплакивая свою дочь в скорбный сентябрьский день во время похорон, скромный чиновник, воспитавший героиню, еще не знал о том, что милостью Государя ему пожаловано звание потомственного дворянина.

Было решено также открыть всероссийскую подписку на сооруже-

ние памятника героине-патриотке. Кроме того, Государь пожаловал тысячу рублей на издание биографии покойной для народа. Тогда это виделось обязательным — оставлять будущим поколениям память о выдающихся личностях и их героических поступках. И лишь Октябрьский апокалипсис 1917 года отнял у народа право на самое святое — светлую память о соотечественниках, в земле российской просиявших в 1914-1917 годы, а все потому, что война эта и доблесть народа были преданы анафеме вождем пролетариата.

В пучину всеобщего отторжения канули не только политические противники большевизма, но и истинные патриоты России, герои войны, которую тогда называли Великой народной. Нет у нас в стране и памятников героям той минувшей «неизвестной» войны, давно осквернены их могилы, а на месте некогда великолепного мемориала, московского Братского кладбища, на костях российских воинов стоят унылые кварталы жилых домов.

Со спасенным знаменем

Сразу после провалившегося в августе 1991 года коммунистического путча в популярной российской газете «Аргументы и факты» была помещена моя небольшая заметка об истории основания боевого ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия и наиболее отличившихся Георгиевских кавалерах. Среди ряда известных имен была упомянута и полный кавалер Георгиевских наград — сестра милосердия Генриетта Сорокина, спасшая полковое знамя.

Кто мог подумать, что за этими скупыми газетными строчками последуют головокружительные события и, казалось бы, малозначительный сюжет превратится в тугой узел исторического детектива?!

Спустя некоторое время после публикации заметки неожиданно раздался звонок в дверь моей квартиры, и, войдя в квартиру, незнакомец представился:

— Здравствуйте, меня зовут Борис Евгеньевич Сорокин, вам ни о чем не говорит эта фамилия?

— Да, — тотчас же сообразил я. — Мне знакомо имя Генриетты Сорокиной.

— А я ее внучатый племянник.

К сожалению, обоюдная радость была несколько преждевременной: ни я, ни мой собеседник не смогли прибавить существенных деталей к тому, что каждый из нас знал об этой женщине, и в первую очередь о героизме, проявленном ею в годы первой мировой войны,

хотя две бесценные фотографии сестры милосердия с полным бантом Георгиевских наград, которые принес с собой ее уже пожилой внучатый племянник, будоражили мое воображение.

Интерес к героине, пополнившей список наиболее отличившихся сестер милосердия, неизмеримо возрос, однако пути дальнейшего поиска были неясны. Вновь просматривались старые подшивки газет и журналов, но тщетно.

Помог, как всегда, случай, а вернее, счастливая встреча с Александром Ильичем Дерябиным — президентом Общества истории гражданской войны в России 1917-1922 годов, который подсказал, что в журнале «Военная быль», издаваемом в Париже, публиковались статьи о спасении знамени Либавского полка.

И вот в мартовском номере журнала за 1964 год нахожу статью К.М. Гейштора «Трофейная Комиссия при Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии в период 1912-1915 гг.», в которой автор приводит эпизод появления сестры милосердия Генриетты Сорокиной в канцелярии со спасенным ею знаменем.

А спустя пять лет, в январском номере за 1969 год этого же журнала была опубликована реплика Бориса Сырцова под названием «Либавское знамя» (По поводу статьи К.М. Гейштора).

Как случайный эпизод, лишь иллюстрировавший различные направления в работе Трофейной комиссии, описывает К.М. Гейштор появление Генриетты Сорокиной и ее рассказ о спасении знамени.

Вот как сам К.М. Гейштор, работавший, по его словам, в Трофейной комиссии и состоявший ее членом, вспоминает об этом:

«Однажды произошел следующий случай: дежурный вахмистр, войдя в мой кабинет, доложил, что какая-то сестра милосердия желает говорить с начальником канцелярии... Приказав ввести ее, я увидел перед собой молодую, лет 20-22, блондинку, слегка полную, в солдатской шинели и с косынкой на голове, а в правой руке — костыль... С легким иностранным акцентом она сказала, что она сестра милосердия из передового госпиталя, Генриетта Сорокина, и что она была ранена в боях армии генерала Ренненкампфа и попала в плен.

— О чем вы хотите говорить с начальником канцелярии? Он сейчас в отъезде.

Подумав немного, сестра сказала: «Отвернитесь на минутку», а когда она окликнула нас, мы увидели на большом круглом столе развернутое замечательное красивое знамя. На нем значились юбилейные даты и даты основания 6-го пехотного Либавского полка».

Далее К.М. Гейштор приводит рассказ Генриетты Сорокиной.

«Во время боя под Сольдау, при работе на перевязочном пункте, она была легко ранена в ногу. Знаменщик Либавского полка, тяжело раненный в живот, сорвал с древка знамя, свернул его и тихо сказал: «Сестра, спаси знамя!» и с этими словами умер на ее руках. Ротмистр Кнорринг, присутствовавший во время ее рассказа, заметил: «Ваш подвиг, сестра, согласно статуту, награждается орденом Св. Георгия, но эта награда вам может быть пожалована только непосредственно Государем Императором».

На что последовал вполне естественный ответ: «Этого-то мне бы и хотелось».

Далее на вопрос Кнорринга, как она сохранила знамя в целости, сестра милосердия объяснила, что была подобрана немецкими санитарами и положена в госпиталь, где ей вынули пулю из ступни. Там она и пролежала, пока ее не признали подлежащей эвакуации в Россию.

Завершая рассказ о встрече с Генриеттой Сорокиной, К.М. Гейштор добавляет: «Когда я помогал сестре надевать ее тяжелую солдатскую шинель, я нащупал в кармане большой револьвер. Ничего я ей не сказал и проводил из приемной к выходу».

Далее в статье приводится беседа Кнорринга и К.М. Гейштора в кабинете у полковника Нарышкина, исполнявшего обязанности начальника канцелярии, из которой явствует, что полковник кое в чем усомнился: «Подвиг сестры налицо. Несомненно, это его (то есть Либавского полка) юбилейное знамя, но... как она сумела сохранить знамя в плену при известной всем немецкой бдительности?»

«Раз вы, — продолжал Нарышкин, — обратили внимание на ее неестественную полноту, как же не сделали этого немецкие доктора, да еще при медицинских осмотрах и операциях? Заметьте, что она непременно хочет иметь аудиенцию у Государя».

Таинственный подтекст фразы раскрывает тут же сам автор статьи: «В это время я вспомнил о револьвере, который нащупал в кармане ее шинели».

«Тем более, — продолжил Нарышкин, — мы должны быть очень осторожны» — и поручил Гейштору встретиться с Сорокиной и узнать подробнее о присвоенном ей оружии.

На следующий день К.М. Гейштор встретился с сестрой милосердия. Между ними произошла продолжительная беседа, из которой стало известно, что Г. Сорокина по матери шведка и все детство до

смерти матери разговаривала по-шведски. Рано вышла замуж, муж, как и она, был на войне и пропал без вести в первых же боях в Восточной Пруссии.

Вспоминая о себе, рассказывала, что трудилась в первые дни войны в санитарном отряде 1-ой армии, а потом потеряла со своими связь, блуждала и помогала в разных частях. Все перемешалось, и найти свою часть было невозможно.

На вопрос об оружии она смутилась и, вынув из шинели тяжелый немецкий браунинг двенадцатого калибра, подарила его Гейштору.

В обойме оказалось семь пуль, а восьмая была в стволе.

Браунинг, как она объяснила, найден на поле сражения, она держала его как оружие против посягательств, для этих же целей имела с собой ампулу с цианистым калием.

Через несколько дней пришел ответ от генерал-майора князя Е.В. Орлова, начальника военно-походной канцелярии, что «по его докладу о спасении знамени, Государь наградил сестру Сорокину Георгиевскими крестами I и II степени.» Пришедшую в канцелярию сестру торжественно встретили и наградили орденами. Особой радости она не проявила и даже спросила Нарышкина, будет ли принята Государем, на что тот ответил, что ввиду важных событий Государь отбыл в Действующую армию.

«Когда в 1917 году я был на фронте, — заключал К.М. Гейштор свою статью, — то случайно в журнале «Огонек» увидел фотографию сестры Сорокиной в солдатской шинели, с костылем в руках и полным Георгиевским бантом на груди. Разобраться в этом запутанном случае — дело будущего историка».

Вот о такой истории поведал своим потомкам член Трофейной комиссии ровно через пятьдесят лет после получения сестрой милосердия награды за совершенный ею подвиг, который сам К.М. Гейштор спустя столько лет подвергнет сомнению и даже внесет путаницу своим алогичным повествованием. Можно многое простить уже пожилому к тому времени человеку, взявшемуся вспоминать эпизоды собственной жизни, столь бурной и трагической, но все же истина дороже! А как же через пять лет после данной публикации отреагировал на нее Борис Сырцов в своей статье «Либавское знамя»?

«Нельзя читать эту статью без удивления перед действиями чинов Трофейной комиссии и начальника Военно-походной канцелярии, Свиты Его Величества генерала князя Орлова, который, не произведя должного расследования дела о спасении означенного знамени и ос-

новываясь на совершенно непроверенных сведениях, сделал доклад Государю Императору, представив к награждению Георгиевским отличием сестру милосердия, неизвестно откуда раздобывшую знамя Либавского полка, чем и ввел Его в заблуждение».

Серьезный упрек и во многом справедливый, так как на самом деле каждый, кто прочитает эту статью, воочию убедится в целом ряде несоответствий в действиях должностных лиц и порядков, существовавших в Трофейной комиссии.

Однако далее Сырцов со свойственной ему педантичностью подвергает сомнению каждый шаг и поступок сестры милосердия Г. Сорокиной, забывая о том, что все, о чем шла речь в рецензируемой им статье, интерпретировано К.М. Гейштором. И подчиняясь полностью им же придуманной версии, он дает свой вариант этой детективной истории.

«Попав в Россию, Генриетта Сорокина не сдает знамя в штаб 1-ой армии, в штаб Главнокомандующего или Военное министерство, а направляется непосредственно в Трофейную комиссию, где (обратите внимание на категоричность) выражает пожелание иметь у Государя аудиенцию, имея при себе револьвер... Неужели полковник Нарышкин, давая поручение К.М. Гейштору «поближе познакомиться» с Генриеттой Сорокиной, надеялся, что Сорокина в частных разговорах за ужином откроет ему тайну задуманного преступления?.. Комиссия не только не выяснила, где, когда и при каких обстоятельствах Генриетта Сорокина достала знамя, но осталась непроверенной даже личность, а она могла быть и немецкой шпионкой, тем более что говорила она «с иностранным акцентом».»

Вот тебе и аргумент! Впрочем, не одно последующее десятилетие россияне зачастую страдали шпиономанией!

А впервые шпиономания появились в российском обществе в 1915 году, когда неудачи на фронте искусно использовались большевиками в их тактике распространения пораженческих идей. Подобная дезинформация служила у большевиков отвлекающим фактором и всячески прикрывала истинные планы — свержение государственного строя и захвата власти.

Эта уловка легко воспринималась и проглатывалась не только широкими массами, но и простодушной российской интеллигенцией. Шпионы мерещились повсюду — и на фронте, и в тылу.

Но вернемся к судьбе Генриетты Сорокиной и, следуя логике, попытаемся снять с нее тяжелые обвинения, которые предъявил сестре милосердия Борис Сырцов. Что мы знаем о ней?

Воспользуемся воспоминаниями дочери Софьи Николаевны Сорокиной, 1906 года рождения, недавно скончавшейся в городе Серпухов под Москвой.

Августа Карловна Сорокина (девичью фамилию родственники уже не помнят) родилась в Риге в семье механика торгового флота, проводившего большую часть времени в дальних рейдах. Все заботы о благополучии семьи лежали на ее матери, давшей дочери хорошее образование. Самостоятельную жизнь Августа Карловна начала в качестве гувернантки в семье фабриканта Коншина, имение которых находилось в Калужской области.

Там же она познакомилась с управляющим имением Николаем Осиповичем Сорокиным, отставным офицером лейб-гвардии Уланского полка. Как семейную реликвию передает дочь сестры милосердия рассказ о первой встрече своих родителей:

«Как-то бравый офицер в отставке ехал верхом на лошади по усадьбе и увидел на открытой веранде незнакомую красивую девушку с хозяйскими детишками. Недолго раздумывая, красавец улан въехал на лошади прямо на веранду и, ловко спешившись, представился». Встреча оказалась счастливой. Они полюбили друг друга и через непродолжительное время обвенчались.

Первая мировая война заставила Николая Осиповича сменить штатский костюм на полевую форму кавалерийского офицера и принять участие в боях 6-й армии Юго-Западного фронта в Галиции.

Вскоре за супругом, после окончания курсов сестер милосердия, последовала и жена, предварительно сменив слишком по-немецки звучавшее имя и отчество. Так сестра милосердия Генриетта Сорокина попала в первые месяцы войны в Восточную Пруссию.

Перед нами две фотографии Генриетты Сорокиной тех лет. На одной она в форме сестры милосердия, а на другой позирует во весь рост с чернобурой лисой, перекинутой через плечи. Но главное — награды! На ее груди красуются полные банты Георгиевских медалей, спутать их с Георгиевскими крестами невозможно.

Почему же и К.М. Гейштор, якобы свидетель ее награждения, и Б. Сырцов утверждают, что она получила Георгиевские кресты? Не потому ли она не испытала особой радости, что рассчитывала получить более высокий — Георгиевский крест, как обещал ей Кнорринг. Не потому ли, надеясь еще в качестве награды на встречу с Императором, спросила она полковника Нарышкина, будет ли принята Государем?

Конечно, К.М. Гейштор мог ошибиться за давностью лет в опреде-

лении возраста женщины, мог даже запамятовать некоторые детали его беседы с сестрой милосердия, мог спутать название журнала, на странице которого якобы увидел фотографию Генриетты Викторовны Сорокиной, но спутать Георгиевские кресты с Георгиевскими медалями не имел права.

А теперь о другом. Могла ли сестра милосердия, до недавнего времени гувернантка в доме фабриканта, запутаться в дислокации и наименованиях воинских частей разбитой армии в первые же дни войны, в которой «все перепуталось и смешалось»? Вполне возможно.

Что касается особенности ее речи, то все сходится к одному — и шведы, и латыши говорят по-русски с похожим акцентом, по нему русский человек безусловно чувствует в собеседнике иностранца. Но разве акцент может быть решающим обстоятельством при обвинении кого бы то ни было в шпионаже? Отнюдь нет!

И, наконец, последнее. Сестра милосердия Генриетта Сорокина, перед тем как попасть в плен, была ранена в ногу; так неужели для того, чтобы изъять пулю из ступни, немецкий хирург или обыкновенный тюремный врач потребовал бы от пленной раздеться догола? Знамя вполне могло остаться на теле раненой. А если она раздобыла знамя полка иным путем или при других обстоятельствах, в другое время, то ведь принесла она его в российскую трофейную канцелярию, а не в германскую! По всей видимости, придуманная ею история спасения полкового знамени, может быть, даже маленькая ложь в угоду тщеславия молодой женщины — сестры милосердия, желание отличиться на волне широкого патриотического движения, которое охватило в те годы Россию, не является уж очень большим грехом. Его как раз и можно простить. Так что оснований не доверять ее рассказу нет.

После описанных событий сестра милосердия вновь отправилась на фронт и ревностным трудом заслужила остальные награды.

По окончании войны Генриетта Викторовна с мужем вернулись к прежним занятиям. Вскоре скончался супруг, и она вышла вторично замуж. В двадцатые годы работала медсестрой в московской больнице. Жила в стесненных условиях, нуждалась, как и все.

Не осталась сестра милосердия и без пристального внимания НКВД. В предвоенные годы чекисты не раз интересовались ею, вызывали в органы, уточняя происхождение и национальность Генриетты Викторовны. Чекистов явно не удовлетворяли весьма сомнительные, по их разумению, причины изменения имени и отчества. К счастью,

кара минула героиню прошлой войны. А ведь Г.В. Сорокина могла устроить свою жизнь иначе, скажи она большевикам, что собиралась убить самого монарха!

Скончалась Генриетта Викторовна Сорокина 5 июня 1950 года в Первой Градской больнице и похоронена на Калитниковском кладбище в Москве.

Баронесса с простреленной грудью

Прекрасный пример героизма явила собой баронесса Евгения Петровна Толль, кавалер Георгиевского креста IV степени, трижды раненная в бою и представленная за свои ратные подвиги к Георгиевским крестам III и II степени!

В армии баронесса была более известна под именем Е.П. Коркиной, а ее мужа, чью фамилию она носила, убили под Люблиным в первые же дни войны. В звании ротного фельдшера баронесса находилась на Западном фронте в армии генерала Самсонова. Вот как сама героиня описывает пережитое:

«Я водила роту в атаку, и рота взяла неприятельский окоп. Батальонный командир был ранен, ротный тоже, а прапорщик контужен. Я здесь же под огнем перевязывала солдат. Вдруг рота начала отступать, и я, забыв про все, своим командованием остановила роту. С криком «Ура!» бросилась вперед, вся рота кинулась за мной и взяла окоп. Когда же наша рота вступила в рукопашный бой, я вновь пошла перевязывать раненых, а роту сдала подоспевшему в это время вновь назначенному ротному командиру».

Так незамысловато объясняла баронесса корреспонденту журнала «Искры» в 1916 году повод, который послужил присуждению ей Георгиевского креста.

«Особенного страха в этот момент я не испытывала, — признавалась она, — так как была слишком возбуждена».

Георгиевский крест III степени Е.П. Толль заслужила за спасение раненого батальонного командира, которого выволокла с линии огня, обвязав веревкой. Поднять его было очень трудно, и баронесса буквально впряглась, перекинув концы веревки через плечо, и тянула командира по траве, упираясь ногами в землю, пока не дотащила до безопасной зоны.

«II степени выдадут, — продолжала отвечать она на вопросы корреспондента, — за спасение раненого ротного командира, которого я перевязала, положила в ложбину и, дождавшись сумерек, пришедше-

10 447

го в сознание офицера спустила осторожно в овраг, оставила его там, а сама вызвала санитаров, которые и донесли его до своих».

А теперь, дорогой читатель, прибавь к этому разрывы снарядов, свистящие над головой пули, пулеметные очереди, поминутное содрогание земли, зарево пожарищ! Можно представить тот кромешный ад, в котором совершались героические подвиги женщин.

В 1916 году в войсковых соединениях и санитарных частях появился красочный плакат «Подвиг сестры Е.П. Коркиной» с изображением и описанием самоотверженного поступка сестры милосердия.

Во время отступления российских войск на одном из участков фронта под непрерывным огнем неприятельских орудий пришлось отступить и летучему санитарному отряду, в котором работала Е.П. Коркина.

Санитарный отряд попал под страшный шрапнельный огонь. Чтобы остановить обстрел, санитары высоко подняли белое знамя с Красным Крестом, но огонь не только не прекратился, но, напротив, начал буквально косить раненых. И тогда сестра Коркина с помощью немногих санитаров принялась спасать их, выволакивая из санитарных повозок и перенося в безопасное место. Е.П. Коркина лично спасла девять офицеров, на собственных плечах вынося их из-под обстрела. А затем, воспользовавшись паузой, угнала две повозки с ранеными за сферу действия неприятельских снарядов и устроила их в больнице немецкого села, накануне занятого русскими.

Через несколько дней ей пришлось повторить то же самое, срочно эвакуируя раненых уже из больницы, которая попала под обстрел наступающих неприятельских сил.

На повозках с помощью двух санитаров она перевозила их к железнодорожной линии, где стоял санитарный поезд, который благополучно доставил раненых в царскосельский лазарет.

Баронесса Евгения Петровна Коркина (Толль) за время боев была ранена в ногу, в живот и в грудь, во всех случаях — навылет. Не за высокий титул получила она свои Георгиевские кресты, а в полном соответствии со статутом ордена.

Дальнейшая судьба баронессы неизвестна, как неизвестны подробности совершенных героических поступков и другой женщины — баронессы Софии де Боде, участницы первой мировой войны на стороне российских войск. Известно лишь, что сразу после Октябрьских событий 1917 года баронесса де Боде примкнула к белому движению и участвовала в кубанском походе. Она обращала на себя внимание

красотой, храбростью и решительностью. Служила баронесса в кавалерии и погибла под Екатеринодаром во время лихой, но безуспешной атаки.

Унтер-офицер гусарского полка

С началом войны волна патриотизма прокатилась по широким просторам Российской империи, захватив различные слои общества, включая и молодежь, традиционно воспитанную в духе преданности Отечеству. В родословной каждый российской семьи всегда можно найти защитников Родины — от солдат до генералов. Так что примеров для подражания достаточно.

Война застала Ольгу Шидловскую в Витебске, откуда она с родителями вскоре переехала в Могилев, так как отец Ольги был назначен губернатором Могилевской губернии.

Молодая девушка из дворянской семьи, едва дождавшись окончания дополнительного восьмого класса местной гимназии, отправилась на фронт. Отец воспротивился. Слишком свежа была рана, нанесенная гибелью старшего сына, офицера 102-го пехотного Вятского полка Павла Шидловского, в боях под Сольдау.

Но Ольга оставалась непреклонной. Добившись одобрения отца, она обратилась с посланием к Верховному главнокомандующему с просьбой разрешить ей вступление в ряды Действующей армии. А уже 11 июля 1915 года поступает на службу в 4-й Гусарский Мариупольский полк добровольцем рядового звания под именем Олега Сергеевича Шидловского. Выбор места службы был не случаен. Более ста лет тому назад, в Отечественную войну 1812 года, в этом прославленном полку с весны 1811 года служила известная всей России знаменитая женщина — корнет и Георгиевский кавалер Надежда Андреевна Дурова. Позже она перешла в Литовский уланский полк, в котором пробыла в течение всей войны.

Гимназистка Ольга Шидловская зачитывалась бесхитростными записками «кавалерист-девицы», восхищалась ее подвигами и, конечно же, желала подражать ей.

За короткий срок ревностной службы в знаменитом 4-ом гусарском полку рядовой гусар Олег Шидловский был произведен в ефрейторское звание, а за доблестное участие в вылазках удостоился Георгиевской медали IV степени. В начале 1916 года Ольга Шидловская производится в младшие унтер-офицеры, а в мае того же года снова получает повышение.

10*

Послужной список, подписанный генерал-майором Чесноковым, откуда взяты перечисленные сведения, свидетельствует, что спустя два месяца после присвоения очередного звания восемнадцатилетний гусар награждается Георгиевским крестом IV степени.

Старший унтер-офицер Олег Шидловский участвовал во всех боях, счастливо избежав каких-либо ранений, вплоть до 30 ноября 1917 года, когда, вследствие большевистского переворота, полк был расформирован.

После демобилизации бывшая дворянка Ольга Сергеевна Шидловская возвращается сначала в Киев, затем в Харьков и после непродолжительного странствия поселяется в Ялте, где работает ночным сторожем виноградников. В гражданской войне не участвует. Из Крыма вместе с родителями она эмигрирует в Чехословакию, а в 1930 году переезжает на постоянное жительство в Югославию.

Во время второй мировой войны Ольга Сергеевна с больными престарелыми родителями и со старшим братом, инвалидом первой мировой войны, остается в Белграде вплоть до освобождения его советскими войсками и югославскими партизанами. Через три дня брата, офицера Добровольческой армии, расстреливают, а вскоре умирают родители.

Оставшись одна, Ольга Шидловская пытается покинуть страну и в 1959 году с помощью соотечественников переезжает в Аргентину. Здесь особенно нелегко найти приемлемую для немолодой женщины постоянную работу. Ольга Сергеевна живет поденщиной, шьет на дому, убирает чужие квартиры и т.д.

В 1959 году Ольга Шидловская скончалась от сердечного приступа, ее похоронили на кладбище Сан-Мартин в предместье Буэнос-Айреса. В 1967 году ее прах перенесли в усыпальницу церкви «Русского Очага» в Итусаинго.

Так вдали от Родины оборвалась жизнь прославленного офицера российской армии, Георгиевского кавалера, лихого гусара Ольги Сергеевны Шидловской, за могилой которой по сей день ухаживают ее соотечественники и православная церковь.

Я лиру променял на меч булатный деда
И встал за Родину с мечом, а не пером,
Так будь же музой мне, грядущая Победа!
Будь лирою моей, земной кровавый гром!

А. Хведченко

Дети Шаляпина — служители милосердия. Артисты — российским солдатам и жертвам войны. Историки и художники на службе Отечеству. Поэты о войне.

Широко улыбаясь и наполняя светлую больничную палату своим непревзойденным голосом, великий певец и гений России Федор Иванович Шаляпин читал юмористические импровизации, вызывая вокруг дружный хохот; хохотали все — и раненые солдаты, и сестры милосердия, смущаясь от неудержимости нахлынувших чувств.

Вслед за чтением, как обычно, состоялся небольшой концерт, в котором принималили участие младшие дети певца — «сестрица милосердия» Таня и «санитары» Боря и Федя, к тому времени уже имевшие сценический опыт в детских спектаклях с благотворительными целями. Но это было до войны.

Журнал «Искры» сообщал о спектакле, имевшем большой успех, в котором были заняты все пятеро детей Шаляпина. Дети великого певца в этом спектакле, а вернее в детской опере «Мертвая царевна и семь богатырей», исполняли ведущие партии. Первый спектакль состоялся на Рождество Христово, 6 января 1914 года, а через месяц в связи с успехом был повторен. Весь сбор от представления поступил в пользу первых яслей Басманного попечительства.

В самом начале войны Ф.И. Шаляпин открыл лазарет для раненых воинов, где работала вся его семья. Супруга певца Иола Игнатьевна, старшие дочери Лидия и Ирина выполняли работу медицинских сестер в перевязочной под руководством доктора И.И. Красовского, а младшие дети, как и взрослые, в будние дни развлекали раненых раз-

личными выступлениями, чтением, а то и просто своим присутствием, детской теплотой и лаской способствуя скорейшему излечению больных и облегчая их страдания.

Сам Федор Иванович любил петь и даже плясать перед ранеными под аккомпанемент гитары старшей дочери Лидии.

На военный период выпал пятидесятилетний юбилей Ф.И. Шаляпина, «великого артиста, гениального художника, гордости России», как величала тогда юбиляра российская пресса. Федор Иванович глубоко переживал трудные военные дни и поэтому отказался от пышного чествования — бурные овации после его выступления на сцене Большого театра заменили официальное юбилейное торжество.

За кулисами от лица всех занятых в спектакле артистов и администрации театра певец Трезвинский вручил юбиляру майолику в виде птицы «Гамаюн» работы учениц Строгановского художественного училища:

— Мы, артисты, подносим вам эмблему печали и радости. Печаль пройдет, и воссияет радость. Этого мы и вся Россия страстно желаем.

В грозный час войны музы не молчали. Деятели культуры не только не остались в стороне от происходящих событий, но и в большинстве случаев возглавили движение милосердия и благотворительности.

Великий российский тенор Л.В. Собинов, призванный поручиком на службу, с разрешения военного начальства устраивал благотворительные концерты. Вырученные от этих концертов двести тысяч рублей певец передал комитету Мраморного дворца на содержание лазарета.

Известный русский писатель А.И. Куприн на собственные средства открыл в своей квартире в Гатчине лазарет, где разместились десять раненых солдат. Его супруга, опытная сестра милосердия, удостоенная двух медалей еще в русско-японскую кампанию, взяла на себя каждодневные заботы о них.

Выдающаяся драматическая актриса М.Г. Савина, воспетая в стихотворных строках Н.А. Некрасова, в дивных образах, созданных, И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым, стала инициатором сбора подарков воинам под девизом — «Артист — солдату». Вскоре это начинание оформилось в союз «Артисты Москвы — русской армии и жертвам войны», который активно занимался организацией сбора пожертвований. Один из таких массовых сборов был осуществлен в Москве 10 и 11 марта 1916 года. В акции принимали участие артисты всех московских театров. На главных улицах города актеры устраивали весе-

лые забавы и, вовлекая в это празднество прохожих, шутливо просили «выкупа» у проезжавших по улице граждан.

Как рассказывали очевидцы, прохожие щедро опускали в кружку свою лепту — денежное вспоможение «солдату на светлый праздник». Вместе с молодыми артистами в празднестве участвовали и знаменитости. На всех перекрестках, где были устроены «заставы», царили веселье и смех. Особенно шумно было в квартале «Летучей мыши» у Большого театра, где артисты прямо на улице организовали импровизированный концерт. В «заставе» на пересечении Кузнецкого моста с Неглинной приняли участие прославленная О.О. Садовская, предлагавшая прохожим «выкупить» значки, замечательный комедийный актер Н.Ф. Балиев и молодые актрисы.

На Кузнецком мосту прямо по проезжей части расхаживал известнейший в то время драматический актер Н.Ф. Монахов.

Поднятой рукой он останавливал транспорт и извозчиков — и ассистировавшие ему молодые актрисы с протянутыми кружками окружали проезжих. Примерно то же самое происходило на Неглинной — блокируя транспорт, артисты с веселыми шутками требовали выкупа. Актеров сопровождала толпа любопытствующих и поклонников их таланта.

Благотворительная акция имела огромный успех и принесла значительные сборы в пользу армии.

В другой раз московские артисты собрали для воинов табак. На розвальнях и мебельных фургонах, нанятых для этой цели, артисты ездили по улицам города и обходили дома. Кружки и пакеты для табака быстро наполнялись. Так артисты преподнесли еще один подарок российским воинам.

Для благотворительных целей артисты использовали также гастрольные поездки. Известная русская актриса Лидия Георгиевна Кякшт во время гастролей в Англию обратилась к публике с призывом пожертвовать табак для Действующей армии. Англичане собрали и отправили огромное количество сигарет и весового табака. Когда актриса вернулась в Петроград, ее багаж в основном состоял из пожертвований и подарков российским воинам.

В те годы неизменным успехом у взыскательной английской публики пользовалась популярная русская актриса Л.Б. Яворская (княгиня Барятинская). В патриотической пьесе «За Россию», специально обработанной талантливым драматургом Джоном Поллоком, княгиня на сцене Лондонской оперы играла роль девушки-гусара Надежды Дуровой, героини Отечественной войны 1812 года. С началом войны эта

пьеса пользовалась особой популярностью у публики, спектакли, в том числе благотворительные в пользу воинов союзнических армий, шли ежедневно.

Весной 1915 года актриса Л.Б. Яворская в составе английской депутации, куда входил и представитель английского Красного Креста Эрнест Гарт, прибыла из Лондона в Петроград с большим количеством одежды и медикаментов для жителей разоренной Польши. По инициативе княгини Барятинской, в которой текла и польская кровь, в первые же дни войны в Англии был возрожден комитет «Великобритания—Польша», главной задачей которого была всесторонняя помощь полякам.

— Успехи русского оружия, — сказала по приезде в Петроград княгиня Барятинская, — вызывают у всей Англии восторг перед русским солдатом и высшим командным составом.. Англичане чрезвычайно отзывчиво отнеслись к устроенному сбору пожертвований в помощь польским жителям и раненым воинам, — и нам в сравнительно короткий срок удалось собрать сорок тысяч рублей, много медикаментов и разного рода одежды. Особенно сердечно отнеслись к сбору студенты Манчестера и Глазго.

Пробыв несколько дней в российской столице, английская депутация направилась в Польшу с благотворительной миссией. В Варшаве русская актриса заявила:

— Мы приехали оказывать посильную помощь населению, всем, кто в ней нуждается.

Здесь же, в Польше, возникла идея открыть несколько бесплатных столовых для еврейских детей. Англичане с готовностью откликнулись на это начинание и выделили часть собранных в Англии средств на организацию и содержание столовой, рассчитанной на пятьсот детей.

Английскую делегацию в поездке по Польше сопровождал уполномоченный Красного Креста, член Государственной Думы В.М. Пуришкевич.

По обеим сторонам шоссе на фоне зеленеющих из-под снежных проталин побегов то и дело мелькали фигуры пахарей. Заморенные лошадки тяжело дышали, их худые бока судорожно вздымались, обессилевшие пахари устало придерживали плуг. Трудно было решить, кто более истощен — кляча или хозяин?

По пути англичане посетили четыре питательных пункта, организованных российским Красным Крестом. Привлекал внимание образцовый порядок. Полы в палатках и дорожки возле них были посыпаны

песком. Англичане осмотрели складские помещения. В запасниках хранились целые горы коробок с консервами: маринадами, кильками, сардинами, скумбрией. Сфотографировали группу солдат у дымящегося котла, проверили качество хлеба — все оказалось отменным. В офицерских палатах на всех пунктах наилучшее впечатление производили накрытые столы с изысканной сервировкой, вплоть до десертных салфеточек. На тарелках лежали нарезанные ломтиками швейцарский сыр, великолепная ветчина, на столах стояли большие коробки с икрой. Жаждущий в любой момент мог получить чай, консервированный кофе со сливками и шоколадом. Громадные ящики различных сортов печенья, конфеты, мармелад и пастила, глазированные фрукты от Абрикосова и Елисеева, — все это и многое другое хранилось на питательных пунктах.

— Прекрасно! Превосходно! — восхищались англичане. — Всего, всего вдоволь, все предусмотрено.

Петроградская газета «Речь» от 4 апреля 1915 года приводила впечатления одного из членов английской делегации:

«Россия уже сейчас одержала громадную победу и, кроме того, что мы верим в окончательное торжество союзного оружия над германцами, ваше Отечество сделало уже в данный момент такие завоевания внутри себя, что каждый, симпатизирующий России и русским, удивляется и восхищается. Одним махом отрезвить полтораста миллионов населения?! Если мы, англичане, до сих пор только интересовались и симпатизировали России, то в последнее время начинаем все более восторгаться и уважать русских!»

Деятельное участие в благотворительных акциях принимали очень многие деятели искусства.

В союзе «Артисты Москвы — русской армии и жертвам войны» сотрудничала известная актриса Е.Д. Турчанинова. Добрый, отзывчивый и любимый в театральных кругах человек, Е.Д. Турчанинова всегда первой откликалась на всякие благотворительные начинания. Великолепная исполнительница ролей Лизы в «Горе от ума», Тани в «Плодах просвещения», Леля в «Снегурочке», актриса, торжественно отпраздновав двадцатипятилетний юбилей сценической деятельности, отправилась в составе небольшой актерской труппы на Кавказский фронт — там предполагалось одарить подарками воинов Действующей армии. После долгого и опасного пути актрису тепло встретили на передовых позициях и в штабе командования армией, где все желали запечатлеть себя на фотографии рядом с ней.

Поездки известных артистов на фронт становились регулярными.

Каждый такой приезд актерской труппы или отдельных исполнителей приводил солдат в неописуемый восторг. Вот письмо, присланное с фронта:

«Курские, смоленские, рязанские и прочие наши богатыри окружают артистов и, не спуская глаз, смотрят, как госпожа Лопухова танцует. А танцует она хорошо. Лес и горка защищают нас от неприятеля, и мы веселимся под самым носом у немцев.»

Балерина Императорских театров Е.В. Лопухова была частым гостем на передовых позициях.

— Мне приходилось выступать на самых разнообразных сценах, — признавалась актриса, — от самой роскошной до наиболее скромной, но никогда, вероятно, мне не придется еще раз танцевать на такой оригинальной, поистине святой, политой кровью русского солдата сцене. Когда наша программа закончилась, солдаты начали аплодировать.

Командир крикнул «ура», и вслед за ним понеслось тысячеголосое громкое «ура». И я поняла, что более верного подарка этим оторванным от родных гнезд людям я не могла и придумать!

Устроили несколько концертов для солдат актриса Малого театра М.А. Мазуркевич и артист П.И. Иванов-Вольский.

Благородную миссию взяли на себя и художники. Для изображения батальных сцен и походной жизни солдат было решено отправить на фронт большую группу российских художников. На Западном фронте находился батальный класс Императорской академии художеств под начальством полковника, историка по образованию, В.К. Щенка и под руководством профессора Академии художеств, известного в то время живописца Н.С. Самокиша.

На фронте Н.С. Самокиш написал немало эскизов, картин и портретов, в том числе полотна «На пути к Эрзеруму», «Ворвались первые», «Великий князь Николай Николаевич» и другие.

В Действующей армии находилась художница Н.А. Габаонелли, любимая ученица знаменитого профессора батальной живописи. Художница вместе с воинским подразделением Кавказской армии проделала тяжелый и опасный путь от Сарыкамыша до Эрзерума. Неутомимая наездница, обладавшая мужской смелостью и выносливостью, она на привалах старалась запечатлеть в колоритных набросках характерные моменты походной жизни простых воинов — героев войны. За мужество и храбрость, проявленные во время похода, талантливая художница Н.А. Габаонелли была награждена Георгиевской медалью.

Русские художники, охваченные общим патриотическим настроением, воссоздали на полотнах батальные сцены, жанровые сюжеты, призывавшие к милосердию на войне. Среди таких российских художников были Н.П. Богданов-Бельский, С.В. Девяткин, В.А. Серов, Н.К. Рерих, М.В. Нестеров, И.Е. Репин и В.Е. Маковский. Большой популярностью пользовались картины художника И.А. Владимирова, а полотна«Четыре кладбища», «Кавалерийская схватка», «К атаке» и «Оба ранены» принесли ему международную известность.

С 23 августа по 20 сентября 1915 года в зале Императорского общества просвещения и художеств в Петрограде с огромным успехом прошла выставка ста двадцати пяти полотен И.А. Владимирова. Его искусство баталиста высоко ценилось за рубежом. Репродукции его картин и эскизов публиковались в лондонском журнале «График», знаменитом французском еженедельнике «Иллюстрасьон» и в американской прессе.

Несколько ранее, в апреле 1915 года, в залах музея Императора Александра III большой успех имела выставка русских художников, организованная комитетом Великой княгини Елизаветы Федоровны. Этот комитет оказывал помощь семьям лиц, призванных в армию. На выставке были представлены картины выдающихся российских художников старой и новой школы, среди которых особенно выделялись полотна Г. Семирадского «Александр Македонский и его врач Филипп», «Кончина царя Федора Ивановича» академика К.В. Лебедева, «Король Бельгии Альберт I» И.Е. Репина и другие.

Регулярно проводились выставки петроградского общества художников, на которых было немало картин, посвященных военным сюжетам, как, например, картина художника И.А. Пасса «В музее Эрмитажа», изображавшая раненых солдат в сопровождении сестры милосердия во время осмотра музея, картина художника П.И. Геллера «В ожидании беженцев» и другие.

С большим успехом весной 1916 года прошла в Петрограде юбилейная XXXV выставка картин Императорского общества русских акварелистов. Многочисленные посетители поражались тонкости боевых наблюдений ставшего уже знаменитым художника И.В. Владимирова. Среди его фронтовых зарисовок привлекала внимание акварель «Казачий аванпост». Патриотические мотивы преобладали в акварелях В.Б. Берингера, среди которых посетители выставки выделили картину «Русь поднялась». Художник Н.А. Сергеев представил мастерски выполненную акварель «Бурно», на которой был изображен вид русской природы перед грозой, образно передававший состояние

тревоги и внутреннего волнения не только автора картины, но и всего российского общества.

Среди молодых художников в те годы выделялся сын крестьянина Иван Васильевич Космин, выпускник пензенского художественного училища. В 1916 году Космин закончил курсы художественной академии и за дипломную работу, портрет Великой княгини Виктории Федоровны, получил золотую медаль имени Виже Лебрен.

Высокими патриотическими чувствами проникнуты картины И. Горюшкина-Сорокопудова. На полотне «В Старообрядческом монастыре» изображены сестры милосердия, ухаживающие за ранеными воинами.

На выставке также были представлены глубоко проникновенные и колоритные полотна Н.П. Богданова-Бельского «Мужики на войне», «Весточка от сына» и «На работу»; портрет «Государь Император» В.А. Серова, подаренный художником Императрице Александре Федоровне; картина «Милосердие» М.В. Нестерова и «После боя»М.В. Грекова.

С риском для жизни работали на передовых позициях художники-баталисты М. Авилов, В. Сварог, С. Колесников и другие. Их жанровые зскизы и фронтовые зарисовки постоянно воспроизводились в российских печатных изданиях.

Рядовым добровольцем ушел на фронт, пожертвовав все свое имущество на нужды обороны, известнейший архитектор Л.С. Сологуб. Автор многих премированных проектов, он получил широкое признание в России как руководитель строительства Костромской выставки, организованной в честь трехсотлетия дома Романовых. Когда началась война, талантливый деятель искусств, освобожденный от воинской повинности, пенсионер Академии художеств пошел на фронт с благородной целью — в перерывах между боями зарисовать, сделать замеры памятников старины и церквей, чтобы сохранить для потомков их внешний вид, параметры и конструкции — на случай их уничтожения в огне боев. На фронте Л.С. Сологуб получил чин подпоручика и был представлен к награждению Георгиевским крестом IV степени. Кроме специальных работ, художник много времени уделял портретным зарисовкам российских солдат, жанровым сценам, чем заслужил высокое признание.

В новогоднем номере журнала «Нива» за 1916 год рассказывалось о талантливом скульпторе-самородке, Георгиевском кавалере, унтер-офицере Шаталове, который на Рижском фронте у местечка Огар в короткие промежутки между боями вылепил из речной глины скульптурную композицию «Милосердие». Работал он урывками, без какой-

либо натуры и инструментов. Композиция изображала Иисуса Христа, который одной рукой поддерживал голову раненого солдата, силящегося подняться, а другой — подносил к его губам кубок с водой. Мастерски выполненная скульптура восхищала специалистов оригинальным композиционным решением.

Годом раньше в Москве с огромным успехом прошла выставка работ А.С. Голубкиной. Сто пятьдесят скульптур стали своеобразным творческим отчетом двадцатипятилетней деятельности известного в России мастера. В разгар войны зоркий глаз скульптора точно подмечал болезненное состояние общества, тяжесть труда, нужду детей и народную скорбь.

«Никогда еще русская скульптура, — писал журнал «Искры», — не была так близка современности, так глубоко не хватала за сердце зрителя, как на этой выставке, устроенной в дни великих испытаний в пользу жертв войны и тем не менее являющейся праздником русской скульптуры.»

Вслед за этой выставкой состоялся вернисаж членов общества «Мир искусств» в пользу пострадавших от войны бельгийцев. Центром внимания посетителей стал зал, где экспонировались работы К.А. Сомова, и среди них — знаменитое полотно «Купальщицы». На выставке были представлены работы А.Н. Бенуа, Б.М. Кустодиева, Н.К. Рериха, М.В. Добужинского, И.Е. Репина и других художников. На картинах были запечатлены и военные эпизоды. Таковы полотна И.Е. Репина «Король Бельгии Альберт I» и «Сестры» М.В. Добужинского.

На Кавказском фронте походные альбомы создавали К. Дыдышко и П. Першин; репродукции из этих альбомов предлагали подписчикам журналы «Нива», «Искры», «Верность» и другие иллюстрированные издания. Плодотворно работал на передовых позициях художник П. Селиванов, удостоенный трех Георгиевских крестов за боевые заслуги.

Е.Е. Лансере в качестве военного корреспондента выехал на Кавказский фронт в конце зимы 1914 года. Незадолго до этого Евгений Евгеньевич Лансере, получивший признание в кругу художников, по ходатайству И.Е. Репина, В.В. Мате и В.А. Покровского удостоенный звания академика, завершил свой наиболее значительный труд — художественное оформление повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат».

Это обстоятельство, вызванное увлеченностью художника кавказской тематикой, предопределило его выбор. На Кавказском фронте он создал целую серию эскизов и зарисовок, среди которых выделялись прекрасные акварельные портреты участников войны.

Родная сестра художника Зинаида Серебрякова, чьи блистатель-

ные полотна можно увидеть и сегодня в Третьяковской галерее, запечатлела своего брата в один из его краткосрочных визитов в Москву в форме военного корреспондента. Этот портрет, как и ряд фронтовых зарисовок Лансере, хранится в частной семейной коллекции, оставаясь доступным лишь для узкого круга его почитателей.

Три поколения россиян и людей других народностей бывшего СССР сознательно были отторгнуты от творческого наследия художников лишь потому, что война эта была проклята большевиками, а вместе с ней и все, что связано с этим периодом нашей истории. Может быть, в запасниках музеев государств содружества еще сохранились эти картины и нынешнему поколению россиян все же удастся их увидеть?

Не менее печальной оказалась судьба военных историков, освещавших войну, для которых конец ее совпал с крушением старого мира, а новый мир предал их забвению.

А тогда, еще перед войной, в 1913 году при военно-походной канцелярии Императора возникла комиссия по описанию боев, трофеев и старых русских знамен, председателем которой был назначен полковник В.К. Шенк, ставший начальником батального класса. Членами комиссии состояли капитан П.И. Белавенец, полковник Г.С. Габаев, капитан С.А. Толузаков.

После революции Владимир Константинович Шенк оказался в Эстонии, затем эмигрировал в Чехословакию, а после второй мировой войны вернулся на родину с единственной целью — разыскать оставшуюся в России дочь. Никем не признанный, без работы и средств к существованию, В.К. Шенк скончался в 1947 году в Рязани от голода.

Георгий Соломонович Габаев (Габашвили), автор трудов по истории русских знамен и истории саперных частей, окончил Николаевское инженерное училище. В разгар войны полковник Г.С. Габаев был назначен командиром лейб-гвардии саперного батальона, а в начале 1917 года произведен в генерал-майоры. Кавалер орденов Владимира IV и III степеней с мечами после революции оказался не у дел, чудом уцелел в 1937 году, а 1947 году был выслан на постоянное поселение в Будогошь под Псковом.

Петр Иванович Белавенец, заведующий Императорской канцелярией знамен и трофеев, хранитель многих реликвий, принимал активное участие в освещении боевых событий на войне и ратных подвигов российских воинов. Благодаря его описанию героических дел сестры милосердия Елены Константиновны Хечиновой (Хечинашвили), опубликованному в первом выпуске сборника «Герои и трофеи на-

родной великой войны» за 1916 год, стали известны подробные детали совершенного ею подвига. После революции Петр Белавенец, стараясь предотвратить растаскивание ценнейших исторических экспонатов, организовал в Петрограде историко-бытовой музей и работал в нем рядовым сотрудником. За принадлежность к царской армии притеснялся местным начальством. В 1936 году Петр Иванович побывал в Москве по музейным делам, но хлопоты оказались безуспешными. Скончался П.И. Белавенец в Петрограде. Согласно воле покойного, его покрыли белым Андреевским флагом. Это сделал давний его коллега по историко-бытовому музею Николай Алексеевич Чуфаровский. Последняя просьба морского офицера была исполнена буквально за полчаса до прихода сотрудников НКВД.

Небольшие крохи из коллекции военного историка бережно хранятся в частном собрании у проживающего в С.-Петербурге полковника в запасе, военного историка Георгия Всеволодовича Защука, потомка известных в России военачальников, героев Крымской и Отечественной 1812 года войн, кавалеров Георгиевских орденов.

Не осталась безучастной к событиям первой мировой войны поэтическая и писательская элита России. По «Записным книжкам» Александра Блока, запечатлевшего беглой строкой тревожные события военного времени, можно проследить за изменением настроения поэта:

«Петербург переименован в Петроград! Мы потеряли много войск. Очень много... Победа между Люблином и Холмом... Хорошие вести с войны... Руманов (по телефону) говорит, что есть какие-то тревожные вести. О мире что-то... Наступления нет... Турция объявила нам войну. Бомбардируют коммерческие порты... Подлые слухи о мире — в дни, когда мы бьем немцев особенно мощно».

Реакция на калейдоскоп отмеченных событий, как это следует из «Записных книжек», для А.А. Блока однозначна. Боль за неудачи на фронте, неприятие сепаратного мира, вера в грядущую победу российской армии гармонично вплетаются в целостное понятие — гражданский патриотизм.

Высокая гражданственность и нравственный долг служили ориентиром и для журналистов популярных российских журналов и газет, принявших решение освещать военные события в качестве военных корреспондентов и обозревателей непосредственно с передовых позиций российских и союзнических войск. К ним в первую очередь относились редактор либеральной газеты «Речь» В.Д. Набоков, ставший в 1917 году членом Временного правительства, К.И. Чуковский, кор-

респондент журнала «Нива», публицисты и писатели В.И. Немирович-Данченко, А.Н. Толстой, Н.И. Горецкий, М.Н. Зощенко и другие.

Отчасти повезло лишь поэтам. Их стихотворные строки, несмотря на запреты и жесточайшую цензуру в годы господства большевиков, все же доходили до читателя. Тема войны присутствует в произведениях тех лет у Валерия Брюсова, Саши Черного, Владимира Маяковского, Тициана Табидзе, Анны Ахматовой, Николая Гумилева и других не менее известных поэтов.

Николай Гумилев 23 сентября 1914 года с кавалерийским эскадроном направился на фронт, заслужив впоследствии чин прапорщика. Кавалер двух Георгиевских крестов, непосредственный участник войны, он посвящает этому периоду в сборнике «Колчан» стихотворные строки:

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.

Военная лирика Гумилева отличается высоким патриотизмом, мужественностью и рыцарской простотой:

И мечтаю я, чтоб сказали
О России, стране равнин:
— Вот страна прекраснейших женщин
И отважнейших мужчин.

Эти строки, посвященные сестрам милосердия, как и стихотворение «Ответ сестры милосердия», наполнены трепетным уважением к женщинам — боевым подругам и тем, кому выпал тяжкий жребий «покинутые могилы навещать годами».

Многие отмечали исключительную, порой безрассудную храбрость поэта-кавалериста; его презрение к смерти не знало границ. Ему не страшны были кавалерийские рейды, разведки, засады, атаки, наступления, отступления, участником которых он был.

В стихотворении «Память» поэт пишет о самом себе, о военном времени, трудности которого сполна перенес:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

Один из современников поэта писал: «Войну он принял с простотою современной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности».

Находясь на войне, Н. Гумилев помимо стихов писал военные очерки для газеты «Биржевые ведомости» под общим названием «Записки кавалериста».

«Наступать — всегда радость, но наступать по неприятельской земле, это радость, удесятеренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы...»

Для России, страны, «что могла быть раем», поэт, живо ощущавший дух и настроения в действующих частях российского войска, не видит другого предначертания, кроме близкой победы над неприятелем. Поэт, в ком билось «золотое сердце России», и его поэзия, в том числе военная лирика, пронизанная патриотизмом, не нужны были большевистской власти. Его поэзия разрушала ленинскую концепцию «захватнической, антинародной» войны, его лирика не вела российский пролетариат на борьбу с царизмом, а потому отказывалась лжесвидетельствовать в пользу советской власти. Николая Гумилева в августе 1921 года расстреляли якобы за участие в контрреволюционном заговоре, хотя, как теперь стало известно, никаких компрометирующих поэта материалов в деле не обнаружили. Многие критики в рабском повиновении большевизму с удовольствием клеймили «шовинистский дух» военных стихов Николая Гумилева, без которых невозможно представить русскую предоктябрьскую поэзию. Пора, давно пора взглянуть на все, в том числе и на огромное наследие выдающегося поэта начала XX века, открытыми глазами и вникнуть в его искренние стихотворные строки, которые раскрывают правду об этой «неизвестной войне».

Много стихотворных строк посвятила военному периоду и Анна Ахматова. Повествуя о литературной деятельности Анны Ахматовой в период 1914-1917 годов, критик К.В. Мочульский отмечал «резкий перелом ахматовского творчества». «Поэт оставляет далеко за собой круг интимных переживаний: он становится строже, суровее и сильнее... В его поэтическом репертуаре появляются образы Родины, отдается глухой гул войны, слышится тихий шепот молитвы».

В самый разгар войны наполненная патриотическими чувствами А.А. Ахматова в коротком стихотворении «Молитва» взывает:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,

11–447

Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Неистребимая вера в светлое будущее России живет в ее душе и в период великих потрясений и политических бурь февральской революции 1917 года, когда люди ее круга в страхе перед новым «политическим бредом» стали покидать Петроград и уезжать за границу в надежде пережить короткое, как им казалось, смутное время. Обращаясь к Б. Анрепу в связи с его отъездом в Лондон после февральской революции, Анна Ахматова как бы бросает ему вслед:

Ты говоришь — моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, —
Все искупить и все исправить можно.

Эта мысль прозвучит и в стихотворениях более позднего периода. Поэтесса отвергает мысль о разлуке с Россией, обрекая себя на долгую мученическую жизнь в стране Советов.

Недаром уже в 1922 году, не приняв Октябрьскую революцию, она с горечью восклицает:

Нет настоящего — прошлым горжусь
И задохнулась от срама такого.

Будущий «глашатай революции» Владимир Маяковский со свойственным ему сарказмом обличал тогда в стихотворении «Вам!» сытое равнодушие части россиян, выбравших позицию беспристрастных наблюдателей, для которых война была лишь средством набить свой карман деньгами.

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?

Разделявшие подобное настроение поэты-петроградцы даже орга-

низовали Всероссийское общество противодействия роскоши и расточительству. В знак протеста против прошедших в мае 1916 года спектаклей — обозрений моделей современной моды, которые демонстрировали известные актрисы столицы Л.Я. Липковская, Т.П. Красавина и другие, а также против конкурсов красоты, расточительных балов, обедов и пышных свадеб, общество провело своеобразную акцию.

По Петрограду проехала автомобильная колонна с крупными транспарантами, на которых было начертано: «Долой вечера моды — им не место во время войны!», «Сим ли победим?», «Долой Корсо!», «Герои войны и герои тыла», «Пир во время чумы», «Там Георгий за подвиг, здесь призы за позор».

Эскорт машин с транспарантами проехал по городу в восемь часов вечера при большом скоплении публики. Прохожие поначалу встретили машины с недоумением, а прочитав плакаты, проводили их аплодисментами.

Этот нравственный общественный протест поддержал Владимир Маяковский, бросая, как пощечину, богатеющим на крови свои хлесткие стихи:

Вам ли, любящим баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду?!

Но уже тогда поэты интуитивно чувствовали грядущие беды, которые рождались не на полях сражений, а выползали из тыла, из «ничтожных страстей» политической борьбы, по словам Игоря Северянина. В июле 1917 года, в период начала нравственного разложения общества, распада армии, периода, когда под сомнение ставились нравственные и духовные ценности, Игорь Северянин с горечью констатировал:

Дни розни партийной для нас безотрадны, —
Дни мелких, ничтожных страстей...
Мы так неуместны, мы так невпопадны
Среди озверелых людей.

Глядя, как рушится выходившая на столбовую дорогу цивилизации Россия, поэт с проницательностью и уверенностью воскликнет:

Минуют, пройдут времена самосуда,
Убийц обуздает народ.

Нет, и в могиле глухой и саване
Ты не нашел себе места

Б. Пастернак

9 Верните Ленина Вильгельму!

Большевики и их отношение к войне. Военные и экономические трудности в России, реакция военного командования, правительства и народа. Подрывная деятельность немецкой пропаганды.

В Париже , а затем в уютном Цюрихе, вдали от бурно развивающихся событий, будущий вождь рабочих и крестьян, одержимый диктатурой пролетариата, Владимир Ленин теоретически обосновывал неизбежность мировой социалистической революции. Изобличал капитализм, особенно в богатых и могущественных государствах, «обуржуазившихся рабочих» или «рабочую аристократию», «вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработка, по всему своему миросозерцанию». Каждодневно соприкасаясь в эмиграции с капиталистическим миром и пользуясь услугами «частной собственности», он вел со свойственной ему непримиримостью беспощадный бой, разоблачал «захватнический, грабительский, разбойнический» характер войны 1914-1918 гг., будто не было выстрела в Сараево, будто не существовало в центре Европы сербского народа, подвергшегося нападению австрийских войск, и будто не Германия объявила войну России, а наоборот.

Все российские политические партии поддерживали политику царского правительства в отношении начавшейся мировой войны, а председатель Государственной Думы М.В. Родзянко призывал все патриотические силы страны объединиться перед лицом опасности. И силы эти — объединились. Исключение составили большевики, кото-

рые через свой легальный рупор, социал-демократическую фракцию IV Государственной Думы, открыто заявили об осуждении, якобы согласно ленинскому постулату, захватнической войны, призывая народные массы к борьбе с ней. Большевикам, как и находившемуся в эмиграции Ленину, грезилась мировая революция, они считали, что исторический момент для ее свершения — вполне подходящий, однако уже тогда лидеру большевистской фракции Государственной Думы А. Бадаеву пришлось признать, что «сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, которую она с собой несет.»

Между тем, уже в сентябре 1914 года в адрес большевистской фракции пришла телеграмма председателя II Интернационала Э. Вандервельде, в которой он призывал русских социал-демократов заключить гражданский мир с царским правительством и помочь свободным нациям разгромить германский милитаризм. Наперекор общепатриотическим настроениям, которые ширились в странах Западной Европы, борющихся против экспансионистской политики Германии, В.И. Ленин резко осудил реакцию вождей II Интернационала и назвал ее изменой. Он призвал социал-демократов всех стран развернуть пропаганду идей «социалистических революций» и направить «оружие не против своих братьев — наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран».

Правда, так и не воодушевив «наемных рабов» на борьбу с правительствами, большевики, через несколько лет придя к власти, спровоцировали внутри своего народа братоубийственную войну с ее неисчислимыми и бессмысленными жертвами. В результате гражданской войны миллионы россиян лишились Родины и оказались разбросанными по всему миру.

На нелегальных собраниях и конспиративных сходках большевики, следуя указаниям В.И. Ленина, выступали против защиты Родины от иноземного нашествия, старались убедить народные массы в якобы захватническом и несправедливом характере войны. «Задачей русского народа, — писал Ленин, — является борьба за поражение царизма в этой войне».

В рубрике «Всемирное обозрение» первого номера журнала «Родина» за 1916 год приводились доводы противоположного большевистским взглядам направления: «Забыв о надуманных теориях и памятуя

лишь о спасении своей Родины, поставленной в опасное положение, социалисты всех стран взялись за оружие и пошли в окопы умирать во имя того, что они накануне отрицали. И как-то сама собой идея братства народов растаяла, сменившись в представлении самих социалистов идеей национального единства».

Подобного рода метаморфоза произошла и с одним из ярких лидеров социалистов — министром бельгийского правительства Э. Вандервельде. По иронии судьбы, глашатаю разоружения с первых же дней войны пришлось сосредоточить самое пристальное внимание на обороноспособности своей страны. Министр посещает военные заводы, фортификационные сооружения бельгийских войск, передовые окопы, облетает на воздушном шаре прифронтовые позиции.

«Так жизнь во имя спасения Отчизны победила хоть и заманчивую, но все же бредовую мечту». Этой фразой завершилась рубрика популярного тогда российского журнала для семейного чтения. Прислушайся большевистский главарь к призыву зарубежных лидеров социал-демократии, за столом победителей в Версальском дворце под Парижем в 1919 году (а возможно, значительно раньше) видное место занимала бы Россия. Однако тогда одержимые идеей всемирной революции большевики наращивали в рабочей среде агитационную пропаганду пораженческих настроений.

Надо признать, что несмотря на высокий патриотизм российского общества, вставшего на борьбу с захватчиком, порой большевикам все же удавалось посеять в умах рабочих сомнение в целесообразности ведения войны до победного конца.

Главнокомандующий армией генерал от инфантерии Н.В. Рузский в обращении к заводчанам российской столицы, и в первую очередь к рабочим Путиловского завода, летом 1915 года писал:

«На полях сражений, откуда я недавно прибыл, все без изъятия дружно борются против сильного врага нашего. Грустно, что это общее стремление победить германца, по-видимому, не разделяется рабочими некоторых заводов в Петербурге, которые прекратили вырабатывать предметы государственной обороны. Всякий рабочий должен знать и помнить, что каждый час его работы увеличивает нашу военную мощь, а каждый час бездействия стоит многих жертв. Заверяю рабочих своим боевым опытом, что одно известие о забастовках тяжело ложится на душу наших воинов и вселяет злобную радость во врага. Самовольное прекращение работы в

настоящее время равносильно измене Отечеству. Допускать дальнейшие забастовки я не могу, и мною отдано распоряжение принять решительные меры к восстановлению нарушенного порядка на заводах».

Чтобы компенсировать сбои на петроградских заводах, российское правительство вынуждено было размещать военные заказы, в частности, на заводах, принадлежавшим французским владельцам, где в основном трудились женщины. Их самоотверженный труд неоднократно отмечался российскими наградами.

Хроническую нехватку снарядов ощущали и войска британской армии. Во всех английских газетах рефреном звучали слова фельдмаршала Джона Френча: «Снарядов, снарядов, снарядов!»

Приход к власти коалиционного правительства способствовал активизации патриотических настроений среди англичан. Всеобщее одобрение вызвало решение парламента о создании министерства снаряжения армии во главе с Ллойдом Джорджем. Новый министр со свойственной ему энергией и страстным желанием помочь Родине в трудную минуту зажег энтузиазмом всю страну. Как писал К.И. Чуковский в книге «Заговорили молчавшие» (1915), «в Лондоне, в Ливерпуле, в Манчестере перед огромными толпами англичан он взывал: Отечество в опасности! Взывал к патриотизму рабочих: откажитесь на время от стачек! Взывал к патриотизму хозяев: откажитесь от локаутов, от слишком больших барышей! Взывал ко всей нации, предлагал, советовал, просил, а не приказывал. И разбудил патриотические чувства англичан.»

Как-то вернувшись из поездки во Францию, где он знакомился с проблемой обеспечения французской армии боеприпасами и военной техникой, Ллойд Джордж заявил:

— Если Франция при настоящих условиях совершила столько чудес, значит, мы совершим еще больше!

«В русской Государственной Думе, — продолжал Корней Чуковский, — какой-то депутат на днях воскликнул: «Нам бы хоть осьмушку Ллойда Джорджа!»

В странах-союзницах, где граждане были охвачены общим чувством патриотизма, проходили мощные манифестации в пользу ведения военных действий до победного конца.

В Лондоне прошла женская манифестация под лозунгом: «Война до конца, до последнего человека на фронте и в тылу», в Токио мани-

фестанты шли с плакатами в поддержку русско-японской дружбы, а в России обстановка становилась все более непредсказуемой.

Расширение масштабов военных действий на Западном фронте, неудачи русских войск в летней кампании 1915 года вызвали новые проблемы, связанные с огромным притоком беженцев во внутренние губернии России. Перед тылом встала чрезвычайно серьезная задача — накормить, принять на ночлег и позаботиться о трудоустройстве огромного количества людей. Это неминуемо привело к затруднениям с продовольствием: транспортные чиновники искусственно завышали цены на перевозку товаров. Перед магазинами начали выстраиваться очереди за продуктами и товарами первой необходимости.

Обострившийся продовольственный кризис в городах наконец обратил на себя внимание властей. В октябре 1915 года в Москву специально по этому поводу приехал министр внутренних дел А.Н. Хвостов, под председательством которого состоялось особое совещание. После обстоятельного обсуждения ситуации с полной очевидностью подтвердились факты саботажа, сокрытия товаров и безудержной спекуляции: станции московского узла железной дороги были забиты грузами, намеренно не разгружаемыми; товары припрятывались на станционных путях, складах оптовиков, в подвалах розничных торговцев. Было подчеркнуто также, что в Москве умышленно организована злостная стачка извозопромышленников, которые используют создавшиеся трудности для личного обогащения. К началу зимы дал о себе знать и дровяной голод, резко подскочили цены на дрова, пуд осиновых дров стал стоить двадцать копеек, а березовых и того более — двадцать пять копеек.

9 февраля 1916 года по настоянию Императора в Таврическом дворце состоялось заседание Государственной Думы. Короткая приветственная речь Государя потонула в овациях и в пении российского гимна. Затем выступил председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, провозгласив здравицу в честь царя:

— В тяжелую годину еще сильнее закрепили Вы сегодня то единение Ваше с верным народом, которое нас выведет на верную стезю Победы. Да благославит Вас Господь Бог Всевышний! Да здравствует Великий Государь всей России!

После этого началась дискуссия о положении дел в тылу и в армии. Яркую, смелую речь произнес депутат Половцев:

— Мы терпим временные неудачи, но побеждены были не войска, а дальний тыл. Тыл не поспевал за армией, тыл не укреплял захваченного пространства, тыл лишал армию оружия и снарядов... Путейцы погрязли в злоупотреблениях. Там что ни чин, то вельможа, и за спиной его стоят министр, директор департамента, генерал-адъютант, адмирал и так далее. Троньте его, и невероятные неприятности посыпятся на вас со всех сторон.

Досталось, как говорится, и армии. Оратор резко критиковал генерала Григорьева, который сдал без сопротивления стратегически важную крепость Перемышль, «лишив Отечество целых дивизий, отдал врагу несметную артиллерию и целые склады снарядов», и не понес за это никакого наказания. В конце выступления депутат гневно обвинил военного министра Сухомлинова, который, по словам оратора, «обманул всех лживыми уверениями в готовности к страшной войне, который тем сорвал с чела армии ее лавровые венки и растоптал их в грязи лихоимства и предательства, который грудью встал между карающим мечом закона и изменником Мясоедовым». Депутат-националист обратился к присутствующему Государю и депутатам:

— Ведь тот министр своей головой ручался за Мясоедова: Мясоедов повешен, где же голова поручителя? На плечах, украшенных вензелями!

С этой же трибуны депутат Н.Е. Марков выступил с критикой правительства за его бездействие против казнокрадов-чиновников, прикрывающихся административной гарантией, против коррупции и воровства.

Руководитель кадетов В.А. Маклаков, говоря об отношении к армии, заключил:

— Мы не разойдемся с армией, господа. Мы знаем, что кроме той России, которая унывает и которая веселится, есть Россия, которая страдает, которая работает.

В.М. Пуришкевич, откровенный монархист, признавая справедливость упреков левой оппозиции в адрес правительства, ратовал за реформирование государственной системы страны:

— Разве нормально, что в то время, как наши братья исходят кровью, здесь, внутри страны, невозможно парализовать рост немецкого засилья и подпольного влияния?

Как писали тогда газеты, «такой полной мобилизации общественности Россия не переживала ни в смутные времена Минина и Пожар-

ского, ни в эпоху отечественной войны. Высокий подъем патриотизма переживается духовно здоровой нацией при каждом нашествии иноплеменников, но никогда до сих пор патриотический подъем русского общества не выливался в такую стройно организованную работу, какую выполняют в наши дни союзы земств и городов, военно-промышленные комитеты, организации Красного Креста, комитеты по устройству беженцев...»

Энергичные меры городских властей помогли локализовать очаги недовольства и снять напряжение на транспорте, укротить самоуправство чиновников, пресечь спекуляцию, найти резервы для улучшения снабжения населения продуктами.

В январе 1917 года Председателем совета министров российского правительства назначается член Государственного совета князь Н.Д. Голицын. По этому поводу Император обратился к нему с Высочайшим рескриптом:

«Князь Николай Дмитриевич!

Возложив на Вас ответственные обязанности председателя совета министров, я признаю за благо указать Вам те ближайшие задачи, на разрешение которых должны быть направлены заботы правительства. Среди них упорядочение продовольственного дела. Первейшей задачей поставлю заботу как о снабжении продовольствием доблестных Моих армий, так и возможность смягчения в тылу неизбежных при мировой борьбе народов продовольственных затруднений, а также улучшение железнодорожных и речных перевозок».

Однако всеобщее единение общественности и политических партий, которое единодушно признавала российская пресса, усилия часто меняющегося правительства, городских властей, земств и управ не приводили к желаемому результату. Общество как бы не видело, а возможно, недооценивало реальной опасности, которая уже зрела внутри и вползала в Россию извне, постепенно поражая устои государственного строя и будоража и без того уже измученный войной народ.

В письме к Николаю II, датированном 10 июня 1915 года, Императрица Александра Федоровна с женской проницательностью писала: *«Мне так хочется облегчить себя во всем, а министры все ссорятся между собой в такое время, когда все должны бы работать дружно, забыв личные счеты, и работать лишь на благо Царя и Отечества. Это приводит меня в бешенство. Другими словами, это измена, по-*

тому что народ об этом знает, видит несогласие в правительстве, а левые партии этим пользуются».

Большевики в тот период играли малозаметную роль среди левых партий. Размежевавшись с социалистами всех стран в отношении к войне и назвав их «социал-шовинистами — предателями интересов народа», Ленин и его соратники начали разрабатывать конкретные мероприятия: на их собраниях и сходках утверждались антивоенные программы и прокламации. Рукописный оригинал прокламации «К студенчеству» был отобран полицией при аресте у депутата Думы А.А. Бадаева. Многочисленные примеры показывают, что в целом российская общественность и армия не принимали антивоенной и антипатриотической политики большевиков. Арест немногочисленной большевистской фракции IV Государственной Думы и ссылка их в Сибирь не вызвали ни бури протеста, ни даже осуждения, а ведь большевикам предъявлялось обвинение в подстрекательстве народа к вооруженному восстанию и свержению правительства. Российская пресса восприняла этот арест как само собой разумеющийся.

Разложение общества изнутри производилось по-разному. Распространялись клеветнические слухи о желании немцев заключить с Россией сепаратный мир и якобы активном участии в этом членов царской семьи, в первую очередь Императрицы Александры Федоровны. Имя Великой княгини Елизаветы Федоровны также стало предметом пересудов и интриг в кабинете министров, Госсовете и Государственной Думе. Частые, порой весьма противоречивые донесения Государю в ставку Верховного главнокомандования, которая находилась в Могилеве, значительно осложняли дело и приводили к постоянным кадровым перестановкам как в руководстве армией, так и среди гражданских властей.

Зимой 1916 года генерал П.Н. Врангель, в то время командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, выехал в Петербург вместе с депутатской группой полковых офицеров, чтобы представиться шефу полка, двенадцатилетнему Великому князю Алексею Николаевичу, и вручить ему в подарок небольшую лошадь. Генерал Врангель был назначен дежурным флигель-адъютантом и обедал вместе с царской семьей. О своем пребывании в Петербурге он вспоминал:

«После встречи со многими военными и штатскими лицами госу-

дарства, после разговоров с ними я вынес впечатление, что в верхах, близких к Государю и двору, по-видимому, не отдавали себе отчета о надвигающейся грозе».

Более пространно, но также апеллируя к слухам, высказался 1 ноября 1916 года на заседании V сессии Государственной Думы П.Н. Милюков:

— Из края в край земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене.

Он зачитал также заявление двадцати восьми председателей губернских управ:

«Мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел».

Позже генерал А.И. Деникин в своих мемуарах под названием «Очерки русской смуты» приподнимет завесу таинственности над «темными силами, борющимися в пользу Германии»:

«Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами в последней мировой войне явилось новое могучее средство борьбы — пропаганда».

Этот новый вид «оружия» широко применяли в войне против немцев Англия, а затем Франция и США. Не в силах активно бороться против пропаганды английской и французской, немецкое руководство с большим, однако, успехом применяло это коварное средство в отношении России. «Тем более, что «Россия творила свое несчастие сама, — приводит здесь А.И. Деникин слова немецкого генерала Людендорфа, — и работа, которую мы вели там, не была слишком трудным делом.»

Германское правительство с начала войны приступило к пропагандистской работе, налаживая тесные связи с русской эмиграцией за рубежом, помогая материально и субсидируя ряд революционных газет пораженческого толка. Всецело на средства германского штаба, по словам А.И. Деникина, издавалась в Женеве ленинская газета «Социал-демократ», в ноябрьском номере которой за 1914 год был напечатан манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», насквозь пронизанный антипатриотизмом, пораженческим духом и

ненавистью к царизму. Основной революционный призыв Ленина — «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». К огромному несчастью для русского народа, вождь российского пролетариата позже реализовал его «в одной, отдельно взятой стране», потопив в крови десятки миллионов жизней. А тогда, в «Социал-демократе», он писал о том, что в этой войне «наименьшим злом будет поражение царской монархии — наиболее варварского и реакционного из всех правительств».

Февральская революция открыла широкие перспективы для резкой активизации немецкой пропаганды, ведение которой облегчалось позицией части либерально настроенной интеллигенции. В «Военных мемуарах» генерал Людендорф признается:

«Я не сомневался, что разгром русской армии и русского народа представляет большую опасность для Германии и Австро-Венгрии... Наши правительства, послав Ленина в Россию, взяли на себя огромную ответственность! Это путешествие оправдалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала».

Германское правительство, предоставив Ленину и еще двумстам двадцати четырем революционерам-эмигрантам беспрепятственный проезд в запломбированных вагонах из Швейцарии в Швецию, щедро профинансировало эту операцию через Стокгольмский, Копенгагенский центр и русский Сибирский банк. Из нейтральной Швеции все пассажиры запломбированных вагонов через Финляндию беспрепятственно доехали до Петрограда, где им была подготовлена торжественная встреча.

Из документов секретного архива немецкого министерства иностранных дел времен первой мировой войны, рассекреченных в начале 50-х годов, а также из секретных документов так называемых особых папок ЦК за 1923-1927 гг., хранившихся в архиве КПСС, стали известны неопровержимые факты передачи немецким правительством крупных сумм для поддержания большевистского движения и их усилий по развалу российской армии.

Главным посредником, а точнее, особо доверенным агентом при этом был швейцарский марксист Карл Моор, через которого известные партийные деятели, члены заграничного Бюро ЦК большевиков, такие, как В.В. Воровский, Я.С. Ганецкий и Карл Радек, неоднократно получали в течение 1917 года крупные денежные субсидии на нужды революции, в том числе и на переезд из Германии в Россию.

Объективности ради следует заметить, что министр П.Н. Милюков неоднократно заявлял, что «правительство признает безусловно возможным возвращение в Россию своих эмигрантов, без различий их взглядов на войну».

Российская пресса, перед этим восхвалявшая Государя, всецело перешла на «товарищеский» тон, отдавая свои нескрываемые симпатии вождям революции, Временному правительству и совету рабочих и солдатских депутатов. А немецкая газета «Du Box» ко дню прибытия Ленина в Петроград напечатала статью, в которой он был назван «истинным другом русского народа и честным противником». У большинства здравомыслящих политиков возникало ощущение, что Россия в те дни не ведала, что творила!

Политический разброд, разложение армии, Февральская революция, отречение Императора Николая II от российского престола и фактическое двоевластие в стране в разгар войны не предвещали ничего, кроме дальнейшего развала государства, неминуемого поражения в войне, экономической разрухи, которой бы воспользовалась Германия для полного владычества над Россией.

Понимая это, Временное правительство предприняло отчаянную, но, к сожалению, весьма запоздалую попытку спасти положение на фронте. Председатель правительства А.Ф. Керенский метался по расположениям войск, уговаривал солдат наступать, а солдатские комитеты на местах принимали постановления не наступать.

В Петрограде и на фронте войска присягали Временному правительству. «Ярый пропагандист марксизма, вождь русской социал-демократии» Г.В. Плеханов, как его стала величать перекрасившаяся в демократический цвет пресса, на одном из заседаний совета рабочих и солдатских депутатов выступил с речью, закончив ее следующими словами:

— У нас теперь есть, что защищать. Теперь мы сделали революцию и должны помнить, что если немец победит нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима.

Г.В. Плеханов и раньше не разделял пораженческой позиции российских социал-демократов, о чем свидетельствует интервью, которое он дал 24 января 1915 года, находясь тогда в эмиграции в Италии, корреспонденту газеты «Наше Слово»:

— Я по-прежнему убежден в том, что победа России не только не

будет вредна, но, наоборот, принесет большую пользу моей стране и, особенно, ее демократии... Победа Германии означала бы для России окончательное крушение всякой надежды на ее экономическое и политическое развитие. Война, заливающая кровью всю Европу, не есть война династий, а война между народами: за первенство — с одной стороны, за право на жизнь — с другой. Вся нация задета этой войной, ее будущее и даже самое существование. И русский народ, поняв эту страшную истину, ведет войну с энтузиазмом, с надеждой не допустить над собой немецкой гегемонии, которая привели бы его к разорению и унижению.

16 апреля 1917 года в бурлящем Петрограде прошла манифестация инвалидов, призывавшая к продолжению войны. На плакатах, которые несли солдаты, можно было прочесть следующие призывы: «Отечество в опасности!» «Пролитая нами кровь требует войны до победы!» «Товарищи солдаты, немедленно в окопы!» «Вернуть Ленина Вильгельму!»

Но вернуть Ленина Вильгельму не удавалось, так как в это время он находился в подполье и неоднократно менял конспиративные квартиры. Вскоре, по воспоминаниям генерала А.И. Деникина, Временному правительству стало известно со слов офицеров германского штаба Шидицкого и Любар, что «агитацию в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией ведут в России агенты германского генерального штаба — председатель секции «Союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и В. Ленин». Лично Ленину поручалось всеми силами стремиться подорвать доверие русского народа к Временному правительству.

В июле, когда Ленин вернулся из Финляндии в Петроград, его и его соратников, приехавших вместе с ним, арестовали. На настоятельные убеждения М.В. Родзянко «ликвидировать» их, по свидетельству невестки бывшего председателя Государственной Думы, Е.Ф. Родзянко, председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов отвечал:

— Как это возможно? Наша революция великая, бескровная!

Развернув массовую пропаганду пораженческих идей, которая привела к полному разложению отдельных частей российской армии, большевики, пользуясь нерешительностью властей, перешли к открытым призывам против Временного правительства. В армейских гарнизонах Петрограда представители большевиков призывали солдат к восстанию.

«Кошмарными июльскими днями» назвала пресса последнюю неделю июля 1917 года. Большевистский заговор в Петрограде был ликвидирован. В эти дни «Огонек» писал: «По количеству жертв как среди мирного населения, так и среди войск июльские дни далеко превосходят Февральскую революцию. На совести и ответственности тех, кто вызвал эту кошмарную бойню, невинная кровь, которая пролилась на улицах столицы».

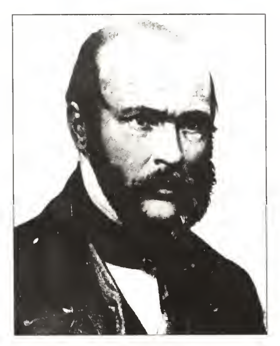
23 июля 1917 года в Петрограде проходили похороны жертв заговора большевиков, черносотенцев и немецких агентов, на руку которым было осуществление переворота. У Исаакиевского собора при многочисленном стечении народа состоялось отпевание жертв.

Ленину удалось бежать и скрыться в шалаше на пустынном берегу озера Разлив.

Россия содрогалась от ударов судьбы, билась в предсмертных конвульсиях, предаваемая во всех сторон, но еще не теряла надежд...

Великая княгиня Елена Павловна

Н.И. Пирогов

Анри Дюнан

Баронесса Юлия Вревская

Е.М. Бакунина

Русско-японская война. 1904 год.
Отряд Крестововоздвиженской общины в Манчжурии

Отряд сестер милосердия госпитального судна «Орел». 1905 г.

Ф.И. Шаляпин позирует И.Е. Репину в Пенатах. 1914 г.

И.И. Сикорский (второй справа) у «Ильи Муромца»

Князь Олег Константинович

Авиатор М.В. Нестеров

*Князь
К.А. Багратион-Мухранский*

*Капитан 2-го ранга
П.Н. Черкасов*

Николай II и генерал Брусилов

Георгиевский кавалер
18-летний Владимир Вейсбах

Георгиевский кавалер
15-летний Ян Пщулковский

Николай II с супругой и дочерьми Татьяной и Ольгой среди сестер милосердия Двинского лазарета

Патронат-убежище для низших чинов в Новом Петергофе

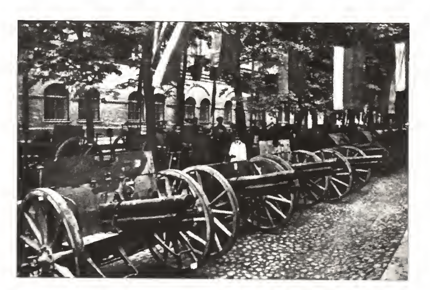
Открытие Дома инвалидов в Вятке

Иеромонах отец Антоний. 1915 г.

Л-нт Рогуский. 1915 г.

Выставка трофеев, захваченных у неприятеля

Колонна немецких военнопленных на улицах Москвы

Чествование прибывших из плена

Сестры Марфо-Мариинской общины среди раненых

Великая княгиня
Елизавета Федоровна

Императрица Александра Федоровна
с наследником Алексеем

Императрица Александра Федоровна с дочерьми
среди сестер лазарета Большого Царскосельского дворца

Римма Иванова

Графиня Е. Игнатьева

Генриетта Сорокина

Елена Хечинова

Первые захоронения на Братском кладбище в Москве

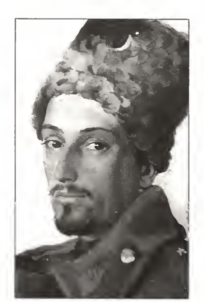
Французские авиаторы Пеке, Жильбер, Пуаре и Жануар. 1915 г.

Графиня Капнист среди солдат Кутаисского полка

Ф.И. Шаляпин среди раненых солдат в своем лазарете

Портрет Е.Е. Лансере
(картина З.Е. Серебряковой)

Картина М.В. Нестерова
«Милосердие»

Семья Романовых, лишенная жизни в 1918 году

Мы будем пьяными от крика —
Увидит мир, какой великой
Ты встанешь, Русская земля!

А. Дроздов

Обстановка на фронте. Брусиловский прорыв. Положение Германии в этой войне. Агитационная деятельность против России. Приказ № 1. Начало разложения армии. Воспоминания А.Л. Толстой. Отчаянная попытка спасти фронт.

Несмотря ни на какие трудности, дух победы витал над Россией. Даже когда двухмиллионная австро-германская армия ценой неимоверных потерь закрыла перед российскими войсками путь на Берлин и потеснила их из Галиции и Восточной Пруссии, дальнейшая судьба войны не была предрешена. Она приобретала затяжной характер, по-прежнему таила большую опасность для российского неприятеля. Верные союзническим обязательствам, российские войска сковывали огромные силы врага на фронтах и не давали им развить наступление во Франции и Италии, предотвратив таким образом разгром Сербии. Несомненные успехи российских войск на Кавказском фронте и черноморской эскадры в Черном и Средиземном морях облегчали ведение Англией военных действий на море против Германии.

Поражение германской эскадры в морском сражении с англичанами и гибель крейсера «Блюхер» в Северном море, происшедшие в начале января 1915 года, практически лишали немцев колониальных владений. Превосходство англичан на море стало еще более очевидным. Примерно в таком же положении оказывалась германская армия и на суше, где бои велись одновременно на нескольких фронтах.

Одной из замечательных страниц в истории первой мировой войны, признанной военными стратегами, являлся блестящий прорыв российских войск под командованием генерала А.А. Брусилова.

Брусиловский прорыв обороны австро-венгерских войск на фронте протяженностью 550 км и в глубь на 60-150 км нанес противнику огромный урон.

13 447

На рассвете 22 мая 1916 года на позиции неприятеля обрушился мощный артиллерийский огонь. Тяжелые орудия по всему фронту били с интервалом в две минуты, легкие — через каждые шестьдесят секунд.

— Снарядов не жалеть! — слышался повсюду приказ командиров.

За три месяца боев противник повсюду потерял более полутора миллионов солдат и офицеров, из них четыреста тысяч пленными. Для ликвидации Брусиловского прорыва объединенное командование противника перебросило на Юго-Западный фронт более тридцати дивизий. Брусиловский прорыв стал важнейшим достижением русского военного искусства и имел большое военно-политическое значение. Помимо всего прочего, прорыв облегчил положение французских войск под Верденом и предотвратил разгром итальянской армии у Трентино.

Потери русских войск в этих боях составили полмиллиона человек.

Эта победа высоко подняла авторитет России в глазах ее союзников. Вскоре и Румыния объявила войну Германии.

Франция отчаянно сопротивлялась на Западном фронте и, воодушевленная успехами российских войск, сумела подчинить всю промышленность военным нуждам. На заводах, занятых производством снарядов, в большинстве работали женщины. За успехи в выполнении военных заказов для российской армии летом 1916 года многие французские работницы были представлены к российским наградам. По поручению Николая II Георгиевские медали француженкам вручал генерал Ф.Г. Жилинский. Тогда на военных заводах по изготовлению снарядов было занято около пятисот тысяч француженок.

В составе французских войск находился российский экспедиционный корпус, а в небе России отважно сражались французские пилоты Жануар, Пуаре и другие. Жануар, совершивший до войны исторический перелет из Парижа в Петербург, работал военным инструктором, а Пуаре участвовал в воздушных боях под Сольдау, Варшавой и Лодзью. Французский летчик сбил несколько самолетов противника, за что стал полным Георгиевским кавалером.

Энергичные усилия Ллойда Джорджа способствовали налаживанию снабжения английской армии боеприпасами, снаряжением и обмундированием. По примеру француженок, к станкам по изготовлению снарядов встали англичанки.

Французским семьям в память о погибших выдавались почетные дипломы с надписью «Павшим в великой войне — благодарная Отчизна», а в Великобритании на домах вывешивались специальные знаки, обозначавшие число ушедших из семьи на фронт. Всеобщая мобилизация и патриотические настроения, царившие в стане основных со-

юзнических сил Франции, Англии и России, не могли не беспокоить германское командование.

Даже непосвященному в суть военных операций понятно, что для поддержания наступательных действий любой воюющей стороне необходимы значительные людские ресурсы, а у Германии их становилось все меньше и меньше. Это ставило командование в очень сложное положение. За три месяца до февральского переворота 1917 года известный уже читателю немецкий генерал Людендорф в мемуарах писал: «*На фронте наше положение катастрофическое, и, если нам не удастся подорвать Россию изнутри, мы погибли*».

Летом 1916 года во время торжественного заседания Московской Думы послу Великобритании сэру Бьюкенену было присвоено звание почетного гражданина Москвы. В ответной речи посол, поблагодарив городские власти за оказанную ему честь, выразил уверенность в благоприятном исходе войны:

— Вместе с нашей верной и доблестной союзницей Францией, своей героической защитой Вердена разбившей все планы Германии, мы идем верными шагами к окончательной победе. И раз эта победа будет достигнута, она укрепит союз, объединяющий нас навсегда общностью интересов и братских душ.

С военной точки зрения участь Германии была предрешена. Не удалось подорвать тыл России, распространяя слухи о сепаратном мире с Германией. Не помогали ни дворцовые интриги, ни антивоенная большевистская агитация. Тогда усилия германского генерального штаба были направлены на разложение российской армии: началась агитация солдат и либерально настроенных офицеров против ведения военных действий; военных продуманно толкали к братанию с воинами противника и другим якобы миротворческим акциям.

Понимая, что 1917 год может стать годом разгрома германской армии, немцы, по словам А.И. Деникина, «изменили направление своей работы в отношении России: не нарушая связей с известными реакционными кругами двора, правительства и Думы, используя все средства воздействия на эти круги и все их побуждения — корысть, честолюбие, немецкий атавизм, иногда своеобразно понимаемый патриотизм, — немцы вступили одновременно в тесное сотрудничество с русскими революционерами в стране и в особенности за границей, среди многочисленной эмигрантской колонии».

Именно большевикам, не добившимся успеха в тылу, было уготовано выполнить задачу германского генерального штаба по разложению русской армии. Большевики развернули широкую антивоенную пропаганду в резервных частях армии. Наспех сформированные из

обездоленных войной крестьян и рабочих, резервные полки, не обученные, не организованные воинской дисциплиной, не укомплектованные кадровыми офицерскими чинами, являли собой ту питательную среду, которая легко поддавалась большевистской агитации против продолжения военных действий до победного конца.

Пользуясь возникшими трудностями, вызванными затяжным характером войны, отдельными неудачами на фронтах и продовольственным кризисом в стране, большевики перенесли активную пропаганду непосредственно в солдатские окопы, куда начали поступать большевистские газеты. Но это была всего лишь подготовка к крупномасштабным акциям.

Февральский переворот способствовал распространению широкой антивоенной пропаганды, позволил заинтересованным силам использовать для этих целей пораженчески настроенные ряди эмиграции, которые не без помощи большевиков и немцев хлынули в Россию из Европы и Америки.

Отречение Императора и Великого князя Михаила Александровича от престола повергло многих в полное недоумение. По словам генерала А.И. Деникина, «войска были ошеломлены — трудно определить словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое сосредоточенное молчание». Однако после этой новости у многих старых солдат по щекам катились слезы.

— Как же жить без царя? Что же будет? — спрашивали вояки.

— Не знаем, — отвечали офицеры.

Генерал Врангель, находившийся в то время в Кишиневе, вспоминал, как к нему прибыл генерал Крымов, прочел срочную телеграмму об отречении Государя. «Первые впечатления можно охарактеризовать одним словом — недоумение, — приводит Максим Бугураев слова генерала в своей монографии «Генерал Врангель». — Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, как и солдаты, были озадачены и подавлены».

Самым тяжким испытанием для армии явился обнародованный в войсках в обход Временного правительства Приказ № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов.

«ПРИКАЗ № 1

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно создать комитеты из выборных

представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Городской Думы к 10 часам утра 3-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должны находиться в распоряжении и под контролем районных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

7. Равным образом отменяется титулование: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких чинов и, в частности, обращение с ними на «ты», воспрещается и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных командиров.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов».

По признанию командующих войсками и подавляющего числа офицеров, данный приказ послужил началом полного разложения в армии и потери ее боеспособности.

Повсеместно начали создаваться солдатские комитеты. С ведома Советов рабочих и солдатских депутатов, а зачастую только по решению комитетов стали смещаться с должностей военачальники и неугодные солдатам офицеры.

Весьма показательной в этом плане явилась история насильственного смещения с должности генерала от артиллерии Самедбека Мехмандарова. Директор Центрального государственного архива Азербайджана Ч. Салахлы в статье «Генерал Деникин свидетельствует...»,

опубликованной в газете «Вышка», приводит заимствованные из документов А.И. Деникина интересные факты:

«Утром 28 марта явившиеся к генералу два офицера доложили, что 2-ая Кавказская гренадерская дивизия, построенная у деревни Оленец, выражает различные недовольства и желает выслушать компетентные объяснения командира корпуса. Генерал Мехмандаров с начальником штаба корпуса генералом-майором Федоровым отправился в деревню.»

По словам очевидцев, на площади возле деревни были собраны два полка 2-ой Кавказской гренадерской дивизии. Вооруженные солдаты были крайне возбуждены, там же находились и офицеры, один из которых произносил речь.

Командиры 703-го Сурамского и 704-го Рионского полков держались в стороне и по прибытии генералов с горечью сообщили, что солдаты вышли из-под контроля и всем верховодит прапорщик Ремнев, который, энергично жестикулируя, продолжал выступать:

— Совет рабочих и солдатских депутатов ведь дал нам, товарищи, право устранять тех начальников, которым мы не доверяем.

На вопрос, откуда известно распоряжение, митингующие ответили, что прочли из листовок, которые раздавались солдатам.

Командир корпуса генерал Мехмандаров подошел к построенным полкам и дал свои объяснения, однако ответы командира их не удовлетворили.

Основное недовольство солдат и некоторых офицеров заключалось в том, что дивизия, по их мнению, не готова для занятия исходных позиций.

После продолжительного совещания депутаты через своего представителя, все того же прапорщика Ремнева, выразили недоверие генералу Мехмандарову, корпус которого почти два года успешно воевал на Западном фронте.

Недоверие выразили также командиру дивизии генерал-майору Никольскому и начальнику штаба дивизии подполковнику Войцеховскому. После чего все трое были взяты «под караул», а фактически арестованы и препровождены в штаб для сдачи должности.

После смещения с должности и ареста генерала Мехмандарова по распоряжению представителя Советов прапорщика Ремнева командование корпусом было поручено генерал-лейтенанту Бенескулу.

Через два дня генерал Бенескул застрелился.

Касаясь этих подробностей, генерал С.Л. Марков в своих дневниках, отрывочные заметки из которых приводит А.И. Деникин в «Очерках русской смуты», пишет: «Возмутительная история, вся вера колеблется, это начало разложения армии».

В то время, когда среди солдат, подстрекаемых большевистскими комитетами, росло нежелание воевать, глава Временного правительства агитировал войска к продолжению войны до победного конца.

Александра Львовна Толстая в начале 1917 года стала уполномоченной ВЗС на Западном фронте. Вот как вспоминает она это сумбурное время:

«Все говорили речи. Везде, как грибы, вырастали трибуны. Куда ни приедешь, везде собрания. Стали появляться странные люди. Они говорили больше всех, призывали бросать фронт, не подчиняться офицерам...

— Я за войну до победного конца! Без аннексий и контрибуций!..

— Урааа! — крикнули солдаты и хотели его качать, но вдруг на трибуну не взошел, а взлетел первый оратор.

— Долой наймитов капитала! — заорал он во все горло. — Долой пиявок, сосущих кровь из трудового народа! В то время, как вы, голодные, холодные, во вшах, сидите в окопах, царские шпионы уклоняются от военной службы ради своих интересов... Да здравствует совет солдатских и рабочих депутатов! — закончил оратор.

— Урааа! — заревели солдаты, неловко хватая оратора за ноги и за руки и взмахивая его кверху.

Заклокотало у меня в груди, вскочила я на трибуну и произнесла патриотическую речь...

Это сумасшествие.

Один раз, когда я подъехала к первой летучке, персонал и начальник летучки выбежали из палатки ко мне навстречу.

— Пожалуйста, разрешите нам поехать на собрание. Керенский выступает. Это совсем близко, только три версты отсюда, он будет говорить!

Мне тоже хотелось его послушать, и мы все вскочили в машину и поехали. Опоздали, Керенский уже говорил. Собралась огромная толпа солдат.

На высокой трибуне худой человек среднего роста в солдатской шинели охрипшим голосом выкрикивал какие-то слова, которые трудно было разобрать. Мне показалось, что не было простоты, убежденности в речах оратора, в его призывах объединиться для спасения России.

Когда мы возвращались в свой отряд и доктора восторженно переговаривались и восхищались речью Керенского, я молчала, мне было не по себе.

«Неужели они верят, — думала я, — что этот человек может спасти Россию?»

С одобрения главнокомандующего Северо-Западным фронтом ге-

нерала М.В. Алексеева в Могилеве в начале мая 1917 года состоялся съезд офицеров, основным лозунгом которого был «Россия погибает!»

Съезд решил немедленно возродить в армии строгую дисциплину и ликвидировать комитеты солдатских депутатов, а в то время другой офицерский съезд, созванный в Петрограде, большинство делегатов которого составляли тыловики, провозгласил прямо противоположное: «Вся власть Советам!»

Как-то генерал А.М. Крымов, обсуждая создавшееся политическое положение, посоветовал Врангелю: «Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству шагу не дают ступить советы и разнузданная солдатня?! Я предлагал Ставке расчистить Петроград одной дивизией — конечно, не без кровопролития... Ни Гучков, ни Львов не были согласны, боясь усиления беспорядков».

Между тем, на фронте командование готовилось к общему весеннему наступлению. Определенные надежды возлагались на США, вступившие в войну на стороне союзнических сил.

Манифест Президента США Вудро Вильсона гласил:

— Мы объявляем войну Германии, врагу свободы, и посвятим все силы наши борьбе с ним, чтобы пресечь его стремления к мировому владычеству. Я призываю всех американских граждан, чтобы они, воодушевленные искренней преданностью своей стране, которая с самого начала своего существования защищала принципы свободы и справедливости, поддержали законы страны и оказали единодушную поддержку тем мерам, которые могут быть приняты конституционной властью в целях успешного исхода войны и достижения прочного и справедливого мира.

Одновременно с готовящимся весенним наступлением по инициативе А.И. Гучкова началась демократическая реформа в армии, поскольку, как выразился А.И. Гучков, выступая 29 апреля 1917 года на съезде делегатов фронта, «в военном ведомстве давно свили себе гнездо злые силы протекционизма и угодничества».

К сожалению, российская армия страдала и протекционизмом, и угодничеством, ее командный состав комплектовался не из лучших ее представителей, и этого не отрицали такие военные авторитеты, как генералы Деникин, Брусилов, Алексеев, Гурко. Но все они были единодушны в том, что реформы и кадровые перестановки нецелесообразно проводить перед самым наступлением.

На фронте же в это время шло братание солдат, везде зачитывался Приказ № 1, который в огромных количествах доставлялся в распоряжение наших войск из германских окопов. Оттуда же, вспоминали очевидцы, расползалась по окопам большевистская газета «Правда».

Добиваясь разложения российской армии, немцы сбрасывали с аэ-

ропланов прокламации в район расположения российских войск, направляли ночных лазутчиков с пропагандистским грузом и даже использовали ... сани, снабженные парусом. Груженные весьма дефицитной в солдатской среде «приманкой» — несколькими бутылками водки и пачками сигарет, сани, гонимые ветром по замерзшей реке, становились добычей российских солдат на противоположном берегу.

Подобного рода подарки и послания простодушно воспринимались русскими солдатами как проявление доброй воли и, несомненно, подталкивали к братанию с противником.

Однако если французы и англичане в братании на фронте видели акт перемирия на время религиозных праздников или длительного затишья, то на русского солдата братания действовали расхолаживающе: он начинал задумываться о своей судьбе, в нем просыпалось чувство самосохранения. Воинский долг, верность присяге отодвигались на второй план. Сентиментальность, вообще свойственная русскому характеру, не позволяла воинам быстро переходить от состояния длительного мирного ожидания к активным боевым действиям. Это свойство русской души умело использовалось противником в антивоенной пропаганде.

Подстрекательские вылазки германских парламентариев, их призывы к миру, взаимному посещению окопов еще более расхолаживали душу российского солдата, побуждали к дезертирству и уж никак не настраивали на боевой лад.

Целые полки, дивизии и даже корпуса на Северном и Западном фронтах срывали подготовительные к наступлению работы.

Пока на фронте было затишье, войска сравнительно равнодушно реагировали на воззвания к революции, но когда началась подготовка к наступлению, революционные и пораженческие идеи стали восприниматься как единственное средство самозащиты.

Выступая на заседании Главнокомандующих, Временного правительства и Исполнительного комитета СР и СД в Петербурге, генерал Драгомилов заявил:

— Господствующее настроение в армии — жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедовать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям. Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно у населения поволжских губерний: «Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет, не дойдет и японец».

На этом же заседании генерал Щербачев привел ряд данных, характеризующих результаты войны:

— В 1914 году мы прошли всю Галицию. В 1915 году при отступлении мы забрали на Юго-Западном фронте сто тысяч пленных, — сами судите, что это было за отступление и каков был дух войск. Ле-

том 1916 года мы спасли от разгрома Италию. Неужели же теперь мы изменим общему делу союзников и принятым на себя обязательствам?

Завершая выступления военных, генерал М.В. Алексеев заключил:

— Армия — организм хрупкий; вчера она работала, завтра она может обернуться против России. Выбейте идею, что мир придет сам по себе. Кто говорит — не надо войны, тот изменник; кто говорит — не надо наступления, тот трус.

8 мая 1917 года в Петрограде прошел первый всероссийский съезд офицерских депутатов, созванный по инициативе Исполнительного комитета петроградского Совета офицерских депутатов, на котором была принята резолюция о войне. Основные положения этой резолюции гласили:

«Всякое промедление в воссоздании боеспособности армии и флота влечет гибель свободной России, ибо, если мы дадим возможность Германии разбить наших верных союзников по частям, то нам, русским, будет неминуемо навязан унизительный мир, разрушающий завоеванную свободу и подвергающий свободных граждан России в прежнее рабство... Братание и оборона без наступления есть безмолвный сепаратный мир, ведущий к гибели и позору свободную Россию».

Вскоре, уступая требованиям Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, А.Ф. Керенский уволил главнокомандующего русской армии генерала М.В. Алексеева и сам занял его пост. К тому времени русская армия стала управляться комитетами, составленными в основном из гражданских лиц, случайно попавших в ее ряды и представлявших скорее партийные, нежели военные органы.

«В высшей степени странным и обидным для армии было то обстоятельство, — писал в «Очерках русской смуты» А.И. Деникин, — что во главе фронтовых съездов, представлявших несколько миллионов бойцов, множество отличных частей со старой и славной историей, имевших в своих рядах офицеров и солдат, которыми могла бы гордиться всякая армия в мире, были поставлены такие чуждые ей люди: во главе Западного фронта — штатский, еврей, социал-демократ, большевик Познер; Кавказского — штатский, социал-демократ, меньшевик, грузинский шовинист Гегечкори; Румынского — социал-революционер, врач, грузин Лордкипанидзе».

С первых же дней своего существования комитеты повели борьбу за расширение своих прав: от участия в управлении армией до передачи всей власти советам.

Несмотря на все это, весеннее наступление началось на фронте силами 7-й и 8-й армий под командованием генерала Л.Г. Корнилова.

Прорвав фронт противника, 7-я армия заняла город Галич, а 28 мая вошла в город Калиш и захватила в плен триста офицеров, восемнадцать тысяч солдат, двадцать орудий. В эти же дни 8-я армия, прорвав фронт 3-й австрийской армии на участке протяженностью тридцать верст, захватила в плен сто пятьдесят офицеров, десять тысяч солдат и сто пятьдесят орудий.

Если на Юго-Западном фронте русские армии успешно теснили противника, широко развивая наступление, то на Западном фронте события развивались более драматично.

Солдатский комитет Западного фронта вынес следующую резолюцию: «Война порождена захватнической политикой правительства, поэтому единственным средством прекращения войны является борьба объединившейся демократии всех стран против своих правительств; окончание же войны путем решительной победы одних держав над другими послужит лишь укреплению военщины во вред демократии».

Подобные демагогические резолюции лишь усиливали пораженческие настроения среди солдатской массы, что не могло не отразиться на снижении боеспособности войск.

6 июля 1917 года ударные немецкие группировки после сильной артиллерийской подготовки атаковали 10-ю армию Западного фронта, прорвали ее оборону и начали безостановочное движение на Каменец-Подольск. Таким образом был перечеркнут весь наступательный план русских войск. Наши части превратились в разрозненные группы мародеров и погромщиков.

Вспоминая то смутное время, А.И. Деникин писал:

« Лишь немногие части во главе с командирами сопротивлялись не только натиску противника, но и тлетворному процессу разложения — шли по тернистому пути, считая, что это их долг перед народом. Шли с поднятой головой, встречая непонимание, клевету и дикую ненависть, до тех пор, пока хватало сил и жизни.»

Генерал Н.Г. Курлов, занимавший при трех российских императорах высокие должностные посты, в своем мемуарном труде «Гибель Императорской России», изданном в Берлине в 1923 году, писал:

«Я помню, когда союза с Императорской Россией искали иностранные государства, когда этим союзом гордились и когда мощь России считалась порукой безопасности дружественных ей держав... Не ошиблись союзники в этой мощи, славная русская армия под старыми победоносными знаменами верно помогала друзьям, жертвуя лучшими войсками и забывая о своих интересах, чтобы выручить в трудные минуты союзников».

Когда перед русскими солдатами поставлена четкая задача, они

проявляют сверхчеловеческие усилия, единство, стойкость и беспредельное мужество. Политические противоречия, большевистская агитация размывали в русских воинах нравственные ориентиры, порождали неуверенность в завтрашнем дне и стремление защитить самого себя, а это неминуемо приводило к расколу солдатской среды и офицеров.

Вовлеченная в водоворот революционных событий, лишенная в период двоевластия четкого единоначалия, армия перестала быть управляемой. Кругом царили хаос и беззаконие. Последняя надежда возлагалась на Учредительное собрание.

4 октября 1917 года Собор русской православной церкви обратился с посланием к верующим по поводу приближающихся выборов в Учредительное собрание: «Великое дело принадлежит народу православному. Уже не в первый раз в нашей истории рушится храм государственного его бытия, а Родину нашу постигает гибельная смута. И опять, как три века назад, призывается Русь разумом всенародным скрепить правовые устои, возродить пошатнувшуюся мощь, твердыми законами оградить свободу и порядок в земле нашей... Не подлежит обращать соревнования партий, сословий, народностей в междоусобную распрю... Пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой».

Большевики, не набрав и четверти голосов в Учредительное собрание, на второй день после его открытия, 6 января 1918 года, приостановили его работу. Учредительное собрание было разогнано, а неугодные делегаты арестованы.

С трагической горечью восприняв разложение российской армии, а затем окончательный ее развал, не приняв Октябрьского переворота 1917 года, многие русские офицеры и добровольцы пополнили ряды белого движения, закончив свой тернистый путь кто на просторах Сибири, а кто на Дону.

Многих из них горестная судьба раскидала по свету, разлучив с Родиной. На памяти у оставшихся в живых ужасы прошедшей смуты, предательство и террор, зверства и насилие.

Не потому ли, отвечая в 1934 году на вопрос анкеты, разосланной Российским общественным комитетом в Польше: «Почему мы непримиримы с большевизмом?» лауреат Нобелевской премии, замечательный русский писатель И.А. Бунин ответил: «Я лично совершенно убежден, что низменней, лживей, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена».

Не надо несбыточных грез.
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

В. Брюсов

11 Вместо послесловия

Красные и белые, трагическое противостояние. Трудный путь к возрождению России.

Развалившаяся на глазах многомиллионная российская армия беспорядочно покидала фронт и растекалась по стране.

Бесконечные эшелоны некогда победоносной Кавказской армии прибывали в южные районы Дона и Кубани. Отдельные подразделения, еще сохранившие привычную войсковую организацию и не принявшие большевистскую власть, пополняли ряды Добровольческой армии, которую возглавили генералы М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов. Опорным пунктом дислокации и формирования армии стал Ростов-на-Дону.

В первые же дни в числе других добровольцев в нее стали записываться и женщины. В составе армии насчитывалось сто шестьдесят женщин, среди них сестры милосердия — Георгиевский кавалер Агния Агеева, восемнадцатилетняя шведка Елена Обрам, Евдокия Шмидт, прапорщик, Георгиевский кавалер Зинаида Реформатская, отважная пулеметчица Татьяна Бахраш, выпускницы Александровского военного училища прапорщики Зинаида Свирчевская, Надежда Заборская, Зинаида Гетхард, Юлия Пылаева, Антонина Кочергина и многие другие.

Под натиском большевиков, оставив 9 февраля 1918 года Ростов-на-Дону, Добровольческая армия в непрерывных боях в течение восьмидесяти дней проделала свой тысячекилометровый поход на юг.

Первый, как его называли, Кубанский поход генерала Корнилова закончился в Екатеринодаре.

Сергей Шпаковский в книге «Женщина-воин» приводит воспоминания одного из участников этого похода, свидетеля гибели на поле боя девушек-выпускниц Александровского военного училища:

«Полутемная громада войскового собора в Екатеринодаре. Горсточка людей, пришедших помолиться за усопших. С амвона раздаются печальные слова: «Об упокоении душ рабов Божьих воинов Татьяны, Евгении, Анны, Александры...»

Какое непривычное сочетание — воин и женщина...

Несколько раньше с Кавказского фронта в Екатеринодар прибыла девушка-прапорщик Нина Бойко, которая вошла в отряд сопротивления большевистскому режиму. Этот отряд еще перед первым кубанским походом генерала Корнилова принял участие в ожесточенном бою с красными частями у станции Эйнем. Одна часть отряда, следуя военному маневру, сдерживала фронтальный натиск красных, а другая пошла в обход, чтобы ударить противнику в тыл. Заняв оборону моста, Нина Бойко пулеметным огнем преграждала подходы к нему. Строчил неугомонно пулемет, его меткие очереди косили русских солдат, с которыми совсем недавно на Кавказском фронте прапорщик Нина Бойко вместе воевала и праздновала радость побед, а сейчас стреляла в них до тех пор, пока не повернула вспять цепи красных бойцов, стреляла, пока не умолкла сама. Когда на подмогу ей подошли казаки, пулеметчица крепко держала в руках рукоять, навалившись окровавленной грудью на остывающий ствол.

Шел май 1918 года. Над Россией разгоралось пламя гражданской войны, в которой отец пошел на сына, а сын на отца...

В недавней истории первая мировая война по воле большевиков стала на долгие десятилетия самой неизвестной войной из всех войн, в которых участвовала Россия.

Война — это всегда трагическая страница истории народа. Что оставляет она после себя? Наградные кресты и кресты на могилах?! Но именно в годину тяжких испытаний проявляется подлинный дух народа, патриотизм и стойкость в борьбе, верность долгу. Нравственный подъем нации рождает милосердие и сострадание к людям, желание помочь терпящим бедствия и в тылу, и на войне.

В начале XX века Россия находилась на столбовой дороге цивилизации, ничем не уступая таким развитым странам, как Великобритания, Франция и Германия, а в чем-то и превосходя их. Однако ни одно цивилизованное государство не лишено недостатков. Были они и в дореволюционной России. Между тем несправедливо не замечать, как в начале XX века в нашей стране стремительно развивались народное

образование, естественные науки и культура. Россия делала стремительные шаги на пути к социальному прогрессу и духовному развитию.

Хроника предвоенного периода России — достаточное тому подтверждение.

Начало войны с особой силой продемонстрировало патриотические настроения в обществе и прочные нравственные устои многочисленных народов России, на которых так бурно развивались добрые традиции долга перед Отечеством, благотворительности и милосердия.

Страна являла личности на фронте и в тылу, которым желали подражать другие.

Все сословия российского общества встали на защиту Отечества, внося не только посильный вклад в общее дело, но и жертвуя жизнью во имя, как всем тогда казалось, предстоящей победы. На полях сражений, на суше и на море, как и в былые времена, цвет нации — российское офицерство покрывало себя славой; рядовые воины умирали за Бога, Царя и Отечество, видя в этом прежде всего свой солдатский долг.

Значительная роль в консолидации усилий всех народов России принадлежала духовенству, которое в той войне находилось рядом с защитниками Отечества и вместе со всеми чествовало и хоронило героев.

Чего же тогда не хватало России в борьбе с внешним врагом? Как трудно ответить на этот вопрос! Возможно, терпения, полного согласия и единения всех слоев общества, того, что смогли сделать политики Франции и Англии, мобилизовав в нужный момент все материальные, духовные и людские силы на борьбу с неприятелем. Именно в такой момент, раздираемое противоречиями в высших кругах власти и между политическими партиями, под воздействием кризисной ситуации русское общество не смогло противостоять тлетворному влиянию пораженческих идей, которые нес большевизм якобы ради светлого будущего и мировой революции. Часть российской интеллигенции также оказалась под гипнозом революционной пропаганды, она спокойно наблюдала за бурным развитием событий, приветствуя неведомые грядущие перемены. Когда грянул гром, было уже поздно. Слишком большую плату пришлось заплатить российскому народу, расколовшемуся на красных и белых.

В странах Европы, на территории которых полыхала первая мировая война, в больших и малых городах воздвигнуты величественные памятники павшим за свободу Отчизны. Лишь у нас эта война, кото-

рая тогда в России называлась великой, народной, была предана забвению, а вместе с ней и ее герои.

В этой книге автор попытался воскресить память о «неизвестной» войне, о той полной драматизма эпохе через героические судьбы людей, исполненных смелости и благородства, на фоне трагического разгула политических страстей и экономических трудностей, которые выпали на долю России в начале XX века. Удалось ли это, судить тебе, дорогой читатель.

И, расставаясь, хочется сказать, что у этой книги нет конца, поиск героических личностей далеко не окончен, ибо нескончаемы материалы, покоящиеся в многочисленных архивах, хранилищах музеев и на полках библиотек. Я уверен — пройдет время, и обнаружатся новые имена доблестных сынов и дочерей Отчизны и новые подробности их героических деяний, а пока пусть хоть упоминание их имен и скупые строчки о героях войны будут свидетельством того, что о них не забыли.

Сегодня, становясь на трудную дорогу возрождения России, начиная этот долгий путь, каждый из нас должен ответить на вопрос: кто мы есть и чего желаем? Главное — разобраться в самом себе. Раскрепощенное общество быстрее избавится от недавних недугов и придет к тому состоянию, когда богатый будет заинтересован помочь бедняку, а бедняк постарается быть богатым.

Милосердие и благотворительность на старом срубе добрых российских традиций начнут давать ростки, питательной средой для которых станут доброта и уважение друг к другу.

Человеколюбие принесет мир и успокоение нам и грядущим поколениям. У России есть будущее! В него надо верить и к нему стремиться.

В добрый путь...

И пусть, словно гражданская молитва, прозвучат сегодня слова забытого поэта Мстислава Шахматова:

Спаси, Господь, твоих людей,
Спаси Российскую державу,
Ее величие и славу
И алтари твоих церквей.

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.

Ольга Берггольц

КРУТЫЕ ДОРОГИ АЛЕКСАНДРЫ ТОЛСТОЙ

ОТ АВТОРА

Дорогие читатели, перед вами книга «Крутые дороги Александры Толстой» о необычной судьбе любимой дочери великого русского писателя. Жизненный путь Александры Львовны Толстой сродни гражданскому подвигу. Это и привлекло меня к этой исключительной личности. А вот какие дороги привели к ней... Скажу откровенно – счастливый случай, а также попавшие в поле моего зрения сначала отрывочные факты и просто упоминания, а потом и редкие документы о легендарной жизни, так мало известной у нас на родине.

Даже разрозненных сведений было достаточно, чтобы оценить личность Александры Львовны, посвятившей свою долгую жизнь воплощению замыслов своего великого отца, беззаветному служению людям, готовности на жертвенные поступки и геройские подвиги.

Впервые волнующие строки о пребывании Александры Львовны в качестве сестры милосердия на Западном и Кавказском фронтах в первую мировую войну я обнаружил в старых подшивках российских газет и журналов, работая над книгой «Ангелы-хранители». Вслед за этим в архивах бывшего ЦК КПСС, КГБ, Центрального военно-исторического архива и спецархивов российских музеев обнаружились уникальные материалы и документы, проливающие свет на благородную деятельность мужественной женщины, страстной правозащитницы и русской патриотки.

Поездка в США, знакомство с Толстовским центром в Валли Коттедж и встречи с людьми, близко знавшими Александру Львовну, окончательно обозначили замысел книги.

...Только что разразилась первая мировая война, всколыхнувшая все слои российского общества. Тридцатилетняя Александра Львовна Толстая, как и тысячи других, уходит сестрой милосердия на фронт. Долгие, полные лишений годы войны, февральский и октябрьский перевороты, разруха и анархия, гонения и

террор, трагическое противостояние красных и белых, свидетельницей которых была младшая дочь великого гуманиста, и наконец – камера с тюремной решеткой на Лубянке и Новоспасский концентрационный лагерь, – вот те трудные и крутые вехи короткого отрезка жизни Александры Толстой, которым посвящена книга.

Непримиримая к большевизму, руководители которого, захватив власть в октябрьские дни 1917 года, стали на путь жесточайшего подавления инакомыслящих, гонения на церковь и массовой ликвидации священнослужителей, а затем упорного насаждения пролетарской культуры, Александра Львовна уже тогда, на заре прихода нового режима, смело подняла голос протеста против кровавых репрессий Советов. Так же, как и ее отец, она не могла молчать, видя насилие над личностью.

Тяжелую ношу взвалила на ее плечи судьба. Вынужденная покинуть Родину, Александра Львовна Толстая и на чужбине вершила благородное дело. За границей энергичная и порой строптивая женщина не сгибалась под тяжестью житейских нужд; она колесила по городам Японии, а затем и США, чтобы воспеть доброе имя своего отца, донести правду о бедах в России и протянуть руку помощи всем тем, кто нуждался в ней, спасаясь от безжалостной руки Кремля.

Поэтому неудивительно, что имя Александры Львовны Толстой в бывшем СССР все долгие семьдесят лет повсюду вычеркивалось послушным цензорским пером, словно не было на свете младшей дочери великого писателя, для которой правда была дороже всего.

Книга написана по материалам архивных источников, обширной переписки Александры Толстой со своими близкими, писем ее знакомых, различных документов и воспоминаний. Ни в коем случае не умаляя достоинств того богатого мемуарного наследия, которое она оставила сама, «Крутые дороги...» посвящены одному из важнейших периодов жизни дочери Толстого (1914-1920), показанного на фоне головокружительных событий в России нового века и горестных лет, которые она прожила вне Родины, преданно служа ей.

Родина в опасности!.. Сидеть
сложа руки было немыслимо.
А. Толстая

Часть 1
Перед выбором

Глава I
Накануне войны

Дорога от Засеки до Телятинок, небольшого имения Александры Львовны Толстой, где этим летом гостила ее подруга Варвара Михайловна, была недолгой.

Почтальон Степан, сидя на облучке казенной пролетки, который раз проделывал обычный путь, чтобы доставить дневную почту Толстым.

Июльское солнце после затяжных дождей быстро прогревало землю. Белоснежные, словно вспененные облака медленно проплывали над ней и, гонимые неуловимым воздушным течением, скрывались за изумрудной кромкой леса.

Искрящаяся поверхность водной глади полноводной нынче речки Воронки, отсвеченная косыми лучами восходящего светила, проглядывала сквозь кроны плакучих ив. На широкой пойме реки в высоких тучных травах паслись коровы.

Умиротворенную тишину нарушал лишь мерный скрип колес пролетки.

«Вот незадача, надо бы дегтем смазать», — подумал Степан.

Он слегка дернул вожжи. Лошадь встрепенулась, прибавила шаг и, легко взобравшись на пригорок, сама повернула к усадьбе.

Подъезжая к крыльцу, почтальон позвонил в колокольчик. На крыльце его уже ждала Александра Львовна.

— С добрым утром, графинюшка! Нате ваши газеты, читайте на

здоровье. — Почтальон учтиво протянул молодой женщине пакет и возвратился к пролетке.

— Спасибо, Степан, — поблагодарила она почтальона и скрылась за дверью.

Почта была небогатой.

«Со смертью отца, — подумала Александра, — писать стали значительно реже».

В общем-то равнодушная к газетам, она внимательно следила лишь за перепиской, в которой чаще всего касались дел, связанных с ее отцом. Светские новости ее мало интересовали. Она присела на диван, аккуратно вскрыла конверт и извлекла из него сложенный пополам листок с напечатанным текстом. В нем сообщалось о продолжении съемки кинематографической картины по роману ее отца «Анна Каренина» и о гонораре, полагаемом семье Льва Николаевича Толстого.

Она вспомнила, как однажды Софья Андреевна говорила о приглашении на начало кинематографической съемки этой картины. Мать даже советовала дочерям поехать в Москву и принять предложение режиссера, но поездка не состоялась. Из майского номера журнала «Искры» Александра Львовна узнала подробности о съемке сцены самоубийства Анны Карениной. Живо обсуждали сценический облик Марии Гермaновой, тогда уже довольно известной артистки Художественного театра, и сошлись на том, что он соответствовал бы представлению отца и получил бы его одобрение. В журнале приводились фотографии рабочих моментов.

Очевидцы съемки этой сцены, которых на одной из подмосковных станций Савеловской железной дороги набралось достаточно много, утверждали, что Германова испытывала огромное волнение и страх, пока настоящий паровоз не остановился за пять саженей перед нею, лежащей на рельсах. Ее тут же заменили манекеном, который затем был раздавлен на полном ходу паровозом.

Финальная сцена получилась настолько правдоподобной, что люди в кинозале в ужасе закрывали глаза и отворачивались от экрана.

Александра Львовна отложила письмо и посмотрела в сторону Варвары Михайловны. Та хлопотала у самовара.

— Сашенька, пора к столу. Завтрак уже готов, — пригласила она подругу.

Александра Львовна поднялась с дивана и пересела к столу. Молодые женщины сидели напротив и молча пили чай.

— Варя, — прервала томительную тишину Александра Львовна, — съездим, пожалуйста, в Тулу, а на обратном пути заедем ненадолго в Ясную Поляну. Ведь это совсем недалеко. Мне хочется повидать своих.

В теплые погожие дни Софья Андреевна предпочитала проводить время на воздухе. Подолгу сидела она на веранде, прикрыв ноги шерстяным пледом, и предавалась воспоминаниям.

Татьяна Львовна принесла матери свежие газеты.

Вскоре на столе появился самовар. Татьяна Львовна со своей дочерью Танечкой подошла к столу, когда няня расставляла чашки и вазочки с вареньем.

Софья Андреевна развернула газету и вслух прочла отрывок из хроники: «В Кронштадт прибыла английская эскадра, чтобы сделать визит русским морякам».

— Может быть, в пору вывесить в Кочетах английский флаг? — стараясь быть серьезной, предложила Татьяна Львовна. Удачная реплика рассмешила мать.

Многие газеты в те дни уделили внимание прибытию в Кронштадт эскадры английских кораблей под командованием адмирала Битти и приписывали этому событию крупное политическое значение. После оказанного английским морякам в Петербурге пышного приема в зале Народного дома, где в их честь был дан торжественный обед, адмирал Битти с супругой и ряд высших офицеров эскадры пожелали ознакомиться с Москвой. Вечером 16 июня они отбыли поездом с Николаевского вокзала в Москву, где на следующий день были тепло встречены представителями городского управления. Москва на высоких гостей произвела огромное впечатление. В первый день они ознакомились с достопримечательностями Кремля, любуясь его великолепными дворцами и соборами с золочеными куполами, словно подпиравшими синеву безоблачного неба. Днем в живописном саду ресторана «Яр» городскими властями в честь англичан был дан завтрак, а традиционный, в английском духе «файф-о-клок» устроила со своей стороны английская колония в ресторане Крынкина на Воробьевых горах, откуда гости любовались прекрасным видом белокаменной Москвы. Парадный обед англичанам от московской городской Думы был устроен на Сокольничьем кругу. Второй день был посвящен прогулке по городу, во время которой английские моряки сделали многочисленные покупки в московских магазинах. Интересовались мехами, посудой и изделиями из серебра,

удивляясь их весьма умеренной цене. Поздно вечером 18 июня английские гости, тронутые теплым приемом, отбыли обратно в Петербург.

С куда большим интересом Татьяна Львовна прослушала сообщение о блистательном успехе Анны Павловой на сцене Большого театра, где балерина вновь выступала после долгого перерыва, вызванного ее длительными гастролями за рубежом. Восторженная пресса называла ее «звездой обоих полушарий». «Божественная балерина» дважды выступала в Москве и оба раза покорила своим талантом взыскательную московскую публику.

На веранде появились гувернантки Вэльс и Гарсия с большим самоваром.

Душистый аромат жасминного чая отвлек всех от газетных сообщений, но беседа все же продолжалась и во время чаепития. Маленькая Танечка была на редкость послушной. За столом она вела себя весьма пристойно, не перебивала взрослых, а потому никому не мешала. Приобщение ее к учебе давало свои плоды.

В Туле Александра Львовна с Варварой Михайловной задержались дольше обычного. Много времени ушло на сверку счетов в тульском банке, проверили кооперативные дела. Пришлось поехать также на рынок и заказать несколько мешков семенного клевера. Наступало время сева, и откладывать покупку семян было нельзя. В больнице, куда Александра Львовна поставляла ежедневно молоко от своих племенных коров, договорились о продолжении поставок, количестве и цене.

Возвращались из Тулы под вечер прямо в Телятинки. Поездку в Ясную Поляну отложили на следующий раз.

Солнце только-только село за кромку ближайшего леса, опалив багряным пожаром пелену кудрявых облаков.

Первыми, услышав за воротами скрип знакомой пролетки и почуяв хозяев, бросились навстречу белые красавицы лайки и чуть было не сбили с ног Варвару Михайловну.

— Успокойтесь, успокойтесь, — ласково теребя густую шерсть на загривках, утихомиривала она собак. Собаки и вправду притихли, поласкались и оставили их в покое.

Варвара Михайловна несколько лет, еще при жизни Льва Николаевича, работала переписчицей у Софьи Андреевны, а последние годы жила с ее младшей дочерью. Варвара Михайловна была неравнодуш-

на к собакам, и на ее ласковое отношение к ним животные отвечали взаимностью, как только представлялся случай.

Женщины вошли в дом. Там их ждали к обеду. За столом Александра Львовна старалась отвлечься, но грустные мысли не давали ей покоя.

Ни хозяйственные дела, ни работа над систематизацией писем отца, которой она старалась заняться, не приносили ей прежнего удовлетворения.

Даже затея с передачей купленного в Ясной Поляне земельного участка местным крестьянам с целью последующей организации кооператива не выводила ее из состояния депрессии.

Между тем, летняя пора не давала никому расслабиться, слишком много было в имении дел, но каждый раз ощущение безвозвратно потерянного подавляло ее. Ей не хватало неторопливого и рассудительного слова отца, его мудрости и жизненной энергии, которая заражала ее и делала жизнь целенаправленной. Уже на склоне лет в своих воспоминаниях, опубликованных в книге «Дочь», изданной в 1979 году в Торонто, Александра Львовна напишет о своем отце и о том тяжелом периоде, когда его не стало:

«При нем — у меня не было своей жизни, интересов. Все серьезное, настоящее было связано с ним. И когда он ушел — осталась зияющая пустота, пустота, заполнить которую я не умела».

Дни проходили один за другим, невыразительные и однообразные. Самый близкий ей человек — старшая сестра Татьяна Львовна была всецело поглощена воспитанием единственной дочери и заботами о своем муже.

Семейные и житейские хлопоты отвлекали на время Татьяну Львовну даже от привычки делать записи в дневнике, который она вела с самого детства. С кончиной отца, казалось, дали трещину и семейные взаимоотношения, вызванные несправедливым, по мнению многих его детей, предоставлением практически всех авторских прав, как следовало из завещания, Александре Львовне, младшей его дочери. Такой неожиданный «сюрприз» не мог не задеть и уязвленного самолюбия Софьи Андреевны, холодок которого нет-нет да ощущала на себе Александра Львовна.

Осложнились отношения Толстых, и в первую очередь Татьяны Львовны и Александры Львовны, с Чертковым, издателем сочинений отца. Здесь сестры были единодушны. Нарастающую неприязнь к толстовцам и особенно к Черткову, дом которого находился по сосед-

ству с имением Александры Львовны в Телятинках, вызывали их догматизм, напускное самопожертвование, отсутствие гибкости и непонимание реальной жизни.

Уже после смерти отца Татьяна Львовна записала в дневнике: *«Меня огорчает, что у меня есть дурные отношения с одним человеком — Чертковым. Он порицания не терпит, хотя сам всех порицает. А я не могу перестать осуждать его. Он говорит (и Саша слово в слово повторяет), что до смерти Льва Николаевича никто не ожидал, чтобы они были безгрешными, а теперь будто бы все требуют от них совершенства...»*

Позже, узнав ближе этих людей, называвших себя последователями Толстого, Александра Львовна даст более суровую характеристику толстовцам: *«Эти грязные, пахнущие грязным бельем люди с мрачными лицами, убивающие в себе всякую радость жизни, были мне противны... В этих людях, за некоторыми исключениями, не было любви и была большая доля рисовки и самолюбования»*.

Софья Андреевна неприязнь к Черткову питала еще при жизни Льва Николаевича. Неоднократно она говорила о дурном его влиянии на супруга, считая этого друга дома во многом виновником их семейных конфликтов.

В Телятинках Александра Львовна всячески избегала встреч с Чертковым.

Поутру Александра Львовна выводила из конюшни лошадь, старый конюх помогал ей запрячь двуколку, и она совершала свой обычный маршрут: выезжала в поле, где паслось стадо племенных коров, купленных ею два года назад, заглядывала в коровник, давала распоряжение управляющему, какую часть удоя отослать в тульскую больницу...

Утром следующего дня после поездки в Тулу она прошла в конюшню, оседлала коня, вскочила на него и поскакала в поле, где уже начали сеять клевер, поговорила с мужиками, сообщила им о закупке семян и вернулась домой...

В середине июля в Ясную Поляну приехал Сергей Львович. Повидать брата приехала и Александра Львовна.

Мать и сестры встретили его с радостью. Обедали в зале; прислуживал всем старый слуга Илья Васильевич в белом фартуке. Куриный бульон из фарфорового суповника в глубокие тарелки разливала Софья Андреевна. Немного спустя, Илья Васильевич внес большую жа-

ровню с запеченным в сметане налимом, поставил ее на край стола и разложил каждому по куску рыбины в плоские тарелки семейного сервиза. На десерт подали клубничное желе, любимое лакомство Танюши. К концу обеда разговор зашел о светских новостях.

На сей раз Сергей Львович прочел из свежего июльского номера журнала «Искры» сообщение о приезде французского президента Раймона Пуанкаре: «7 июля в Кронштадт прибывает президент Французской республики Раймон Пуанкаре. Блестящая многочисленная свита из лиц, занимающих высокие посты во Франции, большая эскадра из военных судов, сопровождающая президента, придают этому посещению России главой дружественной нам и союзной нации огромное политическое значение». Последнюю фразу Сергей Львович прочел медленнее, подчеркивая значимость этого события.

Газеты сообщали подробности визита высокого французского гостя. 2 июля президент Пуанкаре со свитой выехал из Парижа в портовый город Шербург. В Шербурге президент пересел на дредноут «Франция», который в сопровождении конвоирующего дредноута «Жан Бар» и нескольких противоминных кораблей двинулся к российским берегам. На борту дредноута находились также глава французского правительства и министр иностранных дел де Маржери, директор военного кабинета генерал Бодмулен и другие лица. Руководил почетной эскадрой адмирал Ле-Бри.

По прибытии в Кронштадт дредноут «Франция» встал на рейде перед петергофской военной пристанью. Французский президент и сопровождающие его лица на катере направились к пристани. Государь Император и президент Пуанкаре обошли почетный караул, а затем в открытой карете, запряженной четверкой лошадей, в сопровождении конного конвоя отбыли в Большой Петергофский дворец. Перед зданием дворца в честь высокого французского гостя церемониальным маршем прошел почетный караул 94-го пехотного Енисейского полка. На правом фланге караул возглавлял сам Главнокомандующий российскими войсками Великий князь Николай Николаевич. В Петербург президент Пуанкаре прибыл на императорской яхте «Александрия».

Пресса восторженно писала о визите французских гостей в Петербург, а торжества по этому поводу метко окрестили «серебряной свадьбой» франко-русского союза.

8 июля Раймон Пуанкаре и сопровождающие его лица провели во французском посольстве на приеме членов колонии, а затем посетили

ряд французских учреждений в российской столице. В последующие два дня президент находился в Красном Селе, присутствовал на смотру, а вечером — на гала-спектакле в Красносельском театре. 11 июля французская эскадра с Раймоном Пуанкаре на борту отплыла из Кронштадта к родным берегам. Каких-либо подробностей о содержании переговоров с российскими официальными лицами не сообщалось. Журнал «Искры» от 16 июля 1914 года на своей обложке поместил под рубрикой «Гость России» фотопортрет Раймона Пуанкаре во весь рост, во фраке и с регалиями президента Французской республики.

В следующем номере журнала была помещена серия фотографий, посвященная торжественной закладке в Петербурге здания дворца искусств на углу Инженерной и Екатерининского канала по проекту академика Бенуа. Присутствовавший на церемонии закладки Николай II положил первые монеты и камень в основание сооружаемого дворца искусств. Находившиеся при этом событии рабочие, которые были заняты на стройке, тепло встретили Государя Императора и на его приветствие ответили громким «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству».

На церемонии присутствовали Великие княгини Мария Павловна, Виктория Федоровна, Великие князья Кирилл и Андрей Владимировичи, а также ряд министров, среди которых находились министры двора В.Б. Фредерикс, внутренних дел Н.А. Маклаков и финансов П.Л. Барк.

Право закладки второго камня было предоставлено автору проекта — ректору Академии художеств академику Бенуа.

Закладка здания дворца была торжественно освящена святой водой. По замыслу Академии художеств, новый дворец предназначался для выставок картин учеников Академии.

На фоне этих и других событий как-то незаметными остались первые сообщения об убийстве в Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда.

Каждодневные заботы заполняли жизнь яснополянцев, как и поголовного большинства простых россиян, которые, естественно, были далеки от понимания грядущей опасности. Война всегда застает людей врасплох.

Т.Л. Толстая, вспоминая о приезде своего брата в Ясную Поляну накануне войны, писала: «*...Неделю тому назад был у нас Сережа, и хотя уже было столкновение между Австрией и Сербией,* но совсем

не было похоже на тот общеевропейский пожар, который сейчас разгорается».

В субботу 19 июля в Кочеты к Татьяне Львовне приехал погостить С.Н. Свербеев, российский посол в Германии и страстный поклонник таланта Л.Н. Толстого. Толстые хорошо знали семью Свербеевых и были рады его приезду. Он живо беседовал со всеми, остроумно шутил, читал сочиненные им стишки, рассказывал о своих планах, куда входил продолжительный летний отдых в Сетухе, и меньше всего говорил о политике. Трудно представить себе, что он не был в курсе вырывавшихся даже на страницы прессы милитаристских настроений, которые царили не только в недрах германского генералитета, но и в кругу крупных промышленников. Возможно и другое: Свербеев не хотел огорчать гостеприимных хозяев своими мрачными прогнозами, которые в конце концов могли бы и не оправдаться, что задело бы тогда его профессиональную репутацию.

Несколькими днями позже супруга посла Анна поведала Татьяне Львовне о том, что по возвращении домой Свербеев, узнав из свежих газет подробности развития событий, понял, что ему следует вернуться в Берлин. Он связался по телефону с министром иностранных дел Сазоновым, испрашивая у него указаний насчет дальнейших действий, а точнее — узнать: ехать ли ему в Петербург или срочно возвращаться в Берлин. Министр настоятельно потребовал незамедлительно выехать в Берлин, куда на следующий день Свербеев отбыл в подавленном настроении.

— Уехал он очень расстроенный, — рассказывала Татьяне Львовне о своем муже Анна, — он был взволнованный и даже осунувшийся.

Он уже понимал, с какими трудностями придется ему столкнуться в ставшей недружественной к России стране, но трудно было представить, что от маленькой искорки в Сараево может вспыхнуть мировой пожар, где в огненных всполохах войны, словно мотыльки, сгорят миллионы невинных человеческих жизней.

Сидя в просторном купе, Свербеев наблюдал, как мелькали за окном знакомые российские пейзажи: зеленеющие луга, березовые перелески, сосновые боры и тучные поля колосящейся пшеницы. Поезд мчался на запад. Мерный стук колес отбивал в висках одну и ту же успокоительную мысль: авось обойдется, авось, авось, авось...

Глава II
Выстрел в Сараево

Сергея Львовича провожали всем семейством. Пока кучер укладывал саквояжи, Софья Андреевна давала необходимые напутствия перед дорогой сыну, который, готовый к отъезду, уже был облачен в дорожный костюм.

Как только пролетка скрылась за первым поворотом, все разошлись кто куда. Софья Андреевна пошла немного прилечь в спальню, а Александра Львовна задержалась в гостиной. На массивном круглом столе лежала кипа местных и столичных газет. Она машинально взяла одну из них. Ей бросился в глаза набранный крупным шрифтом подзаголовок «Убийство в Сараево». Она пробежала глазами и более мелкий текст: «15 июня в столице Боснии Сараево убит наследник австрийского престола зрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга Софья герцогиня Гогенберг». Далее следовало описание разыгравшейся в боснийской столице трагедии. Ужасающую картину представляли фотографии, запечатлевшие учиненные над сербами, после убийства зрцгерцога Франца Фердинанда, погромы. Александра Львовна всматривалась в фотографии. На одной из них была запечатлена улица, полностью заваленная товарами из разгромленных сербских магазинов, на других — груды разбитых колясок, карет и саней, разбросанных по всей мостовой; выброшенные из окон фешенебельной гостиницы «Европа» роскошная мебель, предметы интерьера, разодранные в клочья портьеры...

Со ссылкой на венские газеты сообщалось, что ни одно сербское торговое заведение, магазин или лавка, а также дом или квартира не остались неразоренными. Из-за бездействия полиции громилы буйствовали повсюду. Сербы-коммерсанты обратились к венскому правительству с просьбой о возмещении нанесенных убытков, мотивируя тем, что им не была своевременно оказана защита властями и что введение комендантского часа, положившего конец погромам, было осуществлено лишь после того, как полностью подверглось уничтожению имущество сербов.

Серия погромов прокатилась по городам Боснии и Герцеговины, особенно они были ощутимы в Грахове и Мостаре. Корреспондент газеты «Temps» сообщал, что в течение трех дней после убийства в Сараево арестовано более 4000 сербов.

Смотреть без содрогания на эти фотографии и спокойно читать эти строки было невозможно.

Александра Львовна потянулась к журналам и, листая страницу за страницей, стала искать в них новые сведения о последних событиях, разыгравшихся в этой дружественной славянской стране. Взор ее остановился на большой фотографии семьи Франца Фердинанда. Александра Львовна внимательно разглядывала детей, двух мальчиков в матросках и девочку, почти барышню, в белоснежном приталенном платье, с длинными косами и белым бантом на голове. Глаза детей, ставших сиротами, пристально смотрели на нее...

«За что?» — подумала про себя Александра Львовна. — В чем повинны они, почему так несправедлив и жесток мир? Никакая политика не может оправдать гибель людей, а тем более страдания ребенка».

Целый день она бродила по дому в поисках дела.

Под вечер с севера начало натягивать тяжелые свинцовые тучи. Очень быстро черная пелена затмила солнце.

Вокруг потемнело. Буквально на глазах менялась погода. Внезапно налетел ветер. Не успела припорошенная на дороге пыль взметнуться вверх, как ее начали прибивать к земле тяжелые капли дождя.

Александра Львовна вышла во двор и оглянулась вокруг. Лес трепетал под ударами ветра и, словно осенней порой, скидывал с себя еще совсем зеленые листья. Ей показалось это очень странным, пока она не заметила, как в траве запрыгали белые капельки, все увеличивающиеся в размере. Град! Александра Львовна пригнула голову — льдинки больно били по голове, и она поспешила в дом...

Через несколько дней газеты сообщали о небывалом ливне, который обрушился на Москву. Накануне Пулковская обсерватория предупреждала о надвигающемся урагане, но подготовиться к нему не удалось. В считанные часы Пресня, Грузины, Трубная площадь и ряд других районов города оказались под слоем воды, доходящим пешеходам до колен. Только босоногие ребятишки с удовольствием прыгали в лужах перед фотокамерой. Потоками воды был разрушен участок Москворецкой набережной, в отдельных местах повреждены подпорные стены, проезжая часть. Наибольший ущерб понесла беднота, которая ютилась в подвалах домов.

Это было печальное известие, и в доме Толстых успокоились, когда от Сергея Львовича пришло известие о благополучном его прибытии домой. По счастью, ливень не сильно задел их в дороге.

Александру Львовну тревожило другое — последствия гибели наследника австрийского престола.

На следующее утро, не дожидаясь почтальона, она послала кучера за почтой в Засеку и наказала ему купить дополнительно еще ряд петербургских газет и журналов. Кучер вернулся довольно быстро и вручил ей пакет с корреспонденцией, аккуратно перевязанный накрест бечевкой.

Александра Львовна уединилась в глубине гостиной и принялась просматривать газеты. Почти в каждой из них она находила сообщения из Сараево, из которых складывалась достаточно полная картина происшедшей трагедии. Как сообщала российская пресса, Франц Фердинанд и его супруга прибыли в Сараево, где наследный принц австрийского престола должен был присутствовать на маневрах 15-го и 16-го военных корпусов в качестве генерал-инспектора австрийских войск. Утром 15 июня он вместе со своей супругой Софьей выехал в открытом автомобиле в Городскую Думу, чтобы присутствовать на торжественном заседании в его честь. Недалеко от здания Думы, расположенного у набережной реки Милячки, в автомобиль, в котором они находились, неизвестным была брошена бомба. Эрцгерцог успел отбросить ее от себя. Бомба взорвалась на мостовой, но не повлекла за собой человеческие жертвы. Около двадцати человек из встречающей его публики и прохожих были ранены. Пострадало несколько лиц из свиты наследника, которые сопровождали его в другом автомобиле. Прохожие и полиция обратили внимание, как от толпы отделился человек и бросился через парапет набережной в реку, стараясь вплавь скрыться на противоположном берегу, но был вовремя схвачен. Им оказался покушавшийся на жизнь эрцгерцога анархист Неделько Чабринович.

После этого инцидента Франц Фердинанд все-таки направился в Думу и принял участие в торжественном заседании. На обратном пути не успел автомобиль эрцгерцога свернуть на узкую улицу, расположенную рядом со зданием Городской Думы, как на него было совершено вторичное покушение. На сей раз девятнадцатилетний гимназист Гавриила Принцип двумя выстрелами в упор застрелил сидевших в автомобиле эрцгерцога и его супругу.

Как писали газеты, это была четвертая трагедия, пережитая императором Францем Иосифом. Престарелый император пережил расстрел своего брата императора Максимилиана в Мексике, самоубийство сына — наследника престола эрцгерцога Рудольфа в замке Мей-

ерлинг, убийство супруги — императрицы Елизаветы, совершенное в Швейцарии. И вот теперь... убийство в Сараево.

Несчастная семья за 25 лет потеряла пятерых своих представителей. Такого удара не переживала ни одна династия в мире!

Реакция австрийской общественности последовала молниеносно. В Вене прошли многотысячные демонстрации против сербов. Перед зданием сербской дипломатической миссии австрийцы устроили манифестацию, которая скандировала: «Долой сербов!», «Долой короля Петра!» Наиболее ретивые из толпы публично сожгли перед воротами сербской миссии сербский национальный флаг.

Гнев австрийцев стремительно вырывался наружу, и уже нетрудно было предугадать его последствия.

Внимательно читала Александра Львовна сообщения газет, которые мало чем отличались друг от друга. Сильно взволновало ее известие об объявлении войны: «Австро-Венгрия считает себя с настоящего момента на положении войны в Сербии», — этот официальный ответ последовал 15 июля, после того как Сербия воспротивилась выполнить унизительный ультиматум австрийцев, главным в котором был отказ от государственной самостоятельности и полное подчинение австрийской администрации. «Славянство в опасности!» — восклицали российские газеты.

«Война — это тяжкий грех перед личностью и человечеством в целом, — будь отец жив, он бы сказал это», — подумала дочь.

К обеду все собрались вместе. Прошел он тихо, так как каждый был поглощен тревожными мыслями. Татьяну Львовну беспокоило недомогание мужа Михаила Сергеевича, который в последнее время часто отлучался в Тулу. Неважно чувствовала себя и Софья Андреевна, большую часть времени предпочитавшая проводить либо в спальне, либо на веранде. Тем более что и поводов для раздумий у нее было предостаточно.

А Александра Львовна нетерпеливо ждала окончания обеда, и когда представилась возможность встать из-за стола, она вернулась к чтению газет.

Придунайская Сербия, затерявшаяся почти в центре Европы маленькая и бедная страна, переживала страшные дни. На протяжении ста лет ее гордый народ боролся за независимость и вновь оказался перед испытанием. Ему выпало на долю первым принять бой, хоронить воинов и покидать родные пепелища.

Александра Львовна в точности вспомнила слова своего великого

отца, тогда еще молодого офицера и начинающего литератора, участника Севастопольской кампании: «...увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...»

Она живо представила себе, как вслед за отступающими в горы сербскими войсками потянутся беженцы, спасаясь от гибели, со своим скромным скарбом, детьми и скотиной.

— Кто виноват? Кто виноват? — повторяла она один и тот же вопрос. Ее рассудок искал ответа, а сердце наполнялось болью и состраданием к людям, на долю которых выпали страшные испытания.

На следующий день приехал Душан Петрович Маковицкий. Друг семьи, личный врач Льва Николаевича Толстого, он ни на минуту не забывал яснополянцев, следил за их здоровьем и приходил на помощь любому из них. И каждый нуждался в нем. Александра Львовна очень любила этого тихого, скромного, ничем не примечательного человека за его беспредельную преданность отцу, а после кончины отца — всему семейству. Александра Львовна высоко ценила его благородство, и это качество подчеркивали все, кто был с ним знаком.

За обедом разговор неизбежно коснулся австро-сербской войны, который перешел в жаркую дискуссию. Высказывались Софья Андреевна, Татьяна Львовна. Очень горячо вела спор Саша, вспоминая об отце, о его взглядах на войну. Как только упоминалось имя Льва Николаевича, Душан Петрович восклицал:

— Прошу вас, голубушка, запишите эту мысль, ведь он высказал ее только вам. Тем более это так сейчас актуально!

Вечером стало известно о мобилизации российской армии.

Здесь, за много верст от Москвы, никто и не знал о широкой волне протеста, которая прокатилась по многим российским городам в защиту сербского народа, в защиту славянства. Крупные манифестации прошли в Москве. Особенно впечатляющей она была на Красной площади, где огромная масса людей, собравшаяся вокруг памятника Минину и Пожарскому, слушала одного оратора за другим, бурно выражая свой протест против военного вмешательства и насилия над сербами.

Война уже стояла у порога России.

Через несколько дней Татьяна Львовна после долгого перерыва, длившегося два года, 21 июля сделала запись в своем дневнике: *«Третьего дня Германия объявила войну России. Мы это узнали сего-*

дня из «Орловского вестника» от 20 июля. Московские и петербургские газеты не пришли».

В тот же вечер Александра Львовна в сопровождении Варвары Михайловны уехала в свое имение.

Она ехала домой после короткого пребывания в родительском доме в глубоком раздумье. Молчала и Варвара Михайловна. Гром небесный разразился над Россией. Наступило время серьезных решений...

В Ясной Поляне известие о войне потрясло всех.

В «Орловском вестнике» сообщалось об убийстве в Сараево. В России объявили мобилизацию. 19 июля 1914 года Софья Андреевна сделала пророческую запись в своем дневнике: *«Эта ужасная война поведет к большим бедствиям в России. Все в унынии: те, которых отрывают от земли и семьи, говорят* о *забастовке: «Не пойдем на войну!» У меня увезли приказчика, семь лошадей, при них кучер и два работника! А в России голод. Что-то будет!»*

На следующий день в Ясную Поляну пришло известие от сына Михаила, в котором он сообщал о предстоящем отъезде на войну.

Тревожные вести в Ясную Поляну шли со всех сторон. Из того же «Орловского вестника» 20 июля 1914 года яснополянцы узнали, что Германия объявила войну России. С нетерпением ждали дальнейших известий из московских и петербургских газет.

23 июля Татьяна Львовна написала такие строки: *«Ездила тройкой с Максимом на станцию и в Сетуху... Заехала в Сетуху, взяла с собой Анну и поехала на станцию. Там одновременно с нами подошел поезд с солдатами и лошадьми.*

— Откуда, земляки?

— Козловские.

Все очень крепкие, рослые ребята. Страшно смотреть на это пушечное мясо и думать, что через несколько дней или недель кто-нибудь из этих молодцов, подшибленный немецкой пулей, ткнется лицом в грязь и так и останется там один умирать. И так будет не с одним, а с десятками, если не сотнями тысяч...»

В Ясной Поляне Софья Андреевна не находила себе места. Страшные известия из газет тяжелым камнем навалились на сердце матери: страх за своих детей, их дальнейшую судьбу мучил ее. Целыми днями бродила она по Ясной Поляне.

— Всюду слезы, ужас и во имя чего? Нет, никогда не пойму я войны! — восклицала она.

Глава III
Воззвание Государя

Петербург бурлил уже целую неделю. В эти дни по всем центральным улицам российской столицы непрерывным потоком проходили манифестанты, направляясь к Фурштадтской улице, где располагалось сербское посольство, чтобы выразить солидарность своим славянским братьям и поддержку в их неравной борьбе с австро-венгерскими вооруженными силами, вторгшимися на территорию дружественной России страны. С плакатами в руках, со знаменами и с портретами сербского короля Петра и Николая II толпы людей задерживались у здания посольства для проведения короткого импровизированного митинга. Несколько раз к манифестантам присоединялся живший неподалеку Председатель Государственной Думы Родзянко. Студенты, гимназисты, рабочие, чиновники, мещане, ученые и деятели культуры гневно осуждали действия австро-германских вождей, их милитаристский дух.

На следующий день после объявления Германией войны России с утра на Дворцовую площадь потянулся народ. Сначала люди с национальными флагами Сербии и России группировались вокруг Александровской колонны. От нее, словно круги по воде, людская толпа растекалась к стенам Зимнего дворца, постепенно заполняя огромное пространство главной площади.

В Зимнем дворце готовились к молебствию о даровании победы. Прибыли члены царской семьи, приближенные ко двору лица, министры... 5000 человек собрались в беломраморном Николаевском зале.

Последними в зал вошли Государь Император Николай II в парадной форме полковника с регалиями и орденами и Императрица Александра Федоровна в белоснежном наряде. Следом за ними шли четыре княжны.

Сразу после молебствия к собравшимся с краткой речью обратился Государь:

— Со спокойствием и достоинством встретила наша великая матушка Русь известие об объявлении нам войны. Убежден, что с таким же чувством спокойствия мы доведем войну, какова бы она ни была, до конца. Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей.

Аплодисментами и криками «ура» ответили гости на короткую, но

яркую речь Государя. Когда наступила тишина в зале, стало слышно, как со стороны Сенатской площади волной прокатилось троекратное «ура».

Николай II огляделся вокруг, как бы ожидая совета у своих приближенных, а затем, взяв супругу за руку, направился к балконной двери. Двери перед ним распахнули, и Николай II вышел на балкон к своему народу.

Очевидец этой торжественной картины Председатель Государственной Думы Михаил Владимирович Родзянко вспоминал: «Огромная толпа заполнила площадь и прилегающие к ней улицы, и, когда она увидела Государя, ее словно пронзила электрическая искра и громовое «ура» огласило воздух. Флаги, плакаты с надписями «Да здравствует Россия и славянство» склонились до земли, и вся толпа, как один человек, упала перед Царем на колени».

Трудно было удержаться от нахлынувших чувств. Трудно было и Государю. Он стоял на балконе с минуту молча и наблюдал за этой захватывающей картиной. Рядом с ним была Императрица. Николай II подошел поближе к перилам балкона, поднял руку и хотел было выступить перед раскинувшимся перед ним людским морем. Но народ продолжал его приветствовать, и царь не смог остановить своих подданных.

Свидетель этой трогательной сцены, французский посол в России Морис Палеолог, вспоминал, как при виде Николая II многотысячная толпа стихийно запела «Боже, царя храни». Государь и Императрица рука об руку стояли на балконе, задрапированном красным плюшем, и плакали вместе с толпой. «Для этих коленопреклоненных тысяч собравшихся, — отмечал посол Франции, — в этот момент царь действительно был самодержцем: военным, политическим и религиозным правителем своего народа, абсолютным господином их душ и тел».

Поприветствовав толпу, Николай II и Александра Федоровна возвратились в зал и вскоре ушли в покои.

Народ долго еще не расходился, и знамена колыхались над площадью до самого вечера...

Александра Львовна обо всем этом узнала из газет. Это событие никого не оставило равнодушным. Патриотические настроения захватили все слои общества. Вскоре было объявлено о совместном заседании Государственной Думы и Государственного Совета. 26 июля 1914 года перед началом заседания Государь устроил прием в Зимнем двор-

це. В назначенный час в Николаевском зале собрались все министры, высшие чины царского двора, члены Государственного Совета и Государственной Думы. К собравшимся в зале Николай II вышел с недавно назначенным Главнокомандующим русской армии Великим князем Николаем Николаевичем. Государь обратился к представителям со следующими словами:

— Приветствую вас в нынешние знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем и Австрия объявили войну России. Тот огромный подъем патриотических чувств любви к Родине и преданности престолу, который как ураган пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах и, думаю, в ваших, ручательством в том, что наша великая Матушка Россия доведет ниспосланную Богом войну до желанного конца...

Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете мне перенести ниспосланные испытания и что все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли Русской!

Вслед за Государем выступил Председатель Государственного Совета Голубев, а затем Родзянко, который, заканчивая свое выступление обращением к Государю, произнес:

— Без различий мнений, взглядов и убеждений Государственная Дума от лица русской земли спокойно и твердо говорит своему царю: «Дерзайте, Государь, русский народ с вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство Родины не будет ограждено».

Государь был искренне тронут выступлениями своих приближенных. На глазах его показались слезы:

— Сердечно благодарю вас, господа, за проявленные вами патриотические чувства, в которых я никогда не сомневался, и проявленные в такую минуту на деле. От всей души желаю вам всякого успеха. С нами Бог!

Волнение передалось всем присутствующим, и тотчас Николаевский зал наполнился величественным песнопением «Спаси, Господи, люди твоя»...

Сразу после приема в Зимнем дворце депутаты отправились в Таврический дворец, где после молебна началось заседание Государственной Думы в присутствии всех министров и дипломатов дружественных стран.

День 26 июля 1914 года был наречен «великим историческим днем».

Открыл совместное заседание Государственной Думы и Государственного Совета Родзянко:

— Жребий брошен, — сказал в своем выступлении Председатель, — и во весь рост встал перед нами вопрос об охране целости и единства государства. В этом небывалом еще в мировой истории стремительном круговороте событий отрадно видеть то величие и преисполненное достоинства спокойствие, которое охватило всех без исключения и которое ярко подчеркивает перед всем миром величавую силу русского духа. Спокойно и без задора мы можем сказать нападающим на нас: «Руки прочь. Не дерзайте касаться нашей Святой Руси».

— Господа члены Государственной Думы! — обратился Председатель к залу. — В этот час наши мысли и пожелания там, на границах наших, где бестрепетно идет в бой наша доблестная армия, наш славный флот... Мы, оставшиеся дома, должны работать не покладая рук в деле обеспечения оставшихся без своих кормильцев семей, и пусть в армии нашей знают, что не только на словах, но и на деле мы не допустим их до нужды.

После Председателя Думы выступил Председатель Совета министров Горемыкин, а следом за ним — министр иностранных дел Сазонов:

— Бог, не оставлявший Россию в самые тяжелые годины ее истории, не покинет и теперь нашей Родины, которая вся сплотилась вокруг своего царя в чувстве любви и самопожертвования. Со смиренным упованием на помощь Божию, — продолжал министр, — с непоколебимой верой в Россию правительство с горячим доверием обращается к вам, народным избранникам, убежденное, что в вашем лице отражается образ нашей великой державы, над которой да не посмеются наши враги.

Заключительные слова министра иностранных дел потонули в бурной овации, все встали и стоя приветствовали его речь. Белоколонный зал Таврического дворца, заполненный до отказа от партера до хоров, давно не видел такого единения среди депутатов.

Александра Львовна вчитывалась в каждое слово подробного отчета об этом заседании, который публиковался во многих газетах и журналах. Ее, далекую от политики, на сей раз, против обыкновения, интересовали взгляды других членов Государственной Думы: трудовиков, социал-демократов, октябристов, представителей малых наций...

Варвара Михайловна несколько раз пыталась оторвать ее от газет,

которыми со всех сторон обложилась Александра Львовна, но... тщетно.

Взгляд ее остановился на фотографии депутата от Казанской губернии, левого октябриста Годнева. Открытое русское лицо с небольшой бородкой, широкий лоб, густая, торчащая вверх шевелюра... Под фотографией выдержка из его выступления: «Позвольте мне, как избраннику татарского, чувашского и черемисского населения Казанской губернии, заявить, что все они, как один человек, будут бороться бок о бок с нами против нашествия иноземцев. Примите через меня от них заявление, что они всецело желают полной победы русскому оружию и готовы сложить свои головы за Россию».

Затем Александра Львовна прочла фрагмент эмоционального выступления от латышей и эстонцев депутата Курляндской губернии Гольдмана: «Не только наши сыновья, братья и отцы будут сражаться в рядах армии — в каждой хижине, на каждом шагу неприятель найдет у нас дома своего злейшего врага, которому он сможет отрубить голову, но от которого даже в последнюю предсмертную минуту он услышит только одно: «Да здравствует великая Россия».

Ему вторил немец, барон Фелькерзам, депутат от той же губернии: «Искони верноподданное население Прибалтийского края готово, как всегда, встать на защиту Престола и Отечества. Мы не только будем голосовать за все предложенные военные кредиты, но и по примеру наших предков готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России».

Александра Львовна бросила беглый взгляд на фотографии депутатов — их было много, около двадцати... Балашов, Яронский, Милюков, Мусин-Пушкин, Керенский, Протопопов, Марков, Люц...

— Керенский, Керенский, — Александра Львовна старалась вспомнить что-то, связанное с этой фамилией. Она посмотрела на фотографию: продолговатое лицо, короткий ежик на голове с небольшой проседью...

Да, эта фамилия ей попадалась на глаза в связи с каким-то скандалом во время апрельского заседания Государственной Думы. Александра Львовна вспомнила, что кто-то ей рассказывал о выдворении под конвоем охраны из зала заседания Керенского и других депутатов. Она пробежала выступление скандального депутата от трудовой партии: «...Крестьяне, рабочие — все, кто хочет счастья и благополучия России, — в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и защитите страну, освободите ее. Вам же, на-

шим братьям, проливающим кровь за родину, низкий поклон и братский привет».

Тональность выступлений была одна и та же. Граф Мусин-Пушкин взывал к единению сил: «Бог, Царь и народ — и победа над врагом обеспечена». Националист Балашов: «Мы всеми силами будем бороться до того момента, как воинственный натиск германизма не будет значительно сломлен».

Несколько, как ей показалось, выпадали из общего тона выступлений слова депутата от Уфимской губернии, социал-демократа Хаустова: «Социалистические силы всех стран сумеют найти в себе достаточно сил, чтобы превратить настоящую войну в последнюю вспышку милитаристского и капиталистического строя» — ??

Ей был не совсем понятен смысл этих слов — в какую вспышку превратить только что начавшуюся войну?

Тем не менее через 60 лет в статьях нью-йоркской газеты «Новое русское слово» Александра Львовна вспомнит об этом судьбоносном для России периоде: «Родина в опасности! И русские люди различных партий, толков, направлений объединились в одном горячем порыве — любви к родине и преданности монарху, возглавляющему Россию».

А тогда по всей стране стремительно раскручивался маховик войны. Эшелон за эшелоном уходили на запад поезда. Среди яснополянцев только и было разговоров о массовом передвижении войск в сторону Орла.

Оставаться сторонним наблюдателем драматических событий, происходивших вокруг, было невыносимо. Энергичная и экспансивная женщина искала выхода, ее душа разрывалась от безделья, казавшегося ей безнравственным. «Сидеть сложа руки было невыносимо, — вспоминала Александра Львовна свои переживания тех дней. — Уходят один за другим племянники, рабочие; взяли моих рысистых лошадей. Усадьба опустела, и все то, что частично заполняло жизнь — хозяйство, организация и работа в кооперативах, — все отошло на задний план».

Когда в одной из газет она прочла о неразберихе, творившейся в первые дни войны между военным ведомством и Российским Обществом Красного Креста в оказании помощи раненым воинам, о прибытии в Москву первых товарных поездов, переполненных ранеными воинами и абсолютно неприспособленных для этого, в сознании ее зародилась мысль пойти в сестры милосердия.

Усилиями вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и Пред-

седателя Государственной Думы Родзянко был снят начальник военно-санитарного ведомства Евдокимов, и вскоре верховным начальником санитарно-эвакуационной части был назначен принц Ольденбургский. Повсеместно стали организовываться краткосрочные курсы добровольных сестер милосердия военного периода.

Неплохие медицинские познания давали основание Александре Львовне выбрать курсы сестер милосердия.

Молодая женщина круто меняла свою судьбу. Представить, что ее ждет впереди, было невозможно, но стремление быть полезной, помочь раненому воину, защитнику Отечества, было для нее естественным.

Той же ночью приснился Александре Львовне сон. Видит она отца, который приближается к ней в сиянии золотистых лучей. Он видится ей таким, каким она знала его всегда. С большой белесой бородой и в бархатной шапочке на голове. Темный сюртук распахнут, светлая рубашка опоясана черным ремнем...

Отец нежно обнял ее, и Александра Львовна словно растворилась в этом искрометном золотистом пространстве. Отец протянул руку вперед, как бы прося дочь устремить туда свой взор. Она повиновалась. Пространство перед ней начало приобретать зримые очертания лесов, полей, горных вершин, бурных рек, каких-то строений, все это менялось на глазах, уходило вдаль и вновь наплывало...

— Вот твоя крутая дорога жизни, трудная и длинная. Иди по ней, — молвил отец, и тут же образ его исчез. Александра Львовна вздрогнула и... проснулась. Обнаженные плечи ее явственно продолжали ощущать тепло от прикосновения отцовских рук.

Только начало светать. Она оделась, вышла на кухню, наскоро позавтракала и выехала в Ясную Поляну.

Глава IV
У отцовской могилы

Александра Львовна въехала во двор усадьбы, остановила пролетку поближе к конюшне, вытащила из-под навеса охапку сена и подкинула ее лошади. Огляделась вокруг. Ничто не нарушало тишины. Все еще спали.

Она вышла на дорогу и направилась к пруду. От водной глади вея-

ло прохладой. Солнце едва всходило. Утренняя роса, ловя и преломляя многоцветьем первые солнечные лучи, искрилась в траве. Александра Львовна медленно взобралась по знакомой тропинке на небольшой пригорок и направилась между деревьями к святому для нее и для каждого русского человека месту — к аккуратному холмику, где в Старом заказе над оврагом, покоился ее отец. Тысячи и тысячи паломников приходили сюда, чтобы преклониться перед гением, отдать дань его памяти.

Дочь стояла у могилы отца. Даже тишина вокруг была особенной. Вспомнилась вся жизнь, и везде рядом был отец. Она жила ради него, служила его таланту, тогда, когда могла это делать, помогала во всем. Став постарше, вела переписку, секретарствовала, занималась почтовыми отправлениями, разбором его рукописей...

Вспомнила и прощальный день на станции Астапово, когда, приподнявшись на кровати, он произнес последние слова стоявшим у его изголовья дочерям:

— Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва.

Молча стояла Александра Львовна у могилы отца. Одобрил бы он ее решение?.. Как знать?

На опушке леса она собрала несколько светло-лиловых стебельков иван-чая, прибавила к ним полевой ромашки. Этот скромный букетик полевых цветов положила на отцовскую могилу. Помедлила несколько мгновений и пошла обратно.

Решение было принято. Да, она пойдет на фронт сестрой милосердия. Надо лишь об этом известить мать и проститься с ней.

Александра Львовна заглянула в гостиную и, не найдя мамы там, вышла на веранду. Софья Андреевна сидела в кресле, прикрыв колени шерстяным пледом. На веранде было тепло и солнечно. Она поцеловала мать и села рядом.

— Мама, я решила пойти на фронт сестрой милосердия.

Выдержав паузу и не услышав ответа, Александра Львовна добавила:

— Я не могу сидеть сложа руки. Я должна участвовать в общей беде.

Этот разговор Александра Львовна много лет спустя полностью привела в своих воспоминаниях.

«— Зачем ты едешь на войну? — сказала мать. — Ни к чему это. Отец был против войны, а ты хочешь в ней участвовать.

— Я не думаю, чтобы он был против того, чтобы я помогала больным и раненым.

Но мать была недовольна.

— Ну, я сказала тебе свое мнение, но я знаю, что это бесполезно. Ты всегда делаешь все по-своему...»

Напрасно Александра Львовна убеждала ее, что отец еще в Крымскую войну высоко отзывался о самоотверженности сестер милосердия, об их гражданском подвиге по спасению раненых воинов. Никакие резоны дочери не смогли ее убедить в обратном.

— C'est suffit, Sacha! J'ai deja fatigué* , — ответила с несвойственной ей меланхолией мать.

Александра Львовна с грустью смотрела на мать, которая в последние годы утратила свою кипучую энергию, твердость характера, гибкий ум, проявляя порой лишь ненужное упрямство.

— Я сделаю так, как велит мне совесть, — стояла на своем Александра Львовна. — Уверена, что, будь жив отец, он понял бы и не осудил меня.

К середине дня из Сетухи приехала Татьяна Львовна, рассказала о встрече с Анной. Та сообщила, что нет никаких сведений от супруга, тревожится за сыновей, которые намереваются уйти на войну. Из газет стало известно, что русское посольство покинуло Берлин.

Между сестрами тоже состоялся разговор. Александра Львовна поделилась своими твердыми намерениями пойти на фронт. Рассказала о бесплодной беседе с матерью.

— Ты твердо решила? — спросила Татьяна Львовна.

— Да.

— Я понимаю тебя, но осуждаю войну, ее бессмысленные жертвы. Война нужна обезумевшим политикам, а не козловскому мужику.

— Но кто поможет ему, когда он с простреленной грудью будет лежать на поле брани? — возражала младшая сестра. — Если не ты, не я, не другой? Так кто же вынесет его с поля боя, кто спасет его от неминуемой гибели? Дать шанс солдату выжить — разве это не человеколюбие?! Отказать раненому воину в помощи — вот где великий грех!

Я много знаю из медицины, Таня, — продолжала настаивать Александра Львовна, убеждая старшую сестру, — я многому научилась от

* Хватит, Саша! Я уже устала *(фр.)*

Дмитрия Васильевича. И неплохо практиковала в деревенском лазарете.

— Да, — соглашалась Татьяна Львовна, — но выдержишь ли ты эти лишения, неимоверные трудности военных дорог? Куда они тебя занесут?

Под вечер Александра Львовна, распрощавшись со всеми, вернулась домой.

Через несколько дней, 28 июля 1914 года, Татьяна Львовна запишет в своем дневнике: *«Все газеты пишут о том, как спокойно пошли русские люди на войну. Брата Мишу взяли в Кирсанов в запасную кавалерию. Саша уехала в Москву на 3-недельный курс сестер милосердия, а оттуда на войну. Дорик хочет идти добровольцем. Жалко этого кроткого — не мужчину — ребенка еще, но останавливать, чувствуешь, что не имеешь права»*.

Отъезд сестры на курсы и предстоящая разлука с ней огорчали Татьяну Львовну. Она не находила себе места. Единственным связующим звеном оставались письма...

Днем раньше, 27 июля, Софья Андреевна зафиксировала у себя в дневнике: *«Была дочь Саша. И она уезжает сестрой милосердия. Мы трогательно простились. Все ужасно!»*

Глава V
Письма к Тане

В начале XX века в мире уже безраздельно властвовал созданный человеческим гением беспроволочный телеграф, незримые нити которого постепенно проникали в самые укромные уголки планеты, откуда любая новость могла облететь земной шар за считанные минуты. Но по-прежнему основным средством человеческого общения оставались письма: романтические и деловые, грустные и радостные, сердечные и исповедальные. Особыми были письма с фронта. Они врывались в размеренные будни, в непростую, но все же мирную жизнь другой — жесткой и беспощадной реальностью.

А главное, они содержали исключительно важную, окопную правду, не искаженную политическими страстями или патриотическими соображениями. По настроению, улавливаемому адресатом из этих писем, даже при отсутствии военных подробностей или сведений о боевых операциях, несмотря на цензуру, узнавалось многое. По ним

можно было судить о духе войска, готовности солдат бороться с противником до последнего вздоха или подавленности, растерянности и намерении отступить в непростых обстоятельствах.

Именно такими были письма Александры Львовны к своей сестре, с которой она регулярно переписывалась в течение всего времени этой долгой военной эпопеи.

Первые письма, адресованные сестре в Кочеты, Александра Львовна послала сразу по прибытию в конце июля 1914 года в Москву под впечатлением дорожных наблюдений и встреч:

«Я была в Пирогове, говорила с мужиками по пути в Ясной, Туле, Москве — нигде не видно подавленного, угнетенного или смутного настроения. Всюду чувствуется глубокая грусть, серьезная сосредоточенность и, главное, полное единение. Нет сословий, нет партий, нет богатых и бедных — все соединились в общем горе, у всех, самых слабых даже, одно желание помочь.

Я никогда ничего подобного не видела и, сознаюсь, меня захватила общая волна, и я не могла сидеть в деревне ничего не делая, ничего не зная. Послезавтра мы начинаем курсы с Варварой, а через две-три недели я, вероятно, поеду под начальством Никитина, который едет добровольцем, в общеземской организации сестрой милосердия перевозить раненых...

Часто думаю, что испытал бы отец, видя все эти ужасы. Слава Богу, что он до этого не дожил».

В тот же день к Александре Львовне на Большую Полянку зашел Дмитрий Васильевич Никитин и сообщил о болезни Сухотина. Подробностей он не знал. Передал лишь просьбу сестры, что Михаилу Сергеевичу надо купить кресло. Сам же Никитин был занят по горло курсами, госпитальными делами и организацией санитарного поезда.

Буквально следом за первым письмом, датированным 31 июля, Александра Львовна отправила старшей сестре короткое сообщение: *«Милая Танечка. Сегодня мне Никитин сказал, что Михаилу Сергеевичу худо. Напиши, пожалуйста, я очень беспокоюсь... Он очень занят, и я вызвалась поискать кресло. Я обегала всю Москву и пришла в отчаяние. Нигде ничего подобного нет. Все рабочие, мастера взяты на войну, и в Москве ничего нельзя достать. Может быть, М.С. огорчился тем, что взяли его сыновей и вообще война повлияла на его здоровье?*

Мы завтра начинаем учиться... Пиши мне почаще.

Целую тебя, сестра Саша».

Последующие письма, адресованные в Кочеты, она отправляла из Покровского-Рубцово, где располагался Звенигородский госпиталь. Уже здесь Александра Львовна узнала о постигшем сестру горе — кончине ее мужа Михаила Сергеевича Сухотина. За несколько дней до смерти, как писала сестра, он уехал к своим знакомым Абрикосовым под Тулой в село Затишье, и там с ним случился удар. В тот же день к вечеру из Кочетов к нему приехала Татьяна Львовна. Душан Петрович, а затем доктор Грушецкий делали все возможное, но положение не улучшалось. Принятые ими меры не помогли. 8 августа Михаила Сергеевича не стало. Александра Львовна тяжело перенесла его кончину. Он был любим в семье Толстых. Остроумный, веселый и образованнейший человек расположил к себе и Льва Николаевича, и Софью Андреевну, и всех яснополянцев. Обожал своих детей, жену и в особенности маленькую Таню.

Получив это известие, ночью, 9 сентября 1914 года, когда все стихло, Александра Львовна села писать письмо. Тускло горели керосиновые лампы. Одна из них мерцала над столом, где располагались дежурные сестры милосердия.

«*Милая Танечка,* — начала свое письмо размашистым почерком сестра. — *Получила твое последнее грустное письмецо и так живо почувствовала твое состояние и твою тоску...*»

Александра Львовна живо представила свою старшую сестру, подавленную горем, ее милое, грустное и такое твердое и хорошее лицо, ее прекрасную и умную дочурку. Трудно было поверить, что она после утраты близкого ей человека сможет потерять интерес к жизни.

Александра Львовна вновь перечитала строки из последнего письма сестры.

— Это неверно, — возразила про себя сестра. — Ты еще многое, многое сделаешь и будешь еще всем нам, любящим тебя, подружкой в жизни.

На глаза Александры Львовны навернулись слезы, в горле будто комок застрял.

В дальнем углу палаты кто-то застонал. «Это из новеньких», — подумала Александра Львовна, глубоко вздохнула и, отложив чернильную ручку, пошла на зов больного. Молоденький солдат лежал на боку с открытыми глазами.

— Сестрица, подай глоточек воды. Заснуть не могу, уж больно рана жжет.

Она наполнила кружку водой и подала солдату. Он сделал несколько глотков и продолжил разговор:

— Послушай, сестра, не уходи. Лежу, значит, я в окопе, вдруг кто-то меня словно прикладом по спине. Я обернулся, думаю, товарищ шутит. Никого нет, только чувствую — горячо стало. Кровью грудь наполняется, а пуля навылет прошла.

Сестра там же под пулями наложила бинты. Потом вместе с подружкой подхватили меня и в передовой отряд...

— Спи, дружок, поправишься, потом расскажешь все.

Александра Львовна погладила по голове солдата.

— Спи, уже поздно, завтра станет лучше.

Солдат послушно закрыл глаза, лицо его расслабилось и потеплело, дыхание стало ровным и спокойным. Он засыпал. Сестра заботливо поправила одеяло и прошла к себе.

«Сейчас ночь, — продолжила она начатое письмо, — *все спят. Я дежурю одна. Обхожу этих сто страдающих людей, подаю пить, подаю им все для их надобностей, покрываю, даю лекарство, и эти сто человек уже не чужие мне. Я каждый день их перевязываю, говорю с ними, знаю, откуда кто, где ранен, как ранен... Многие стремятся обратно в армию»,* — добавила она.

Она отвлеклась от письма, когда почувствовала боль в ногах. Они у нее к концу дежурства всегда отекали. Александра Львовна еле встала из-за стола, вышла в коридор, наполнила таз водой и опустила в него отекшие ноги. Прохладная вода действовала на них как бальзам. Она подняла выше колен подол платья и промассировала мокрыми руками икры ног. Боль сразу отступила, стало намного легче.

Александра Львовна протерла вафельным полотенцем ноги, слила в жбан воду из таза, вернулась к столу и... задремала всего на несколько минут. За окном начало светать.

«Скоро станут просыпаться мои солдатики, — подумала она, — надо закончить письмо».

«Сначала я очень боялась операций, даже раз плохо было, а теперь привыкла — я прикомандирована к перевязочной и операционной. Устаю так, что иногда, когда сяду, встаю и иду как разбитая лошадь...»

В скобках она пояснила: *«Так болят ноги... пока опять не расходишься, а на душе спокойно и хорошо. Танечка, я если мало пишу, то не потому, что не думаю о вас, а потому, что дохнуть некогда. Целую тебя и очень, очень люблю.*

Твоя сестра Саша».

Рядом послышался скрип кровати, затем другой... Перед тем как проснуться, раненые всегда начинали ворочаться.

«Сейчас начнут звать: «Сестра, сестра», — подумала Александра Львовна и быстро начертала последние строчки письма, адрес и поставила дату: «9 сентября 1914 (ночь)».

Вскоре появились доктор Никитин, фельдшерица и сестра. Начинался утренний обход и раздача лекарств. Надо было поспеть к каждому.

— Как прошла ночь? — обратился он к Александре Львовне.

— Без происшествий, все вели себя тихо.

Вчетвером обошли палату. Дмитрий Васильевич останавливался у больных, осматривал их, подбадривал словами, давал указания фельдшерице и заступившей на смену сестре.

— Спасибо за дежурство, вы свободны, — обратился он по окончании обхода к Александре Львовне.

Через несколько дней Саше удалось выехать в Москву, а затем в свое имение Телятинки, чтобы уладить домашние дела, составить духовное нотариальное завещание и даже... похлопотать о переводе ее на фронт, в летучий отряд или в санитарный поезд. Она рвалась на фронт. Работа в тылу ее не удовлетворяла.

С этой просьбой она обратилась к Председателю Всероссийского Земского Союза князю Львову. Князь внимательно выслушал доводы Александры Толстой, оценивая ее рвение, но на ответственную работу ее не назначил:

— Нет у вас деловой смекалки. — И, стараясь не обидеть графиню, предложил место сестры в одном из санитарных поездов.

Лишь через год с лишним графиня Александра Львовна Толстая получит официальное письмо от главного комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. В нем тот же князь Львов обращался к ней со следующими словами:

«Милостивая Государыня

Графиня Александра Львовна.

Главный Комитет Всероссийского Земского Союза в заседании своем от 21 сего ноября избрал Вас своим уполномоченным.

Сообщая Вам об изложенном, имею честь препроводить при сем соответственное удостоверение. Прошу принять уверения в совершенном уважении и искренней преданности.

Князь Львов».

А тогда назначение сестрой милосердия в санитарный поезд ее очень обрадовало.

Она съездила в Телятинки и в дороге простудилась. Когда Александра Львовна вернулась в Москву к себе на Большую Полянку, 59, там ее ждало письмо из Кочетов.

Несмотря на недомогание, она попросила подругу поставить на стол печатную машинку и принялась отстукивать текст:

«Милая Танечка!

Только что вернулась из деревни и застала твое письмо. Я, правда, опять захворала, то есть опять стала хрипеть и кашлять, но теперь лучше, и я решила не обращать внимания на свои болезни. Не время. Не еду пока в свой госпиталь в Покровское-Рубцово, потому что имею, кажется, возможность попасть в санитарный поезд, который отправляется на позиции и будет еженедельно ездить и перевозить оттуда раненых в Москву. Работа интересная. Может быть, в понедельник отправляюсь, тогда напишу. Варвара Михайловна останется пока в Москве. Сейчас у меня была неделя перерыва в работе, и я воспользовалась ею, чтобы устроить перед отъездом все свои дела.

Очень крепко тебя и Танечку целую.

Саша.

27 сентября. Москва».

Всю оставшуюся неделю Александра Львовна моталась по Москве, делала необходимые покупки, заказала портнихе униформу сестры милосердия...

Домой возвращалась падая с ног, тут же принимала теплую ванну, а Варвара Михайловна отпаивала ее лекарственными отварами.

На следующий день Александра Львовна, не дожидаясь ответа, села писать сестре в Кочеты еще одно письмо:

«Милая Танечка!

Завтра еду. Поезд идет в Белосток, оттуда на границу подбирать раненых.

Я очень довольна, только бы выдержать...»

Глава VI
Поезд идет в Белосток

Санитарный поезд № 187 Всероссийского Земского Союза вот уже три часа как покинул Москву и мчался на Запад. В нем следовали начальник поезда, два врача, фельдшер, пять сестер милосердия, сани-

16 447

тары, заведующий хозяйством и повара, а также машинист и поездная прислуга. В вагоне третьего класса расположился медперсонал. Путь предстоял длинный — в сторону Бреста, а затем в Белосток.

В дороге каждый думал о своем. Александра Львовна сидела у окна. Колеса состава мерно отстукивали привычный ритм, который то убыстрялся на перегонах, то становился реже, когда машинист сбавлял скорость. Мелькали за окном поля и перелески, березовые рощи и сосновые боры, овраги и речушки — все то, чем привлекательна средняя полоса России. От осеннего буйства красок остались лишь жалкие мазки, которые кое-где еще вспыхивали багряным цветом в листве величественных кленов. Природа действовала на Александру Львовну успокаивающе. Мыслями она вернулась назад, когда в объятиях Варвары Михайловны, своей преданной подруги, прощалась с прежней жизнью на перроне Брестского вокзала.

— Береги себя, береги... — заклинала Варвара Михайловна, пока поезд не набрал скорость и не исчез из виду.

«Как уберечься на войне? Что ждет меня впереди?» — Александра Львовна встряхнула головой и оторвала взор от окна. Старший врач, обаятельная Мария Александровна Саввиных, беседовала с одной из сестер милосердия. В купе чем-то резко пахло. Александра Львовна обвела всех взглядом и сообразила: запах исходил от новеньких кожаных черных курток, в которые были облачены, в соответствии с формой, сестры милосердия, санитары и врачи, а их в купе было четверо.

— Александра Львовна, — обратилась к ней Мария Александровна, — вам доводилось быть в тех местах, куда мы едем?

— Нет. Много путешествовала Таня, а мне не довелось. Да и не стремилась я к этому.

Александра Львовна задержала свой взгляд на этой милой женщине. Мария Александровна была хороша собой. Недавнее знакомство с ней оставило у Александры Львовны самое приятное впечатление. Ей еще не дано было знать, что фронтовая судьба надолго свяжет их.

Под вечер на полустанке подошел встречный санитарный поезд, шедший в Москву с западных границ. Через застекленные окна вагонов видны были лица раненых воинов, которые с любопытством смотрели на них, новоиспеченных сестер милосердия. Марии Александровне удалось перекинуться словечком с одной из сестер:

— Откуда едете?

— Из Восточной Пруссии.

— Как там?

— Очень жарко. Идут бои.

— А много работы? — стоя рядом с Саввиных на ступеньках двинувшегося поезда крикнула Александра Львовна.

— Бывает, до четырехсот человек перевязываем, — успела ответить та и помахала им вслед.

Первые впечатления каждый осмысливал по-своему, но это не снижало бодрости духа, а, скорее, наоборот. Всем хотелось побыстрее начать работу, пусть тяжелую, пусть полную лишений...

Ночь пролетела незаметно. Утром после завтрака сестры милосердия занялись приготовлением комплектов санитарных пакетов, перевязочных материалов. Привычное дело спорилось без особых усилий. Санитары мыли вагоны для раненых, усердно и тщательно обрабатывая все самые укромные места мыльным и уксусным растворами.

Закончив работу, Александра Львовна прошла в перевязочную и передала одной из фельдшериц приготовленные пакеты и перевязочный материал. Прогромыхал на встречном пути еще один санитарный поезд.

«С утра это уже третий», — подумала про себя Александра Львовна.

Поезд № 187 приближался к Белостоку. За окнами замелькали отдельные строения, хозяйственные дворы, штабеля бревен... Поезд стал притормаживать, а затем медленно въехал на свободный путь. Остальные были заняты составами. Вскоре показалось здание белостокского вокзала. Заскрипели тормоза, лязгнули буфера... Когда состав остановился под крытым перроном, Александра Львовна, Мария Александровна и начальник поезда покинули вагон и направились к помещению, где, как им было известно, находился уполномоченный санитарно-эвакуационной службы. Начальник вошел туда, а остальные прошли в просторный зал ожидания. Он был полупустой. У газетного киоска два офицера читали только что купленные газеты. При виде сестер милосердия они отвлеклись от чтения, подтянулись и проявили к ним интерес.

— Извините, — представился один из офицеров, — мы только что с передовой. Две недели как не читали газет.

— И не знаем, что на свете делается, — добавил другой.

Поговорив с офицерами, Александра Львовна и Мария Александровна подошли к стойке и заказали воды. Прохладительный шипучий напиток ударил в нос лимонным ароматом и показался женщинам исключительно приятным, как и залитый светом просторный вокзал.

Вскоре появился начальник поезда с предписанием встать на запасный путь и в течение трех дней подготовиться к эвакуации раненых. Эта весть обрадовала всех.

Через час состав отогнали в тупик, недалеко от вокзала. Многие из сестер ушли знакомиться с городом.

Александра Львовна предпочла немного отдохнуть. Одной ей в купе было просторно. Она улеглась на мягком диване, положила подушку под голову и закрыла глаза. Головная боль, которая периодически преследовала ее в пути, улеглась, и она погрузилась в блаженное состояние. Усталость быстро прошла, наступило полное облегчение и успокоение души.

Когда она проснулась, было около четырех часов пополудни. Александра Львовна умылась в чистом, терпко пахнувшем лавандой туалете и вернулась в купе. Оно по-прежнему было пустым.

Тогда она решила пройтись в операционную. Там был только санитар Эмилио. Он тщательно мыл пузырьки, обтирал их тряпкой, был весьма сосредоточен и даже не услышал приближающихся шагов.

— Эмилио, — окликнула его Александра Львовна. — Почему вы не пошли со всеми?

— О, contesse*, это не Венеция, я еще успевайт, — объяснил итальянец.

Эмилио Феррарис, получивший университетское образование, приехал из Италии в Москву и работал преподавателем итальянского языка в консерватории. С начала войны пошел добровольцем-санитаром и был причислен в 187-й санитарный поезд. Александре Львовне он несколько раз попадался на глаза. Ей очень нравилось наблюдать за ним, как он энергично, весело и всегда мурлыча под нос какую-нибудь неаполитанскую песенку, выполнял любую работу. Он был красив: высокий, статный, стройный. Тонкие черты лица, осанка и манеры не позволяли сомневаться в его благородном происхождении. Он определенно ей нравился.

— Эмилио, давайте завтра пройдемся по городу. Вы не против?

— О, нет, contesse, я буду делать работу сегодня, а завтра будем смотреть город. Ma d'accordo, contesse**, — ответил Эмилио. Его глаза сияли от радости. Терпеть одиночество было не в его характере. И уж, конечно, очень его привлекало то обстоятельство, что Александра

* Графиня (ит.)

** Я согласен, графиня (ит.)

Львовна была дочерью писателя, произведения которого были столь широко известны. Сам Эмилио читал «Войну и мир» и был от романа в восхищении.

На следующий день после завтрака Александра Львовна, в соответствии с дисциплинарными требованиями, подала устную просьбу главному врачу санитарного поезда с тем, чтобы было позволено отпустить ее, Эмилио и сестру милосердия Абуладзе в город.

Двухчасовая прогулка разочаровала их. Белосток оказался грязным, провонявшим насквозь чесноком городишком. Особенно запущенными оказались торговые улицы с длинными рядами лепившихся друг к другу еврейских лавочек. Пасмурная осенняя погода и слякоть лишь усугубили тягостное впечатление.

Эмилио, вобрав шею в высокий воротник своей куртки, грустно озирался вокруг. Молодая грузинка ни на шаг не отставала от Александры Львовны, боясь потеряться в этом чужом и непривлекательном городе, и постоянно вспоминала свой уютный Тифлис.

— Так вот, хватит месить эту грязь, — остановила всех Александра Львовна, — здесь нет ничего интересного. Кажется, я знаю единственное место, где нам будет приятно. Идемте. — И она увлекла их обратно в сторону вокзала.

Минут через двадцать со стороны городской площади они поднялись по массивным ступенькам парадного вокзального входа и вошли в ярко освещенный электричеством просторный зал ожидания. Здесь Александра Львовна чувствовала себя почти что хозяйкой. Она подвела своих спутников к столику, усадила их, села сама, а когда перед ними возник официант, заказала пирожных и лимонной воды, которая так понравилась ей накануне. Чистота, яркий свет и тишина располагали к спокойной беседе. Эмилио рассказал о себе, молодая грузинка — о Кавказе, о городе, где она родилась.

— А вы, Александра Львовна, бывали в нашем Тифлисе? — спросила ее сестра милосердия.

— Нет, Ниночка, не была.

— Как жаль, он такой красивый. Вот кончится война, приезжайте, он вам очень понравится.

— Да, когда кончится война, обязательно приеду. Папа очень любил Кавказ, — добавила она.

Вернулись они к поезду в приподнятом настроении. Александра Львовна застала в купе Марию Александровну, отдыхающую на диване. Чтобы не мешать подруге, она уселась у стола, вытащила бу-

магу, чернильный прибор и принялась писать письмо в Ясную Поляну своей сестре, предварительно поставив дату — 12 октября 1914 года.

«Милая Таня!

Где ты? Как себя чувствуешь? Обдумала ли ты свою будущую жизнь? Каково настроение твое?»

Задав множество вопросов родной сестре, она перешла к описанию своего бытия.

«Мой дом — вагон. И я уже привыкла к нему, и мне тут хорошо. И сколько времени я тут проживу, куда закинет еще судьба — ничего не знаю. Два дня усиленно готовим поезд. Санитары-менониты моют вагоны для раненых, мы, сестры, готовим материал для перевязок. Но все скучаем без дела и усиленно готовимся к отъезду».

Александра Львовна не успела в очередной раз макнуть стальное перо в чернильницу, как услышала истошный крик заведующего хозяйством:

— Цеппелин летит, цеппелин летит!

Он как угорелый заскочил в вагон и, открывая каждое купе, сообщал всем эту ошеломляющую новость.

Александра Львовна бросилась будить задремавшую было Марию Александровну. Повсюду из вагонов выскакивали сестры.

Над водокачкой, медленно наплывая на нее, словно серая туча, в воздухе двигалась огромная сигарообразная громадина. Все оцепенели от страха. Громадный дирижабль двигался на санитарный поезд и, когда он стал разворачиваться боком, на нем показался... трехцветный российский флаг.

На лицах сестер, которые только что пережили страх и смятение, появились сначала недоумение, а следом улыбки и слезы радости. Они обнимали друг друга, махали руками, провожая это «чудовище». Когда дирижабль скрылся, все вернулись на свои места. Александра Львовна закончила прерванное письмо, не преминув рассказать сестре о своем первом «боевом» крещении. В течение всего вечера темой разговоров было внезапное «пришествие» дирижабля.

Утром Александра Львовна поспешила на вокзал, чтобы с утренней почтой послать письмо. От дежурного по вокзалу она узнала о прибытии еще двух санитарных поездов и о том, что выезд 187-го на передовую за ранеными задерживается на неопределенный срок.

Днем в купе зашла старший врач поезда Казимир и предложила Александре Львовне съездить вместе на санитарном поезде № 180,

который стоял по соседству, в Осовец и Граево. Та сразу согласилась: такая удача — своими глазами увидеть фронт.

Из Белостока они выехали в Граево под вечер, однако до конечного пункта не добрались. Двинувшись на север, поезд пересек по металлическому мосту реку Нарев, но был остановлен в Осовце. Дальше путь до Граева был разрушен немцами, и для восстановления его требовалось не менее полусуток. Пришлось переночевать в поезде.

Утром, воспользовавшись продолжительной остановкой, Александра Львовна в сопровождении нескольких сестер и двух санитаров осмотрела крепость, которую совсем недавно безуспешно пытался захватить осаждавший ее германский корпус. Однако неоднократные попытки немцев взять штурмом мощные фортификационные сооружения Осовца разбивались о прекрасно построенную оборону русских войск. Повсюду были видны следы недавних боев.

Александра Львовна делала снимки карманным фотоаппаратом, который она приобрела перед отъездом из Москвы. Свои впечатления от этой поездки она отразила в набросках статьи «Месяц в санитарном поезде Всероссийского Земского Союза»:

«...*Нас*, — свидетельствовала она, — *поразили ужасные разрушения, произведенные немцами. Около самого железнодорожного полотна глубокие, круглые ямы от шрапнелей; против вокзала разрушенные здания, вырванные с корнем полувековые сосны. Из Осовца выехали к вечеру и ночью приехали в Граево. Темно, моросит мелкий и частый дождь. Выходим на платформу. Полная тишина. Большой, мрачный вокзал с избитыми пулями стенами, выбитыми окнами, точно вымер. Входим в жандармскую комнату. На столе и на полу разбросано несколько фотографий; они уже никому не нужны — это фотографии политических, которым был запрещен въезд в Россию. Некоторые из них мне знакомы*».

В город выходить ночью было страшно, а потому знакомство с ним отложили на утро. Всю ночь Александра Львовна не смогла сомкнуть глаз. Где-то вдали слышны были разрывы снарядов. Там шел ночной бой.

Когда стало светать, перед ней предстал пустынный город. На улицах ни единого жителя, лишь казаки, солдаты и офицеры. По центральной части улицы громыхают обозы. Разговорились с офицерами. Вот как описала эту встречу сама Александра Львовна в набросках уже упомянутой, но так и не опубликованной статьи:

«*Несколько офицеров обратились к нам с просьбой дать им газе-*

ты. «Верите ли, с 5-го сентября не знаем, что на свете делается». Офицеры эти в грязных обтрепанных шинелях, с оборванными пуговицами, небритые и бодро настроены. Они рассказали нам, что, по их мнению, немец выдохся, легче сдаются в плен измученные и голодные... Вдали слышится гром снарядов. В Граево с позиций пришли шесть раненых. В Осовце нагрузили в поезд еще 74 солдата, среди них 39 пленных тяжело раненных германцев, некоторым из них по 15 и 16 лет. Между прочим, один меня спросил: неужели все русские такие хорошие, как те доктора и сестры, которые за ним ухаживали? Я спросила его: почему это вас удивляет?

— Нам говорило наше начальство, что все русские злые и что нас замучают, если мы попадем в плен».

Через несколько дней поезд вернулся в Белосток, и Александра Львовна вновь оказалась среди своих. Персонал полностью подготовился к работе. Расспрашивали подробности о предстоящей поездке на фронт. Сестер милосердия интересовали условия транспортировки раненых, характер ранений и многое другое. Александра Львовна охотно делилась своими наблюдениями.

18 октября 1914 года санитарному поезду № 187 было предписано выдвинуться на передовые позиции. Наконец-то! — вздохнули все. Об этом Александра Львовна сообщила сестре:

«Милая Танечка.

Сейчас едем в Пруссию. К Граево, Лык и дальше. Хочется перед этим путешествием дать о себе весточку. Мне грустно, что меня все забыли, никто не пишет. Может быть, черкнешь словечко в Белосток?

Мы сейчас едем на тяжелую, трудную, полную лишений работу, но весь наш персонал бодр, и все мы едем с радостью. Только Бог знает теперь, когда придется вернуться?.. Посмотри на карту, куда мы едем. Если все будет благополучно, наш поезд будет, вероятно, следовать за нашими войсками, подбирая раненых. Напиши мне в Граево, Земской санитарный поезд № 187. Может быть, получу.

Целую мама́, Танечку и няню. Вот и все.

Сестра Саша».

Написав яснополянский адрес на конверте, Александра Львовна передала письмо санитару, который согласился сбегать на вокзал и бросить его в почтовый ящик.

— Кому еще желательно передать на почту письма? — выйдя в коридор вагона, громко спросил он.

— Нам, нам... — дружно ответили ему из других купе.

Вечером санитарный поезд, покинув Белосток, уходил в темноту приближающейся ночи, на фоне которой яркими огнями долго горел гостеприимный вокзал, пока не скрылся из глаз...

Под покровом ночи поезд, минуя Осовец, Граево и Лык, вплотную приблизился к передовой.

С утра началась работа, которую все ждали. К составу подошли несколько подвод с ранеными. Сестры принимали их, санитары на носилках переправляли раненых: кого в операционную, кого — в перевязочную. Солдатам с легким ранением помощь оказывали тут же. Проворные руки сестер милосердия обрабатывали раны, накладывали бинты, повязки...

Их белоснежные халаты с красными крестами покрылись алыми пятнами; кровь проступала и на повязках бойцов.

Безропотно терпели боль молодые и уже бывалые воины, лишь только изредка полоснет по сердцу пронзительный крик из операционной... Снуют санитары, мелькают носилки, подходят повозки...

Александре Львовне досталось самое тяжелое: она ассистировала в операционной. Очень скоро вокруг операционного стола эмалированные тазы наполнялись горячей кровью, от которой струился пар, кусками человеческой плоти и костей... К этому надо было привыкнуть...

— Сестра, скальпель, — услышала она рядом властный голос врача и тут же вздрогнула от резкого запаха, ударившего ей в нос. (Кто-то вложил ей в руку маленький флакончик нашатыря). Подала скальпель.

Два санитара крепко держали солдата, у которого врач, сделав надрез, вынимал из тела глубоко застрявший осколок снаряда.

— Спасибо, сестра, — услышала она ободряющий голос врача. Операция закончилась. Хирург стоял над тазом и мыл руки. Один из санитаров поливал водой. Поток тяжелораненых прекратился.

В последующие дни все повторилось сначала, но на всю жизнь память запечатлела первые переживания того страшного дня.

По дороге из Граева в Белосток в санитарный поезд приняли еще около двух десятков раненых солдат и офицеров, которые направлялись в тыловые лазареты. По пути Александра Львовна бросила открытку сестре:

«Милая Танечка!

Возвращаемся в Белосток, оттуда неизвестно куда. Я немного захворала. Вчера было 38,5°. Но сегодня лучше. Много, много впечат-

лений, но в письмах изложить немыслимо. Пишу дневник, может быть, напечатаю...»

Глава VII
Смотр на Ходынском поле

Целый месяц санитарный поезд колесил по дорогам Северо-Западного фронта, то появляясь в Белостоке, то следуя вновь на передовые позиции, где нужна была помощь.

Ожесточенные бои в это время не прекращались на линии фронта Ченстохов-Краков-Тымбарк. Русские войска беспрерывно теснили австрийцев у реки Сана и к югу от Перемышля. Перед войсками Северо-Западного фронта естественной преградой стояли Мазурские озера, перешейки между которыми противник искусно укрепил различными фортификационными сооружениями. Линия железной дороги Лык-Аленштейн была защищена хорошо замаскированными батареями. Под их прикрытием отступающие части противника приводили себя в порядок, доукомплектовывались и вновь вступали в бой на том или ином фланге.

Развитая железнодорожная сеть в Восточной Пруссии позволяла немецкому командованию быстро перебрасывать войска с одного участка на другой, снабжая их боеприпасами и всем необходимым. Русские упорно и самоотверженно преодолевали эти укрепления, чтобы утвердиться в Восточной Пруссии, клином врезавшейся в российскую землю между Прибалтийским краем и губерниями царства Польского.

В начале ноября они шаг за шагом двигались на север, выбивая противника из укрепленных перешейков. В упорных боях между озерами Бувельно и Тиркло наши части захватили 19 орудий, 6 пулеметов, прожекторы и несколько сот пленных.

187-й санитарный поезд действовал в районе севернее станции Лык, принимая от передовых санитарных отрядов раненых и больных воинов. Бывало, что подбирали бойцов и по дороге, тех, которые сами подходили к железнодорожным путям в надежде на помощь. Тяжелые будни никого не страшили. Даже растерявшаяся было в первые дни Мария Александровна при виде огромного количества раненых постепенно приходила в себя.

Трудно было с почтой. Александра Львовна при первой же возмож-

ности посылала письма в Москву Варваре Михайловне. Особенно часто писала она сестре и просила не лениться с ответом, но письма не приходили. Отсутствие вестей от близких очень расстраивало ее. Сестры и врачебный персонал как могли утешали друг друга.

В середине октября пришла весть о том, что германо-турецкие корабли «Гебен», «Бреслау» и «Гамидие» обстреляли черноморские города Новороссийск, Одессу и Феодосию. Вскоре был обнародован приказ по Кавказской армии от 16 октября 1914 г.: «Турки вероломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Высочайше повелено считать, что Россия в войне с Турцией, войскам вверенной мне Кавказской армии перейти границу и атаковать турок». Приказ подписал генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, который вскоре за успешные действия русских войск на турецком фронте был удостоен ордена Св. Георгия.

В начале декабря вернувшемуся в Болосток из очередного рейса персоналу поезда было предписано в трехдневный срок принять раненых и больных воинов, направленных в тыловые лазареты для лечения, и следовать на Москву. Эту весть восприняли с огромной радостью. Всем хотелось передышки.

«Неужели я приеду домой? И первое, что я сделаю, — мечтала Александра Львовна про себя, — это приму ванну!»

Признаться, это была общая мечта, так как бороться со вшами ни у кого уже не было сил.

Перед самым отъездом Александра Львовна сходила на вокзал, купила свежих газет, получила на почте долгожданное письмо от Тани, выпила напоследок полюбившийся ей лимонный напиток и вернулась в купе. Санитары заканчивали погрузку раненых, кого поддерживали за плечи и подсаживали в вагон, кто взбирался сам, а тяжелораненых заносили на носилках.

Несколько минут спустя в купе вбежала сияющая от радости Нина Абуладзе:

— Государь в Тифлисе, — сорвалось у нее с уст. Остальное проявление чувств заменили жесты. Она размахивала свежим журналом «Летопись войны», показывала всем фотографии, старалась прокомментировать каждую из них. Наконец она немного успокоилась. Мария Александровна посадила ее рядом с собой и попросила спокойно прочесть всем выдержки:

— «26 ноября Государь Император посетил Тифлис, — начала читать она с легким грузинским акцентом. Нахлынувшие на нее чувства

передались другим. — Вся Россия, — продолжила она чтение, — счастлива была видеть в эти незабвенные минуты, как в пламенном патриотическом порыве разноплеменного населения Кавказа исчезли ныне перегородки национальной обособленности... Государь изволили молиться в православном Сионском соборе в присутствии экзарха Грузии, также посетил армянский Ванский собор, где был горячо приветствован от всего армянского народа католикосом всех армян Кеворком. Он посетил мечети мусульман... Государь Император посетил в Тифлисе храм Славы, лазареты для раненых воинов, милостиво с ними беседовал и награждал отличившихся георгиевскими наградами. В особняке Сараджиевой грузинским дворянством был устроен прием во главе с председателем его князем Абхази. Звучали Мравалжамиер...» — Нина прервала чтение и оглянулась вокруг. В дверях купе стояли несколько сестер и внимательно слушали ее. Затем она с чувством прочла обращение Николая II к гостеприимной хозяйке, предводителю грузинского дворянства и к грузинскому населению, сделанное им во время торжественного обеда в его честь в доме Сараджиевой:

— «Сердечно благодарю Вас и весь грузинский народ за выражение мне чувства любви и преданности, в искренности которых я не сомневался. Господь Бог, быть может, приведет снова посетить Кавказ вместе с Ее Величеством и семьей. Передайте мою искреннюю благодарность населению».

В это время раздался протяжный гудок паровоза, поезд дернулся и медленно, медленно начал набирать скорость.

Александра Львовна вытащила из кармана кожаной куртки письмо сестры и углубилась в чтение. С этой минуты все мысли ее были обращены к Москве. Встреча с родными становилась реальностью.

В дороге ей выпало дежурить в офицерском вагоне, и, надо сказать, это не доставило ей радости. Высокомерность и развязность некоторых из офицеров раздражали ее, а исполнение частых капризов и беспардонность в обращениях с молодыми сестрами вызывали у Александры Львовны гневный протест. Одного заносчивого молодого офицера она резко одернула, когда тот, подойдя к дежурному столику сестры, потребовал незамедлительно перевязать его:

— Перед вами стоит офицер, сестра, — высокомерно заявил он. На что Александра Львовна спокойно, но с подчеркнутым достоинством ответила:

— А перед вами сидит графиня, извольте потерпеть, поручик!

Через сутки поезд прибыл в Москву. Выйдя на заснеженную площадь Брестского вокзала, Александра Львовна попрощалась с подругами и, наняв извозчика, велела ехать на Большую Полянку.

Варвара Михайловна накануне получила телеграмму из Белостока и с нетерпением ждала свою подругу. Дом был приведен в порядок. В камине потрескивали березовые поленья, и огненные блики от яркого пламени гуляли по блестящему паркету.

Через день Александра Львовна послала в Ясную Поляну телеграмму сестре: «Спасибо, целую, пиши. Саша». Лаконичность текста была продиктована неожиданным известием о том, что Государь Император изъявил желание ознакомиться с состоянием санитарных поездов.

Выбор пал на 187-й санитарный поезд, который после успешной работы только что прибыл в Москву. Весь врачебный персонал, сестер и братьев милосердия, санитаров, поваров и железнодорожную прислугу сразу оповестили об этом и объявили днем смотра 10 декабря, а местом проведения его — Ходынское поле. Поезд срочно перевели на железнодорожную ветку, примыкающую к Ходынскому полю, и поставили там в тупик.

Накануне смотра прибыл Председатель Всероссийского Земского Союза князь Львов. Он очень волновался за исход смотра, но при виде слаженной работы санитаров и железнодорожной прислуги, на долю которых выпала самая тяжелая часть дела, успокоился. Князь Львов обозначил место, где должен быть развернут полевой госпиталь, питательный пункт, операционная палатка, перевязочная, пожелал всем успеха и удалился.

Ночь перед смотром весь персонал провел в поезде с тем, чтобы утром еще раз проверить готовность и не упасть лицом в грязь перед Государем. Главное было — полностью развернуть на заранее отведенной площадке Ходынского поля транспорт, госпиталь, операционную, перевязочную и питательный пункт. И все это за один час перед взором Государя и его многочисленной свиты!

Утром рано санитары проверили еще раз трубчатые подпорки палаток, веревочные тросы и деревянные клинья для натяжения их, наличие петель и крючков. Четко распределили между собой обязанности и очередность выполнения работ. Волнения не было заметно. Каждый был занят своим делом. Лишь Эмилио, отлучившись ненадолго, вернулся с охапкой веток, которые он срезал в ближайших зарослях

кустарника. Александра Львовна не придала этому никакого значения.

К половине десятого утра стали съезжаться представители городского Общества Красного креста, Всероссийского Земского Союза, чиновники, офицеры. Все ждали Государя. Он подъехал в крытом черном автомобиле в сопровождении Августейшей супруги и четырех дочерей, одетых в короткие полушубки поверх сестринской униформы. Головы молодых барышень были покрыты косынками с красным крестом. К ним тут же подошел князь Львов, учтиво поздоровался и о чем-то поговорил с Государем.

Весь персонал санитарного поезда выстроился вдоль полотна в ожидании команды. Александра Львовна, Эмилио, пять санитаров и повара стояли рядом. Им надлежало развернуть питательный пункт.

Поговорив с Государем, князь Львов подошел к начальнику поезда и старшему врачу. Взгляды всех устремились туда. Начальник поезда взглянул на часы, повернулся к персоналу и взмахнул рукой... Словно вихрь закружил всех. Первыми ринулись санитары, перенося на отведенные места зачехленные палатки. Еще минута, и по снежному полю в нескольких местах развернулись полотняные шатры. Подпертые металлическими стойками и натянутые тросами, палатки выросли почти одновременно.

Александра Львовна руководила работой. Как только палатка была готова, санитары начали собирать столы. Повара проворно складывали печь и кипятильник. Каждый стол Александра Львовна накрывала белоснежной скатертью. Эмилио расставлял посуду и обеденные приборы. Один из санитаров у входа в палатку забивал двухметровый масляный факел для освещения в темноте.

Время летело быстро, но замечать его было недосуг. На кухне в печи уже пылали березовые поленья. В больших кастрюлях варились щи. Стало теплее. Длинный стол был почти сервирован, а когда Александра Львовна расставила начищенные накануне до блеска гильзы от шрапнельных снарядов, которые должны были служить вазочками для цветов, Эмилио поспешно выбежал из палатки. Через минуту он вернулся с охапкой веток и с неподдельной радостью вставлял в каждую гильзу по веточке.

Александра Львовна рассмеялась:

— Эмилио, а я никак не могла понять, зачем вам понадобились ветки. Это прекрасно. Браво, Эмилио, браво!

Она подбежала к поварам:

— Ну, как вы, готовы?

— Готовы, сестра.

— Ну, раз готовы — на выход! Эмилио, — время, выходите.

Все быстро покинули палатку и выстроились командой перед ней. Это означало, что работа закончена. Александра Львовна взглянула на часы:

— Уложились, — громко, чтобы слышали ее подопечные, сказала она и только после этого осмотрелась.

Поодаль стоял Государь со свитой и внимательно наблюдал за тем, как из палаток почти одновременно выбегали и выстраивались те, кто только что закончил свое дело. Лицо Государя явно выражало удовлетворение. Он взглянул поверх палатки, над которой струился дымок, и повернулся к князю Львову, который, по-видимому, что-то объяснял ему. Николай II одобрительно кивнул, а затем пристально посмотрел на Александру Львовну.

В это время раздались аплодисменты. Санитарный поезд полностью развернулся на местности и уложился во времени.

Государь с супругой и дочерьми в сопровождении князя Львова и нескольких приближенных лиц заглянул в палатки, подошел к питательному пункту и вошел внутрь. У стола уже стоял повар, готовый предложить пробу. На белоснежной полотняной скатерти посуда с золотой каймой очень смотрелась. Государь обратил внимание на изящные пепельницы и стаканчики для яиц, которые стояли у каждого прибора. Потом взглянул на градусник. Он показывал 18° тепла. Затем подошел к печи.

— Ваше высочество, может, щей отведаете? — спросил оказавшийся не из робких повар.

— Спасибо, служивый, верю, что хороши, — улыбнулся Государь и вышел из палатки.

К полудню Николай II и его семья после осмотра отряда покинули Ходынское поле. Разъехались гости, стало непривычно тихо, и лишь истоптанный вокруг палаток снег напоминал о прошедшем смотре.

Зато в палатке питательного пункта царило веселье. По случаю успешного смотра был дан праздничный обед. Здесь же присутствовали представители прессы и фотограф. После окончания обеда фотограф сделал несколько групповых фотографий, затем по отдельности снял Марию Александровну, Александру Львовну и других на память.

Лишь под вечер Александра Львовна вернулась домой. Придя в себя, она села за стол и принялась писать письмо в Ясную Поляну:

«*...Нас задержали на два дня для Государя, который сегодня со всей семьей осмотрел отряд на Ходынском поле. Все было разбито так, как должно быть на работе: палатки, автомобили и тому подобное... Государь благодарил Львова и остался очень доволен. Через два дня мы тронемся. Не знаю, насколько все это опасно...*» И там же сообщила о том, что недавно на передовой был обстрелян санитарный поезд и несколько санитаров убиты, а из другого отряда 18 человек попали в плен.

«*Во всяком случае,* — продолжила она письмо, — *прощайте, милые мамаша, Таня и Танечка. Пусть мамаша не поминает меня лихом и простит за все, в чем я виновата перед всеми вами*».

Утомившись до предела, она отложила письмо в надежде закончить его на следующий день и рано легла спать.

Сон был глубокий и долгий.

Проснувшись утром, она не спешила вставать и еще долго нежилась в постели.

Поднял ее продолжительный телефонный звонок.

Актриса Художественного театра М.Н. Германова в роли Анны Карениной во время съемки

Москва. Грузины. 17 июня (по старому стилю) 1914 года.
После небывалого ливня

Торжественная закладка здания Дворца искусств

Президент Франции в России.
Почетный кортеж на Невском проспекте

Злополучная семья. Эрцгерцог Фердинанд с супругой и детьми

Персонал 187-го санитарного поезда.
Рядом с А.Л. Толстой Э. Феррарис

Сестра милосердия Александра Толстая перед отъездом на фронт

Погрузка в вагон ящиков с медикаментами

Врач санитарного поезда М.А. Саввиных с санитарами

Первые дни войны. Патриотическая манифестация у памятника Минину и Пожарскому

Августейшая председательница Российского Общества Красного Креста вдовствующая Императрица Мария Федоровна

Великая княгиня Елизавета Федоровна, председательница Московского отделения общества Красного Креста

Вступление казаков в город Лык.
Восточная Пруссия, сентябрь 1914 года

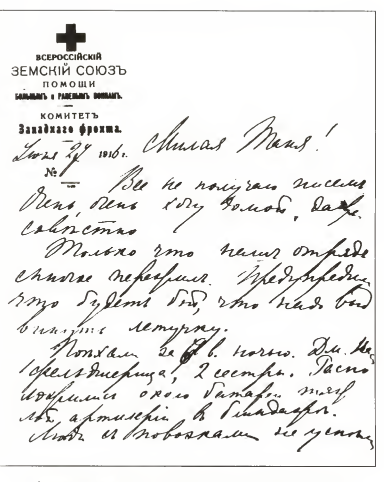

Казаки в засаде

Колонна немецких военнопленных в Москве

Посещение Николаем II «Храма Славы»
на Головинском проспекте в Тифлисе

ВСЕРОССІЙСКІЙ
ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ
ПОМОЩИ
БОЛЬНЫМЪ и РАНЕНЫМЪ ВОИНАМЪ.
КОМИТЕТЪ
Западнаго фронта.
Іюня 27 1916 г.
№ 1

Милая Таня!

Все не получаю писем. День, день хочу домой, даже совестно.

Только что нашему отряду сильное [illegible]. Предупредили, что будет бой, что надо выдвинуть летучку.

Поехали 26 [illegible] в ночь. Д-р [illegible], 1 фельдшерица, 2 сестры. Расположились около батарей тяжелой артиллерии в блиндажах.

Люди и с новобранцами не успе[illegible]

Фрагмент письма А.Л. Толстой сестре Т.Л. Сухотиной-Толстой

Александра Толстая на Кавказском фронте

ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТЪ
ВСЕРОССІЙСКАГО
ЗЕМСКАГО СОЮЗА
помощи больнымъ и раненымъ
воинамъ.

Ноября 21 дня 1915 г.
№ 12615.
МОСКВА, Покровка, д. № 1
Телефонъ 4-85-10

Милостивая Государыня
Графиня Александра Львовна.

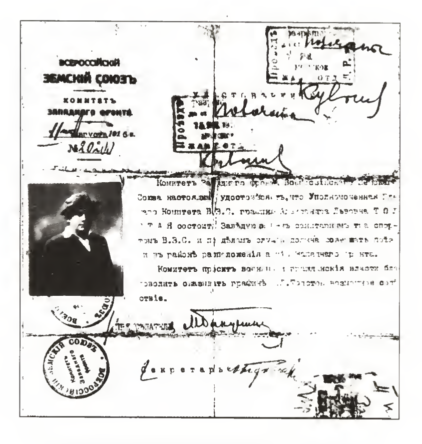
Главный Комитетъ Всероссійскаго Земскаго Союза въ засѣданіи своемъ отъ 21 сего Ноября избралъ Васъ своимъ уполномоченнымъ.

Сообщая Вамъ объ изложенномъ, имѣю честь препроводить при семъ соотвѣтственное удостовѣреніе.

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи и искренней преданности

Ея Сіятельству
Графинѣ А.Л.
ТОЛСТОЙ.

Письмо Председателя Главного комитета Всероссийского Земского Союза князя Г.Е. Львова А.Л. Толстой

ВСЕРОССІЙСКІЙ
ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ
КОМИТЕТЪ
Западнаго фронта
11 августа 1916 г.
№ 20[illegible]

Комитетъ З[illegible]дн[illegible]го фронт[illegible] Все[illegible] Земск[illegible]
Союза настоящ[illegible] удостов[illegible]ет[illegible], что Уполномоченная [illegible] Комитета В.З.С. графиня А[illegible] Львовна Т О Л С Т А Я состоит[illegible] Завѣду[illegible] санитарн[illegible] транспортомъ В.З.С. и п[illegible] дѣламъ служ[illegible] должна [illegible] въ районѣ расположенія а[illegible] Западнаго [illegible]онта.

Комитетъ проситъ военн[illegible] и гражданскія власти [illegible] оказывать графинѣ А.Л. Толстой возможное содѣйствіе.

Председатель [illegible]

Секретарь [illegible]

Удостоверение уполномоченной 8-го санитарного отряда А.Л. Толстой

До нашего прихода здесь
происходили страшные бои
между армянами и турками.

А. Толстая

Часть 2
Кавказские тропы

Глава VIII
Дорога на Кавказ

Уполномоченный Главного Комитета Всероссийского Земского Союза Тихон Иванович Полнер вошел в кабинет, разделся и подошел к столу, где уже лежали несколько утренних газет и журналов. Он начал свой рабочий день с изучения прессы: это входило в распорядок дня.

На страницах московских газет промелькнули сообщения о смотре на Ходынском поле, в котором успешно участвовал 187-й санитарный поезд. Он внимательно просмотрел их и заглянул в журнал «Искры». Там он вместе с небольшим сообщением о посещении Государем с семьей Ходынского поля и проведенном перед ним смотре нашел групповую фотографию всего отряда санитарного поезда, включая железнодорожную прислугу. Среди пятидесяти четырех человек Полнер без труда узнал Александру Толстую. Она сидела в центре группы, среди сестер милосердия и врачей. Рядом с ней был брат милосердия в круглой шапочке, напоминающей феску. В верхнем ряду в ушанках с кокардами и в кожаных куртках расположились санитары.

Отложив журнал в сторону, Полнер позвонил своему помощнику Глебову:

— Сергей Владимирович, вы прочли уже репортаж о смотре на Ходынском поле?

— Да, — услышал он утвердительный ответ, — и очень рад их успе-

18-447

ху. Подумайте только, — добавил в трубку помощник, — ведь там и молодая графиня Толстая, сестра милосердия.

— Я знал ее еще ребенком, Сергей Владимирович, — продолжил беседу Полнер и взглянул на фотографию. — Это была очень строптивая девочка, я бы сказал — с бунтарским характером. Сейчас это энергичная и волевая женщина. Кстати, и это немаловажно, она прекрасная наездница. Вы понимаете, к чему я клоню. Поговорите с ней. Возможно, она согласится перейти в наш отряд. Если она примет наше предложение, я сам поговорю о ней с князем Львовым. Уверен, он не будет против.

Глебов горячо поддержал эту идею.

— Прекрасно, голубчик, — ответил ему Полнер. — Тогда наших рекомендаций будет вполне достаточно. Не тяните со звонком. Как мне известно, их поезд завтра выезжает.

— Непременно позвоню. До свидания, — услышал он в трубку.

Глебов закончил разговор с начальником и задумался. Он несколько раз бывал в Ясной Поляне, хорошо знал всех ее обитателей. Последний раз он был в семье Толстых два года назад. Беседовал с Александрой Львовной, кажется, об искусстве. В памяти возник образ миловидной молодой дамы с унаследованными от отца несколько крупными чертами лица. Вьющиеся темные волосы и великолепный цвет кожи, скромная одежда, очки, которыми она иногда пользовалась из-за близорукости. Несмотря на плотную фигуру, осанка графини была достаточно стройной, что создавало впечатление деловой и уверенной в себе женщины.

Глебов посмотрел на стенные часы. Было около десяти. Через четверть часа он снял трубку и попросил телефонистку связать его с домом графини Толстой. Прошло время, прежде чем он услышал в трубке знакомый голос.

— С добрым утром, графиня, — Глебов представился.

Александра Львовна вспомнила его и ожидала объяснения причины столь раннего, как ей показалось, звонка.

Глебов сообщил ей, что Всероссийский Земский Союз срочно комплектует крупный полевой врачебно-питательный отряд, во главе которого назначены Полнер, он, Костомаров и воронежский священник отец Федор. В начале января наступающего нового года отряд направляется на Кавказский фронт. В составе его находятся врачи, фельдшеры, сестры и братья милосердия, санитары, заведующие хозяйством — всего около четырехсот пятидесяти человек.

— В отряде, Александра Львовна, у нас будет тридцать два автомобиля для перевозки раненых, сорок четыре походные палатки и разборных домика, гужевой и автомобильный служебный транспорт, большие запасы перевязочных материалов и пищевых продуктов. В отряде есть, — добавил он, — походная церковь, палатка-госпиталь, палатки для персонала отряда, палатки-столовые, несколько кухонь и даже палатка-баня.

— Я вас поздравляю, Сергей Владимирович, — воспользовалась паузой Александра Львовна, — ваш рассказ исключительно интересен, и я представляю, какая вас ждет работа, но как это относится ко мне?

— А вы бывали на Кавказе? — спросил ее Глебов.

— Нет, не довелось.

— Тогда переходите к нам в отряд, Александра Львовна. Полнер в курсе моего предложения. Отряд формируется на базе седьмого передового отряда, который находится пока в Белостоке. Стоит вам согласиться, перевод он оформит сам.

Для Александры Львовны такой оборот событий оказался совершенно неожиданным и обескуражил ее.

Разговор с Глебовым смешал все ее планы. Она ходила по гостиной, не находя себе места и не представляя себе, что делать дальше. Что-то мешало сразу отказаться от этого предложения.

Волнение подруги заметила Варвара Михайловна.

— Что случилось, Александра? — спросила, глядя ей в глаза, подруга.

— Утром, Варя, я получила неожиданное предложение, на которое я не могу найти ответа. Я растерялась, Варя.

И Александра Львовна в подробностях пересказала разговор с Глебовым.

Варваре Михайловне трудно было что-либо посоветовать в этой совершенно непредсказуемой ситуации.

— Как знаешь, Александра, — уклончиво ответила она.

Такой ответ совершенно не утешил графиню. Она вновь заметалась по комнате, пока не наткнулась, к счастью, на недописанное еще с вечера письмо. Александра Львовна присела на диван, внимательно прочитала сочиненные ею накануне строки и почувствовала, как успокоилась. Она хотела было закончить его, но в последний момент передумала. Быстро переоделась и вышла на улицу. От Полянки она свернула к Каменному мосту, пересекла припорошенную пушистым

снегом мостовую и дошла до Румянцевского музея. Солнечная погода и легкий морозец совсем успокоили графиню. На Арбате она сделала необходимые покупки и вернулась домой. Варвара Михайловна еще не приходила.

Графиня облачилась в домашний халат и прилегла на диван. Вспомнились Белосток, чтения Нины Абуладзе о посещении Государем гостеприимного Тифлиса, сияющие глаза молодой грузинки.

«Как странно, — подумала графиня. — Мы часто говорим: «сон в руку», а не были ли «в руку» чтения Нины? Кто ведет нас по жизни? Господин случай или Всевышний?» Она пыталась найти взаимосвязь прошедших событий со звонком, за которым последовало такое неожиданное предложение...

Александра Львовна поднялась с дивана с твердым намерением разыскать свежие газеты. Некоторые из них лежали на кухонном столе. Она взяла их, вернулась в гостиную и принялась просматривать военную хронику. На Кавказском фронте российские войска в нескольких местах перешли турецкую границу и развернули бои во всех направлениях. Сводки пестрили сообщениями о победах над турками...

Александра Львовна подошла к телефону, затем медленно подняла трубку и плотно прижала к уху:

— Соедините меня с Главным управлением Всероссийского Земского Союза. Свяжите с уполномоченным, — спокойным голосом попросила она телефонистку. — Да, да, с господином Полнером, — подтвердила Александра Львовна.

Через несколько секунд она услышала знакомый голос.

— Здравствуйте, Тихон Иванович, вас беспокоит графиня Александра Толстая. Простите, это по вашей просьбе звонил мне Сергей Владимирович? — спросила она.

Получив удовлетворительный ответ и некоторые разъяснения по этому поводу, Александра Львовна улыбнулась и ответила:

— Благодарю вас. Я принимаю ваше предложение. Завтра я уезжаю в Белосток и представлюсь там Ковалевскому.

Намечался новый крутой поворот в ее жизни, неизведанный и опасный. Графиня подошла к секретеру, взяла письмо и пробежала его глазами. Хотела было сообщить о только что принятом решении поехать на Кавказский фронт, но решила повременить.

«*Мой адрес,* — дописала она в конце письма, — *Белосток. Вокзал. Главному уполномоченному Всероссийского Земского Союза Н.Н. Ко-*

валевскому в 7-й передовой врачебно-питательный пункт, мне.

Целую. Саша».

Аккуратно сложив письмо, она вложила его в конверт и надписала адрес: *«Т.Л. Сухотиной. П.О. Благодатное Тульской области, село Кочеты».*

Опустить его в ящик она решила на вокзале. «Так будет быстрее», — подумала она.

Главное для Александры Львовны было принять решение, остальное шло как бы по плану. На следующий день она отбыла в Белосток, а по прибытии на место явилась в 7-й передовой врачебно-питательный отряд и встретилась с Главным уполномоченным Всероссийского Земского Союза Западного фронта Ковалевским. Разговор был весьма доброжелательный. Ковалевский уже был осведомлен о решении принять сестрой милосердия Александру Львовну Толстую в 7-й отряд с последующим откомандированием ее на Кавказ.

Раньше намеченного срока в конце декабря из Белостока отряд, предназначенный для работы на Кавказском фронте, эшелоном был направлен в Тифлис. Вместе с ним уехала и сестра милосердия Александра Толстая.

Через неделю эшелон прибыл в Тифлис. Весь отряд разместился в огромном здании 1-й мужской гимназии. Кроме кроватей, в больших светлых классах ничего не было. Помещения не отапливались, а потому зачастую на дворе было теплее. Днем сестры предпочитали прогулки по городу. Благо было, что посмотреть.

Александра Львовна часто вспоминала сестру милосердия Нину Абуладзе. Тифлис на самом деле оказался чудесным, красивым городом. Особенно он был приветлив в солнечный день. Головинский проспект, Эриванская площадь, Воронцовская набережная, Сионский собор... — все эти достопримечательности города стали местами частого посещения сестер.

В один из таких дней Александра Львовна поднялась на Давидову гору и постояла у могилы Грибоедова. Прочла на его надгробии трогательную надпись: «УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ В ПАМЯТИ РУССКОЙ, НО ДЛЯ ЧЕГО ПЕРЕЖИЛА ТЕБЯ ЛЮБОВЬ МОЯ».

Там же, в живописном гроте, высеченном в скале, покоился и прах его супруги. Удивительную историю любви Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе мог бы ей рассказать любой тифлисский житель.

После трагической гибели супруга безутешная Нина прожила три-

дцать лет, так и оставшись вдовой, несмотря на заманчивые предложения.

Через несколько дней Александра Львовна посылает из Тифлиса письмо Тане с нарочным в Ясную Поляну:

«*Пишу тебе из Тифлиса,* — обращается она к сестре, — *где мы застряли на некоторое время. Живу вместе со здешними сестрами и фельдшерицами в общежитии. Это большое здание мужской гимназии, все эвакуированы, боясь нашествия турок... Я начинаю находить удовольствие и в этой жизни, в общении со всеми этими разнообразными людьми. Но должна сознаться, что набожные, мало интеллигентные простоватые сестры куда симпатичнее курсисток с высшим образованием — самоуверенных, надменных и, в сущности, ни к чему не пригодных*».

С ними, сестрами милосердия, она предпочитала гулять по городу. Особенно понравились ей знаменитые серные бани, воспетые еще Пушкиным во время его путешествия в Эрзерум. Дважды она в компании сестер пешком от Эриванской площади мимо Воронцовского моста доходила до Орбелиановских бань. Там они подолгу плескались в серных круглых ваннах, в которых могли разместиться сразу несколько человек.

Пока сестры милосердия, да и весь вспомогательный персонал предавались отдыху, Полнер и Глебов настойчиво добивались отправки отряда к месту назначения. Время шло. Безделье начало раздражать многих, пока, наконец, не пришло предписание из Петербурга от князя Львова разделиться на два отряда и следовать по намеченному маршруту. Первая часть отряда во главе с Сергеем Глебовым отбыла в Эривань, чтобы затем двинуться в сторону Эрзерума.

До выхода второго отряда оставалось еще несколько дней. Александра Львовна предпочла второй отряд, выбрав для себя более трудное направление. По этому поводу она писала Татьяне Львовне:

«*Больше половины нашего отряда с Сергеем Глебовым во главе ушла на Карс-Ольты. Там передовые позиции заняты Красным Крестом и городским союзом. Мы же с тремя врачами во главе выбрали направление Эривань-Игдырь у персидской границы. В этом направлении совсем нет помощи и свирепствуют эпидемии: тиф, оспа, а главное, малярия. Проезда туда нет, местами едва-едва пробираются верблюды*».

С уходом первой группы отряда настроение у остальных упало от томительного ожидания. Всем давно уже хотелось настоящей работы.

Правда, это не коснулось Александры Толстой, которую поклонники таланта ее отца после того, как узнали о приезде графини в их родной город, окружали всяческим вниманием. С подчеркнутым почтением они показали ей дом, где останавливался ее отец. Обстановка в доме, спальня, письменный стол, чернильный прибор, бумаги на столе оставались на прежних местах, как это было во время пребывания Льва Николаевича в этом красивом особняке. Лишь фотографии великого писателя, развешанные на стенах, говорили о том, что дом этот уже превратился в музей. Побывала Александра Львовна в гостях и у грузинских литераторов. Во время богатого и шумного застолья она не раз вспоминала рассказы Нины Абуладзе о кавказских обычаях и гостеприимстве грузин.

Во время бесед многие склонялись к мнению, что на Кавказе война не продлится долго. Турки не выдержат натиска русских войск, уж больно бравый вид был у прибывающих солдат. Особенно хороши были сибирские полки в полушубках, валенках, меховых папахах...

Глава IX
К подножию Арарата

Наконец, пришла долгожданная весть: «Выступаем во вторник». До отъезда оставалось несколько дней. Было решено заняться разборкой медикаментов, устройством носилок, приспособленных для перевозки раненых на мулах, пополнить запасы провианта и загрузить все это в поезд накануне, чтобы по железной дороге доехать до Эривани, а оттуда гужевым транспортом в горы.

Перед отъездом Александра Львовна посетила один из местных госпиталей, в котором находились пленные турки. Впечатление было ужасное. Большинство из них умирало от истощения. Из карманов умерших извлекали кусочки сырого теста и жареный ячмень — единственное, чем они поддерживали жизнь.

На следующий день приступили к загрузке поезда. Истомившись по настоящей работе, санитары дружно заносили в вагоны тюки, упакованные ящики, провизию, бочки с мазутом, которого так не хватало в самом Тифлисе, носилки, металлические печи...

На дворе стоял самый лютый, по российским меркам, месяц январь, а здесь, на юге, в день отъезда щедрое южное солнце согревало всех весенним теплом. Неугомонные воробьи наполнили непрерыв-

ным щебетанием весь Головинский проспект. Не было ни одного платана, на ветвях которого не сидели бы эти неприхотливые пташки.

Пройдя в последний раз по знакомым местам, Александра Львовна за несколько часов до отправления пришла на тифлисский вокзал, прошлась по нему, послала коротенькую весточку матери, купила газет и направилась к поезду. По перрону навстречу ей шел Полнер.

— Александра Львовна, хочу вам сообщить новость. К нам прикомандировали брата милосердия из 187-го отряда.

— Кого же? — удивилась графиня.

— Какого-то итальянца Эмилио Феррариса.

— ??!! Боже! — она с огромным трудом сдержала волнение.

Полнер уже давал наставления кому-то из санитаров.

В шесть часов вечера раздался протяжный свисток, и поезд тронулся к Эривани. В наступивших сумерках в окнах некоторых домов горели свечи. Вдали лишь Головинский проспект озарялся огнями электрических фонарей.

Вскоре в купе, где расположилась Александра Львовна и трое сестер, вошел, улыбаясь, Эмилио. Не пройдет и месяца, как уже из Игдыря Александра Львовна пошлет сестре в Ясную Поляну письмо, где об Эмилио будут такие строки:

«Меня огорчила твоя боязнь итальянца. Я почувствовала себя немножечко униженной. Итальянец? Для меня не опасен. Он очень милый, наивный, несмотря на свои 36 лет. Очень хорошо ко мне относится и в случае беды поможет мне, но не опасный и совсем не обаятельный, как ты пишешь об итальянцах. Но я очень рада, что он в отряде. Он весел, остроумен, а здесь, кроме Полнера, уж очень однообразный, скучный народ, поговорить не с кем».

А пока их поезд в кромешной ночи продирался сквозь речные и горные преграды, то взлетая на мост, то ныряя в тоннель, оставляя позади гостеприимную грузинскую землю. Словно гигантская змейка извивался на бесконечных поворотах расчлененный вагонами состав и, медленно преодолевая подъем за подъемом, под утро добрался до Александрополя. Постояв немного на станции, где на путях расположилось несколько составов с военной техникой, поезд двинулся дальше и уже до самой Эривани больше нигде не останавливался. Проплыла где-то слева гора Алагез, скрасив необычайно унылый серокаменный пейзаж, который простирался за окном проходящего поезда.

«Боже, куда меня занесло», — думала Александра Львовна, периодически бросая взгляд на окружающий пейзаж. Природа спала, ско-

ванная морозом и снегом. Перед глазами ее поминутно вырастали на каменных кручах, словно дозорные в серых панцирях, скальные громадины и остроконечные пики, охраняя покой этой горной страны.

Иногда белоснежная гряда гор всплывала на горизонте, подсвеченная солнцем, поражала своей красотой, а затем поезд вновь погружался в полумрак глубокого ущелья.

Чем дальше отдалялась Александра Львовна от родных мест, тем острее она ощущала свое одиночество. В такие минуты она непременно вспоминала о близких, тяготилась отсутствием вестей от них, которые ждала с нетерпением и не всегда дожидалась. Не раз посещали ее сомнения в правильности совершаемых поступков. Может, ей следовало быть в Ясной, среди родных, кому она могла бы помочь или разделить с ними тяготы жизни?

Александра Львовна задумчиво сидела у окна, смотрела на бурлящий поток реки, вдоль которой мчался поезд, а мысли ее вернулись к Москве, когда, приехав из Белостока, она обрадовалась телеграмме от Татьяны Львовны и письму от маленькой Танечки. Тогда, перед ходынским смотром, она в спешке написала им всего несколько строк:

«Спасибо, милая Танечка, за телеграмму. Целую вас крепко, крепко с маленькой Танечкой и благодарю ее, что она помнит меня и молится обо мне. Мне очень приятно и радостно...»

Александра Львовна еле сдерживала слезы.

Спустя час, поезд прибыл в Эчмиадзин. От начальника поезда Полнер узнал, что выступать надо немедленно. Лошади и верблюды уже находятся здесь, и можно приступать к погрузке. Тут же последовали распоряжения, и работа закипела.

Эта неожиданная новость застала Александру Львовну врасплох, но она все же успела известить о себе сестру:

«Милая Таня,

Что же ты мне не пишешь, в каком ты настроении, как здоровье твое? А я часто, часто думаю о вас с Танечкой и переношусь к вам душою в Ясную.

Сейчас доехали до конечного пункта железной дороги, на лошадях доедем до Игдыря. Вчера ехали горной местностью. День был ясный, холодный, и удивительно красивы были высокие цепи гор, покрытые снегом. Здесь голо, холодно и сыро. Нам ехать 28 верст на лошадях. Дают нам охрану из вооруженных казаков, так как здесь безобразничают курды. Вот и все пока.

Сестра Саша».

В верхнем правом углу она надписала: «Эчмиадзин. 17 января» — и бросила письмо в ящик почтового отделения станции.

К полудню погрузка закончилась и отряд двинулся в путь. Основной груз приняли на себя двадцать верблюдов, караван которых сопровождали несколько местных погонщиков. Остальные двинулись на лошадях и в повозках. Александра Львовна оседлала пегую кобылу.

Постепенно горная проселочная дорога начала сужаться, превращаясь в узкую тропинку, которая извивалась по косогору. Впереди выплывал из облаков библейский Арарат; величественный, как гигантская овчинная шапка, возвышался он над раскинувшейся долиной. Особенно красив он стал под вечер, когда отряд подходил к Игдырю. Опаленный розовым закатом, словно взметнувшийся вверх огненный факел, горел он на фоне безбрежного синего неба, постепенно угасая и растворяясь в ночи, но продолжая мерцать под лучами отраженного лунного света.

Отряд вновь вышел на дорогу, которая, спускаясь вниз, вывела его в широкую низину. В центре небольшого поселения находились двухэтажное здание бывшей школы с пристройками и земская больница, где и разместился первый перевязочный пункт 7-го передового отряда Всероссийского Земского Союза. Во дворе этой больницы разбили госпиталь, палатки, сложили пекарню, кухню и питательный пункт.

Первую весточку из Игдыря Александра Львовна послала брату Сергею 20 января 1915 года:

«*Милый Сережа.*

Пишу тебе из местечка Игдырь, на границе почти Турции и Персии, расположенного у подножия Арарата. Местечко это сырое, малярийное и такое грязное, что я в своей жизни ничего подобного не видела. Здесь мы разбиваем госпиталь в палатках. Земская больница, в которой мы помещаемся, слишком мала. Здесь хорошая усадьба и двор, в котором мы проводим почти весь день. Когда организуем все здесь — большая часть отряда двинется дальше в Турцию. По всей вероятности откроем госпиталь в турецком городе К[аракилис]».

В одной из палаток разместились сестры милосердия и фельдшерицы. В Игдыре днем было относительно тепло, а по ночам нередки морозы. Холод проникал в палатку, когда налетал ветер. В такие ночи сестры натягивали на себя все что попало. В госпиталь в первые дни прибывали только больные, и в холода их укрывали вторыми одеялами.

Александре Львовне доставалось больше всех: ей приходилось и

драить окна, и мыть полы. Вот как она сама описывает эпизоды из жизни в Игдыре в книге «Дочь»:

«Молча, стиснув зубы, я терла полы тряпками. Я так боялась, что врачиха будет смеяться над моей никчемностью, называть меня белоручкой, барыней, — тем более что опыта в мытье полов у меня не было никакого. Спасибо, выручил брат милосердия Эмилио Феррарис...»

Самыми спокойными были все же ночные дежурства в палатках. По ночам больные тревожили реже. Александра Львовна любила писать письма именно в эти часы, когда можно было собраться с мыслями, поделиться чем-то сокровенным.

«Иногда думается, — признавалась она сестре, — *выдержу ли? Но никогда не сомневаюсь в том, идти ли? Сейчас пишу тебе, сидя в палатке* около больных. *Раненых здесь нет, но восемь человек тифозных. Вот и все. Целую тебя, маму, Танечку... Пиши: Игдырь Эриванской губернии, 7-й передовой врачебно-питательный отряд Всероссийского Земского Союза.*

Твоя Саша».

Раненых привезли через неделю. Штабные офицеры из Действующей армии, расквартированные в Игдыре, сообщили, что начали активизироваться курды.

«К весне они отогреются, — говорили офицеры, — уйдут в горы и будут палить по нашим солдатам из-за камней».

Но подобные разговоры особенно никого не пугали. Недавно успешно проведенная Сарыкамышская операция, победы российской армии над турками на подступах к Карсу и на Эрзерумском направлении поднимали боевой дух не только в рядах Действующей армии, но и в среде сестер милосердия. Переброшенные в ноябре 1914 года с Западного фронта русские войска, не обладая достаточной мощью, все же сумели остановить на подступах к Карсу три турецких корпуса. Однако в декабре турецкий главнокомандующий Энвер-паша перешел в наступление. В условиях высокогорья, в жестокую стужу, по занесенным горным дорогам турецкие войска пытались прорвать оборонительные заслоны русских.

Спасаясь от неминуемой смерти, местные жители-армяне, напуганные резней, устроенной турецкими солдатами и курдами, которые отличались исключительной жестокостью, бросив родные места, бежали через Александрополь в глубь страны. В сражении под Сарыкамышем турецкие войска были полностью разгромлены. Турецкие части, спасаясь отступлением, замерзали в пути, другие были разбиты и

взяты в плен. По заснеженным горным дорогам в сугробах можно было увидеть окаменевших на морозе турецких солдат. Ужасное зрелище!

Александра Львовна неоднократно упоминает об этом в письмах к родным.

Вскоре произойдет событие, которое вызовет двойственное чувство у Александры Толстой. Освоившись в новых, исключительно трудных условиях, она через несколько дней, 12 февраля 1915 года, напишет из Игдыря матери в Ясную Поляну подробное письмо, сообщая и об этом:

«На днях к нашему госпиталю подкатил корпусной командир, вызвали меня, и генерал по распоряжению Великого князя Георгия Михайловича назначил мне Георгиевскую медаль. Сознаюсь тебе, что я была бы счастлива получить медаль за какое-нибудь хорошее дело, но эта медаль, которую я не заслужила, — мне была очень неприятна».

Первым среди всего персонала Александру Львовну поздравил Эмилио.

— Поздравляйт, contesse, вы заслужили этот медаль, — торжественно и искренне промолвил он при встрече с ней.

В честь награжденных штабные офицеры в этот же вечер устроили прием, на котором сестра милосердия Толстая должна была появиться с медалью на груди. Александра Львовна явилась на вечер с медалью, но сделала это без особого удовольствия. Возможно, это и послужило причиной тому, что в своих опубликованных мемуарных записях она не упоминает об этом эпизоде.

Зато с большой теплотой она вспоминает о встрече с генералом Абациевым на Чингильском перевале во время перехода отряда из Игдыря в Каракилис. «Спуски, подъемы, дикая горная природа, ни одного жилья, ни одной живой души... Вдруг голос: «Здравствуйте, сестра!» У скалы, вправо от меня, группа казаков в папахах с белым верхом и черкесках держат лошадей. Среди них высокий, с правильными чертами лица, смуглый, в черкеске и папахе генерал... Я осадила лошадь, стою, смотрю на него вопросительно. «Я генерал Абациев, женат на вашей троюродной сестре. Вы ведь Толстая?» Позже, уже в Каракилисе, от штабных его офицеров она многое узнала об этом храбром генерале, который был женат на ее родственнице Лике Фукс. Дмитрий Константинович Абациев в молодости состоял ординарцем при генерале М.Д. Скобелеве в турецкую войну и своей неудержимой храбростью расположил его к себе и получил от него рекомендацию в

Виленское пехотное училище, которое успешно окончил. Участвовал в русско-японской войне и в короткий срок дослужился до командира бригады 1-й Кавказской дивизии. О его храбрости ходили легенды. Кавалер Георгиевских крестов, награжденный Георгиевским оружием, в первую мировую войну Абациев командовал 6-м Кавказским армейским корпусом и за время пребывания Александры Толстой в Каракилисе очень много ей помогал. Больше их пути не пересекались. Много лет спустя она узнала, что храбрый, уже немолодой генерал Абациев примкнул к белому движению, а затем эмигрировал в Югославию.

Глава X
Принципиальный спор с толстовцем

По стечению обстоятельств в Эривани служил кассиром Эриванского отделения Государственного банка толстовец Юрий Осипович Якубовский, давний знакомый семьи Чертковых. В 1890 году в дисциплинарном порядке за участие, как он сам признавался, в издании «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого и близость к издательству «Посредник» был переведен из Москвы в Туркестанский край, в Самаркандское отделение Государственного банка, затем в Ташкент. В 1913 году против собственного желания его перевели в Эриванское отделение Государственного банка.

В конце января 1915 года в письме из Эривани к Анне Константиновне Чертковой он сообщил неожиданную для себя новость:

«Последние события на турецкой границе вызвали к жизни в Эривани несколько крупных военных лазаретов, в том числе большой лазарет, организованный в Ташкенте. Сегодня, совершенно случайно попав туда, я встретил в большом санитарно-врачебном составе почти половину знакомых. А попал я туда вот по какому случаю. Мой сослуживец передал, что вчера в городе видели в числе приехавших из Игдыря при лазарете Всероссийской Земской организации группу сестер милосердия и одну очень похожую на Александру Львовну, а как раз два дня тому назад я прочел в «Кавказском слове», что в Игдыре в военном лазарете работает А.Л. Толстая».

В городском Обществе Красного Креста он навел справки, и ему подтвердили: «Графиня А. Толстая работает сестрой милосердия в 7-м врачебно-питательном отряде на Кавказском фронте». А через не-

сколько дней Якубовский снова прочел в «Кавказском слове» о том, что Великий князь Георгий Михайлович наградил Александру Львовну Толстую Георгиевской медалью. Местная печать подхватила это известие и с восторгом писала о самоотверженности сестры милосердия Александры Толстой, добровольно ушедшей на Кавказский фронт.

В письме от 8 марта 1915 года из Эривани Якубовский сообщит об этом Анне Константиновне:

«Сегодня я прочел в «Кавказском слове», что Великий князь Георгий Михайлович наградил Александру Львовну Георгиевской медалью. Местная печать с восторгом отзывается о ее самоотверженности. Где она сейчас находится, не знаю, в Игдыре ли...»

Далее в письме к Чертковой он жалуется на собственную жизнь:

«Всего тяжелее — это общение с городским армянским населением. Все они торговцы и торгаши, люди исключительно наживы. Как-то до сих пор не приходилось находить людей с духовной жизнью. Отсутствие религиозности — это отличительная их черта».

Столь суровая оценка толстовца может быть связана лишь с физическим и душевным надломом, который произошел с Якубовским в «изгнании». С одной стороны, его беспокоит судьба соратников-толстовцев, аресты некоторых из них, в том числе Душана Петровича Маковицкого, с другой — безнадежное желание устроить свою жизнь, жизнь своих дочерей, желание перевестись в более благополучное место.

«Может, и перевели бы из этого отвратительного угла Кавказа, если бы поехать в Петербург, но мне противно кланяться там господам, которые не сознают даже того, что оскорбленных не карают. Уже как-нибудь досижу на этом погибельном углу Кавказа».

А где-то в шестидесяти верстах от Якубовского сестра милосердия с уже мозолистыми руками продолжала драить окна и двери палаток, выхаживала, не делая никаких различий, тифозных курдов и армян, каждодневно подвергаясь смертельной опасности. Ночами просиживала она у изголовья раненого русского солдата и тут же отзывалась на зов больного армянина. Порой не понимала, а догадывалась: «Небось, воды просит, несчастный», — и подносила к его воспаленным губам край металлической кружки, чтобы дать больному сделать несколько глотков прохладной живительной влаги.

Волноваться относительно военной обстановки ей не приходилось. Со всех кавказских фронтов шли обнадеживающие новости. Одно обстоятельство беспокоило Александру Львовну, и она об этом писала

своей матери из Игдыря: *«Очень нехорошо то, что армяне и курды враждуют между собой, режут друг друга, так что, кроме войны с турками, русским приходится разбирать и эти дела».*

О другом она делилась с сестрой Татьяной:

«Здесь, на так называемых передовых позициях, — писала как-то старшей сестре Александра Львовна в Ясную Поляну, — *мы, сестры милосердия, столкнулись с жестокостью, о которой меньше всего думали. Ухаживания офицеров, которые за восемь месяцев так соскучились без женского общества, что готовы бежать за всякой юбкой. Очень хорошие в этом отношении сестры, прекрасно себя ведут. Многих выжили своими насмешками, пренебрежительным отношением».*

Однако более всего ужасала ее сама война с ее многочисленными жертвами. *«Несколько дней тому назад,* — писала она Татьяне Львовне из Каракилиса, куда позже перебазировалась часть ее санитарного отряда, — *делали ампутацию ноги одному казаку из моей палаты. Казаку 25 лет, семейный. Зарубил двух курдов, налетел на третьего, тот выстрелил. Пуля пробила артерию — гангрена. Пришлось отнять. Проснувшись, он рассказал про свою семью, советовался, писать ли им, что ногу отняли? А я ведь, сестрица,* — пересказывала графиня разговор с казаком, — *думал: не стали ногу отнимать, проснулся — нога болит, рукой пощупал — ноги нет. Здесь такие случаи редки,* — продолжала она, — *не то что на Западе (на Западном фронте), но на меня этот случай сильно подействовал. Бессмысленно, ужасно, жестоко».*

Бесчеловечность Молоха войны, в стальных жерновах которого перемалывались людские тела и людские судьбы, зачастую молодые и прекрасные, была очевидной для Александры Толстой. Но очевидна была и необходимость в помощи солдату, который являлся для нее защитником Отечества, ее защитником. Отчаяние охватывало ее не от непосильной, порой нестерпимо трудной работы, не от ужасных, леденящих душу и сердце картин смерти, а от тех страданий людей, раненых и больных солдат, офицеров, беженцев, стариков и детей, которых ежечасно приходилось ей видеть, а облегчить их мучения бывало нечем. Это самое тяжелое и мучительное чувство, которое испытывали на войне сестры милосердия, но само присутствие их рядом с умирающим воином, безусловно, утоляло его боль и скрашивало приближение смерти.

На войне, как нигде, обозначается граница противоборства: вот

мы, вот неприятель. Либо мы его, либо он нас. Этот жестокий и простой закон войны вызывает неизмеримо более сложные и многогранные чувства, порождающие в умах и сердцах людей патриотизм, гражданский долг, благотворительность, милосердие и другие душевные порывы, за которыми следуют геройство, самоотверженность и жертвенность во имя защиты Отечества и всеобщей победы над врагом. Этому всему учили Александру Львовну суровые законы войны. Обращаясь к матери, 28 апреля 1915 года она писала:

«Каждое письмо, которое я получаю из России, приносит весть, в которой либо несчастье либо смерть, и я с ужасом распечатываю их. Что-то еще случилось?.. И здесь на глазах часто приходится видеть смерть; умирают от тифа, воспаления легких, сейчас у меня в палате трое умирают от ран. Здесь идут удачные для нас бои, подвозят раненых, работы много. Но скажу вам по секрету, — признается матери дочь, — *устала я. Не от работы, а от тех страданий, которые приходится видеть и облегчить которые часто бываешь бессильна».*

К войне привыкнуть можно, можно терпеть лишения и неудобства, можно привыкнуть ко многому, но невозможно привыкнуть к ее многочисленным жертвам. С ними Александра Львовна сталкивалась каждый день и была убеждена: чтобы остановить им счет, надо победить врага.

Для Якубовского война была абстрактным понятием, оторванным от материального мира. Отвергая войну как насилие, он, как и его единомышленники-толстовцы, был во власти иллюзий, выходящих за рамки конкретной обстановки. Такая позиция ставила их в глазах официальных властей вне нравственных законов.

Раскрывая свое отношение к войне, Якубовский в письме к В.Г. Черткову — своему наставнику и приятелю, датированном 11 ноября 1915 года, писал:

«Вегетарианство с его основной заповедью не убий дало мне основную базу, основной критерий в моей жизни для отношения ко всем ее явлениям, в особенности к той ужасной человеческой бойне, которая сейчас именуется войной за осуществление национальных вопросов».

Так, разделенная расстоянием в несколько десятков верст, дочь великого писателя, сестра милосердия Александра Толстая вела свой принципиальный заочный спор с толстовцем Юрием Якубовским.

Свидеться им удалось лишь через полгода. Тогда, в 1915 году, в Эривани стояло знойное июльское лето. Александра Львовна спешила из госпиталя Ван в Эриванский госпиталь, где находился заболев-

ший сыпным тифом ее племянник Онисим Денисенко. Автомобиль, в котором она ехала, кружил по горной дороге, серпантином убегавшей вверх, то взбираясь на очередной перевал, то летя под уклон, оставляя за собой густые клубы пыли. Она как могла торопила шофера.

Было еще светло, когда автомобиль, петляя по узким эриванским улочкам, подъехал к зданию госпиталя. Александра Львовна вышла из автомобиля и у дверей буквально столкнулась лицом к лицу с Якубовским. Он только что наведывался к больному Денисенко, кстати, справляясь об Александре Львовне.

Встреча была недолгой, они постояли у парадной всего две-три минуты; расспросив о здоровье, ближайших планах, они условились назавтра встретиться в гостинице, где Александра Львовна предполагала остановиться. Попрощавшись, она поспешила к больному.

Осунувшийся за время болезни юноша лежал в небольшой светлой палате. При виде Александры Львовны его темно-синие глаза засияли особенно радостно. Он застенчиво улыбнулся, как бы извиняясь за причиненные хлопоты, а потом обратился к любимой тетушке:

— Сейчас немного лучше, тетушка. Дело, как говорят врачи, идет на поправку.

— Ну, слава Богу, — с облегчением вздохнула Александра Львовна. — Я очень перепугалась за тебя, Онисим. Как только тебе станет лучше, я заберу тебя обратно в Игдырь. Как бы там ни было, а в горах попрохладнее. Не то что в Эривани — пекло!

На следующий день под вечер в гостиницу, где остановилась Александра Львовна, пришел Якубовский. На сей раз им удалось поговорить о многом, вспомнить о былом, поделиться новостями, рассказать о работе в госпиталях, о беженцах, о войне.

Александра Львовна не разделяла многих взглядов толстовцев, типичным представителем которых являлся Якубовский. Их оторванность от жизненных реалий, замкнутость, отношение к войне, граничащее с антипатриотизмом, находились в резком противоречии со взглядами Александры Львовны.

В письме к Анне Константиновне Чертковой Якубовский, делясь впечатлениями о встрече с Александрой Толстой, подробно рассказал о ее тяжелой работе на Кавказском фронте, об ужасах военных будней, но не преминул сообщить, что она не скрывает своего несочувствия к поступку толстовцев, выразивших в коллективном письме свое отношение к войне. *«В общем, она полна бодрости и энергии,* — сообщает Юрий Осипович Чертковой об Александре Толстой. — *Видно,*

19 447

что отдается она вся делу любви и сострадания, не щадя себя. В этом видна родная дочь Льва Николаевича, — признается Чертковой Якубовский. — *Хочу еще с ней повидаться, побудет она здесь еще несколько дней и уедет домой, хотя говорила она мне, что «не ручаюсь, что не вернусь назад, если не придут вести от начальника санитарного земского отряда, что моя помощь там нужна».*

Хоть Якубовский и надеялся на встречу, но, по-видимому, Александра Львовна не пожелала этого.

В первых числах августа Якубовский вновь пишет Анне Константиновне письмо, в котором сообщает, что *«был в Эриванском лазарете, где лежит Денисенко, и справлялся у заведующего доктора Гузаревича. Узнал, что совсем неожиданно увезла его Александра Львовна в Игдырь»*. В конце письма было: *«Как ни стараюсь себя уверить, что это одно простое недоразумение, меня все гложет сомнение, что она или обиделась на меня по поводу моих разговоров, или вообще чем-либо не угодил. Кроме вас, дорогой друг, я никому об этом не говорил и не писал, и пусть это между нами и останется. Как-то невольно сравниваешь Александру Львовну и Льва Николаевича, и больно становится за него»*.

Немного подумав, Юрий Осипович дважды подчеркнул последнее слово.

На этом их спор и закончился.

По возвращении в Игдырь Александру Львовну ждали два письма — от сестры и от матери. С упоением читала их сестра милосердия, мысленно переносясь в родные края.

А здесь, почти на краю света, шла война. Русские войска теснили турок, и отряд срочно готовился перебазироваться в Каракилис, подтягиваясь к Действующей армии. За неимением времени ответ ее был краток:

«Милая мама,

Спасибо тебе и Танечке за письмо, которое я на днях получила. Очень прошу тебя заняться благотворительностью и использовать амбулаторные деньги. У нас много работы, 32 человека больных и раненых, есть тифозные. Через 4 дня уезжает часть отряда, может быть, и я в том числе, в Турцию, в Каракилис. Пришли наши верблюды, автомобили.

Целую всех вас, не забывайте меня.

Дочь Саша».

Сто верблюдов стояли во дворе в ожидании погрузки. Все остав-

шиеся дни Александра Львовна спешно осваивала езду верхом по-мужски. Предстояла трудная дорога длиной в 150 верст, через перевалы. Необходимо было твердо держаться в седле, обхватывая двумя ногами крутые бока лошади. Иначе не усидеть.

Глава XI
Через горы и долины

Серой масти кабардинец по кличке Алагез, грациозно пригнув лоснящуюся длинную шею, старательно выщипывал молодую изумрудного цвета траву на южном, согретом солнцем склоне. Весна стремительно врывалась в этот горный край. Алагез подошел к ручейку, сбегавшему со склона и, оттопырив губы и поминутно фыркая, утолил жажду, которую испытывал в конце изнурительного перехода.

Александра Львовна подошла к своему красавцу и тщательно подмыла ему брюхо. Здесь, на гребне Чингильского перевала, несмотря на близость снежных вершин, было относительно сухо и теплей, в то время как в низинах все вязло в грязи. Путникам приходилось по много раз слезать с лошадей и идти с ними рядом, облегчая им дорогу, а порой и вытягивать их за уздцы из непролазной жижи, в которой утопали животные. Таких дорог, а вернее бездорожья, никто из отряда не видел. Двуколки вязли на каждом шагу, приходилось тащить их буквально на руках. Голые каменистые плато и наполненные влагой сырые долины, не тронутые лучами еще не жаркого весеннего солнца, сменяли друг друга. По дороге попадались разрушенные и покинутые людьми селения. Лишь из отдельных полуразвалин струился сизый дымок, распространяя запах кизяка. Александра Львовна направила коня к одному из строений, чтобы поближе рассмотреть его.

Среди груды плоских камней, уложенных друг на друга, виден был лаз, представлявший собой вход в землянку. Она соскочила с коня и заглянула внутрь. Посреди земляного пола на выложенном из камня кругу тлел костер из кизяка. Дым от него выходил в боковое отверстие, которое одновременно служило окном. Нагретые таким образом камни долго отдают тепло, кое-как согревая ее обитателей.

Ни людей, ни скотины не было видно. Вдоль дороги попадались перевернутые повозки, уничтоженный скот, над которым роем кружились стервятники, и трупы людей — результат кровавой резни, бессмысленной и дикой.

На третьи сутки повстречался казачий разъезд. Оказывается, выслали подмогу отряду. По такому случаю сделали большой привал. Разложили костер. Единственный в отряде повар занялся приготовлением пищи. Неподалеку паслись верблюды, лениво пощипывая траву.

Александра Львовна отошла в сторонку. Ей приглянулся большой серый валун, словно диван возвышавшийся над зеленым ковром. Она подстелила под себя казачью бурку, которую ей подарили в день присуждения георгиевской награды, и прилегла на нее, накрывшись широкой полой. Остальные сестры устроились где-то рядом. Санитары и казаки расположились у костра, пыхтели самодельными скрутками. Оттуда иногда доносился дружный хохот.

Неожиданно со стороны горной гряды раздались два выстрела, затем третий. Слышно было, как пули прожужжали где-то рядом. Казаки мигом оседлали коней, вскочили на них и умчались.

Александра Львовна окликнула сестру.

— Я здесь, со мной все ладно.

— Ну и слава Богу. Идемте к санитарам, если что, они нас защитят. Зови остальных.

Через полчаса прискакали казаки.

— Кто здесь старший? — спросили они.

— Я, — ответила им Александра Львовна.

— Так вот, сестра, — объяснил один из казаков, — лучше здесь не задерживаться. Курды ушли в горы, а ночью непременно подползут и откроют пальбу. От греха подальше, сестрица.

Решили по-быстрому подкрепиться и двинуться в путь. На сей раз шли до самой темноты, чтобы подальше уйти от злосчастного места. Казаки на протяжении всего пути объезжали растянувшийся почти на полверсты караван. Устроились на ночлег, когда совсем стемнело. Разместились по законам войны: по кругу уложили верблюдов с тюками, по всем тропкам расставили пикеты, назначили круглосуточное дежурство санитаров, а сестер расположили в самом безопасном месте — в центре. От костров отказались, чтобы не привлекать внимание курдов.

Вскоре южная звездная ночь нависла над всеми. Александра Львовна лежала, свернувшись в бурке, с высоко запрокинутой головой. Над ней рассыпался Млечный Путь — море звезд, мерцающих над головой, таких ярких и рельефных, что, кажется, дотянись до одной из них рукой — и обдаст ладонь холодом ее леденящая искристая

поверхность. В такие минуты единения с природой всем существом своим ощущаешь безграничность мироздания, сотворенного Всевышним, и себя — маленькую песчинку, крохотную и мимолетную во времени и пространстве безграничного космоса.

Александра Львовна вспомнила отца.

«Нет, он не маленькая песчинка, — рассуждала дочь, заброшенная судьбой на край света, — он не затерялся в этом безграничном пространстве, так как оставил свой неизгладимый след на земле, свои труды — бессмертные творения. Он сам — центр мироздания...»

Она вновь охватила взглядом мерцающий небосклон.

«Я, кажется, поняла главное, — рассуждала она в этой кромешной тьме, — каждый человек, каждая личность и я сама есть центр мироздания. От нас зависят его границы. Либо замкнуться в своем крохотном мирке, либо расширить его безгранично. И прожить можно в отведенное Богом время, а затем кануть, раствориться в безвестности, либо бесконечно жить в памяти людей, которых тронула твоя судьба, твой подвиг, твои творения, твой неизгладимый след, оставленный на земле».

Веки ее отяжелели, и она уже засыпала...

Вдруг рядом громко фыркнула лошадь и вскочила на ноги, мгновенно всполошив уснувший было лагерь. Успокоили проводники.

— Это, небось, полевка проползла по брюху. Лошади страсть не любят мышей, — объяснил старший из них. Лагерь успокоился и притих. Александра Львовна поплотнее укрылась буркой и закрыла глаза. Лишь сердце ее еще долго учащенно билось, пока, наконец, не успокоилось.

Остаток ночи прошел без происшествий. Рано утром отряд двинулся в путь. Оставался последний переход; надо было спешить, чтобы хотя бы под вечер прийти в Каракилис. Привал сделали тогда, когда вошли в Алашкердскую долину.

Здесь весна уже была полновластной хозяйкой. Склоны гор густо покрылись подснежниками, фиалками и розовыми примулами. Стремительно несла свои талые воды, пробиваясь сквозь скальные пороги, река Мурат, чтобы затем слиться с Евфратом. Глядя на пробуждающуюся природу, слушая заливистое пение птиц, невозможно было представить, что где-то рядом соседствует война.

Покрытые снегом горные вершины, прозрачный чистый воздух, наполненный ароматом весеннего цветения альпийских лугов, густая синева неба вызывали у Александры Львовны чувства наслаждения и

блаженства, не имеющие ничего общего со страданиями людей и зверством, с которым приходилось ей сталкиваться повсюду.

К середине дня появились очертания древнего города. Чем ближе подходил к нему отряд, тем отчетливее видны были его разрушения. В Каракилисе разбились лагерем у одного чудом сохранившегося двухэтажного дома, в котором до прихода отряда разместился штаб дивизии. Александра Львовна доложила начальнику штаба о благополучном прибытии отряда и имеющемся у нее предписании разбить здесь госпиталь на 50 человек. На следующий день санитары, в помощь которым приставили несколько солдат, подготовили площадку и приступили к делу. Развернули палатки под госпиталь, перевязочную, столовую и аптеку, сложили под увесистым дубом печь, а рядом с ней кухню. Все девять сестер разместились в одной палатке. Было очень тесно и неудобно, но на лучшие условия рассчитывать не приходилось.

Через несколько дней на мулах и верблюдах подвезли провиант. Дневная теплая погода по ночам сменялась холодами. Чтобы как-то обогреть себя, Александра Львовна выпросила у штабистов керосиновую печь, которую разместили посередине палатки.

Из Каракилиса она послала с оказией в Москву письмо Варваре Михайловне с просьбой переслать его в Ясную Поляну.

С некоторым опозданием в отряд, который уже начал принимать раненых, прибыли два врача. Как только Александра Львовна узнала, что три казака, сопровождавшие врачей, на следующий день, 18 марта 1915 года, выезжают обратно в Игдырь, она, воспользовавшись еще одной оказией, принялась за письмо, предполагая, что оно придет к Пасхе:

«Милая мама, Таня и Танечка!

Крепко всех вас целую и поздравляю с праздником. Вот я и в Турции и отдалилась еще от всех вас на целых пять дней, которые нам пришлось сюда ехать. От Игдыря до Каракилиса 150 верст по такой дороге, о которой у нас в России и понятия не имеют. Верховые лошади по брюхо в грязи, ехали полдороги верхом, полдороги пешком и в двуколках. Однообразная сырая природа, без леса. Дорога идет то через снеговые еще горы, то через грязные долины.

Все постройки, которые нам встречались, почти разрушены... Скот весь уничтожен, кормов нет, хлеба, топлива — ничего нет. Жители — курды и армяне — дикари, которые живут хуже нашей скотины. Когда издали подъезжаешь к курдской деревне, видишь

только груды камней и узнаешь, что это селение только по запаху кизяка, которым здесь топятся, и по дыму, который оттуда вьется... В Каракилисе мы живем в палатках, которые отапливаются керосиновой форсункой. Провиант подвозят верблюды и мулы. Госпиталь также в палатках. Есть раненые, которых подвезли после удачного сражения с турками. Подробное письмо о путешествии я написала Варе и просила вам передать...»

Писать было трудно, сестры громко разговаривали и хохотали в палатке. Она наскоро закончила письмо, подписала адрес и передала его одному из казаков.

Приход весны ничуть не радовал ее. Вдали от родных мест, оторванная от цивилизованного мира, в окружении незнакомых ей людей, Александра Львовна особенно испытывала тягость одиночества. На чужбине даже не ощущалось приближения христианского праздника.

Через пару недель она отослала вслед второе письмо, на этот раз только матери, сообщая подробно о своей жизни:

«Милая мамаша,

Вот уже почти две недели, что я в Турции. Разбились мы здесь снова большим лагерем. В палатках устроили госпиталь на 50 человек, баню, аптеку, перевязочную, столовую, и сами живем девять сестер в одной палатке... На днях поблизости была перестрелка, но, по счастью, убитых и раненых не было. В этом районе наши дела идут великолепно. Здесь чувствуется уже весна, появились подснежники; благодаря тому, что долина эта находится очень высоко (1000 метров над уровнем моря), еще бывает очень холодно.

Меня потянуло домой, и дом кажется таким далеким, что трудно себе представить, что когда-нибудь я до вас доеду. Работа есть, но не столько, сколько бы хотелось. Очень скучаю без писем, книг и газет. Вот и все.

Любящая тебя дочь Саша».

Весной военные действия заметно активизировались. Русские войска на всех участках Кавказского фронта теснили турок, стремительно и без особых потерь продвигались к Эрзеруму. Фронт все дальше удалялся от Каракилиса, и работы у сестер милосердия заметно поубавилось.

В свободные часы, иногда даже среди дня Александра Львовна садилась верхом на своего любимца и отправлялась к реке. Буйное цветение яблоневых и персиковых садов, словно розовый туман,

окутывало долину, покинутую людьми. На каменистых склонах стайками грелись красавицы гагары. Высоко над долиной величаво, очерчивая в голубом прозрачном небе большие круги, парили орлы. Купаясь в восходящих потоках согретого солнцем воздуха и повинуясь его течению, они плыли, расправив могучие крылья. Вдруг один из них, плотно сложив крылья и прижав их к груди, камнем устремился вниз.

Затаив дыхание, Александра Львовна впервые наблюдала за этой удивительной сценой. У самой земли, мгновенно расправив крылья и широко растопырив короткие, но мощные лапы, орел настиг добычу. Было видно, как, схватив когтями жертву, он ударами клюва добивал ее. Затем мощными взмахами крыльев орел оторвал ее от земли и полетел в сторону гор, где на каком-нибудь из утесов укрылось недоступное для других хищников гнездо его.

Что-то было торжественно-трагическое в этой сцене, укладывающейся в суровые законы борьбы за существование.

На склонах гор желтым цветом цвели кустарники, пышно распускался разноцветный ковер невиданных доселе оттенков цветов.

В эти минуты Александра Львовна будто пребывала в другом мире. В глубоких и узких лощинах, притаившись от солнца, еще лежал покрытый бурыми пятнами снег. Зато на вершинах гор он был ослепительно чистый, меняясь в окраске по ходу дня: от иссиня-голубого на рассвете до ярко-розового в лучах заходящего солнца.

Буйство весенних красок горной природы, ее изменчивость поражали Александру Львовну. Она вспомнила Пушкина, его «Путешествие в Арзрум», блистательные стихи, посвященные кавказской природе, рассказы отца, восторженные воспоминания его о Кавказе...

«Воистину пленителен Кавказ!» — восклицала про себя Александра Львовна, и тут же на память приходили удивительные пушкинские строки:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...

По возвращении в отряд ей вручили телефонограмму из штаба, в которой предписывалось срочно вернуться в Игдырь для выполнения очередного задания. Попрощавшись со всеми, Александра Львовна в сопровождении казака двинулась в Игдырь. Кони шли резво. Дороги и тропинки подсохли и не доставляли никому хлопот. Молодой казак на

всем пути трогательно оберегал спутницу, заботился о ней, таскал воду из горных ручьев, разжигал костер, варил горячую пищу...

Причины вызова ее в Игдырь Александра Львовна не знала, да и не могла догадаться. Обстановка на фронте, как сообщили ей в штабе дивизии, была благополучной, наплыва раненых не ожидалось.

В Игдыре все стало ясно. Полнер радостно встретил прибывшую по вызову сестру милосердия, справился о здоровье, обратил внимание на бронзовый загар на ее лице и сообщил решение Земского Союза направить ее в составе небольшого отряда в город Ван, где недавно вспыхнула армяно-курдская резня. Тысяча двести курдов, в основном стариков и детей, чудом уцелевших во время резни, нашли приют и защиту в американской миссии и требовали санитарного и медицинского ухода. Единственный врач-американец не в состоянии был помочь несчастным и обратился за помощью в Игдырьский врачебно-питательный отряд. Александре Львовне поручалось собрать небольшой отряд, захватить медикаменты, провиант и срочно двинуться в путь. Ей позволили взять двух студентов, Колю Красовского и Онисима Денисенко, который был ее племянником, одного санитара и сорок ящиков, нагруженных на двадцать верблюдов.

И снова изнурительный путь через горы и долины ждал ее малочисленный отряд. Из Игдыря караван обогнул Арарат, оставив его по левую руку, и двинулся к озеру Ван, на берегу которого и расположилась древняя армянская столица. В первый же день перешли вброд бурлящий Аракс выше разобранного моста и вышли на автомобильную дорогу. Медленно взбирался отряд к высокогорному озеру. Когда пришли на место, перед Александрой Львовной предстала ужасающая картина. Комнаты американской миссии были забиты женщинами, стариками и детьми. Здоровые и больные в тесноте и грязи лежали, спали, ели, рожали и умирали без всякого присмотра. Зловоние в помещении было настолько сильным, что войти туда без дымящейся папиросы во рту, отбивающей запах, было невозможно.

Через неделю от общения с больными все помощники Александры Львовны свалились от сыпного тифа. Пришлось взвалить на свои плечи и тяжелый труд санитара, и кропотливую работу сестры, ухаживая и за своими.

Несмотря на налаженные питание и медицинский уход, смертность среди курдов не уменьшалась. Тиф продолжал свирепствовать. Ежедневно из палат уносили по двадцать пять трупов. Однажды помогавшие ей местные ребята, которые подкармливались за это на

кухне, вынесли еще живого старика и собирались сбросить его в общую яму для захоронения. Хорошо, что кому-то удалось заметить, что старик еще жив.

Ко всем бедам прибавилась еще одна. Заболел единственный врач американской миссии Сайм Ярроу, и уход за ним тоже выпал на долю Александры Толстой. Американец никак не мог представить, что перед ним графиня. Исхудавшая, с огрубевшим лицом и потрескавшимися руками, даже неопрятная — такой облик никак не увязывался в его представлении с высоким титулом, который она носила.

Как-то мимоходом она взглянула на себя в зеркальце, которое невесть откуда появилось на стене одной из комнат, и отпрянула в ужасе. Уставшее лицо, растрескавшиеся губы, а главное — внезапно появившаяся прядь седых волос.

Но следить за своей внешностью в такой обстановке у Александры Львовны не было ни времени, ни условий. «Единственным медицинским персоналом, оставшимся в Ване, были военный врач и я, — вспоминала Александра Львовна Толстая много лет спустя в книге «Дочь». — Об отдыхе нечего было и думать. Мы работали не покладая рук, без сна и почти без еды.

Мистер Ярроу умирал. Лицо синее, пульса почти не было... «Давайте кофе с коньяком и три раза в день инъекции камфоры...» — доктор повернулся и ушел. Американец выжил».

Вскоре заболели тифом все ее помощники, в том числе Коля Красовский и племянник Онисим.

На дворе бурная весна перешла в знойное лето. Дневная жара отнимала последние силы, лишь ночная прохлада позволяла восстановить их к утру.

Однажды среди дня она оседлала кабардинца, ловко вскочила на него и поскакала к берегу озера, чтобы договориться с местными рыбаками на поставку отряду форели. Не удержавшись при виде водной глади, в которой, словно в зеркале, отражалась зубчатая гряда гор, сестра вошла по колено в прозрачную воду и... выскочила стремглав на берег, словно ошпаренная. Вода показалась ей ледяной. Немного привыкнув к прохладе, она вновь вошла в озеро, провела влажными руками по икрам, обдала холодной водой колени. Заложив подол длинного платья за пояс, чтобы не замочить его, Александра Львовна стала массировать свои натруженные ступни. Затем присела на небольшой валун, торчащий из воды, и тщательно протерла мокрой ладонью свои отекшие ноги аж до самых бедер. Вокруг никого не было. Выйдя

на берег, она немного пообсохла, расправила подол и, ловко вскочив на коня, помчалась вдоль кромки озера к ближайшему поселку. Молодой конь разрезал копытами водную гладь, оставляя за собой искрящиеся фонтаны брызг. Наездница и конь одновременно испытывали редкие минуты блаженства.

Верховая езда была любимым ее занятием. Как-то она писала матери из Игдыря об этом, хвалясь купленным жеребцом и прогулками верхом на лошади, которые скрашивали ее трудную и однообразную жизнь. Но такого ощущения она не испытывала никогда. Конь мчался во весь опор, водяные брызги били ей в лицо, она даже не отворачивалась от них. Так и домчались они до рыбацкого поселка.

Сговорившись с местными рыбаками, Александра Львовна вернулась в отряд и первое, что сделала, обошла своих больных. Хуже стало Онисиму. Его организм, как ей показалось, уже не мог сопротивляться тяжелой форме сыпного тифа. Александра Львовна потрогала ладонью разгоряченный лоб племянника. Он буквально горел. Надо было срочно принимать меры. Слишком велика была ее ответственность.

«Какими глазами я посмотрю на Елену, если, не дай Бог...» — Александра Львовна ужаснулась даже от одной только мысли представить себе невероятное, но, как медик, она хорошо понимала реальность опасности, которая нависла над племянником. Здесь она бессильна была ему помочь. Оставалось одно: срочно увезти его в Эривань, но как?

Александра Львовна выпросила у сотрудника американской миссии автомобиль и вместе с шофером перенесла завернутого в одеяло Онисима на заднее сиденье машины, и все втроем они двинулись в путь.

— Сначала в Игдырь, — приказала она шоферу.

Взревел мотор, и машина двинулась с места. По сухой дороге автомобиль мчал с очень приличной скоростью. По пути повстречали два автомобиля. Стало ясно, что мост уже восстановлен и можно ехать без страха застрять в пути или потерять время на дальний объезд.

Прогнозы шофера оказались верны. Беспрепятственно пересекли по мосту Аракс и под вечер прибыли в Игдырь. Полнер внимательно осмотрел Онисима, выслушал Александру Львовну и согласился с ее доводами. Онисима надо увозить в городской госпиталь, только там могли бы ему помочь. Там у них и сыворотка, и медикаменты...

Утром рано вчерашние спутники, все трое, выехали в Эривань.

Глава XII
Всероссийский Земский Союз

Князь Львов возглавлял Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам, созданный 30 июля 1914 года после проведенного в Москве собрания уполномоченных губернских земств.

В первые же дни войны Земский Союз, энергично подключившись к благому делу помощи жертвам войны, внес щедрое ассигнование в государственную казну. В августе князь Львов получил из Правительственной канцелярии письмо от Н.И. Толченова с просьбой употребить завещанный богачом Солодовниковым Всероссийскому земству крупный капитал на нужды войны. Россияне, от богатых и имущих, до тех, для которых деньги никогда не бывали лишними, щедро и бескорыстно жертвовали их в помощь увечным воинам. Эти суммы шли на создание санитарных поездов, полевых лазаретов, питательных пунктов, медикаментов и медицинского оборудования.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, побывав в августе 1914 года в прифронтовой полосе, телеграфировала из Гродно князю Львову в Российский Земский Союз: *«Надеюсь на днях лично передать Вам, какое прекрасное впечатление я вынесла от работы санитарных поездов Земской организации, которые я видела в пути на театре военных действий. Да поможет вам всем Господь. Елизавета»*.

Князь Львов позже встретился с Великой княгиней и с удовольствием выслушал немало лестных слов об умелой и полезной работе санитарно-транспортных поездов, обслуживающих Западный и Северо-Западный фронты.

Много писем шло к нему от организаций и частных лиц, знакомых ему людей и вовсе незнакомых, с различными просьбами, предложениями, советами и отчетами. Надо было всем ответить, а в Малоуспенский переулок на Арбате, где вначале размещался Главный комитет Всероссийского Земского Союза, на имя Главноуполномоченного ежедневно приходили сотни писем.

В начале сентября 1914 года группа жителей Рыбинска, организовав лазарет, прислала князю Львову телеграмму за подписью врача Цастрова: *«Группа жителей Рыбинска, устроив лазарет имени Земского Союза на 80 кроватей, обеспечив содержание его на все время войны, сегодня в день открытия приветствует вас»*. В тот же день из Главного комитета Всероссийского Земского Союза в Рыбинск полете-

ла ответная телеграмма: *«Сердечное спасибо за привет. От души желаю полного успеха в общем деле. Князь Львов».*

В почте на имя Главноуполномоченного часто встречались приглашения на различные благотворительные мероприятия, юбилейные торжества... 20 сентября 1914 года князь Львов получил пригласительное письмо:

«Милостивый Государь князь Георгий Евгеньевич, 21-го сентября в 3 часа дня имеет быть совершено освящение и открытие лазарета для больных и раненых воинов, организованного Московской конторой Государственного Банка совместно с частными кредитными учреждениями Москвы, в здании Английского Клуба. Тверская, дом 59.

Комитет при Московской конторе Государственного Банка для оказания помощи воинским чинам и их семьям».

Много писем получал он с ходатайством устроить на работу в земские учреждения по оказанию помощи раненым воинам. В середине сентября 1914 года к нему обратился издатель журнала «Земское дело» Дмитрий Дмитриевич Протопопов из Петербурга с просьбой предоставить работу на Кавказе его соиздателю, гласному таврического земства Д.Д. Посполитаки.

«Человек он превосходный во всех отношениях, независимый, распорядительный, энергичный, уважительный. Прекрасно мог бы стоять во главе любого отряда, — так охарактеризовал своего протеже Протопопов, а в конце письма добавил: — *И еще просьба за дочь. Ей 21 год, здоровая, сильная, окончила городские курсы сестер милосердия, занималась в больнице, курсистка высших курсов: рвется в отряд. Хотелось бы пристроить ее к хорошим людям».*

В эти дни князь Львов был полностью поглощен срочным формированием крупного санитарно-транспортного отряда для направления его на Кавказский фронт в связи с началом войны с Турцией. Военные события на Кавказе поставили перед Всероссийским Земским Союзом новую ответственную задачу — посильное участие в деле эвакуации, оказания помощи и лечения раненых воинов Кавказской армии. Предложенный план действий Земского Союза утвердил главнокомандующий Кавказской армией и наместник Императора граф И.И. Воронцов-Дашков. Всероссийскому Земскому Союзу на Кавказе предстояла огромная работа: в кратчайшие сроки принять на себя устройство на Северном Кавказе тыловых лазаретов на 20 тысяч коек, создать два крупных региональных склада в Ростове-на-Дону и в Тифлисе, обеспечить их медикаментами и перевязочным материа-

лом. Кроме того, военное ведомство установило на Кавказском театре военных действий пять направлений эвакуации раненых и больных воинов в тыловые лазареты, обслуживание трех из которых принял на себя Земский Союз.

Опытных организаторов, врачей и санитаров не хватало, и Георгий Евгеньевич особенно внимателен был к письмам, в которых содержались просьбы устроить того или иного рекомендуемого на работу. Но, несмотря на это, отбор велся весьма тщательно. Протопопову князь ответил спустя неделю. Задержка состоялась из-за переезда Главного Комитета Земского Союза в новое, более просторное помещение на Покровку, дом 1. Как только князь обустроился в своем кабинете, он послал в Петроград телеграмму:

«Посполитаки, вероятно, найдется работа на Кавказе, надо с ним повидаться. Вашей дочери труднее дать дело. Имеет ли она право нагрудного знака Красного Креста?

Князь Львов».

Желающих работать он иногда отсылал к недавно избранному Главным Комитетом Уполномоченному Земского Союза по Кавказу графу Владимиру Алексеевичу Мусину-Пушкину.

30 ноября 1914 года в Аничковом дворце состоялась встреча вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны, Августейшей Председательницы Российского Общества Красного Креста, под флагом которого находился и Всероссийский Земский Союз, с князем Львовым. Состоявший при особе Ее Императорского Величества князь Шервашидзе тепло встретил главу Земского Союза и препроводил его в приемную. Ровно в назначенный час в зал, где находился князь Шервашидзе и Главноуполномоченный Всероссийским Земским Союзом, вошла Императрица. Небольшого роста, стройная и подтянутая женщина, несмотря на свой пожилой возраст, легкой походкой подошла к князю Львову и поздоровалась:

— Милостивый князь, я наслышана о Вашей поистине титанической деятельности и всячески ее приветствую.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, за столь лестные слова...

— Присаживайтесь, князь. Меня очень интересует положение на Кавказе. Я намереваюсь вскоре выехать в Киев, чтобы возглавить госпитальное дело на Западном театре военных действий, но у нас объявился новый противник, и мне хотелось бы от Вас, милостивый государь, лично услышать, как обстоят дела на Кавказском фронте.

Князь Львов как можно кратко, но не упуская важных вех деятельности вверенного ему Земского Союза, рассказал об оборудовании пятнадцати тысяч коек в госпитальных учреждениях Тифлиса, Владикавказа, о предстоящем открытии госпиталей в Боржоме, Абастумане и Батуме, а затем, в случае необходимости, на Черноморском побережье и в районе Минеральных Вод.

— А как обстоят дела с санитарными отрядами? — внимательно выслушав, спросила Мария Федоровна собеседника. — Вы успели сформировать их?

— Ваше Величество, я полагаю, что первый из вверенных мне отрядов достиг конечного пункта, а именно действующего на направлении Батум-Чорох.

Князь Львов посмотрел на Императрицу.

Полное прежнего обаяния лицо Императрицы Марии Федоровны было внешне спокойным, однако ее глаза не скрывали удовлетворения от рассказа князя, что придало ему уверенности, и он продолжил:

— Относительно двух последующих направлений Игдырь-Баязет и Карс-Ольты, то для них мы сейчас заканчиваем формирование одного отряда, который затем на месте разделится на два. Это будет самый крупный врачебно-питательный отряд Земского Союза.

— А кто во главе богоугодного дела? — спросила Императрица.

— Опытные организаторы, Ваше Величество, — Полнер, Глебов и Костомаров. Все они прекрасно зарекомендовали себя своим усердием и преданностью делу.

— Что ж, весьма похвально. Вам следовало бы доложить лично Его Императорскому Величеству. Мой Ники должен быть в курсе дела. Я поговорю с ним, а Вы устройте Государю смотр одного из отрядов.

Императрица поднялась с кресла и с заметным сожалением дала понять князю, что время его аудиенции подошло к концу.

Князь Львов встал, поклонился Императрице, держа папку с докладом в левой руке.

— Спасибо, милостивый князь, вы обрадовали меня своим сообщением. Я уеду в Киев со спокойным сердцем. Да поможет вам Бог в нашей общей беде.

Шервашидзе проводил Георгия Евгеньевича Львова до вестибюля.

— До свидания, князь. Вы доставили Императрице истинное удовольствие, поверьте, мне это лучше знать.

На следующее утро, выйдя из гостиницы «Франция», князь Львов поспешил в Государственную Думу на встречу с ее председателем Род-

зянко. Несмотря на ранний час, Михаил Владимирович был в собственном кабинете и ждал Львова.

— Рад вашему приезду, Георгий Евгеньевич, — тепло приветствовал гостя Родзянко. — Вам удалась аудиенция?

— Благодарю вас, Императрица уделила мне целых сорок пять минут.

Беседа с Председателем Государственной Думы шла в иной манере. Больше говорил Родзянко. Без особого воодушевления поведал он своему собеседнику о положении дел на фронте, о нехватке снарядов, о злоупотреблениях в правительственных кругах...

В подавленном состоянии возвращался князь Львов в гостиницу.

По прибытии из Петрограда в Москву князь Львов всецело занялся отправкой отряда в Игдырь через Тифлис и Эривань. Один за другим заходили в кабинет Главноуполномоченного то Полнер, то Глебов, то священник отец Федор, отправлявшийся вместе с отрядом на Кавказский фронт.

Неожиданно для всех пришло известие из Петрограда о Высочайшем соизволении Государя Императора присутствовать на смотре санитарных поездов вверенных Всероссийскому Земскому Союзу.

Главноуполномоченный срочно вызвал Глебова. Войдя в кабинет своего начальника, Глебов нашел его в несвойственном ему состоянии. Князь Львов был явно взволнован.

— Сергей Владимирович, какой из поездов нашего ведомства в Москве?

— На подходе 187-й из Белостока.

— А когда отбывает он из Москвы?

— 8 декабря, Георгий Евгеньевич.

— Прекрасно, задержите его на несколько дней и сообщите начальнику и главному врачу, что их санитарный поезд удостоился права предстать 10 декабря перед Государем Императором.

— А когда возвращается Полнер? — как бы спохватившись, спросил Глебова князь Львов.

— Я получил сообщение из Тифлиса о том, что он прибудет в четверг.

— Да, — задумавшись, произнес князь. — Выходит, в день смотра. Как жаль, как жаль... Ну что ж, тогда возьмите на себя, Сергей Владимирович, зти заботы. Держите меня в курсе всех дел. Мы должны быть на высоте. Постарайтесь убедить в зтом руководство поезда.

Утром следующего дня Глебов направился на Брестский вокзал. Поезд уже стоял на одном из запасных путей. Санитары-менониты на носилках выносили тяжелораненых, а сестры милосердия поддерживали тех, кто мог передвигаться самостоятельно, и сопровождали каждого до автомобилей, стоявших на привокзальной площади.

Сообщив новость начальнику и главному врачу санитарного поезда, он пригласил их на вечернее заседание Главного Комитета и вернулся на Покровку.

Через несколько дней московские газеты поместили заметки о прошедшем на Ходынском поле смотре, а журнал «Искры» снабдил корреспонденцию фотографией персонала 187-го санитарного поезда Всероссийского Земского Союза.

18 декабря 1914 года князь Львов получил из Петрограда от Л.Д. Толстой весьма заинтересовавшее его письмо:

«Глубокоуважаемый Георгий Евгеньевич.

Будьте добры мне сообщить, когда в ближайшее время Вы будете в Петрограде. Мне хотелось бы с Вами переговорить относительно лазарета, который мы устраиваем у нас в имении Курской губернии. Муж и я очень хотели бы, чтобы наш лазарет был под флагом Всероссийского Земского Союза, а все оборудование, содержание раненых, медицинского персонала и т.д. — на наш счет... Обо всем этом я говорила с Н.И. Вырубовым, и он мне сказал, что это возможно устроить, и обещал переговорить с Вами».

Ответ Главноуполномоченного был скорым и лаконичным:

«Многоуважаемая Людмила Дмитриевна.

Спешу уведомить Вас, что Главный Комитет окажет Вам полное содействие в открытии лазарета в Вашем имении и примет его под флаг Всероссийского Земского Союза.

Князь Львов».

На следующий день, получив из Москвы телеграмму, Толстая сообщила супругу эту весть в Варшаву, где он состоял при штабе одного из корпусов армии генерала Рузского.

Памятуя о беседе с вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, князь Львов делал несколько попыток просить соизволения о встрече с Государем Императором Николаем II для представления полного отчета о деятельности вверенного ему Земского Союза, но всякий раз, несмотря на уведомление то министра Императорского двора графа Фредерикса, то генерал-лейтенанта Мосолова, встречи переносились, а затем и вовсе были отложены на неопределенный срок.

Это огорчало Главноуполномоченного. Князь Львов терялся в догадках, но продолжал добиваться ее.

Всероссийский Земский Союз тесно сотрудничал с Международным Красным Крестом, с национальными комитетами других стран, в том числе и воюющих. В апреле 1915 года в Петербурге прошла его встреча с главными представителями Американского Красного Креста Стафордом и Бальботом. Накануне он телеграфировал из Москвы американцам:

«Выезжаю срочно Петроград прошу Вас завтра утром зайти в гостиницу «Франция».

Разговор шел об использовании американских сестер в российских лазаретах, о поставке перевязочного материала и медикаментов.

В конце июня из Стокгольма князь Львов получил письмо от руководителя Российской Императорской миссии в Швеции Неклюдова с просьбой принять специального корреспондента одной из шведских газет Карла Дамгрена. Георгий Евгеньевич охотно согласился, прекрасно понимая, что освещение деятельности Всероссийского Земского Союза в зарубежной прессе поднимет авторитет не только вверенного ему учреждения, но и его личный.

21 июля 1915 года он ответил в Стокгольм Неклюдову:

«Уважаемый Анатолий Васильевич.

Спешу уведомить, что рекомендованный Вами Карл Федорович Дамгрен, производящий самое благоприятное впечатление, был принят мною и в продолжительной беседе с моими сотрудниками имел возможность всесторонне ознакомиться с задачами и деятельностью Всероссийского Земского Союза. Буду очень рад, если при посредничестве господина Дамгрена общественное мнение Швеции получит должное представление о работе наших общественных организаций в деле помощи больным и раненым воинам...»

Обширная переписка князя Львова с уполномоченными фронтовых и губернских комитетов, деловые контакты с членами Государственной Думы, с правительственными кругами позволяли ему быть в курсе всех дел и настроений, которыми были охвачены все слои российского общества.

Не оставлял князь Львов надежды на аудиенцию у Государя Императора. После декабрьского памятного дня — смотра на Ходынском поле, — когда Главноуполномоченный вручил в Кремлевском дворце Николаю II подробный доклад о деятельности Земского Союза, многое изменилось в настроении российского общества, в высших кругах.

Раскол между Государственной Думой и правительством становился все более заметным. Приобрела политическую окраску и деятельность Всероссийского Земского Союза во главе с князем Львовым, мнение которого постепенно склонялось от конституционной монархии к свержению самодержавия.

В начале августа к нему неожиданно обратилась Елена Денисенко, взволнованная отсутствием вестей от сына Онисима, находящегося санитаром в отряде вместе с Александрой Львовной Толстой. 5 августа 1915 года князь Львов телеграфировал в Тифлис уполномоченному Земского Союза по Кавказскому краю Боровикову, сменившему недавно на этом посту Мусина-Пушкина:

«Сообщите здоровье и местопребывание Александры Львовны Толстой, санитаров Денисенко и Красовского.

Князь Львов».

Через несколько дней стало известно, что Александра Львовна с племянником Онисимом благополучно возвратилась в Москву.

Глава XIII
Короткая передышка

Выйдя из банка, Якубовский направился в госпиталь, чтобы в очередной раз справиться о здоровье Онисима Денисенко, к которому не заходил в течение недели. В последний раз ему было лучше, и он надеялся увидеть его почти здоровым. Пройдя два квартала, он свернул к центру и вошел в парадную дверь приметного здания. Поднявшись на второй этаж, Якубовский открыл знакомую дверь, вошел в палату и не нашел в ней больного, ради которого проделал пеший путь. Дежурная сестра сообщила о том, что больного увезли, а подробностей она не знает. Якубовский справился у заведующего госпиталем доктора Гузаревича. Тот сообщил, что за ним приехала графиня Толстая и, найдя его выздоравливающим, настояла на том, чтобы забрать племянника в Игдырь под ее неустанный присмотр.

— В горах попрохладнее и воздух чистый, — мотивировала свое желание Александра Толстая.

Получив согласие доктора, она тут же собрала в дорогу Онисима, посадила его в ожидавший внизу автомобиль и увезла. На прощание она сказала Гузаревичу, что, как только племянник поправится, она немедленно увезет его в Россию.

О болезни Онисима Александра Львовна известила свою мать. По этому поводу 21 июля 1915 года Софья Андреевна поделилась своими волнениями в письме к сыну Льву:

«От Саши была телеграмма, встревожившая нас. С нею на работе кормления беженцев был Оничка Денисенко и его товарищ, студент. Оба они переболели сыпным тифом, и мы очень беспокоимся за Сашу, которая телеграфирует, что молодые люди поправляются, что они все в Эривани и на днях выедут. Подписано «Толстая», а между тем Саша всегда подписывается так: «Здорова, Саша». Боимся, что и она захворает. Послала ей запросную телеграмму».

Тем временем в Игдыре Онисим поправился от болезни, и, когда он окреп, Александра Львовна с согласия Полнера увезла его в Эривань, а оттуда они поездом добрались до Тифлиса.

Накануне, 26 июля 1915 года, в ответ на материнский запрос о ее здоровье дочь послала в Ясную Поляну из Эривани ответную депешу:

«Здоровы все через три дня выезжаю зпт целую Саша».

В Тифлисе они задержались на несколько дней перед дальней дорогой в Москву, чтобы немного отдохнуть. В день приезда она буквально помчалась в серные бани, предварительно купив необходимые туалеты. Старые платья висели на ее исхудавших плечах, как на вешалке. В серных банях Александра Львовна взвесилась на весах и не поверила своим глазам — она потеряла целых сорок фунтов!

Оказавшись в цивилизованном городе, в кругу друзей, она постепенно начала приходить в себя. Днем гуляла по городу, спасаясь от палящего солнца под сенью старых платанов. Поднялась однажды с Онисимом на Давидову гору, чтобы показать ему одно из примечательнейших мест Тифлиса — могилу Грибоедова. Сама рассказала слышанную много раз историю его любви к Нине Чавчавадзе, могила которой находилась рядом, в оформленном кованными воротами гроте.

Онисим прочел трогательную надпись на надгробии блестящего русского поэта и дипломата, одного из образованнейших людей России.

Вечером их пригласили в ресторан. Александра Львовна так отвыкла от цивилизации, что чувствовала себя весьма смущенно. За столом Накашидзе и Зурабов, узнав, что она неоднократно бывала в Эривани, справились о Якубовском. Графиня во всех подробностях рассказала о тягостном его житье и подавленном настроении из-за не-

возможности вырваться из ненавистного ему города, в котором для своих дочерей он не видит никаких перспектив.

Все внимательно выслушали рассказы Александры Львовны о ее злоключениях на Кавказском фронте. Каждый из сидящих за столом считал своим долгом в очередном тосте выразить восхищение ее деятельностью, посочувствовать трудной ее работе и пожелать доброго здоровья.

— О самом главном, господа, мы забыли, — спохватился Накашидзе, — поздравить графиню с георгиевской наградой.

— Поздравляем, графиня, — наперебой подхватили остальные и потянулись к ней, чтобы чокнуться бокалами.

— Как же, весной об этом писала наша газета «Кавказское слово», — произнес Зурабов. — И «Кавказский листок», — добавил другой почтенный кавказец.

Александра Львовна с благодарностью принимала поздравления.

Музыка, которую играл оркестр, показалась ей дивной и мелодичной. Легкое вино, которое несколько раз пригубила Александра Львовна, дымящиеся шашлыки и запеченная в овощах шамая, которая еще вчера плескалась в порожистых водах Куры, делали этот вечер незабываемым.

Вернулась она в гостиницу за полночь и долго не могла уснуть.

В открытое настежь окно врывалась легкая прохлада от Александровского сада. Необычное свечение заполняло спальню. Александра Львовна поднялась с кровати и вышла на балкон. Из-за Давидовой горы, прямо над ней, выплыла огромная луна, озаряя своим серебристым светом очертания гор. На фоне мерцающих в южной ночи ярких звезд чернели силуэты остроконечных кипарисов. Откуда-то издалека лилась мелодичная и заунывная песня полуночного зурнача. Загадочный, хватающий за душу восточный мотив и невиданных размеров желтая луна — такой ей запомнилась летняя тифлисская ночь, словно из сказки опустившаяся на город.

Утром тетушка с племянником прошлись по Александровскому саду, заглянули в храм Славы и вышли на Эриванскую площадь в тот момент, когда караван верблюдов поднимался со стороны Воронцовского моста. Что-то было экзотическое в этой картине — цивилизованный город, и на фоне его нога в ногу величаво шел караван верблюдов с пестрыми тюками груза. Здесь же среди многочисленных лавок Александра Львовна отыскала лавку с восточными сладостями и купила их в дорогу. Торговец-перс взвесил на примитивных весах про-

зрачные кубики рахат-лохума, янтарные кусочки медового печенья, ароматную халву.

Весь день они гуляли по городу.

Вечером их ждал сюрприз — в гостиницу неожиданно нагрянула прибывшая из Москвы Варвара Михайловна.

Обеспокоенная молчанием подруги, ее состоянием и болезнью Онисима, она несколько раз, по настоянию Елены Сергеевны, пыталась связаться с ней, но безрезультатно. И тогда она решила выехать им навстречу.

Варвара Михайловна нашла Александру Львовну исхудавшей, болезненный вид ее внушал опасение.

В день отъезда подруги прошлись по Головинскому проспекту, а затем, наняв извозчика, поехали на базар, чтобы запастись провизией на дорогу.

Пестрый, шумный восточный базар, несмотря на дороговизну, приятно поразил женщин обилием удивительно красивых фруктов и овощей, разнообразием зелени, пряностей и солений, от которых исходил неповторимый аромат.

Заказанный накануне фаэтон, запряженный парой вороных лошадей, стоял на мостовой у подъезда гостиницы. Александра Львовна распорядилась спустить вещи, в последний раз бросила с балкона взгляд на Давидову гору, окинула взором Головинский проспект и вместе с подругой спустилась вниз, где их ждал Онисим. Загорелый, окрепший, оправившийся от болезни, он выглядел молодцом.

Фаэтонщик помог им взойти на ступеньку и усесться, затем вскочил сам на переднее сиденье и щелкнул кнутом. Лошади двинулись в сторону площади Земеля. Александра Львовна раскрыла над собой купленный недавно модный парасоль, на светло-серой полотняной поверхности которого красовался ковер из голубых цветов.

Мерный цокот копыт сопровождал их всю дорогу. От площади Земеля, минуя известный в Тифлисе дом местного богача Мелик-Казарянца, они спустились к реке, проехали вдоль набережной, через мост переехали на другой берег Куры, свернули на Михайловскую и подъехали к вокзалу.

На перроне царило оживление. Носильщики проворно шныряли в толпе провожающих, громкими окриками «Дорогу, дорогу!» высвобождали себе путь. Если бы на перроне не встречались военные, среди которых в основном были офицеры, трудно было бы представить, что где-то рядом громыхает война.

Многоликая, пестрая и шумная толпа заполнила перрон. Варвара Михайловна и Александра Львовна с Онисимом буквально бежали за своим носильщиком, чтобы не потерять его из виду. Носильщик благополучно добежал до спального вагона, справился о местах и нырнул в коридор. Через минуту он вернулся. Александра Львовна положила в протянутую руку носильщика две монеты. Носильщик стоял в той же позе и улыбался. Александра Львовна непонимающе посмотрела на него:

— Мадам, и это за два чемодана и один сундук, ростом больше, чем я? — укоризненно-лукавым взглядом смотрел на нее носильщик. — Я как птичка пролетел по перрону, багаж на месте, все на месте. По-моему, с вас гривенник, мадам, и за это я вам закажу дорогу в рай.

Графиня порылась в сумочке и, смеясь, протянула ему двугривенный.

— На, получи, шельмец, без сдачи.

— Вах, сто лет вам жизни, мадам! — носильщик подбросил на ладони монету, ловко поймал ее, зажав в кулак, и опустил в карман. И тут же растворился в толпе.

Александру Львовну и Онисима провожали друзья. Поезд уже двинулся, а в распахнутое окно купе Александра Львовна видела, как еще долго махали они руками вслед уходящему составу.

В вагоне, как выяснилось позже, было много офицеров. Все они возвращались домой, в отпуск, после трудных военных будней. Настроение у них было приподнятое, у некоторых на груди поблескивали Георгиевские кресты, придавая им определенную торжественность и бравый вид. Основания для этого, безусловно, были: на Кавказском фронте русские войска одерживали победу за победой.

Из Тифлиса поезд через Баку проехал на Владикавказ, свернул на Ростов и двинулся в сторону Курска, а затем на Москву. Среди встречных поездов к турецкой границе двигались военная техника, свежие войска.

На пятый день поезд прибыл в Москву. Москва встретила их проливным дождем. К счастью прибывших пассажиров, он быстро закончился. Один из офицеров помог им снести багаж до вокзальной площади, где они без труда наняли извозчика. Решили вначале подбросить Онисима, которого с нетерпением ждала мать, а затем поехать к себе.

Наутро Александра Львовна почувствовала себя неважно, а к вечеру захворала совсем. Варвара Михайловна настояла поставить гра-

дусник, хотя надобности в этом не было. Сам вид подруги, ее пылающие от жара щеки и воспаленные глаза говорили о высокой температуре.

Под вечер раздался звонок в дверь. Александра Львовна уже лежала в постели, когда в спальню вошла Софья Андреевна. При виде матери Александра Львовна бросилась ей в объятья и не удержалась от слез.

— Сашенька, милая. Слава Богу, слава Богу, — взволнованно повторяла вся в слезах мать, не веря своим глазам. — Какое счастье, что ты жива и здорова.

— Да, маменька, я жива, но видишь, к сожалению, не здорова.

— Ничего, милая, все пройдет, главное, что ты дома, — успокаивала ее Софья Андреевна.

Допоздна мать просидела у изголовья дочери и не перебивая слушала ее.

Несмотря на недомогание и высокую температуру, которые не прошли за ночь, Александра Львовна после завтрака села писать письмо сестре:

«Милая Таня!

Вот я и дома против вашего ожидания и отчасти своего. Онисима свезла домой, у него болит нога, но он, кажется, вне опасности. Я приехала и заболела. Вчера было 39,3 и сегодня вроде этого. Инфлюэнция? Очень, очень хочу тебя видеть. Вчера была маменька, мы с ней обе расплакались. Приезжай скорее. Еще ничего не знаю и не видела.

Целую тебя и Танечку. Очень по вас соскучилась. Пожалуйста, приезжайте скорее...»

Заканчивалось оно короткой припиской Варвары Михайловны:

«Милая Татьяна Львовна. Саша говорит, что сухо вам написала, а хотела наоборот. Она только и думает и говорит о Вас. И очень хочет Вас видеть. Привезла я ее совсем больную, но слава Богу, кажется, у нее только инфлюэнция... Изменилась Саша очень, похудела так, что обратилась в тонкую девицу...

Крепко целую Вас и Танечку.

Любящая Вас Варя».

В конце приписки Варвара Михайловна поставила дату «24 августа 1915 года», вложила письмо в конверт, заклеила его и в тот же вечер отправила в Ясную.

Через несколько дней Александре Львовне стало лучше, а вскоре

она поправилась и окунулась в повседневную жизнь. Из газетных сообщений следовало, что на Западном фронте наступление австро-германских войск захлебнулось, а на Кавказском — царило относительное затишье. Зато город был полон различных слухов и предположений. Говорили о забастовках на Путиловском заводе, рабочие которого отказывались производить оружие, распространялись слухи о сепаратном мире, болезненно отзывавшиеся в сердцах наиболее патриотически настроенных россиян.

Приток беженцев с оккупированных германцами западных территорий обострил криминальную обстановку и продовольственный кризис в городах. Варвара Михайловна жаловалась подруге на трудности с продовольствием, вызывающие очереди за самым необходимым. Очереди выстраивались в хлебных лавках, в торговых рядах, на рынках.

Возвратившись после длительного отсутствия, Александра Львовна сама стала свидетельницей этого положения. В начале октября в Москву специально по этому поводу приехал совсем недавно назначенный на должность министра внутренних дел А.Н. Хвостов, под председательством которого состоялся ряд совещаний с целью разобраться в причинах продовольственного кризиса и принять соответствующие меры, к чему призывали пресса и общественные организации. Факты саботажа, сокрытия товаров и безудержной спекуляции, о которых сообщалось в московских газетах, полностью подтвердились.

Выяснились случаи сокрытия товаров на станционных путях московского узла железной дороги, на складах оптовиков, в подвалах розничных торговцев... Транспортные чиновники искусственно завышали цены на перевозку товаров, чем незамедлительно воспользовались извозопромышленники для личного обогащения.

Однако не только это было предметом бесконечных разговоров среди горожан.

Много пересудов вызывали частые перемещения в правительственных кругах, смена министров, председателей, а также судебное дело военного министра Сухомлинова и полковника Мясоедова, обвинявшихся в измене.

Все это и слухи о безграничном влиянии Распутина на Императрицу Александру Федоровну, его вмешательстве в государственные дела при назначении должностных лиц вместо надежд на единение всех политических сил перед лицом опасности, нависшей над родиной, неминуемо вели к расколу в обществе.

Александра Львовна болезненно воспринимала их и всячески противилась понять происходящее. Ей, только что прибывшей с фронта, лучше, чем кому-либо, была видна пагубность подобных настроений.

Не разделяла она и действий группы толстовцев, подписавших какое-то антивоенное воззвание, некоторые, в том числе и близкие ей люди — Булгаков, Маковицкий, подверглись даже аресту. Особенно было обидно за Душана Петровича, человека тихого и доброго, подписавшего эту бумагу, как она потом выяснила, лишь чтобы избежать неодобрительного к нему отношения со стороны составителей воззвания.

Александра Львовна, будучи в Москве, получила разрешение на свидание в тюрьме с Булгаковым и Маковицким и, убедившись в незначительности, собственно говоря, их проступка, ходатайствовала перед прокурором об их освобождении. В письме к матери в начале ноября 1915 года, кроме подробного отчета о семейных финансовых делах и других хозяйственных поручениях, Александра Львовна сообщала о своем визите к прокурору с просьбой об освобождении, как она пишет, «наших заключенных».

В течение двух месяцев пребывания в Москве Александра Львовна трижды болела. Особенно ее беспокоили приступы лихорадки, головные и зубные боли, что вынуждало ее часто находиться в постели под домашним присмотром внимательной и любящей ее Варвары Михайловны.

5 ноября Александра Львовна приехала навестить своих в Ясную Поляну, а заодно выполнить ряд финансовых дел, которые накопились за время ее отсутствия.

В Ясной Поляне, за исключением ушедших из деревни на войну мужиков, все осталось без изменений.

Много часов из этого кратковременного визита Александра Львовна провела в беседах со старшей сестрой, подробно и увлеченно рассказывая о Кавказе, о своей работе в госпиталях.

— Саша, и ты могла все это перенести? — удивлялась Татьяна Львовна всем тем трудностям и испытаниям, которые легли на плечи сестры. — Не мудрено, что ты так похудела.

— Что ты, Танюша, видела бы ты меня в первый день приезда в Москву, — смеясь, перебила ее сестра. — Я была тонка, как березка! Сейчас уже Варя меня отходила.

Татьяна Львовна пожаловалась сестре на свою болезнь. Ее страшно мучила печень.

— Да и сейчас нет-нет, да побаливает, — призналась сестра, — но мне уже гораздо лучше по сравнению с тем, что было в сентябре и октябре. В этом и причина, Сашенька, что я не смогла тебя навестить в Москве.

Александра Львовна осмотрела яснополянский флигель, который отстроила в ее отсутствие сестра. Татьяна Львовна рассказала о расходах, которые пришлось выделить на его строительство, прокладку водопровода и дренаж.

— Я это сделала все для Тани, чтобы ей было бы хорошо жить, И всем, кто пожелает ко мне приехать, — добавила Татьяна Львовна.

Тетушка нашла Таню повзрослевшей, обняла и поблагодарила за теплое письмо, которое она получила от племянницы в Игдыре.

Посетили они и могилу отца, молча постояли у дорогого им холмика, очистили его от опавших листьев и вернулись домой.

На следующий день с утра все в доме были заняты приготовлением к семейному торжеству, ради чего Александра Львовна и приехала в Ясную Поляну. В этот день, 6 ноября 1905 года, родилась маленькая Таня, десятилетие которой решили отпраздновать в семейном кругу. Вечером все собрались за праздничным столом. Именинница была в центре внимания. В белом нарядном платье она в нетерпении ждала важного в ее жизни момента, когда занесут в залу и поставят перед ней на стол большой торт с десятью горящими свечами. Наконец, он наступил. Под дружные возгласы Танюша задула свечи, все поздравили ее с днем рождения и принялись пить чай с тортом, вареньем и другими сладостями. Софья Андреевна чувствовала себя неплохо, даже шутила, чему все были приятно удивлены, так как в последнее время она была замкнутой и неразговорчивой.

Поздно вечером, когда все уже улеглись спать, сестры задержались и еще долго беседовали между собой.

— Я часто вижу во сне Мишу, — призналась сестре Татьяна Львовна. — Только сомкну глаза, а он передо мной. Такое бывает ощущение, что он где-то рядом. Открою глаза, оглянусь, а вокруг пусто.

Поделилась своими впечатлениями виденного в Москве и Александра Львовна:

— После многих дней пребывания в Действующей армии все както чуждо в Москве. Эти нескончаемые разговоры о политике, всевозможные мыслимые и немыслимые слухи, домыслы, сплетни, когда где-то льется кровь, раздражают меня. На фронте все чище и искреннее, поверь мне, Таня. Я писала ведь тебе об этом. Несмотря ни на что,

я себя там чувствую полезной, нужной. Да, война чудовищная штука, но быть в стороне от нее я не имею права, когда в особенности сознаешь, что моя работа приносит людям избавление от болезни. А как часто приходится спасать этих несчастных солдат от смерти! Разве не в этом святой долг милосердия?

— Ни я, ни ты, ни Танюша не повинны в войне. Пусть это будет на совести политиков и государственных мужей, по чьей вине начинаются эти бессмысленные бойни, но скажи мне, как остаться равнодушной к тому, что где-то там кто-то нуждается в твоей помощи?

Время давно перевалило за полночь.

Утром выпал первый снег. Пуховый наряд укрыл белоснежным покрывалом бурую траву и покореженные осенним морозцем, упавшие на землю пожелтевшие листья. Свинцовые тучи нависли над Ясной Поляной. Редкие снежинки оседали на землю.

— Пора собираться домой, — решила, проснувшись, Александра Львовна. Она быстро собралась, попрощалась со всеми и уехала в Засеку, чтобы успеть на проходящий поезд.

Снаряды, начиненные газом,
продолжали разрываться
в лощине, которая постепенно
покрывалась густым
желтоватым туманом.

А. Толстая

Часть 3
В огне войны

Глава XIV
На Западный фронт

В Москве было слякотно и прохладно. Межзимье для Александры Львовны было самым неприятным временем года. Короткие, а отсюда быстротечные дни сменялись длинными ночами, от которых становилось грустно на душе.

Моросил мелкий, пронизывающий холодом дождик, когда она вышла из дому и направилась к Покровке, где находился Главный комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. Перед парадной дверью она стряхнула с плаща редкие капли дождя и вошла в здание. Поднялась вверх по мраморной лестнице на второй этаж и попросила аудиенции у князя Львова.

Главноуполномоченный был исключительно вежлив с графиней. Он встал из-за стола, предложил ей сесть, справился о здоровье и приготовился внимательно выслушать ее просьбу.

— Милостивый князь, два месяца назад я возвратилась с Кавказского фронта...

— Я наслышан о вас, графиня, и, право, очень доволен вашей работой. Мне о вас рассказывал Тихон Иванович Полнер. Вот только... — он сделал небольшую паузу, подыскивая, как показалось графине, нужные слова, и внимательно посмотрел на нее. — Вот только... Вам не следует стесняться Георгиевской медали. Ведь надлежащий этикет,

— князь улыбнулся, — требует ношения награды, когда посещают официальные учреждения, тем более такое, как наше.

Александра Львовна смутилась.

— Простите, князь, но я пришла к вам с просьбой.

— Внимательно слушаю Вас, Милостивая государыня.

— Я хочу снова послужить Земскому Союзу.

— Милостивая Александра Львовна, Вы доказали свои способности, и я с удовольствием готов назначить Вас уполномоченным нашего комитета. Мы найдем для Вас дело и даже очень ответственное. Уверен, что Вы успешно справитесь с ним. Вы согласитесь поехать на Западный фронт? Возглавить организацию детских приютов? Полнер уже там и будет рад встрече с Вами. Если Вы согласны, то выезжайте в Минск. Ну так как же?

— Я согласна, князь, и не задержусь в Москве более, чем на два-три дня, чтобы собраться в дорогу.

— Я рад за Вас, графиня, и подберите себе помощников.

Через несколько дней сестра милосердия выехала в Минск. Накануне отъезда, 12 ноября 1915 года, она отправила матери письмо:

«Милая мамаша.

...Выезжаю решительно послезавтра. Не хотелось мне уезжать от Вас и вообще не хочется на этот раз ехать. Чувствую, что это нехорошо, но не могу себя перебороть. Посылаю, кроме того, два чека по двести рублей для Андриана и Афанасьевны. Не знаю, есть ли деньги в Тульском банке, но на всякий случай перевожу туда 1000 рублей. Скажи Тане, что перед отъездом ей напишу. Сейчас очень тороплюсь. Много дел. Привожу в порядок отчет фонда, свои дела, а кроме того, многих устраиваю в Союз. Вот и все. Крепко всех вас целую. От Вари всем привет».

15 ноября Александра Львовна была уже в Минске. Ей выделили небольшую квартиру на Преображенской улице, где ранее проживал какой-то художник, расписавший все стены голыми женщинами.

Первое знакомство с городом оставило приятное впечатление. Он оказался небольшим и чистеньким. Полнер встретил свою давнюю знакомую и фронтовую сестру очень тепло и представил в ее распоряжение автомобиль. Через несколько дней он вручил Александре Львовне удостоверение уполномоченного за подписью князя Львова. Вместе с Муромцевым она объехала детские приюты, а затем ознакомилась с вверенным ей хозяйством, которое охватывало район от

фронтовой полосы до Смоленска, после чего составила подробный отчет о состоянии дел и представила его комитету.

Не одну сотню верст проехала в своей новой должности Александра Львовна от Вильно до Смоленска, посещая детские приюты и изучая их состояние, чтобы представить себе масштабы огромной работы, которую ей предстояло выполнить, — организовать питание и учебу в каждом приюте. По должности уполномоченного ей часто приходилось присутствовать на заседаниях комитета, в штабах, в городских управах, отчитываться и выступать...

В одном из первых писем из Минска к Татьяне Львовне она поделилась с сестрой своими впечатлениями:

«Вот я и в Минске. Полнер встретил меня очень радушно и объявил, что меня комитет выбрал уполномоченной по приютам Западного фронта. Положение почетное, ответственное, но скучное... Вчера меня заставили сидеть на заседании комитета. Я очень старалась сделать умное лицо и в конце концов чуть не заснула. Не знаю, выдержу ли я свое положение?» — часто задавала не только себе графиня этот вопрос, но и делилась, подобными сомнениями со старшей сестрой. Но уже буквально через месяц наметился перелом. Настроение и тональность в письмах ее к Татьяне Львовне заметно изменились. Появилась надежда, что эта работа ей по плечу.

Перед Рождеством Христовым Александра Львовна отправила сестре еще одно письмо:

«Милая Таня!

Мне писать нечего. Немного грустно здесь проводить Рождество, второе Рождество вне дома. Что мне праздники? Предрассудок, глупости? А вот почему-то все-таки хочется домой... Я ничего не делаю, но многое затеваю. То общественное положение, которое меня обязывает, требует очень большого напряжения. Здесь многого ждут от меня, а вместе с тем организационная работа незнакома мне, трудно наладить, завязать новые отношения. Трудно говорить (..........) и я тянусь из всех сил. Это очень полезно, но требует постоянного умственного напряжения и очень строгого и внимательного отношения ко всем своим поступкам и словам. Если мой доклад о необходимости устройства школ-столовых будет принят комитетом — работа будет громадная, смета ежемесячная 200...300 тысяч рублей. Нужно будет подыскать людей, любя-

щих детей, со средним образованием. Может быть, ты указала бы на кого-нибудь?»

Доклад уполномоченной Земского Союза Западного фронта Александры Толстой был одобрен комитетом, принята смета по организации детских столовых и школ при приютах. Она чувствовала себя на высоте. Выступление ее было убедительным и, благодаря многочисленным инспекционным поездкам по всем приютам, аргументированным. Она отвечала на вопросы со знанием дела и не оставила каких-либо сомнений у членов комитета.

После заседания она решила пройтись пешком до Преображенской в свою пошло разрисованную квартиру. Шел снег. Крупные, но редкие пушинки ложились ровным белоснежным покровом на тротуар и на мостовую. Словно почетный караул вдоль тротуара вырастали перед ней деревья в пышных, покрытых пушистым снегом кронах и приветствовали ее. Александра Львовна была счастлива. Ее ждала огромная работа.

«Надо срочно подобрать людей, списаться с Таней, пусть кого-нибудь порекомендует. Надо и транспорт, конюхов...» — перебирала в голове первоочередное графиня по дороге домой. Все это были настоящие заботы. Наконец появилась решимость и желание действовать.

Утром она умчалась на автомобиле в один из приютов. Поговорила с персоналом, поделилась впечатлениями о прошедшем заседании Земского Союза, ближайших планах...

Затем со старшей воспитательницей прошли к ребятам, осмотрели их спальни, койки. В одной из спальных комнат стояли двенадцать аккуратно застеленных кроватей. Всего приют мог принять до ста детей, но не хватало воспитательниц и учителей. Старшая посетовала, что две молоденькие учительницы, несмотря на их рвение, не в состоянии обеспечить ребятам нормальную учебу. Они преподавали лишь словесность, историю и математику.

— На днях приступит к работе местный священник для преподавания Закона Божьего, — доложила старшая воспитательница.

Уполномоченная внимательно слушала ее и делала какие-то записи в своей дневниковой книжке.

— Я помогу вам, — на прощание сказала она.

Александра Львовна по пути заехала в еще один приют и вечером вернулась в Минск. Допоздна работала над составлением планов, де-

лала подсчеты необходимого оборудования для оснащения школ, прикидывала смету... В редкие минуты покоя вспоминала о своих, но написать им не было времени.

На следующий день она почувствовала себя неважно, в течение дня состояние ее все ухудшалось, а к вечеру слегла в постель. Поднялся сильный жар, голова раскалывалась от боли.

Врач осмотрел больную и предположил легкую форму возвратного тифа. Четыре дня Александру Львовну бросало в жар, температура скакала и поднималась до 40°. Озабоченный Полнер вызвал из Москвы Варвару Михайловну, поставил на ноги всех местных врачей. Первый приступ прошел. Среди дня Тихон Иванович вновь зашел справиться о состоянии здоровья больной и принес Александре Львовне письма от сестры и маленькой племянницы, которые она при нем же пробежала глазами. Та волновалась по поводу ее внезапной болезни, умоляла следить за собой, сокрушалась, что не может помочь ей в трудную минуту. Когда Александра Львовна дошла до тех строк, где Татьяна Львовна сообщает о приезде Варвары Михайловны, она взглянула на Полнера:

— Тихон Иванович, — спросила графиня, — зто вы вызвали Варвару Михайловну?

— Да, голубушка, вам сейчас очень нужен близкий человек. Она лучше любой нашей сестры присмотрит за вами, да и вам, милая Александра Львовна, будет очень приятно. Простите, что я взял на себя такую смелость.

Кстати, — продолжил он, — я собираюсь вызвать для вас врачей из Москвы.

— Ну, зто уж слишком, — всполошилась она, — мне ведь становится лучше.

На следующий день, в канун нового 1916 года, ей и в самом деле стало лучше. В середине дня, когда температура немного спала, она написала письмо сестре.

«Милая Танечка!

Я исполню твою просьбу, буду сообщать правду о своем здоровье, а ты обещай верить и не пугаться. Завтра приедет Варя. Я буду сообщать все время, если будет серьезно, поручу телеграфировать. Здесь обо мне очень и очень заботятся. Вчера Полнер и другие уполномоченные хотели вызвать московских светил. Я очень смеялась над ними.

21 447

Что-то невеселые праздники. Эх, или от слабости я, но поплакала сегодня. Прекрасная жизнь, прекрасная...

Ну, Танечка, когда ты получишь это письмо, я буду совсем здорова. Целую всех, всех и поздравляю с Новым годом.

Немножко уморилась.

Твоя сестра Сашка».

Новый, 1916 год Александра Львовна встретила в постели, а утром попросила дежурную сестру отослать в Ясную Поляну весточку о себе:

«Милая Таня!

Сегодня я встала, очень слаба, но температура нормальная. Буду писать. Пока целую крепко. Ночью сегодня, лежа в постели, одна в квартире, мысленно была в Ясной».

Вверху письма была приписка: *«Возвратный тиф выяснился окончательно».*

Через несколько дней Александра Львовна была уже в полном здравии и со свойственной ей энергией принялась за работу.

Большой радостью и моральной поддержкой для нее оказался приезд Варвары Михайловны. Узнав от подруги, что известие о ее болезни взволновало всех яснополянцев, Александра Львовна срочно телеграфировала в Засеку:

«Здорова, был возвратный тиф, пишу, благодарю, целую. Толстая».

Снова она по своей должности моталась по приютам, обеспечивая их надлежащим оборудованием для столовых и школ, укомплектовывала кадры и радовалась своим же успехам. Беспризорные дети, эвакуированные еще в неудачную летнюю кампанию 1915 года из захваченных германцами территорий, среди которых было много сирот, наконец, имели возможность найти кров, получить сносное питание и учиться в школах приюта.

Дело явно шло в гору, и это прибавляло ей энергии. Уверенность, твердость характера и опыт все более приобретались ею в процессе работы.

За время своих интенсивных служебных поездок по обширному району, протянувшемуся от Минска до Вильно, ей приходилось встречаться со многими людьми, как среди штатского персонала, включая представителей городских властей, так и из военной среды — с командирами действующих подразделений и штабными офицерами, заинтересованными и ответственными за проведение санитарно-эвакуационных работ и обслуживание госпиталей.

Встреча с новыми людьми, ее многогранная деятельность и, наконец, близкое родство с великим писателем, скрыть которое было невозможно, способствовали ее популярности и, возможно, облегчали ее работу. Естественно, что многие желали с ней познакомиться.

Однако ни в одном из писем, нигде Александра Львовна не упоминает о своих личных встречах, увлечениях или каких-либо других случаях, позволяющих судить об этом.

Между тем, как-то в середине января наступившего 1916 года она буквально нагрянула домой и провела всего лишь один день в кругу своих родных, после чего в «Дневнике» Татьяны Львовны оказалась весьма загадочная запись об этом ее приезде:

«Приезжала вчера Саша из Минска на один день. Она очень мне дорога. И многим она мила, и это ее портит. Она очень набалована. Самоуверенна, но с годами стала внимательнее к другим и себе. Понемногу воспитывает сама себя. Страшно за нее в смысле романов. Более чем когда-либо вижу, что она без любви не проживет, а она все «промахивается», как она сама говорит».

Причина такого беспокойства о сестре, которая давно перестала быть «маленькой и строптивой Сашей», остается непонятной.

Ее независимые суждения, самостоятельность, полная отдача ответственному делу, фронтовая жизнь в лишениях и тревогах и, наконец, патриотизм в желании победить врага не всегда были до конца понятны и приемлемы для Татьяны Львовны.

Так или иначе, правда была в том, что сестра менялась, и меняли ее жизнь, работа на фронте.

Это уже была далеко не та робкая сестра милосердия, которая, боясь гнева старшей начальницы, неумелыми движениями драила полы и окна Игдырского лазарета.

10 февраля из Минска Александра Львовна шлет очередное короткое письмо матери:

«Милая мама!

Не пишу вам, и это меня мучает. Дел столько, что дня не хватает. Кроме того, я все время в разъездах. Открыли несколько столовых — очень хороших. Меня забавляет мысль, что в 10 верстах от немцев у нас поставлены образцовые школы, о которых не смогут мечтать и в России. Сегодня еду в Гомель — и дальше, на фронт...

Не забывай любящую тебя дочь. Саша».

В эти же февральские дни она телеграфирует в Засеку сестре с

просьбой подыскать четырех конюхов, свободных от воинской повинности, с жалованьем в двадцать пять рублей на полном довольствии и казенном обмундировании, разъезжает по районам, вплоть до передовой, и направляет в приюты бездомных подростков из числа беженцев, подыскивает воспитательниц и учителей...

В конце февраля Александра Львовна получает печальное известие о смерти в Петрограде родного брата Андрея.

«Я все еще не приду в себя от известия о смерти Андрюши, — писала она в те дни сестре. — *Как всегда вспоминаю хорошее, ласковое, доброе, что было в нем,* — *и ужасно грустно».*

В тот же день она написала отдельно матери:

«Хочется написать тебе, что я все эти дни думаю о тебе, о Кате, Машеньке и об Андрюше, которого мы все любили и который так неожиданно ушел от нас. Ужасно грустно. Мне сейчас тяжело быть далеко от всех вас, среди чужих, чуждых моему настроению людей. Когда получила от Тани письмо, хотела тотчас же выехать в Петроград, но заболела и встала только сегодня, хотя кашель мучительный не прекращается. А мне поручили еще новое дело, к которому думаю немедленно приступить: организацию самостоятельного передового хирургического отряда с палатками и транспортом для раненых. Работать с утра и до ночи, чтобы ни о чем не думать, не останавливаться ни на чем, — единственно возможное для меня теперь состояние. Очень уж тяжело стало на свете жить...

Ну, прощай, милая мамаша. Целую тебя крепко. Хочется сказать, как я люблю тебя и переживаю все то, что ты должна чувствовать.

Твоя дочь Саша».

А когда накануне Председатель Земского Союза Западного фронта Вырубов неожиданно предложил ей сформировать отряд, о котором упомянула Александра Львовна в письмах к сестре и матери, она сразу приступила к его организации. Кроме прочего, снова обратилась с просьбой к Татьяне Львовне подобрать из деревни рабочих, суля им хорошее жалованье.

Между тем, кашель не переставал, а, наоборот, начал усиливаться. Состояние ухудшалось, периодически поднималась температура, она постоянно чувствовала слабость, и ей казалось, что этому нет конца. Варвара Михайловна была рядом, она работала здесь же, в Земском

Союзе, но помочь подруге ничем не могла, да и врачи терялись в догадках. Они рекомендовали ей бросить работу и выехать в Крым на лечение.

10 марта Александра Львовна пишет из Минска сестре:

«По-видимому, сколько я ни храбрилась и как мне ни трудно бросить службу и по нравственным и по материальным соображениям — придется сдаться. Вот уже три недели, что я кашляю, поднимается температура, и по ночам потею. Слабость большая, еле ползаю. Еду в Крым, делать, кажется, больше нечего. Мне очень грустно. В такое время стыдно, гадко жить паразитом. Но я сделала все возможное, кажется, чтобы не сдаваться. Подожду еще несколько дней, и если не будет лучше — покачу...»

В течение целого месяца Александра Львовна, находясь в Минске, пребывала в неопределенном состоянии. Как только наступило улучшение, она буквально ухватилась за новое предложение — сформировать летучий отряд.

15 апреля она телеграфирует в Москву, где в Большом Левшинском переулке поселилась временно Татьяна Львовна:

«Прошу запросить телеграфно Путилину согласна ли ехать формируемый мной летучий отряд фельдшерицей оклад сто подъемных сто точка.

Здоровье лучше Крым не еду. Толстая».

А следом за ней Александра Львовна посылает сестре другую телеграмму:

«Прошу сообщить адрес Дашкевича не согласится ли ехать в отряд. Толстая».

В короткий срок ей удалось достать 125 лошадей, 30 двуколок, приспособленных для перевозки раненых, 16 повозок, походную кухню и прочее снаряжение. При формировании отряда Александра Львовна рассчитывала на помощь Никитина, но он уклонился от ответа, чем сильно расстроил ее. Александра Львовна в одном из писем даже пожаловалась сестре по этому поводу.

Согласилась работать и приняла приглашение войти в состав летучего отряда вернувшаяся с Кавказского фронта Мария Александровна Саввиных. Пять врачей и пять сестер также изъявили желание войти в отряд, который вскоре насчитывал уже 86 человек. Александра Львовна воспротивилась лишь приезду совсем юной Сони Татариновой. В апреле она писала сестре об этом, мотивируя свои соображе-

ния с одной стороны — боязнью за жизнь знакомой девушки, так как отряд будет находиться в непосредственной близости от передовой, а с другой — опасностью заразиться тифом, который с наступлением лета вспыхивал в этих местах.

«Кроме того, я так измучилась с Денисенко и Красовским, что боюсь знакомых, молодых, о которых всегда буду думать и беспокоиться. А если отступление, да с ранеными? А тут, не дай Бог, что-нибудь случится с Соней? Я ведь не смогу ей помочь, а сердце будет разрываться. Нет, лучше не надо».

Александра Львовна посоветовала Соне устроиться в какой-нибудь санитарный поезд...

«Никитин меня просто обманул, — писала она в том же письме. — *Не знаю, что и делать. Нет ли у вас с Машей знакомых врачей? Оклад 350, подъемных и обмундировочных — еще 350 рублей. Может быть, Маша кого-нибудь знает?»*

В середине мая транспортный отряд двинулся в сторону фронта. Перед отъездом Александра Львовна сообщила в Ясную Поляну:

«Сейчас еду на фронт. Устраиваю отряд и госпиталь на 400 коек. Очень, очень занята. Пиши Молодечно. 8-й санитарный транспорт Земсоюза.

Твоя Саша».

На оборотной стороне листка сделала короткую приписку Мария Александровна:

«Шлю сердечный привет милой уважаемой Татьяне Львовне. Могу засвидетельствовать, что сестра Ваша мечется как белка в колесе. Организаторская жизнь очень интересна, я рада, что попала в Минск в такой период. Надеюсь, что у Александры Львовны хватит сил и энергии поставить дело хорошо, и когда явится Его Превосходительство — г-н Никитин, то уже самая главная работа будет закончена. Иногда хорошо так долго «колебаться». Шутки шутками, а право, меня д-р Никитин очень возмущает».

И как бы там ни было, а прогноз Марии Александровны оказался пророческим. Вскоре старшим врачом в лазарет 8-го санитарного транспортного отряда был назначен Дмитрий Васильевич Никитин. Помнила она его с того времени, когда тот был еще главным врачом земской больницы в Звенигороде и часто навещал семью Толстых. В драматические ноябрьские дни 1910 года именно его вызвала Александра Львовна на станцию Астапово к умирающему отцу. Работала

она под его начальством в Покровско-Рубцовском госпитале. Как только ей поручили сформировать лазарет, она обратилась за помощью к Никитину, высоко ценя его профессиональные качества, но он, как известно, до последнего медлил.

Что касается Саввиных, то Александра Львовна договорилась о ее переходе в отряд, и та обещала своей фронтовой подруге присоединиться к ним несколько позже, после того, как договорится с руководством санитарного поезда, в котором продолжала работать.

В начале июня 8-й санитарный транспорт из Молодечно выдвинулся поближе к передовой. Там же разбили перевязочный отряд в расположении 64-й пехотной дивизии. Под зеленеющими кронами деревьев развернули палатки, прикрыли их хвойными ветвями для маскировки, расположили транспорт...

«В отряде у меня уже 100 человек и 125 лошадей, — писала в те дни Александра Львовна сестре, — *и всех надо накормить, обо всех позаботиться».*

Для полной оснащенности транспорта явно не хватало лошадей. В своей книге «Дочь» Александра Львовна приводит эпизод, как она выпрашивала лошадей у начальника транспорта перед выдвижением отряда на передовые позиции:

«Мне нужно срочно получить 300 лошадей, — говорю я ему. — По распоряжению главного уполномоченного отряд должен выйти на фронт через неделю...

— Лошадей нет! Я вам уже раз сказал...

— А я вам приказываю на основании распоряжения Главноуполномоченного немедленно дать мне лошадей!

Я разозлилась да так хватила рукой по столу, не видя по близорукости иглу, на которую накалывают бумаги, что проткнула руку насквозь. Я вырвала иглу из руки, кровь залила письменный стол. Он перепугался.

— Что делать? Как вам помочь? Вызвать доктора?

— Не надо. Дайте лошадей!»

Бывало и такое.

Часто приходилось Александре Львовне отлучаться в базовый отряд под Молодечно и даже в Минск, чтобы доукомплектовать отряд и госпиталь необходимым оборудованием и лошадьми, которых все равно не хватало.

Наконец она доложила Главноуполномоченному В.В. Вырубову:

— Госпиталь на 400 коек полностью готов. Можем принимать больных и раненых.

«Шла обычная работа, — вспоминала Александра Львовна, — привозили больных, раненых. Немецкие аэропланы пролетали над нами и изредка бросали бомбы недалеко от нашего отряда».

Глава XV
Смертоносный газ Сморгони

День не предвещал ничего плохого. Утром пришло пополнение — еще тридцать повозок, пятьдесят лошадей и пять новых сестер, около двадцати санитаров и даже несколько дойных коров. Надо было всех встретить, накормить и каждого развести по углам.

Александра Львовна крутилась как могла. Она металась между палатками, которые, словно огромные белоснежные шатры с красными крестами на фоне ярких, изумрудного цвета сосен, раскинулись на большой поляне.

Заглянула она в одну из них. Только что прибывшие сестры милосердия устраивались на новых местах. Неопытные и застенчивые, они смутились при виде начальницы. Та подбодрила их и вышла. Какой-то глухой звук, похожий на выстрел, коснулся ее слуха, а вслед за ним окрестность огласил нарастающий свист. В какой-то момент воцарилась мертвая тишина, и вдруг оглушительный взрыв потряс лагерь. Сноп пламени и комьев из разверзнутой земли взметнулся вверх где-то рядом. Александру Львовну взрывной волной даже отшатнуло назад. Через мгновение разорвался второй, следом третий снаряд... Она увидела, как одна из повозок буквально взлетела в воздух. На ее месте образовалась огромная воронка. Били из дальнобойных тяжелых орудий. Ее охватил ужас.

Еще один раз отряд подвергся бомбежке с воздуха. Стояли ясные лунные ночи, и под их покровом немецкие аэропланы бомбили передовые позиции наших войск.

«Помню одну ночь, — писала она в книге «Дочь». — Я собиралась идти спать. И вдруг знакомый шум аэропланов ближе, ближе. Где-то разорвалась бомба, другая. В одном белье, разутые, взлохмаченные санитары, побросав больных, бежали в блиндаж...

— Куда?! — заорала я не своим голосом. — Больных бросать? Обратно! Под ружье, мерзавцы!.. — не помню, что я еще кричала».

В середине июня яснополянцы получили с Западного фронта подробное письмо от Саши, адресованное матери и сестре:

«Милая мамаша и Танечка!

Сегодня мое рождение, и почему-то захотелось написать вам именно в этот день. Может быть, вы вспомните меня, ты, мама, что родила в этот день не дочь, а кучера, а ты, Таня, что у тебя есть где-то непутевая сестра. Мы стоим в 8-ми верстах от немца. Один раз нас очень сильно обстреляли, было убито рядом с нами... два вола тяжелыми немецкими орудиями, которые летят 12 верст. Несколько осколков ударилось о мою палатку. Жутко! Слышен сперва глухой выстрел, потом свист ближе, ближе, невольно наклоняешь голову, и затем на секунду-другую мертвая тишина — и бах. Разрыв.

Аэропланы немецкие ежедневно бросают 3...4 бомбы. Но мы не боимся бомб, страшнее, когда обстреливают аэропланы наши; снаряды и осколки и целые стаканы сыплются на головы. Мое положение особенно плохо тем, что надо подавать пример другим, делая вид, что все это пустяки, неопасно и нестрашно.

Завтра выдвигаю перевязочный отряд с транспортом вперед на две версты от немцев, будем помещаться в блиндажах, под землей.

Много, много интересного здесь, иногда трудно.

Команда 150 человек, персонала 25, и все это надо держать в руках, направлять, мирить...

150 лошадей, коровы, 60 повозок. Интересно творить, создавать новые и новые дела, выдвигаться вперед, помогая больным и раненым. Никитин здесь. Мария Александровна, вероятно, скоро возвратится в отряд, если решится расстаться с поездом...

Как бы я хотела на часок перенестись к вам. На днях был Андрей Толстой у меня, скоро подойдут сюда Миша и Митя Кузминские. Пишите мне так: Действующая армия, штаб 64-й пехотной дивизии, 8-й санитарный транспорт Земсоюза, мне.

Настроение в войсках прекрасное, и я твердо верю, что немцам скоро конец.

Ваша дочь и сестра Саша».

Подробный рассказ о военных буднях, столь опасных и героических, буквально потряс яснополянцев.

Софья Андреевна и Татьяна Львовна впервые заметили, что от-

дельные места в письме были замазаны черной краской, а на конверте появился штемпель:

«Военный цензор штаба армии И.В. Ткачев».

Тем временем на Западном фронте в войсках шла интенсивная подготовка к летнему наступлению. К позициям подтягивались свежие силы, подвозились снаряды, со штабов армий шли новые и новые распоряжения. 16 июня 1916 года Александру Львовну направили в Залесье. В связи с этим Всероссийский Земский Союз комитета Западного фронта выписал ей удостоверение:

«Комитет Западного фронта Всероссийского Земского Союза удостоверяет, что предъявительница сего Уполномоченная 8-го санитарного транспорта графиня Александра Львовна Толстая направляется в Залесье к месту службы». Удостоверение подписали Уполномоченный И. Семенов и секретарь К. Новиков.

Перед предстоящим наступлением Александру Львовну вызвали к командиру 2-го Кавказского армейского корпуса, в расположении которого находился 8-й санитарный транспорт и лазарет. Генерал Мехмандаров тепло поздоровался, поздравил Александру Львовну с днем рождения, справился о делах и сообщил ей о том, что 64-я дивизия выступает, бой будет жарким, и предложил ей под покровом ночи выдвинуть одну из летучек к позициям корпуса.

Александра Львовна вернулась в отряд и тут же отдала соответствующие распоряжения. Этой же ночью вместе с ней к передовой линии выехали главный врач отряда Никитин, фельдшерица и две сестры милосердия. Расположились они около батареи тяжелой артиллерии в ожидании боя, который, как предполагалось, должен был начаться к утру. Санитары с повозками не успели отъехать от основного отряда, как со стороны немецких позиций открыли ураганный огонь.

Несколько дней спустя Александра Львовна в письме от 27 июня 1916 года с подробно опишет сестре эти ужасные события:

«Снаряды летели через нас со свистом. Рвались тут же, сыпались осколки. Люди спрятались в блиндаже, привязав лошадей, которые сначала рвались и метались, а затем затихли, нервно переступая ногами».

«Мы напряженно ждали, — писала впоследствии в своих мемуарах об этой ночной стрельбе Александра Толстая. — *В два часа ночи мы заметили, что, разрываясь, немецкие снаряды выпускали желтый дымок. Он расстилался по лощине, и от него шел запах хлора»*.

Кто-то крикнул: «Газы!»

Лощину, а затем всю прилегающую к ней окрестность стало заволакивать едким желтоватым туманом. Начался кашель, ело глаза, трудно становилось дышать. Все бросились надевать маски. Заговорили наши батареи. К четырем часам утра канонада стихла, и Александра Львовна, оставив Никитина на передовой, помчалась обратно в госпиталь. Верхом на лошади она доскакала до места. В районе госпиталя тоже разорвалось несколько снарядов, начиненных газами. Многие из персонала отравились, но никто не обращал внимания на это. Мигом запрягли транспорт и поспешили на позиции за больными.

В ту ночь было пущено семь волн. Дежурные двуколки подбирали отравленных за Бьялой, ближе к Сморгони. В этот день погибло 2000 человек. Александра Львовна делилась с сестрой:

«Собираем их возле окопов, на дорогах — везде. Многие задыхались, хрипели, прося помощи, и... тут же умирали. Весь день работали. Больные лежали не только в палатках, но и во дворе — все было заполнено. В следующую ночь бой продолжился. И так работали четыре дня без сна, без отдыха. Я не могла без умиления смотреть на самоотверженную работу врачей, фельдшериц, сестер».

Ей самой приходилось помогать Никитину при операциях.

На сей раз для персонала госпиталя и отряда все обошлось сравнительно благополучно. лишь слегка контузило снарядом заведующего транспортом Соломатина и одного взводного...

После этого наступило короткое затишье. Александра Львовна успела по делам проскочить в Минск, где неожиданно повстречалась с племянником Андреем Толстым, Михаилом и Дмитрием Кузминскими — двоюродными братьями, которые приехали навестить ее. Целый вечер они провели вместе, делясь новостями и впечатлениями за время длительной разлуки. Александру Львовну интересовало состояние здоровья матери, ее настроение, подробно расспрашивала она о сестре, о маленькой Танечке, о братьях...

Здесь же, в Минске, она встретилась с женой брата Ильи — Софьей Николаевной, которой перед отъездом в расположение Действующей армии передала дела по организации столовых в детских приютах, и осталась очень довольна ее работой.

«Соня Толстая со столовыми прекрасно справляется, — извещала она сестру в одном из писем и в конце добавила: — *Пишите лучше в*

Минск в Земсоюз, а то нас могут перебросить куда-нибудь с войсками. Отношение военных властей очень, очень хорошее.

Твоя сестра Сашка».

Находясь в Минске, она узнала об очередном испытании, которое пережил 8-й санитарно-транспортный отряд. 27 июня в расположение 2-й летучки среди бела дня сбросил бомбу немецкий аэроплан. Осколком снаряда тяжело ранило сестру милосердия Лидию Васильевну Александрову. Через несколько часов она скончалась. Остальные отделались небольшими царапинами.

На следующий день прах сестры милосердия отправили в Москву, чтобы предать земле на Братском кладбище.

Александра Львовна тяжело пережила гибель фронтовой подруги.

Закончив в Минске дела, она собралась было вернуться в отряд, но сильный приступ малярии приковал ее к постели. Александра Львовна в течение недели промучилась с болезнью, перенеся четыре приступа малярии.

Вернулась она из Минска в отряд к концу июня. Только-только вошла в колею, навела порядок в распустившемся, как ей показалось, за время ее отсутствия отряде, как вновь пришлось испытать новые ужасы войны.

На этот раз «виновником» происшествия оказался наш аэростат, который подняли недалеко от расположения санитарного отряда для наблюдения за вражескими позициями и корректировки стрельбы русских батарей. Огромное сигарообразное тело аэростата, похожее на гигантскую колбасу, висело у всех над головой. Немецкое командование отдало распоряжение своим частям обстрелять и уничтожить «колбасу». В письме к матери от 3 июля из Залесья Александра Львовна подробно писала об этом:

«... Как всегда, нашу однообразную жизнь нарушают всякие тяжелые события, в которых нам приходится участвовать, оказывать помощь.

Над нами всегда висит так называемая колбаса-аэростат... Немцы задумали ее обстрелять.

Третьего дня днем было выпущено по ней восемнадцать тяжелых снарядов. Шрапнели рвались над нашими головами, осыпая нас осколками. Я отдала приказание нести всех больных в блиндаж, что немедленно тут же было исполнено. Слава Богу, никого не ранило, пробило лишь нашу аптеку. Очень было страшно, но весь персонал был

на высоте, никто не думал о себе и все помогали переносить раненых.

Вчера была дивная лунная ночь, которой все восхищались, бродили по двору, прислушиваясь к шуму мотора.

Над головой летал немецкий аэроплан.

Только я разделась и легла — послышались три, один за другим, оглушительных взрыва. Было сброшено три бомбы в воздухоплавательную станцию. Аэростат сгорел, несколько человек убило, разорвало на части и семь человек ранило. От нас были посланы носилки, на которых и перенесли пострадавших. Благодарю Бога за то, что у нас до сих пор благополучно»,— завершила дочь свое письмо к матери.

В начале июля Александру Львовну вызвали в Москву во Всероссийский Земский Союз для представления отчета о проделанной работе. В течение короткого пребывания в Москве она дважды побывала в Ясной Поляне, изрядно соскучившись по своим близким.

По этому поводу Софья Андреевна пометила в «Дневнике»:

«Сегодня 7 июля важное событие — приезд с войны дочери Саши. Она бодра, полна и здорова. Слава Богу! Вечером слушала рассказы Саши».

Дни в Москве пролетели незаметно.

Перед отъездом на фронт Александра Львовна вторично приехала в Ясную Поляну, теперь уже чтобы проститься со всеми.

Расставание с родными, с Ясной Поляной на этот раз было особенно мучительным.

После возвращения дочери в Москву Софья Андреевна 18 июля запишет:

«Уехала дочь Саша опять на войну. Очень тяжело было ее провожать. Хуже, чем раньше».

Однако против своей воли Александра Львовна вынуждена была застрять в Москве из-за сильного приступа малярии. На сей раз температура повышалась до 40°. О своей болезни она сообщила сестре:

«Сегодня попытаюсь выехать. Не знаю почему, но на этот раз очень трудно было от всех вас оторваться, да и за два года сказывается усталость».

Не дожидаясь окончательного выздоровления, она выехала в Минск.

Из Минска Александра Львовна шлет матери коротенькую открытку:

«Милая мамаша!

Пишу тебе из Минска, лежа в постели. Было четыре приступа малярии. Температура больше 40°. Варя меня встретила на вокзале и довела сюда почти без сознания. Теперь лучше. Думаю завтра ехать в отряд».

Александра Львовна спешила к своим в отряд. Ей уже было известно, что в ночь с 19-го на 20 июля, пока она валялась в Москве с приступом малярии, немцы предприняли очередную газовую атаку против полков гренадерской дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса, который обслуживал ее отряд. Александре Львовне сообщили, что ее отряд успешно справился со своей работой и даже удостоился благодарности командира корпуса, генерала Мехмандарова. Но желание побыстрее увидеть всех, воочию убедиться в их благополучном состоянии было понятным и естественным. Не оправившись как следует от болезни, она выехала на автомобиле в отряд. От Минска доехали до Молодечно, а там напрямую до Сморгони. Поближе к Сморгони Александра Львовна заметила, как верхушки деревьев в лесу словно покрылись ржавчиной.

«Из-за газов», — подумала она, и сердце ее сжалось от боли.

Она содрогнулась, когда вспомнила ужасную картину последствий первой газовой атаки, сизые и искалеченные от удушья лица солдат, которых находили повсюду. Тот, кто не имел масок, разбегались кто куда в надежде спастись...

«Неужто опять?»

Когда она вернулась в отряд, повозки подвозили последних из отравленными газами. Они кашляли, хрипели, но были живы. Их срочно эвакуировали в тыл, а погибших похоронили 22 июля в двух братских могилах.

В отсутствие Александры Львовны в отряд прибыла и приступила к работе младшим врачом Мария Александровна Саввиных. Первое боевое крещение ее здесь прошло успешно. С этого дня отношения давних фронтовых подруг становятся очень близкими. Вновь они вместе на одном из сложных участков войны, и это обстоятельство радовало Александру Львовну.

Им обеим, как и всему персоналу отряда, предстояло выдержать еще одно — не менее тяжкое испытание.

В августе, в ответ на многочисленные газовые атаки против-

ника, русские войска в районе станции Залесье предприняли неудачную попытку газовой атаки против немцев. В тот злополучный момент, когда был пущен газ, ветер внезапно переменился и направил смертоносные газы в сторону русских окопов. Срочно понадобилась помощь. Отряд поднялся на ноги, все засуетились. Без промедления направили двуколки к позициям и организовали срочную эвакуацию отравленных газами солдат сначала в отряд, а затем в тыл. Этот случай подействовал удручающе на всех. Палатки наполнились стонами, кашлем, а где и руганью от обиды.

Из Залесья Александра Львовна в очередном письме откровенно, несмотря на цензуру, делится с сестрой:

«Милая Таня!

Пишу только два слова, потому что ужасно мало времени и расстроена я очень. Сейчас все везут двуколки с отравленными нашими же собственными газами. Во дворе стоны, кашель. Тяжело. Вообще, за последние дни счастье немного изменило нам. Дела идут и в Союзе, и здесь не так, как хотелось бы. Ну ничего, не унываю и думаю добиться своего...»

В письме была приписка:

«Тебе шлют привет Мария Александровна и Дмитрий Васильевич. Хорошо, дружно и интересно работается с такими людьми, как они, да и вообще как весь персонал отряда. Но многие не выдерживают этого нервного напряжения, в котором мы постоянно находимся, и с грустью нас покидают... Очень благодарю за милое письмо. Несколько дней писать не буду, так как ждем напряженной работы».

11 августа 1916 года комитет Западного фронта вручил Александре Львовне удостоверение, по которому ей, как заведующей 8-м санитарным транспортом, предоставлялось разрешение совершать поездки в район расположения армий Западного фронта по делам службы. В удостоверении Комитет просит военные и гражданские власти оказывать графине А.Л. Толстой всяческое содействие.

С этим документом, подписанным заместителем председателя комитета Всероссийского Земского Союза М. Бакуниным, она колесила между Минском и фронтовыми позициями в Залесье...

Глава XVI
Натальины именины

Ожидание летнего наступления на фронте затянулось. Несколько раз предупреждали о необходимости быть готовыми к серьезным испытаниям. Рассылали различные циркуляры, проводили учения, но проходило время, и все откладывалось. Поговаривали даже о передвижении санитарного отряда вместе с армейским корпусом в Румынию.

«Очень мечтаю попасть в Румынию, — писала из Залесья 24 августа Александра Львовна сестре, — *но до сих пор ничего не выходит».* В письме к матери 28 августа она об этом же сообщала: *«Поговаривают у нас о передвижении в Румынию с тем корпусом, в котором мы приписаны, и весь отряд очень желает этого. Стало холодно в палатках и бараках, и хочется двинуться южнее».*

Но больше всего хотелось перемен. Молодые сестры милосердия уставали от однообразной утомительной работы. Вдали от дома, без родительской ласки и развлечений выдерживать одиночество становилось все труднее.

Александра Львовна, как уполномоченный отряда, прекрасно понимала настроение персонала. Она хотела было собрать всех в день своего рождения и немного попеть, повеселиться, но бомбежка спутала все планы.

Дни затишья были особенно тягостными. Весь отряд, хоть и не столь многочисленный, слонялся без дела.

Александра Львовна очень обрадовалась, когда одной из сестер пришла в голову прекрасная мысль отпраздновать именины двух Наталий, которые были в отряде, походом по грибы, чтобы затем испечь именинный грибной пирог. Эта затея понравилась. Правда, осторожная Мария Александровна предложила отпроситься у командования.

Александра Львовна специально поехала к командиру дивизии, штаб которого размещался неподалеку, чтобы получить разрешение на поход по грибы.

— Никаких распоряжений о предстоящем перемещении мы не имеем, графиня, — ответил ей командир дивизии, генерал-майор Никольский. — Так что ведите своих сестер в лес. Вот только, если заблудитесь, можете попасть к немцам, — пошутил он.

— Поздравьте, графиня, именинниц от имени нашего гренадер-

ского грузинского полка, — добавил со свойственной ему галантностью находившийся в блиндаже полковник Канчели.

Александра Львовна поблагодарила всех и вышла. Взобралась на своего пегого киргизца и поскакала к своим. Она неслась по дороге, извивающейся вдоль кромки леса, чтобы в случае обстрела там же укрыться не только от шрапнели, но и от осколков тяжелых снарядов. Эту науку графиня уже постигла.

«Как-никак, больше двух лет я уже на фронте», — подумала про себя Александра Львовна, прижимаясь к лохматой гриве своего небольшого, но довольно горячего скакуна.

Она ловко увернулась от ветки, которая чуть было не хлестнула ее по лицу, свернула вправо и пересекла наискосок золотистое поле спелой ржи. Киргизец грудью рассекал высокие колосья, от которых по обе стороны, словно по воде, расходились еле заметные волны.

Киргизец пересекал поле. Скорость его несколько спала, так как копыта утопали в мягкой земле. Колосья ржи щекотали его округлые бока, и оттого он слегка подпрыгивал на ходу. Александра Львовна чувствовала, как спелые колосья ржи, небольно стегая ее по ногам, зернами рассыпались повсюду.

Проскочив поле, она свернула коня на знакомую тропинку, которая через пять минут вывела ее к палаточному городку.

— Ну как поездка? - спросила ее Саввиных.

— Мария Александровна, вы хорошо подсказали. Командир дивизии дал нам добро, и теперь я спокойна. Вот только просил не заблудиться, а то, неровен час, можно попасть к немцам.

Давайте договоримся со всеми: дальше реки Вилии не идти, а там немцев нет.

Вечером, за ужином, Александра Львовна предложила сестрам встать пораньше, как только рассветет, и выехать в лес.

— В лес въедем на подводах, а там разойдемся. Захватите из кухни плетеные корзинки, а то вдруг и впрямь грибы будут, — смеясь посоветовала уполномоченная. — А сейчас - спать.

Сама она валилась от усталости. Натруженные за день ноги горели, словно обожженные раскаленными горошинами. Перед сном, когда она с трудом стаскивала ботинки, сразу догадалась о причине боли в ногах. Из ботинок на пол просыпалась целая горсть ржаных зерен.

«Не женщина я, а мужик в юбке, — усмехнулась про себя Александ-

ра Львовна. — До чего огрубеть, чтобы целый день проходить на зернах и не почувствовать этого. Словом, я — не принцесса на горошине.» Нырнув под одеяло, графиня с наслаждением вытянула ноги.

Зеленоватый лунный свет пробивался в спальню ее крохотного деревянного домика.

Проснулась она затемно. Решила дождаться рассвета, вставать из теплой постели не хотелось. Так и лежала с открытыми глазами до первых петухов. Их было несколько в отряде. Тяжелобольным прописывался куриный бульон, вот и приходилось иметь в отряде походный курятник.

Немного спустя, когда горизонт обозначился светлой полосой, Александра Львовна быстро оделась, вышла во двор и направилась к палаткам, где расположились сестры. Круглая луна висела над краем леса.

— Девочки, подъем, — скомандовала, как заправский командир, графиня. — Пора, милые, грибы ждут вас!

Вторично будить не пришлось. Сестры дружно повскакали с постелей и стали одеваться, опережая друг друга. Подошла Мария Александровна, и все вместе на подводах двинулись в сторону ближайшего леса. Перед тем, как разойтись по лесу, договорились вернуться в отряд к обеду.

В лесу было тихо. Лишь редкие голоса птиц да заливистый смех кого-то из сестер нарушали тишину леса.

Александра Львовна вспомнила, как в Молодечно она устроила сестрам прослушивание на рассвете соловьиного хора. Стоял конец мая. Ближайшая деревенька утопала в яблоневом цвету, словно в предрассветном тумане. А они, сестры в белых халатах и с красными крестами на груди, расположившись на высоком берегу какой-то безымянной речушки, слушали дивные переливы соловьиных трелей, доносившихся с ракитовых кустов и плакучих ив.

Сколько трепетных чувств и светлых воспоминаний вызвали у сестер эти крохотные и неприметные с виду птахи своим самозабвенным пением! Душа очищалась от земных пороков.

Александра Львовна взглянула перед собой. Огромный, необыкновенной красоты подосиновик преградил ей путь. Ярко-коричневая тугая шляпка покоилась на толстенной кремовой ножке. Она нагнулась над ним и, придержав ладонью грибницу, осторожно оторвала его. А дальше пошло-поехало. Они только успевали нагибаться. Сколько бы-

ло радости вокруг! Подосиновики и подберезовики в одиночку и целой стайкой окружали сестер. Попадался и белый гриб с бурой и не столь яркой шляпкой, но сколько уважения вызывал он к себе!

— Вот это настоящее грибное место, — воскликнула Мария Александровна, наклоняясь над очередным красавцем. Она оглянулась. Подруги даже не откликнулись на ее слова. Александра Львовна и Чаадаева были всецело поглощены сбором грибов. Их белые халаты затерялись уже среди желтеющей листвы.

— Ау, девчата, — негромко крикнула Саввиных.

— Мы здесь, — где-то рядом отозвались подруги.

Устроили небольшой привал, перекусили тем, что захватили с кухни, — холодной говядиной, солеными огурцами и хлебом. Немного спустя, вышли к берегу Вилии. Красота неописуемая!

Вернулись к подводам вовремя, с полными корзинами грибов. Сестры несли их даже в подолах фартуков. Александра Львовна пересчитала сестер по головам. Все были на месте, и именинницы тоже.

— Тогда поехали, — скомандовала уполномоченная. Повозки двинулись обратно, поскрипывая на неровной дороге.

Как только вернулись в отряд, грибы свалили в три больших котла. Дежурный повар и четверо сестер занялись подготовкой.

К вечеру собрались в столовой. Из дымящих жаровень расходился аппетитный аромат запеченных в сметане грибов. Принесли и именинный пирог. Вокруг царило оживление. Кто-то сбегал за гитарой. Допоздна никто не расходился, пели романсы, цыганские песни...

Спустя несколько дней, в конце августа, дочь Саша расскажет об этом в письме к матери:

«Третьего дня были именины двух сестер Наталий, и мы все отправились на четырех подводах в лес за грибами. Грибов столько, что даже скучно собирать; их привезли целый ворох: белых, подберезовиков, подосиновиков. Места красивые по берегу Вилии, тихо, и только залесские выстрелы напоминают о войне».

Глава XVII
Генерал Мехмандаров

Мысль, которая часто приходила ей в голову, сама Александра Львовна иначе, как курьезной, не называла.

«Подумать только, — повторяла она, — пробыла на Кавказском фронте целых полгода. Там приходилось знать только русских офицеров, а на Западном фронте, вдали от Кавказа, попала в расположение Кавказского корпуса и оказалась среди кавказцев».

На самом деле, 8-й санитарный отряд Всероссийского Земского Союза, уполномоченным которого была Александра Толстая, оказался в распоряжении 2-го Кавказского армейского корпуса под командованием генерала от артиллерии С. Мехмандарова. Это было летом 1916 года, когда ее отряд был переброшен в район расположения 2-го Кавказского корпуса недалеко от железнодорожной станции Залесье, севернее Сморгони.

Штаб корпуса выдвинулся поближе к передовой и находился в лесу в замаскированном со всех сторон благоустроенном блиндаже. Александру Львовну в штаб корпуса провел молодой офицер и у входа любезно предложил ей войти первой. В полной форме, как и подобает уполномоченной отряда, предстала она перед тремя офицерами, которые склонились над раскрытой картой. После солнечного света в блиндаже царил полумрак.

«Наверное, это и есть командующий», — подумала Александра Львовна, увидев у стоящего в центре стола пожилого офицера генеральские погоны и какой-то орден в петлице. Сопровождавший четко и, как ей показалось, с кавказским акцентом доложил начальству о прибытии уполномоченной отряда:

— Господин командующий корпусом, в ваше распоряжение прибыла уполномоченная 8-м санитарным отрядом графиня Толстая.

Александра Львовна почувствовала, что в своем рапорте молодой офицер пытался особо подчеркнуть ее титул и фамилию. Но так или иначе все три офицера, двое из которых, как заметила она, были при генеральских погонах, оторвались от карты и с любопытством посмотрели на вошедшую. Глаза ее привыкли к темноте и стали различать детали.

«Так вот, — разобралась, наконец, Александра Львовна, — в чине генерал-лейтенанта это и есть, по-видимому, командующий корпусом, а эти — генерал-майор и капитан». — На Кавказском фронте она хорошо стала разбирать воинские звания и различать их.

От стола отошел и двинулся навстречу уполномоченной отряда тот, что был чином постарше.

— Генерал Мехмандаров, милостивая государыня, — представился

командующий корпусом, несколько обескураженный титулом и фамилией уполномоченной в форме сестры милосердия, а потому с подчеркнутой вежливостью поцеловал ее протянутую руку. Двое офицеров оставались на месте и лишь выправкой и кивком головы поприветствовали ее.

Генерал Мехмандаров представил графине своего начальника штаба генерал-майора Федорова и капитана Ивлиева, а затем предложил всем выйти на свежий воздух. Здесь же около блиндажа Александра Львовна предоставила командующему бумаги и доложила ему о назначении отряда, его составе и возможностях. При дневном свете она смогла внимательно рассмотреть лицо этого уже далеко не молодого, но бравого генерала, славная карьера которого драматически закончилась в смутное время 1917 года.

Первое, на что обратила внимание она, — это его густая и очень своеобразной формы борода, в которой уже проглядывало много седых волос. Зато от висков и выше довольно пышная шевелюра его была абсолютно седой. Красивый с горбинкой нос, темно-карие большие и выразительные глаза выдавали породу генерала. Несколько позже, вращаясь в офицерском кругу его подчиненных, Александра Львовна услышала о нем много лестных слов и подробности его биографии.

Самедбек Мехмандаров родился 16 октября 1856 года в азербайджанском городе Ленкорань, расположенном на берегу Каспийского моря, в богатой дворянской семье. Начальное образование Самедбек получил в бакинской гимназии. После окончания гимназии родители направляют сына в юнкерское Константиновское училище.

В 1876 году Самедбек Мехмандаров начинает свою военную карьеру с назначения его командиром батареи первой туркестанской артиллерийской бригады. За участие в завоевании Кокандского ханства молодой поручик удостаивается первой боевой награды — ордена Станислава 3-й степени. В 1894 году Мехмандаров переводится в Варшавский военный округ, а затем в Забайкальский артиллерийский дивизион, где и становится его командиром. В 1900-1901 годах Самедбек Мехмандаров принял участие в вооруженном подавлении боксерского восстания в Китае. Поговаривали, что при осаде мятежного города Цицикары, центра Хейлунгдзянской провинции, генерал Реннекампф, руководивший тогда осадой, приказал батареям Мехмандарова уничтожить мятежные войска в случае, если они попыта-

ются выйти из южных городских ворот. При виде мятежников, которые безоружными стали выходить из ворот, где притаились русские батареи, Мехмандаров отказался стрелять по китайцам, произведя всего несколько выстрелов поверх их голов, чем принудил их вновь укрыться за городскими стенами.

В русско-японскую войну уже в чине полковника Мехмандаров участвовал в героической обороне Порт-Артура. В 1908 году за высокий военный профессионализм Самедбеку Мехмандарову присвоили звание генерал-лейтенанта.

Первая мировая война застает опытного генерала на Варшавском оперативном направлении, где в первых числах сентября он становится непосредственным участником известной Варшавско-Ивангородской операции. В это время генерал Мехмандаров был командующим 21-й дивизией, которая входила в состав 3-го Кавказского армейского корпуса под командованием генерала Ирмана. Когда русские войска рассредоточились на участке протяженностью до 350 километров между Варшавой и рекой Сана, 3-й Кавказский корпус, находясь в составе 4-й армии Юго-Западного фронта под командованием генерала от инфантерии Эверта, в короткий срок совершил марш в район предстоящей операции и расположился севернее крепости Ивангород.

Военные операции на этом участке начались наступлением германских войск генерала Гинденбурга. Перед 3-м Кавказским корпусом ставилась задача отвлечь боевыми действиями в районе Козеницы немецкие силы от Варшавы.

Серьезным препятствием для развития наступления 3-го Кавказского корпуса в составе трех дивизий и корпусных частей, которое началось успешными боями у Козеницы, стали затяжные осенние дожди, которые буквально затопили низины и болотистую местность, сделав их непроходимыми не только для тяжелой техники, но и для пехоты. Трижды пытались развить наступление совместными усилиями дивизии 3-го Кавказского корпуса, прежде чем овладеть Козеницами и закрепиться на небольшом плацдарме. В этих боях, несмотря на превосходящие силы германской артиллерии, отличилась дивизия генерала Мехмандарова.

В дальнейшем 3-й Кавказский артиллерийский корпус, в котором прошла крещение 21-я дивизия генерала Мехмандарова, участвовал в Горлицкой операции. В конце 1914 года генерал Мехмандаров пере-

дает командование 21-й пехотной дивизией генералу Некрасову в связи с назначением его руководителем армейского резерва.

В мае 1915 года во время Галицийского наступления немцев 3-й Кавказский корпус, мужественно противодействуя и нанося крупные удары, осуществлял отход к реке Сана под натиском превосходящих сил противника. В конце 1915 года генерал Мехмандаров назначается командиром 2-го Кавказского корпуса, в состав которого вошли две пехотные дивизии, корпусная артиллерия, кавалерийский полк, саперный батальон, авиаотряд и телеграфная рота.

Сразу за назначением пришло сообщение из Ставки:

«15 октября 1915 года Государь Император соизволил пожаловать генералу от артиллерии Самедбеку Мехмандарову за отличия в делах против неприятеля Орден Святого Благоверного Великого князя Александра Невского с мечами».

Корпус, которым командовал генерал Мехмандаров, насчитывал 50 тысяч личного состава, около 20 авиапилотов и механиков, обслуживающих 5 - 7 самолетов.

В летнюю кампанию 1916 года 2-й Кавказский корпус под командованием Самедбека Мехмандарова действовал в районе Залесье - Сморгонь.

Александра Львовна не забудет этих трагических дней, пережитых на фронте во время бомбежек и газовых атак, примененных германцами в районе Сморгони. Ее энергичные действия и самоотверженность при оказании помощи отравленным газами отражены в сохранившемся приказе 2-му Кавказскому армейскому корпусу, подписанном командиром корпуса генералом от артиллерии Мехмандаровым. Из-за подробного изложения в нем событий приведем полностью копию этого документа:

ПРИКАЗ

2-му Кавказскому армейскому корпусу

№199

10 октября 1916 года. Действующая Армия.

8-ой санитарный транспорт и лазарет его Всероссийского Земского Союза уполномоченной А.Л. Толстой, расположенный у ст. Залесье, 8-го сего октября около 4-х часов пополудни подвергся обстрелу с неприятельского аэроплана, от которого, к сожалению, сильно пострадал врачебный и санитарный персонал его. Брошенная с аэроплана

бомба разорвалась в 7-ми шагах от операционного барака, где были в это время собраны все врачи лазарета и часть фельдшериц и санитаров для производства неотложной операции одному из больных, и тяжело ранило главного врача Д.В. Никитина, женщину-врача Е.Г. Чаадаеву, фельдшерицу Т.Л. Янушевскую, 12 санитаров, из которых трое скоро умерли, и четырех находившихся на излечении в лазарете больных, из которых двое также умерли.

Лазарет графини Толстой за все время пребывания его в районе корпуса своей образцовой работой постоянно оказывал ценные услуги частям вверенного мне корпуса. Особенно доблестна была работа всего персонала лазарета во время произведенной неприятелем газовой атаки в ночь с 19-го на 20-е июля сего года на фронте Гренадерской дивизии, когда часть его быстро, с большим рвением устремилась к передовым позициям для оказания помощи пострадавшим на месте и для быстрого вывоза их, другая же часть принимала доставленных в лазарет газоотравленных и оказывала им необходимую своевременную врачебную помощь.

За столь выдающуюся и полезную деятельность считаю долгом службы выразить свою глубокую благодарность всему персоналу лазарета во главе с графиней А.Л. Толстой и врачей: старшего — Д.В. Никитина, и младших — Чаадаевой и Саввиных.

Подлинный подписал: Командир корпуса, генерал от артиллерии Мехмандаров.

Первая газовая атака немцев была предпринята в конце мая 1915 года южнее Варшавы против частей 2-й армии, в результате которой оказалось 9 тысяч отравленных российских воинов. Газовая атака в Сморгони была очередным варварским актом противника, ставшим тяжелейшим испытанием для всего медицинского персонала отряда.

Серьезные душевные испытания в скором времени придется пережить и командующему 2-м Кавказским корпусом генералу Самедбеку Мехмандарову, отдавшему более сорока лет служению в российской армии.

Александра Толстая не была свидетельницей этих событий, так как находилась на излечении в минском лазарете. О последних днях пребывания генерала Мехмандарова в должности командира 2-го Кавказского армейского корпуса подробно повествует генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты»: «Утром 28 марта 1917 года явив-

шиеся к генералу два офицера доложили, что 2-я Кавказская гренадерская дивизия, построенная у деревни Оленец, выражает различные недовольства и желает выслушать компетентные объяснения командира корпуса».

Когда генерал Мехмандаров со своим начальником штаба корпуса генерал-майором Федоровым прибыл в деревню Оленец, где на небольшой площадке выстроились два полка Кавказской гренадерской дивизии — 703-й Сурамский и 704-й Рионский, солдаты с оружием были крайне возбуждены.

Командиры двух полков, отчаявшись навести порядок, сообщили прибывшему на место командиру корпуса: «Солдаты вышли из-под контроля. Всем руководит прапорщик Ремнев».

В это время прапорщик выступал перед солдатами:

«Совет рабочих и солдатских депутатов дал нам, товарищи, право устранять тех начальников, которым мы не доверяем».

— Правильно, — кричали наиболее рьяные солдаты, потрясая над головами винтовками.

На вопрос командира корпуса: «Откуда вам известно о таком распоряжении Совета?» — один из митингующих ответил: «Мы прочли из листовок!»

Основное недовольство солдат и некоторых офицеров выражалось в том, что дивизия, по их мнению, не готова для выдвижения на передовые позиции. Было очевидно, что пораженческие настроения и антивоенная пропаганда уже свили в полках прочное гнездо.

Генерал Мехмандаров подошел к построенным полкам и выступил перед ними, но накал страстей был настолько высок, что объяснения командира не удовлетворили солдат. По существу, он оказался арестованным.

После продолжительного совещания солдатские депутаты во главе с тем же прапорщиком Ремневым вынесли постановление о недоверии командиру корпуса генералу от артиллерии Мехмандарову, командиру гренадерской дивизии генерал-майору Никольскому и начальнику штаба дивизии подполковнику Войцеховскому и о том, что они избирают командиром корпуса генерал-майора Федорова. Однако начальник штаба корпуса наотрез отказался, заявив, что в корпусе находятся старшие по званию. После непродолжительного совещания солдаты объявили, что избирают командиром генерал-лейтенанта Тита Бенескула. Генерал Бенескул, в свою очередь, заявил, что при-

мет командование корпусом лишь по приказу командира корпуса. Солдаты обступили генерала Мехмандарова, и, чтобы не нагнетать и без того накаленную страстями обстановку, седовласый генерал отдал соответствующий приказ.

Из воспоминаний генерала С.Л. Маркова, который в тот период занимал должность генерала для поручений при командующем 10-й армией, следует, что он по приказу командующего армией 31 марта направился во 2-й Кавказский корпус, где обрушился на генерала Бенескула, принявшего должность командира корпуса, по сути дела, из рук прапорщика Ремнева, и требовал восстановления генерала Мехмандарова в прежней должности. Через два дня генерал Бенескул застрелился.

«Не надо мне было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева, — укорял себя генерал Марков. — Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкотелость».

Директор Центрального государственного исторического архива Азербайджана Ч. Салахлы в одной из своих статей о генерале Мехмандарове, повествуя о дальнейшей судьбе корпуса, писал:

«Что же касается 2-го Кавказского армейского корпуса, которым на протяжении более чем двух лет войны успешно командовал Самедбек Мехмандаров, то, «революционизировавшись», он фактически прекратил свое существование как боевая единица, в чем лично убедился генерал Деникин, посетив несколько позже часть корпуса в качестве главнокомандующего армиями Западного фронта».

Сам Деникин положительно отзывался о генерале Мехмандарове, ценя в нем трудолюбие, высокий профессионализм, хладнокровие при принятии сложных решений и бесстрашие, которое он не раз подтверждал за время участия в двух последних войнах.

В переписке с родными Александра Львовна Толстая не упоминает о каких-либо качествах прославленного генерала, но она неоднократно подчеркивала прекрасное отношение к ней со стороны командира и офицеров 2-го Кавказского армейского корпуса, что само по себе является достаточно лестной характеристикой седовласого генерала, горестную судьбу которого в смутное время разделили и многие русские офицеры.

Глава XVIII
Награда

Наступили сентябрьские дни 1916 года. Похолодало.

На фронте продолжалось затишье. Лишь изредка слышалось, как тот или иной случайный снаряд либо плюхнется в речку Вилию, взметнув столб воды, либо ударится о высокий склон ее берега. Гулкое эхо этих разрывов достигало палаточного городка, жизнь которого шла своим размеренным чередом. Изредка прибывали больные солдаты. Там, в окопах, нет-нет да и вспыхивал тиф.

В памятный в ее жизни день Александра Львовна делала обычный каждодневный обход. Заглянула в палатку: постели были убраны — она порой выговаривала сестрам за их неопрятность, а точнее — лень аккуратно прибрать за собой. Потом зашла к обозным, справилась о лошадях, корме для них. Распорядилась послать несколько человек накосить свежей травы и сделать запас сена, а затем вернулась в свой домик. Он стоял на краю поляны, рядом с госпиталем. Хотела немного прилечь, да не удалось. Неожиданно раздался стук в дверь. К ней буквально влетел запыхавшийся заведующий транспортом Соломатин и сообщил, что приехавший в отряд генерал желает видеть уполномоченную.

В своих воспоминаниях Александра Львовна приводит этот эпизод: *«Я выскочила и побежала к небольшой группе людей, окружавших приехавших, по-видимому, важных военных. Это был генерал-адъютант Государя князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Я остановилась перед этими важными персонами в полном смущении: зачем приехали эти люди? Что им нужно? И что мне делать? Если бы мы находились в тылу, в светской гостиной, я бы не растерялась, подошла бы к генералу и попросту поздоровалась бы с ним. А здесь, на фронте, все делалось по-военному».*

Как вспоминала Александра Львовна, выручил ее сам генерал. Он подошел к ней, похвалил и поблагодарил отряд за самоотверженную работу во время газовой атаки по спасению отравленных газами воинов, справился о положении дел и *«наградил именем Его Величества Государя Императора Георгиевскими медалями разных степеней доктора, одну сестру, двух солдат и меня».*

Об этом, казалось бы, знаменательном событии для любого человека она не сообщила никому, даже родной сестре.

Лишь однажды упомянула о награде Александра Львовна в коротенькой записке из Залесья к матери. 15 сентября 1916 года она писала:

«Милая мамаша!

Поздравляю тебя с именинами. Не думай, что здесь, так далеко от всех вас, не переживаешь со всеми вами памятных для нашей семьи осенних чисел...

К сожалению, писать сейчас подробно не могу. Вспомните обо мне в ближайшие дни и следите за телеграммами из Сморгони... Вчера выдвинула вперед летучку и транспорт. Дмитрий Ва[сильевич] и Мария Александровна всех приветствуют.

Писала ли я о том, что получила еще транспорт и что Дм. Вас. и я получили Георгиевские медали?

Всех очень крепко целую и люблю. Дочь Саша».

Как видно, получение транспорта и успехи на фронте волновали и радовали ее куда более, чем награды.

Тем временем на этом участке фронта готовились к большим событиям, стали прибывать техника, свежие подразделения...

Пришло распоряжение о выдвижении передовой летучки поближе к позициям. Александра Львовна тут же выехала в штаб дивизии, согласовала место дислокации летучки и маршруты транспорта при эвакуации раненых воинов в базовый отряд. На следующий день летучий отряд выдвинулся на место и приготовился к работе. Прошло несколько томительных дней. Чем закончился этот эпизод, видно из письма Александры Львовны к своей матери, посланного из Залесья 18 сентября 1916 года:

«...Когда я тебе писала, мы ждали больших дел. Здесь было сосредоточено около 200 тысяч войск. Мы выдвинули летучку и должны были работать в очень опасном месте. Потом сразу все отменили. Тяжелые орудия отвезли, войска отвели — и сейчас затишье. Я очень волновалась, работы было много, и все напрасно».

В эти дни находившийся в лазарете один из офицеров направлялся в Москву на лечение. В дороге его должен был сопровождать санитар — рядовой Степанов, которому Александра Львовна поручила съездить в Ясную Поляну и лично рассказать близким подробности о жизни в отряде.

2 октября рядовой Степанов, наконец, выехал, и Александра Львовна послала сестре с нарочным короткое письмо:

«Милая Танечка!

Спасибо, что хоть редко, но пишешь. Танечка, найди мне, пожалуйста, врача. Может быть, ты кого-нибудь знаешь? Может быть, Душан Петрович посоветует кого-нибудь? А то я получила транспорт, а врачей и фельдшериц найти не могу. Писать мне нечего. Думала много и упорно работать, но ничего не вышло, — сокрушается в письме Александра Львовна. — *Опять начала думать о доме. Надеюсь, что в течение месяца смогу вырваться на несколько дней. Все расскажет про нашу жизнь Степанов, он сейчас едет, и писать больше не могу».*

На следующий день из штаба дивизии прискакал вестовой и вручил уполномоченной отрядом служебный пакет. Александра Львовна развернула его. Вестовой стоял рядом и ждал. Она внимательно прочла бумагу, улыбнулась и велела вестовому возвращаться.

— Скажи полковнику, что пакет вручил, и передай от меня благодарность за приглашение.

— Слушаюсь, ваше благородие. — Вестовой отдал честь, вскочил на коня и умчался в штаб.

Александра Львовна вошла в свою хибару и вновь изъяла из пакета листок из плотной мелованной бумаги. Это был почетный билет на имя графини А.Л. Толстой, содержание которого гласило:

«Полковой комитет 14-го гренадерского Грузинского полка просит Вас не отказать в присутствии на вечере в деревне Мороськи 8 октября сего года, устраиваемом комитетом на усиление средств культурно-просветительного фонда».

Далее внизу следовала подпись почетного распорядителя полковника Канчели и председателя полкового комитета поручика Панова.

«Надо поприсутствовать, — решила для себя уполномоченная. — Придется и медали надевать. Ничего тут не поделаешь», — оправдывалась перед собой графиня, хорошо понимая, что официальное приглашение на вечер в офицерскую среду требовало соблюдения этикета, в соответствии с которым предписывалось ношение удостоенных наград. Впереди было еще пять дней.

Отсутствие работы для такого большого санитарного отряда, включавшего транспорт, лазарет и три летучки, Александра Львовна считала ненормальным. В одном из писем она делилась своими мыслями с матерью:

«...Думаю проситься у комитета перевода на другой фронт, а то народа много, денег тратим много, и все напрасно».

В сентябре ей предложили устроить при отряде зубоврачебный кабинет для солдат, прачечную, баню и чайную, но это было делом не очень большого масштаба, а ее привлекала настоящая работа. Когда до праздничного вечера, на котором она решила присутствовать, оставалось четыре дня, Александра Львовна выехала в Минск, чтобы решить кое-какие вопросы и попытаться, по возможности, попросить новую работу.

По приезде в Минск заехала сразу на квартиру к Варваре Михайловне, у которой и решила переночевать. Александру Львовну угнетало длительное затишье на фронте, расхолаживание солдат; их и без того не столь воинственное настроение становилось все более прохладным. Возможно, сказывалась усталость. То же самое настроение, по словам Варвары Михайловны, царило и в тылу. Подобные новости не придали им оптимизма.

Александра Львовна быстро управилась со своими делами и утром 8-го октября выехала из Минска в Залесье, чтобы к середине дня прибыть в отряд, а в назначенный час и поспеть на вечер.

Машина мчалась по знакомой дороге. Проехали Молодечно. Дорога пошла перелесками. Поля повсюду были уже убраны. Рядами украшали их стога сена. К двум часам дня проскочили Сморгонь и свернули в Залесье. Вокруг было тихо. Автомобиль, послушный рулю опытного шофера, выехал на проселочную дорогу, оставляя за собой вихрастый шлейф придорожной пыли. Кругом стоял в ярком желто-буром одеянии лиственный лес. Лишь местами багровели отдельные кроны могучих кленов. Ничто не предвещало беды, а на сердце Александры Львовны скребли кошки. Настораживала необычная тишина. С приближением к отряду волнение нарастало. Она впилась взглядом вперед в ожидании последнего поворота, после которого можно увидеть палатки. Оставалось совсем немного, шофер сбавил скорость, чтобы вписаться в поворот. Вот, вот появится... С первого взгляда ей все стало ясно. Сердце словно оборвалось...

Глава XIX
Суд над толстовцами

Валентин Федорович Булгаков, незадолго до смерти Льва Николаевича сменивший на посту его секретаря Н.Н. Гусева, продолжал рабо-

тать в Ясной Поляне. В его обязанности входила систематизация библиотечного фонда писателя, который располагался в нескольких десятках шкафов на втором этаже имения. Жил он рядом с библиотекой в небольшой комнате.

Как-то вечером в конце октября 1914 года в Ясную Поляну навестить своих прибыл Сергей Львович. Не дожидаясь ужина, он сел за рояль и стал музицировать. Чарующие мелодии романсов вскоре собрали в гостиной всех обитателей дома. Спустился вниз и Валентин Федорович и стал подпевать вместе со всеми, а затем дуэтом с Сергеем Львовичем спел цыганский романс «Последний нонешний денечек...». Вечер, внезапно перешедший в импровизированный концерт, по общему мнению, прошел великолепно. Татьяна Львовна была в восторге.

— Булгаша, вы были восхитительны. Как же вы столько времени скрывали от нас ваш чудный голос?

— Полноте, Татьяна Львовна, благодарить надо Сергея Львовича. Он прекрасный пианист и аккомпаниатор. А что до моего голоса, он сегодня просто прорезался, — смеясь, промолвил Валентин Федорович.

— Не жандармы ли виноваты в этом? — лукаво и с некоторым намеком спросила Татьяна Львовна.

Накануне ночью, с 26-го на 27 октября 1914 года, к Булгакову приходил подполковник тульской жандармерии Демидов с двумя жандармами и чуть было не учинил обыск в его комнате, но ограничился лишь коротким допросом. Перед уходом жандармы устроили в доме пожар, случайно скинув со стены зажженную керосиновую лампу. К счастью, один из них сбил на полу пламя своей же шинелью, которой задел лампу, снимая ее с вешалки.

На следующее утро Булгаков проснулся рано, предполагая поработать, но прежде чем окончательно засесть за письменный стол, он решил прогуляться по воздуху.

Выпавший за ночь снег сверкал ослепительной белизной. Легкий морозец располагал к прогулке. Булгаков обошел имение и направился в сторону Телятинок, но затем передумал и повернул обратно. Подойдя к дому, Валентин Федорович заметил яснополянского старосту Никиту Фролкова, который расхаживал с жандармом вокруг саней, оставленных неподалеку от крыльца. Лошади, запряженные в сани, поминутно фыркали, потряхивали гривами и размахивали пышными хвостами.

Булгаков вошел в дом, когда наверху в библиотеке Демидов спорил с Софьей Андреевной, настоятельно прося выдать ему пишущую машинку, но она категорически возражала.

— Она нужна мне для экспертизы, — настаивал на своем жандарм. — А затем мы вернем ее. — Упрямые домогания его становились невыносимыми.

— Нет уж, сударь... — не отступала графиня.

При появлении Булгакова подполковник оставил графиню в покое и объявил всем, что имеет полномочия провести обыск. В присутствии понятых жандармы тщательно осмотрели его комнату. Лишь после этого Демидов объявил об аресте. Булгакову разрешили собрать вещи и позавтракать.

Валентин Федорович поднялся в столовую. После завтрака, попрощавшись со всеми, он быстро упаковал необходимые вещи и спустился вниз. Там его поджидал Демидов. На санях в сопровождении двух жандармов они двинулись в сторону Тулы. Булгакова провожали все.

— До свидания, Булгаша! — громко крикнула вслед отъезжающему Танечка, которая в зимней шубке стояла рядом с мисс Вэльс, держа ее за руку, а другой энергично махая ему на прощание. Там, в Тульской тюрьме, и выяснились во время допросов обстоятельства этого дела...

Первая мировая война внесла сумятицу в среду единомышленников Л.Н. Толстого. Активно выступили против войны, как насилия, полтавский толстовец М.С. Дудченко, основатель «Общины свободных христиан» в Петербурге И.М. Трегубов и В.Ф. Булгаков.

По словам Булгакова, поводом для воззвания послужила копия обвинительного акта по делу двух социал-демократов, обвинявшихся в составлении воззвания против войны, которую зачитал как-то в Телятинках группе толстовцев Чертков. К кому ни обращался Булгаков, идея составить воззвание только в христианской плоскости, без политической шелухи, не вызвала однозначной реакции у ряда толстовцев.

Тогда, еще в сентябре 1914 года, Валентин Федорович попытался это сделать в форме статьи, которую он озаглавил «О войне». Статья заканчивалась призывом ко всем, «оставшимся верными братской любви людей между собою, сплотиться и объявить беспощадную войну злому суеверию — суеверию войны, убийства, насилия!».

Эти же мысли разделял полтавский толстовец, старый друг и еди-

номышленник великого писателя М. Дудченко, который в самом начале австро-сербского конфликта обратился с заявлением в различные газеты с осуждением и порицанием братоубийственной войны. Ни правые, ни левые газеты не приняли ее к публикации. Ее содержание и тон не соответствовали ни правительственному курсу, ни тому патриотическому порыву, который царил в тот период в российском обществе.

Третью попытку выступить с призывом против войны предпринял И.М. Трегубов — сын протоиерея, воспитанник Московской духовной академии. Порвав с догматическим православием, он стал единомышленником Льва Толстого, выступая против всякого проявления насилия.

Там же, в Телятинках, у Чертковых в присутствии хозяина дома состоялось вторичное собрание, на котором Трегубов прочел свой вариант воззвания, но он вызвал негативную реакцию, так как скорее напоминал длинную маловыразительную статью.

Приехавший из Петербурга Иван Михайлович Трегубов после этой встречи в доме Чертковых решил остаться на несколько дней и посетить могилу великого писателя, которая находилась в трех верстах от Телятинок. В Ясной Поляне Трегубов встретился с Душаном Петровичем Маковицким, там же он просил Булгакова составить воззвание, более лаконичное и весомое.

По словам Валентина Федоровича, он первоначально всячески отказывался, а затем, против своего ожидания, сел за стол, взял перо и, пока Трегубов навещал могилу Толстого, начал писать.

В книге «Опомнитесь, люди-братья!», опубликованной издательством «Задруга» в 1922 году, Булгаков вспоминал:

«Не успел я кончить, как вернулся Трегубов.

— Иван Михайлович, а я написал воззвание.

Он прочел его, привстал и протянул мне руку, мы обнялись и поцеловались.

Я тоже был растроган и взволнован. Без сомнения, в тот момент мы оба почувствовали, что придется жестоко поплатиться за это исповедание веры».

Как стало известно следствию, автор воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» и наиболее ярые его сторонники принялись за сбор подписей под ним, одновременно рассылая его своим единомышленникам с просьбой поддержать его.

23 447

При обыске на квартирах у подозреваемых был обнаружен сам текст воззвания, который начинался словами:

«Совершается страшное дело. Сотни тысяч, миллионы людей, как звери, набросились друг на друга, направленные своими руководителями, которым они, по непонятной слепоте, верят и во исполнение предписания которых там, на пространствах почти всей Европы, забыв свои подобие и образ Божий, колют, режут, стреляют, ранят и убивают своих братьев, одаренных, как и они, способностью любви, разумом и добротой...» Заканчивалось оно следующими строками:

«Мы, подписывая наше обращение, заявляем, что не на стороне войны, убийства и всякого насилия наши сердца и умы, а на стороне вечной Правды-Истины, которая в том, чтобы служить Христовой заповеди: не убий!»

В обсуждении нового воззвания в Телятинках приняли участие: Маковицкий, Сергеенко, Чертков и другие. Чертков отметил, что новый вариант предпочтительнее трегубовского, так как полнее отвечает своему назначению, но подписываться под ним отказался, мотивируя это тем, что является принципиальным противников всяких коллективных выступлений. Как потом показалось многим, своим отказом Чертков сознательно отвел от себя суровый по тем временам приговор и избежал тюремного заключения. Подобной дальновидностью не обладал простодушный Душан Петрович, который в числе первых подписался под воззванием. Его окончательную редакцию осуществляли Булгаков, Сергеенко и Трегубов. Незначительные поправки к тексту внес также и Маковицкий. Окончательный текст воззвания Душан Петрович получил от Трегубова и поставил под ним свою подпись. Булгаков вспоминал об этом эпизоде:

«Это было в передней Яснополянского дома, около одного из книжных шкафов. Мы столкнулись с Маковицким случайно; я зачем-то вышел из своей комнаты, дверь в которую ведет прямо из передней, а Душан Петрович как раз направлялся ко мне с листком воззвания в руках... Душан Петрович молча протянул мне листок, и при первом же взгляде на него я заметил, что к прежним подписям присоединена новая: Д.П. Маковицкий».

14 декабря 1914 года Душан Петрович был вызван в Тулу на допрос, где откровенно признался во всем. Ровно через месяц с небольшим Маковицкого, Молочникова и Лещенко снова вызвали повестка-

ми жандармского управления в Тулу и после очередного допроса арестовали.

В тульской тюрьме к тому времени находились В. Булгаков, С. Попов, Л. Пульер, В. Беспалов, М. Хорош и М. Новиков.

Предварительное следствие по делу о воззвании было закончено только в начале июня 1915 года, из которого стало известно, что подписали воззвание 38 человек, а обвинение предъявили тридцати по статье 129 Уголовного Уложения в совершении «бунтовщического или изменнического деяния». В более развернутом виде обвинение гласило, что в состоянии войны с Германией, Австрией и Турцией по предварительному между собой и другими лицами соглашению обвиняемые распространяли суждения, возбуждающие к изменническому деянию, причем составили воззвание «Опомнитесь, люди-братья!», призывающее население не принимать участие в войне, подписали его, размножили на пишущих машинках, а затем частью разослали по почте, а частью передали другим лицам».

Известие об аресте толстовцев быстро распространилось и вызвало сочувствие у их единомышленников.

Якубовский из Эривани 8 марта 1915 года писал А.К. Чертковой:

«Опять не знаю, куда писать Вам, в Москву или в Телятинки. Хочется узнать о судьбе Душана Петровича. За что его арестовали?»

В июле 1915 года он жалуется той же Анне Константиновне после бурных споров, имевших место во время встречи с Александрой Львовной:

«Она не скрывает своего несочувствия к поступку наших друзей, которых ждет суровая, по ее мнению, участь».

Взгляды сестры Александры Львовны были более лояльны к толстовцам. Находясь в Ясной Поляне, она 18 января 1916 года сделала пометы в «Дневнике»:

«Война все продолжается. Тяжело от нее. Какое чудовищное состояние человеческого сознания... Ромен Роллан оплеван всей Францией за то, что смел сказать, что немцы такие же люди.

Я не дошла до высоты Ромена Роллана... Я не могу чувствовать, что немцы такие же, как и другие народы: мне кажется, что в них есть черты тупой жестокости, не-свойственной другим народам, но я не стараюсь их ненавидеть».

Глубже всех ощущала пагубность поступка толстовцев Александра Львовна. Находясь на передовой линии, в гуще фронтовых событий, и

будучи непосредственной их участницей, она прекрасно понимала, как разлагающе действуют на солдатскую массу идеи толстовцев. И этим с успехом воспользовались большевики в своей антимилитаристской кампании.

Между тем, сестры по-человечески сочувствовали Булгакову и Маковицкому, с которыми их больше всего связывали дружеские отношения, и по возможности старались им помочь.

Однажды перед судом Татьяна Львовна попросила Душана Петровича, которого отпустили на поруки, откровенно ответить: что побудило его подписать воззвание.

— Из дружеского согласия, — ответил он. — Когда Булгаша приехал от Черткова, он с негодованием сообщил мне, что тот отказался его подписать. Вот я и подписал воззвание.

Эту же версию он сообщил на суде, который состоялся 21 марта 1916 года.

Накануне Татьяна Львовна с мисс Вэльс и Танечкой выехала из Засеки поездом в Москву, чтобы участвовать в нем в качестве свидетельницы. Приехала специально на суд из Минска и Александра Львовна. Суд состоялся в Кремле и длился несколько дней.

В конце концов все обвиняемые были отпущены на свободу, за исключением тех немногих толстовцев, кто упорно отказывался служить в армии по религиозным соображениям.

В защиту Булгакова, а заодно и всех толстовцев, подписавших воззвание, выступила Софья Андреевна. В ноябре 1914 года на страницах популярных в то время газет «Русские ведомости» и «Новое время» она выступила с протестом, описав приход жандармов в яснополянский дом:

«Полночь. Все спят. Весь дом затих от детских голосов и волнующих весь мир разговоров о всенародном бедствии. Сижу одна, дописывая масляными красками этюд флигеля. Вдруг слышу страшный грохот, топот лошадей и звонок. Мое 70-летнее сердце начинает страшно биться, думаю о смерти. «Полиция!» — извещает меня мой человек. «Что такое, за что?» — подумала я , всю жизнь прожившии без всякой пропаганды, без вины перед правительством и обществом, ненавидя революцию и всякий безумный протест. Спрашиваю одного из блюстителей порядка, что им нужно.

— Валентин Федорович Булгаков у вас?

— У меня, он живет уже давно и занят описыванием и приведением в порядок яснополянской библиотеки.

— Нам нужно снять с него допрос!

— Он спит, и почему же надо для этого беспокоить ночью меня и весь дом? Никаких прокламаций и вредных книг или листков я в своем доме не допустила бы, что давно всем известно; а то что Булгаков, как и все в мире, считает войну бичом человечества, — в этом преступления нет. Разница в том, что мы, люди пожилые, понимаем всю неизбежность войны и, плача о своих детях, все-таки посылаем их защищать Отчизну; молодые же, глядя на страдания ближних, воображают, что десятком своих протестующих листков они остановят всемирное бедствие и потушат подъем народного духа».

Февральскую революцию толстовцы поддержали, с сочувствием отнеслись они и к октябрьскому перевороту. Они приветствовали братание на фронте, конфискацию земель у духовенства и помещиков, все то, что в конечном итоге привело к разложению армии и массовому дезертирству.

Более сложной и неустойчивой оказалась судьба автора воззвания. В рукописном варианте книги «Опомнитесь, люди-братья!» Булгаков писал:

«Голоса русских большевиков мы в то время не слышали. Они выступили открыто с протестом против войны лишь после «февральской» революции, — да и то только с тем, чтобы путем «разложения» армии добиться своих политических целей, а затем возобновить постепенно и войну, и всеобщую воинскую повинность, и общую милитаризацию страны».

Это прозрение у автора воззвания наступило сразу, как только стало известно о многочисленных случаях расстрелов большевиками толстовцев, отказывающихся служить в армии по религиозным убеждениям. В изданной уже в 1923 году книге «Опомнитесь, люди-братья!» эти строки были выпущены.

Ранее в докладе «Лев Толстой и наша современность» В.Ф. Булгаков писал:

«Свобода, в смысле жизни по совести, для народа непосредственно связывалась с желанием прекратить братоубийственную войну. Большевики поняли это лучше, чем близорукие представители первого Временного правительства. Русский народ поверил большевикам... »

Однако дальнейшее стремительное развитие событий, связанное с беззаконием и массовым террором, гонение на церковь и нравствен-

ные устои российского общества в первые же годы большевистского режима вынудили Булгакова эмигрировать в Швейцарию.

А тогда освобожденный из-под стражи с условием не заниматься антивоенной пропагандой и другой антиправительственной деятельностью Булгаков отправился на Западный фронт в распоряжение Всероссийского Земского Союза, чтобы миротворческой работой искупить свою вину.

Александра Львовна встретила его как доброго друга семьи Толстых.

Глава XX
Злополучный день

С утра со станции Залесье прибыли в лазарет 8-го санитарного транспорта пять подвод, на которых разместили сборный домик для зубоврачебного кабинета. Доктор Никитин в отсутствие Александры Львовны попросил Саввиных проследить за работой, распорядиться оснастить кабинет оборудованием, чтобы через два-три дня, когда прибудет дантист, открыть прием нуждающихся в лечении. Он сделал обход санитарного городка и остался доволен. Помимо врачебной практики, его стали увлекать и организационные дела.

В одном из писем к сестре Александра Львовна отмечала заметные у старшего врача перемены: *«Дмитрий Васильевич стал совсем военным человеком, увлекается не меньше меня разными военными делами, организацией, передвижением и т.п.»*.

Оба они, а также Саввиных были приглашены на вечер. Дмитрий Васильевич представил Марию Александровну, эту весьма привлекательную женщину, к которой сам был неравнодушен, нарядно одетую, в центре внимания приглашенных и хозяев-офицеров гренадерского полка. Вечер обещал быть интересным. Сам он собирался пойти на него.

Дмитрий Васильевич направился к домику, где расположилась походная аптека, когда его окликнул один из санитаров:

— Ваше благородие, Дмитрий Васильевич, в лазарет больного привезли, зовут вас.

— Хорошо, передай, я сейчас приду, — намереваясь заглянуть все же в аптеку, ответил главный врач.

— Немедленно просят, — извиняясь, повторил санитар.

— Где больной?

— В операционной, ваше благородие!

Никитин, не заходя в аптеку, тут же направился в барак.

— Пойди за Чаадаевой, пусть срочно прибудет в операционную, — бросил он санитару на ходу.

Тот пошел выполнять приказание главного врача.

Когда Никитин заглянул в операционный барак, вокруг больного уже суетились сестры и фельдшерица Янушевская.

— Что с ним? — спросил главный врач, вытянув руки над тазом. Сестра поливала ему из кувшина.

— Проникающая рана в грудную клетку от осколка снаряда, — ответила сестра.

— Где осколок?

— Не знаю, наверное, застрял в области груди.

— Готовьте его к операции. Где Чаадаева?

— Я здесь, — послышалось у дверей.

— Чудно, Катюша, будем оперировать вместе.

Чаадаева сбросила плащ в прихожей и вошла внутрь помещения.

— Подготовиться к операции! — Эта команда, которую много раз слышал персонал операционной, привела всех в движение: сестры готовили операционный стол, раскладывали инструменты, зажимы, тампоны...

Никитин и Чаадаева тщательно вымыли руки, сестры помогали им надеть перчатки, завязали на лица марлевые повязки, оставив открытыми только глаза.

Раздетого раненого мигом перенесли на операционный стол, обработали рану снаружи, после чего фельдшерица приложила ко рту его маску для наркоза. Больной перестал стонать, дыхание его стало ровнее, тело обмякло...

Никитин и Чаадаева с двух сторон подошли к столу. Главный врач взглянул на Чаадаеву и моргнул глазами. Красивые темно-карие глаза Екатерины Георгиевны ответили тем же.

Никитин протянул руку: «Скальпель!» — и тут же почувствовал знакомую прохладу металла. Он оперировал практически молча, так как Чаадаева предугадывала все его намерения. По одобрительному взгляду и по движению рук, которые виртуозно действовали в глубине раны, младший врач понимала, что все идет гладко.

— Оттяните край, Катюша, — услышала она сказанные почти шепотом слова главного врача. В его голосе чувствовалось напряжение. Она тут же выполнила просьбу хирурга, раздвинув края надреза, давая Никитину возможность проникнуть глубже, еще глубже.

Никитин наклонился над раной. Его рука со щипцами буквально скрылась в теле больного. Екатерина Георгиевна, фельдшерица и сестры застыли в ожидании... Еще мгновение, и Дмитрий Васильевич распрямился, резким движением извлек щипцы и раскрыл их над эмалированным тазом. Раздался знакомый звук металла, осколок упал на дно таза.

Чаадаева взглянула на Дмитрия Васильевича. Лоб его был в испарине. Стоящая рядом с Никитиным сестра поймала укоризненный взгляд Екатерины Георгиевны, догадалась по кивку ее головы, что надо делать, и ватным тампоном провела по лбу главного врача. Никитин кивнул головой и продолжил работу. Надо было обработать рану и аккуратно наложить швы. Вновь послышались короткие и хлесткие, как удар, команды:

— Тампон! Зажим! Иглу! Зажим!...

— Остальное завершит организм, — произнес Никитин. Закончив операцию, он стянул с рук резиновые перчатки. — Спасибо всем, спасибо, Катюша. Выйдем на воздух.

Он снял с себя марлевую повязку, закурил и, войдя в тамбур, остановился в ожидании Чаадаевой и фельдшерицы Янушевской. Обе вышли из операционной и приблизились к Никитину. Дмитрий Васильевич открыл входную дверь...

Все остальное произошло мгновенно. Перед глазами его что-то вспыхнуло, раздался оглушительный взрыв, и земля содрогнулась. Еще мгновение, и домик затрясло от удара осколков и комьев земли. Никитин услышал только женский пронзительный вскрик, затем звук этот стал дробиться, утихать и растворился совсем...

Сознание медленно приходило к нему. Никитин напрягся и открыл глаза. Александра Львовна была рядом. Выражение испуга на ее лице сменилось надеждой.

— Слава Богу, Дмитрий Васильевич, — вздохнула она. — Мы думали, что не выведем вас из состояния шока.

Он увидел вокруг себя сестер.

— А где Чаадаева? — еле слышно спросил главный врач.

— Она ранена, но это не опасно, — старалась успокоить его уполномоченная.

Никитин испытывал сильную физическую боль, но сознание вернулось к нему окончательно.

— Что произошло? — спросил он у окружающих. — Я ничего не помню.

— Беда, — ответила Александра Львовна.

Никитин посмотрел на нее с изумлением.

— Откуда вы?

* * *

Когда машина выскочила из-за последнего поворота, Александра Львовна сразу заметила неладное. Парусину палаток во многих местах будто прорезало ножом. Огромные лоскуты свободно полоскались на ветру. На поляне суетились люди, мелькали носилки...

«Беда, — промелькнуло в голове страшная мысль, — но с какой стороны?»

Машина остановилась у операционного барака. В пяти метрах зияла огромная воронка.

— Что случилось? — крикнула Александра Львовна бежавшим ей навстречу сестрам.

— Немец сбросил бомбу.

— С аэроплана, — добавила другая.

— Есть убитые?

— Нет, но тяжело ранены шесть санитаров.

— А как врачи?

— Никитин, Чаадаева и Янушевская ранены.

Не чуя ног, Александра Львовна влетела в барак. В перевязочном отсеке Мария Александровна хлопотала над Чаадаевой и фельдшерицей. Их легко ранило осколками.

Увидев уполномоченную отряда, Мария Александровна коротко сообщила обо всем. Трагедия произошла полчаса назад. Шестеро санитаров тяжело ранены, двое уже скончались.

— Где Никитин?

— В другом отсеке.

Когда уполномоченная отряда вошла в отсек, Никитин еще лежал без сознания. После того, как он пришел в себя, Александра Львовна поведала ему о происшедшем со слов Марии Александровны.

— Где санитары? — спросил главный врач.

— Они в операционной.

Никитин приподнялся, сел на край деревянной кушетки и взглянул на ноги. Обе ноги были перебинтованы. Он постарался опереться на них. Они держали его.

— Принесите мне одежду, я буду оперировать. Сестра, приготовьте раствор для промывания глаз, — попросил он, зажмурившись. — Мне глаза засыпало землей. Больно режет.

Когда он оделся, тщательно промыл глаза и вошел в операционную, скончался третий санитар. Никитин незамедлительно принялся за спасение других, хотя беглый осмотр не оставлял ему практически никаких надежд.

— Такова участь хирурга: пока больной жив, за него надо бороться, — наставлял он фельдшерицу, которой предстояло ассистировать ему.

Боль в ногах усиливалась. В короткие перерывы он садился на табурет, чтобы снять нагрузку с раненых ног.

— Слава Богу, что раны неглубокие, — утешил себя главный врач и продолжил операцию.

Александра Львовна хлопотала в перевязочной. У остальных санитаров ранения были несерьезные, один из них лишь сломал себе руку при падении от взрывной волны. Пришлось накладывать шины.

На следующий день в лазарет прибыл командир корпуса генерал Мехмандаров. Он лично осмотрел место происшествия, справился о потерях и посетил пострадавших. 10 октября в санитарном отряде был зачитан приказ, в котором выражалась глубокая благодарность всему персоналу лазарета, а также графине А. Толстой, главному врачу Д. Никитину и младшим врачам Е. Чаадаевой и М. Саввиных.

Особо нуждавшихся в лечении Александра Львовна срочно вывезла в Минск.

Через несколько дней она сообщила сестре некоторые подробности этой трагедии:

«Милая Таня!

8-го октября в 4 часа дня, в то время как я летела из Минска на автомобиле в Залесье, предчувствуя неладное, в лазарет была брошена бомба с аэроплана. Шесть санитаров убито, тяжело ранена в ногу врач Чаадаева, ранен в ноги и глаза врач Дмитрий Васильевич и фельдшерица в ягодицу. Всего пострадало 19 человек. Я отвезла всех раненых в лазарет в Минск. Дмитрий Васильевич раненый лечил, пе-

ревязывал всех и делал операции, фельдшерица давала наркоз — удивительные молодцы. Теперь из старших мы остались вдвоем с Марией Александровной».

* * *

Степанов вернулся 10 октября, когда весь отряд залечивал раны. Оставшиеся в живых санитары засыпали воронку землей, привезенной подводами из леса, остальные штопали и сшивали грубыми нитками разорванную в клочья осколками бомбы парусину палаточного городка. Сестры помогали санитарам. Часть из них приводила в порядок операционный барак.

— А я-то в это время сидел у ваших родичей в Ясной Поляне, пил чай и болтал, что Бог нас миловал, — сокрушался Степанов. Он передал ей письмо, гостинцы из дома и пошел помогать.

Под вечер, когда была готова братская могила, в ней похоронили умерших от ран шестерых санитаров. В последний путь их провожал весь отряд. Над свежим холмом установили большой деревянный крест...

Глава XXI
Возрождение отряда

Татьяна Львовна и Софья Андреевна внимательно слушали рассказ рядового Степанова. Женщин интересовали подробности каждодневной жизни персонала, они поминутно справлялись о Саше. В письме, которое вручил им Степанов, была лишь просьба подыскать врачей для нового транспортного отряда, которых ни в Минске, ни в Молодечно Александра Львовна найти не могла. И совсем мало о себе. Степанов, как мог, отвечал на вопросы.

— Не беспокойтесь за Александру Львовну, она себя в обиду не даст, — успокаивал их рядовой. — Живет она в отдельном домике, при автомобиле, да вот только больно много работает. Все в бегах, все в бегах... Смотришь — утром была в отряде, а днем уже в Минске. Вечером, глянь, уже приехала то с каким-то тюком, видать, что-то привезла в отряд, то с новой сестрой.

— А не страшно? — спрашивали его женщины.

— Как быть на войне без страха, сударыни? Страх есть, да Бог нас милует. Ведь все живы, здоровы — и за то спасибо!

Перед обратной дорогой Степанова накормили. Татьяна Львовна силком вручила ему десятку, от которой он, смущаясь, отказывался, а сестре просила передать баночку липового меда и варенье.

— Вот еще письмо передай сестре и кланяйся ей от всех нас. В добрый путь, — прощаясь со Степановым, напутствовали его разом мать и дочь.

В Засеках Степанов сел на проходящий поезд на Москву.

«Через пару деньков обратно в отряд поеду», — притулившись на нижней полке забитого людьми общего вагона, подумал он про себя.

Простой люд с узелками и корзинами, несколько солдат и беспризорных подростков, бог весть каким путем прошмыгнувших в вагон, ютились вокруг Степанова. Кое-кто сидел рядом, другие растянулись на верхних полках. Оттого и воздух был тяжел.

— Нет, у нас в Залесье хоть и война, но простора и покоя больше, — заключил, оглядевшись вокруг, Степанов.

В Ясной Поляне о залесской трагедии узнали из «Орловского вестника».

Через неделю Татьяна Львовна получила письмо, в котором сестра сообщала о случившемся. В доме все сокрушались, особенно жалели погибших и Никитина, который получил ранения.

— Как немец посмел бомбить госпиталь, — негодовал Душан Петрович, который, будучи отпущенным из-под ареста, находился при Софье Андреевне и следил за ее здоровьем. — Ведь на палатках имеются опознавательные знаки Красного Креста. Это варварский акт, — повторял он неоднократно.

Татьяну Львовну очень беспокоила судьба сестры. Частые болезни, ненормальный ритм работы, тяжелые испытания, которые несколько раз переживал отряд, а тут эта трагедия... могут сломить любого, рассуждала она. Может, поехать к ней?

А там, в Залесье, Александра Львовна срочно подбирала новых санитаров, фельдшериц... По дороге в Минск ей пришла хорошая мысль. Решила предложить в Земском Союзе, куда она выехала на очередное заседание комитета, организовать два отряда, каждый со своим небольшим лазаретом, перевязочной, зубоврачебным кабинетом и летучками. Суровая необходимость требовала после того трагического дня сделать отряд более мобильным и незаметным для непри-

ятеля, а летучки прикрепить к конкретным дивизиям, чтобы заботу о безопасности ее персонала взяли на себя командиры. В комитете одобрили этот план.

Для нее вновь началась «сумасшедшая» жизнь: поездки в Минск, Молодечно и Сморгонь, добывание оборудования для кабинетов, прачечных, бань, дезинфекционных камер... Двуколки, повозки, лошади, кучера, санитары — все надо раздобыть, всех надо набрать, всех разместить, накормить...

Прошел месяц.

За это время Александра Львовна получила в конце ноября подробное письмо от матери, в котором она сообщала об Илье, отправившемся на теплоходе в Америку, где предполагал прочесть цикл лекций об отце. Поведала о Леве, который также задумал ехать читать лекции на английском языке в Китай, Японию и Индию, сокрушалась о его разрыве с семьей...

«*О себе не хочется писать,* — сетовала на свою судьбу мать, — *очень тоскую, война меня угнетает и мучает. Встану утром — не хочется жить. Много меня поглощает хозяйство, пленные, забота о пропитании всех при возрастающей дороговизне. Молю Бога за царя, что дал мне пенсию, а то совсем нечем было жить. Итак во многом отказываю себе и окружающим меня...*

Ну и все. Няня здорова, очень о тебе интересуется и ко мне добра. Поклон Марии Александровне, Дмитрию Васильевичу и тебя крепко целую...

Твоя мать С. Толстая».

Против обыкновения, Александра Львовна не могла найти ни минуты черкнуть своим пару слов. Наконец после длительного молчания 10 декабря 1916 года она отправила в Ясную Поляну своеобразный отчет:

«*Милая Таня!*

За последнее время совсем не пишу вам. Не было времени. За месяц отряд оправился от того удара, который судьба нанесла ему в Залесье, и разросся еще больше, стал еще лучше. Из одного отряда выросло два, так называемая летучка и база, которая снабжает эти отряды фуражом и провиантом и ведет всю канцелярию. В каждом отряде свой лазарет, амбулатория, перевязочная, зубоврачебный кабинет, прачечная, баня, дезинфекционная камера и 30 двуколок со 125 лошадьми для перевозки раненых.

Каждая летучка приписана к дивизии, находится в ее распоряжении, составляет ее часть...

Живут и больные и мы в землянках, халупах и шатрах. Я же живу нигде — и везде. Появляюсь то тут, то там, стараюсь поддерживать настроение, навести порядок, подобрать команду.

В одной из летучек живу в землянке, где не могу выпрямиться во весь рост. Сначала было сыро, а теперь обсохло и стало даже уютно».

В конце ноября в отряд к Александре Львовне приехал Валентин Булгаков, освобожденный из-под ареста до суда. Приехал, чтобы включиться в работу и принести пользу. Его назначили заведующим хозяйством базы. Первые же его шаги на новом поприще приятно удивили Александру Львовну.

«*Булгаков меня поражает,* — писала она в том же декабрьском письме Татьяне Львовне. — *Как умный человек, он сразу приспособился... Вникает во все хозяйственные дела, тверд, сумел себя поставить среди команды и даже покрикивает и штрафует...* »

При встрече с Александрой Львовной Булгаков часто поднимал разговор о Льве Николаевиче. Вместе вспоминали эпизоды, связанные с ее отцом, общих знакомых, Ясную поляну, — все то, что согревало их души.

В письме к сестре она сообщала о Валентине Федоровиче: « *...А для меня этот человек близкий, с которым я вспоминаю и говорю об отце, о Ясной. До сих пор в отряде я об этом никогда не говорила. Здесь я не дочь своего отца, а уполномоченный Главного Комитета — и все, что было дорого и близко, жило где-то глубоко в душе*»

В начале ноября 8-й санитарный отряд перебазировался на новое место, и она просила родных и близких писать ей по адресу: «109-я полевая почта. Действующая армия».

После перенесенного шока и полученных ранений здоровье Дмитрия Васильевича стало улучшаться, хотя он еще продолжал лежать в минском лазарете. Чаадаева тоже выздоравливала.

В общем, раны отряда постепенно затягивались; о том кошмарном дне стали забывать.

Наступил последний месяц года. На смену грустной осени незаметно пришла зима. Утренний морозец все чаще прихватывал тонким зеркальным льдом осенние лужи.

В один из декабрьских дней Александра Львовна вышла из своего домика. Предстоял обычный обход.

Лучи восходящего со стороны Вилии солнца пронизывали редкий сосновый лес. Длинные, отливающие голубизной тени легли на заснеженную поляну. Палатки, припорошенные снегом, слились с окружающей белизной, и лишь опознавательные красные кресты их, словно алые пятна, повисли в звенящем от мороза воздухе.

— Боже мой, какая красота! — воскликнула уполномоченная, приподняв воротник своего полушубка.

До наступления нового, 1917 года оставались считанные дни.

Глава XXII
Разложение в тылу и в войсках

В одну из последних декабрьских ночей приснился Татьяне Львовне сон, будто там, в отряде, за ее сестрой разом приударяют несколько офицеров, а она флиртует со всеми на глазах у своих подчиненных, вызывая у них ревностные чувства.

Эти мысли приходили ей и наяву. На сей раз Татьяна Львовна решила рассказать младшей сестре о виденном ею перед Новым годом сне и попытаться узнать, не вещий ли он?

В это время в отряде, как и на фронте, царила тишина. Бездействие расхолаживало всех: и военных, и медицинский персонал. Правда, руководство Всероссийского Земского Союза не для распространения поделилось с Александрой Львовной предстоящими планами, связанными с крупной реорганизацией отряда, с которыми уполномоченная частично ознакомилась и ждала конкретных действий. Когда перед Рождеством она получила письмо из Ясной Поляны, решила не медлить с ответом. На следующий день перед отъездом в Минск взяла с собой Марию Александровну и вместе поехали на базу. Там вовсю кипела работа, составлялся месячный отчет, то и дело из канцелярии приносили на подпись квартальные заказы, акты и другие бумаги. Тут же готовилась к отправке почта. Александра Львовна воспользовалась этим и, присев за свободный столик, принялась за письмо:

«Милая Таня!

Думаю вырваться к вам после пятнадцатого на денек, другой. Кажется, на мою долю выпадет новая, большая работа, о которой сейчас писать не могу.

Да, твой сон, слава Богу, не в руку. Может быть, я и могла бы в других обстоятельствах вести себя более легкомысленно, но здесь, когда держишь в руках столько сестер, в голову не полезут такие мысли.

Должно быть, так и помру бобылкой, слишком я много сил и энергии трачу на дело — и вся цель жизни, все только в этом.

Когда приеду — выясним фондовые денежные дела. Вот и все. Мешают писать. Сижу на базе. Рядом усиленно работает канцелярия, каждую минуту приносят подписывать бумаги.

Завтра еду на автомобиле в Минск на заседание Комитета. Булгаков находится в Смоленске на испытании — в больнице.

Крепко всех целую. Сестра Саша».

Мария Александровна в конце письма сделала короткую приписку:

«*Милая и многоуважаемая Татьяна Львовна, пользуюсь случаем послать Вам и Танечке сердечный привет и наилучшие пожелания на Новый год.*

М. Саввиных».

Выполнив все дела на базе и захватив необходимые для отчетного доклада материалы, фронтовые подруги вернулись в отряд.

В последнее время в свободные часы, которых становилось все больше и больше из-за фронтового затишья, Александра Львовна задумывалась над всем тем, что происходило в России. Там, в тылу, многочисленные перестановки в правительстве, смена министров, нескончаемые дебаты в Государственной Думе и взаимные обвинения, слухи то о сепаратном мире, то о сильном влиянии Распутина на царскую семью породили растерянность и полнейшую апатию в обществе. Затянувшаяся война, лавина беженцев, продовольственный кризис и повышение розничных цен вызывали недовольство населения, в особенности беднейших ее слоев — рабочих и крестьян. Всеобщая усталость от войны и неопределенность окончания ее у многих дельцов выдвинули на передний план частнособственнические интересы, все то, что сулило выгоду и материальный достаток.

В конце декабря газеты разного толка пестрели подзаголовками об убийстве Распутина, но оно никого серьезно не взволновало. Мало кто верил, что со смертью Гришки что-либо изменится.

В городах и сельской местности стали организовываться кооперации, сельскохозяйственные общества, различные товарищества, ничего общего не имеющие с нуждами войны.

Фронт и тыл перестали быть единым целым. Депутаты с трибуны Государственной Думы неустанно говорили об этом, а жизнь, в особенности в российской столице, шла другим путем. Участились случаи проведения пышных свадеб, расточительных балов, конкурсов красоты...

В Петрограде созданное по инициативе поэтов Всероссийское общество противодействия роскоши и расточительству провело в мае 1916 года акцию протеста против сытого равнодушия части россиян, для которых война стала лишь средством наживы. Этот нравственный общественный протест был направлен, в первую очередь, против новоявленных богачей, избравших приспособленчество и корысть главным смыслом жизни на фоне ощутимого обнищания народа.

Очереди в продовольственных лавках за хлебом и сахаром, которые Александра Львовна наблюдала летом, будучи в Москве, взлетевшие вверх цены, трудности с топливом заставили правительство ввести ценовую таксу на наиболее необходимые товары, ограничивающие их рост, однако улучшить их поставку в города ему не удавалось.

В течение двух лет довоенные цены подскочили на мясо — в три раза, на сливочное масло — в два раза, на хлеб и на сахар — в полтора раза.

Газеты сообщали, что местные купцы, «патриоты от коммерции», как их окрестили журналисты, чтобы взвинтить цены, утроили нечто, похожее на «мясную забастовку», попридержав для этого запасы мяса на своих складах, и были крайне недовольны действиями военных властей, которые, чтобы сбить искусственно поднимаемые цены, приняли меры по доставке на рынки столицы мороженого мяса из резерва городской Думы с целью удовлетворить горожан, стоявших в очередях у пустых прилавков.

Не лучше обстояло дело и на фронте. Затяжной характер войны, длительное противостояние и затишье на фронте расхолаживало солдат. Томительное ожидание активных действий, которые по неизвестным причинам раз за разом откладывались, создавало благоприятную обстановку для антивоенной агитации в окопах.

Еще в декабре 1916 года Александра Львовна, находясь в Минске, куда ее вызывали на очередное совещание, узнала о многочисленных фактах братания солдат противоборствующих сторон, которому якобы всячески способствовало германское командование, об агитационной работе, которую повсеместно ведут в войсках больше-

24 447

вики, распространяя антивоенные листовки и окопную газету «Правда».

По возвращении в Залесье она стала более внимательно присматриваться к окружающим и, к своему удивлению, пришла к выводу, что, поглощенная работой и каждодневными заботами об отряде, она не замечала перемен, которые происходили в сознании некоторых ее подчиненных. И на самом деле, среди части врачей и младшего медицинского персонала проявились различия позиций относительно происходящего в стране. Разногласия день ото дня принимали все более реальные очертания и формы: падение дисциплины, нежелание подчиняться приказам, грубость.

Особенно неблагополучно обстояли дела в одной из вверенных ей летучек, где, по словам очевидцев, организовалась даже маленькая тайная ячейка во главе с местным врачом.

От офицеров корпуса, с которыми встречалась Александра Толстая, приходилось слышать о брожении среди солдат, особенно в Сурамском и Рионском полках. Один из офицеров утверждал, что началось это после нескольких случаев братания с немцами:

— К нашему берегу Вилии со стороны немцев ветром прибивает сани, оснащенные парусом, битком набитые прокламациями и газетами, не поверите — на русском языке. Наши солдаты тайком их читают.

Поговаривали, что немецкие аэропланы забрасывают наши передовые позиции больше листовками, нежели бомбами и снарядами. Небось, дешевле им обходится.

Появились и случаи дезертирства, с которыми командованию еще удавалось как-то бороться, но принимать решительных мер оно не спешило. Создавалось впечатление, что все ждали перемен, но не ведали, какими они будут.

В конце декабря Татьяна Львовна записала в своем «Дневнике» после смерти Распутина:

«Начинают говорить о мире. Не верится в то, что эти бедствия кончатся. В тылу настроение отвратительное: грабеж, жажда наживы, раздражение».

Об этом, по-видимому, писала она и сестре в Залесье.

В отличие от младшей сестры, которая пребывала на фронте и круг интересов которой ограничивался состоянием и боеготовностью вверенного ей санитарного отряда, Татьяна Львовна черпала свою ин-

формацию из регулярно получаемых газет и журналов, а также от живых свидетелей происходивших в тылу событий, друзей, родственников и просто знакомых, навещавших ее в Ясной Поляне.

В Ясной Поляне с нетерпением ждали и Александру Львовну, обещавшую приехать в середине января.

Вместо этого Татьяна Львовна получила извещение от Марии Александровны Саввиных, что ее младшую сестру срочно уложили в минский лазарет.

Глава XXIII
Минский лазарет

Рано утром Александра Львовна выехала на автомобиле в Минск. Укутавшись в полушубок и накрыв шерстяным пледом ноги, она удобно устроилась на заднем сиденье автомобиля. Машина бесшумно мчалась по заснеженной дороге. В прифронтовой зоне изредка били пушки, однако трудно было угадать, кто стреляет — наши или противник?

Стрельба перестала быть слышимой по мере удаления автомобиля в тыл. В салоне было холодно, Александра Львовна совсем продрогла. Шофер довез ее до дома на Немигской, в котором уполномоченная снимала небольшую квартиру в связи с частыми приездами в Минск, и обещал к утру заехать за ней.

Александра Львовна растопила железную печь, поставила чайник на раскаленную плиту, а сама, расстелив на небольшом столике скатерть, которую вытащила из буфета, выложила на нее скромные запасы еды: копченую колбасу, банку яснополянского варенья, присланного еще через Степанова, и кусочек свиного сала с розовыми прожилками. Хлеб, сметану и дюжину яиц она привезла с собой. Этого должно было хватить на два дня. Дольше она не собиралась задерживаться в Минске.

Утром за ней заехал шофер и отвез ее на Захарьевскую. Совещание началось в десять часов утра и прошло довольно гладко.

Возвращалась домой в приподнятом настроении, но по дороге почувствовала легкий озноб и недомогание. Дома она несколько раз отпаивала себя теплым чаем с вареньем и вроде бы сняла внезапную простуду. Жарко растопив печь, рано легла спать. Утром за ней заехал шофер, и они вернулись в отряд.

Не прошло и недели, как ее вызвали обратно в Минск. Предстояло выполнить одно ответственное задание. В дороге она почувствовала себя неважно. Общее недомогание, которое преследовало ее в последние месяцы, перешло в болезнь. Под вечер у нее поднялась температура, появилась боль в суставах. Мария Александровна, которая все время находилась в Минске, заставила подругу лечь в постель, несмотря на отчаянное ее сопротивление.

— Маша, а как с отрядом? Сейчас, когда столько дел, это безумие — лежать в постели, — не могла угомониться уполномоченная.

— Безумие так рассуждать, Александра Львовна, — не отступала Мария Александровна. — Я не выпущу вас на улицу до прихода врачей, пусть они решат, если мое слово для вас ничего не значит.

Мнение врачей было однозначно — постельный режим. Через неделю немного полегчало, хотя характер болезни не давал установить диагноз. Своим же она написала 13 февраля коротенькое письмо:

«Милая мамаша и Таня!

Пишу, чтобы сказать, что я еще жива, хоть и не здорова. По-видимому, больна я суставами ревматизма. Температура еще держится, но стало лучше, хотя, кроме ног, заболело еще плечо. Могу лежать только на спине. Ко мне все очень добры, лечат три врача, кроме Марии Александровны, которая завтра должна уехать из отряда. А в отряде, по-видимому, дело страдает и одна за другой летят телеграммы за разъяснением всяких дел. Простите, что мало пишу».

От напряжения у Александры Львовны появилась испарина на лбу. Она протерла лоб влажным полотенцем и откинулась на подушку. Общая слабость охватила весь ее организм.

«Вот и расклеилась окончательно», — с горечью подумала она.

Навестил ее и Дмитрий Васильевич. Он почти оправился от ран, и лишь в плохую погоду свежие рубцы давали о себе знать. Но с этим он как врач давно уже смирился. Рассказал о Чаадаевой, сообщил, что и с ней все в порядке. Посетовал на настроение в войсках, падение дисциплины, в том числе и в одной из летучек отряда, чем сильно огорчил уполномоченную.

— Берегите себя, Александра Львовна, тревожное наступает время, сейчас надо думать о собственном здоровье, — сказал ей на прощанье Никитин и, попрощавшись, удалился.

Мария Александровна отложила свой отъезд из Минска и осталась с больной. После короткого облегчения у Александры Львовны образо-

вался нарыв в горле, мучительная боль от которого не давала ей даже вздремнуть. Снова поднялась температура. Гнойник в горле, к счастью, прорвался, но зато появилась боль в ноге. Боль настолько усилилась, что выдержать ее было невозможно.

Письмо, полученное от матери, не принесло дочери радости. В нем сообщалось о смерти нянюшки. Ответ продиктовала Марии Александровне.

«Милая мамаша и Танечка!

Как я была огорчена смертью нянюшки! Вновь поручаемые мне ответственные дела помешали мне приехать, когда я хотела и когда я ее еще бы застала... Был мучительный нарыв в гортани — прорвалось, а теперь болит нога при температуре почти 39°, но так болит, что минутами визжу как поросенок на весь дом. Врачей много и все хорошие, но пока помочь трудно. Очень соскучилась».

После этого приступа врачи, посовещавшись, срочно перевели больную в минский хирургический госпиталь.

24 февраля по ее просьбе Мария Александровна Саввиных отправила в Засеку телеграмму:

«Сегодня благополучно сделана операция. Пишите Минск, эвакуационный пункт».

Болезнь дочери очень встревожила Софью Андреевну. В конце февраля 1917 года в Минск от нее пришло письмо, а следом за ним — от сестры.

25 февраля из минского хирургического лазарета Александра Львовна ответила сестре:

«Милая Танечка!

Вчера получила твое письмо, третьего дня — мамашино, спасибо Вам, а то было очень грустно. Эти двадцать два дня лежания, часто с невыносимыми страданиями, были очень хороши. Все лишнее, мирское, мелочное — отпало. Осталась душа. В таком состоянии хорошо умирать. Все время ночью видела во сне, а днем вспоминала отца. Третьего дня разрезали опухоль — причем разрез восемь сантиметров, а глубина вершок, причем гной оказался под мышцей...

В лазарете очень хорошо. В Минске все очень добры. Сегодня ко мне придет Петя Раевский. Соня Толстая очень мила и успокоительна. За мной ухаживает наша фельдшерица из отряда Прасковья Никифоровна Петрова, которую я называю Пышок. Мы с ней работали вместе еще на Кавказе. Целую тебя, мамашу, Танечку. Привет Ду-

шану Петровичу. О деньгах ты не тужи, как поправлюсь — будут сколько нужно, а пока можно что-нибудь занять.

Овсянниковские планы твои мне очень нравятся. Думаю, что это особенно полезно для Тани. Только не следует заводить лишней роскоши. Когда живешь так, как мы теперь — в халупах и землянках, где мерзнет вода, видишь, как много лишнего, ненужного мы заводим. Потребности как резина — стягиваются и растягиваются. Промерзнув так, как мы промерзали эту зиму, кажется, что если было бы тепло и чисто, то больше ничего не нужно».

Письмо это Александра Львовна продиктовала дежурной сестре, а сама она сделала лишь коротенькую приписку:

«*Прости, что пишу так нескладно и не сама. Очень слаба. Утром сейчас 38,3, а вечером — 39,6.*

Ну, целую всех крепко. Ваша Сашка».

В течение всей недели болезнь не отступала. К вечеру температура резко подскакивала. Состояние Александры Львовны не на шутку напугало яснополянцев. За короткое время больная получила несколько телеграмм. 1 марта 1917 года Александра Львовна, обеспокоенная собственной болезнью, послала в Ясную Поляну короткое письмо:

«*Милая мамаша и Танечка!*

Что-то со мной случилось. Вчера вечером температура вскакнула до 39,8. Утром сегодня 39,7, а сейчас в четыре часа дня 40. Вчера главный врач — хирург измордовал рану, думая, нет ли где затека гноя. Если бы вы знали, какая это была боль, он залезал под мышцы до самих костей. Я думала, что не выдержу. В ране оказалось все благополучно, а отчего такая температура, никому не известно.

Физически тяжело ужасно, а душевно хорошо. Все время думаю об отце. Точно отпало все ненужное, налипшее, а осталось самое настоящее. Понимаете? Ну, прощайте. Целую тебя, мамаша, и тебя, Танечка, и маленькую Танечку. Привет Душану Петровичу.

Ваша любящая Саша».

Спустя несколько дней, Александра Львовна получила подряд несколько писем от матери и сестры, полные тревоги за состояние ее здоровья.

Мария Александровна несколько раз перечитывала их больной подруге.

Сестра сообщала ей о болезни матери.

«*Могу ли я ее оставить, совсем беспомощную и одинокую? Случись*

с ней что без меня — я бы себе ввек не простила, — сокрушалась она в письме. — *Мало ли она для меня испытывала лишений и принесла жертв! Как мне бросить ее? Она совсем, совсем одна...»*

К началу марта температура спала и наступили признаки выздоровления. Как только стало немного легче, Александра Львовна послала из Минска телеграмму в Засеку сестре:

«Температура понижается не беспокойтесь».

А через четыре дня на настойчивые просьбы Татьяны Львовны сообщить об истинном состоянии здоровья ее сестры и готовности ее в случае чего приехать в Минск, чтобы лично ухаживать за больной, она ответила телеграммой:

«Пожалуйста не уезжай от матери. Здоровье лучше когда поправлюсь приеду».

Через несколько дней Александра Львовна получила из Ясной Поляны письмо от сестры, в котором она вновь выражала желание приехать в Минск.

Она ответила отказом. В письме от 7 марта 1917 года больная, состояние которой несколько улучшилось, собственноручно писала:

«Милая, милая Танечка.

Получила твое письмо вчера, и так оно меня растрогало, что долго плакала и не могла никак из-за этого ответить. Ни за что не приезжай, пожалуйста. У меня ничего нет опасного — оказалось, что к ослабленному организму снова прикрепилась кавказская лихорадка, которая дает такую сумасшедшую температуру то 40°, то 36°. Сегодня после вчерашней жары 39,4° — температура 36° и слабость такая, что это письмо писала, столько раз отдыхая и вся мокрая. Да, мне хорошо. Папаша висит против на стене. Анночка принесла цветов. Соня каждый день приходит...»

Тягостные дни пребывания в минском лазарете совпали с событиями, которые с головокружительной быстротой разворачивались в России, и в первую очередь в столице. Громовые раскаты февральского переворота гулким эхом прокатились по всей стране, вызывая у одних радость, у других — затаенный страх перед надвигающейся за этим катастрофой, у третьих — смятение и растерянность.

Много лет спустя, вспоминая об этих трагических событиях, Александра Львовна напишет в своих мемуарах:

«Я лежала в минском госпитале, мне только что делали операцию. К пиэмии прибавилась тропическая лихорадка, которую я подхвати-

ла, работая на турецком фронте. В голове было мутно от очень высокой температуры. Но болезнь не волновала меня. Революция? Что-то будет?.. Мой любимый доктор, пожилой благообразный еврей, вошел в комнату, сел у кровати и взял мой пульс.

— Скажите, доктор, как дела?

— Хорошо, рана скоро заживет. Высокая температура от малярии.

— Я не об этом... Я о революции, что происходит? Есть ли какие-нибудь перемены?

— Да, Великий князь Михаил Александрович отрекся от престола.

— Боже мой!.. Значит... пропала Россия...

— Да. Пропала Россия! — печально повторил доктор и вышел из комнаты».

Боже мой!..
Значит... пропала Россия

А. Толстая

Часть 4 АПОКАЛИПСИС

Глава XXIV
Февральская революция

Накопившееся с годами войны недовольство народа заявляло о себе. Российская столица напоминала большую пороховую бочку, у которой был уже подожжен фитиль и не было никаких сил приостановить движение огненного бегунка к заряду. Напротив, все способствовало тому, чтобы ускорить его бег — продовольственный и правительственный кризис, расстройство тыла и неудачи на фронте. В России в нужный момент не оказалось ни достойной личности, ни надежной партии, вокруг которой произошла бы консолидация общества во имя победы над неприятелем и последующей мирной, демократической реорганизации власти.

Патриотическая идея в тылу теряла силу. Общество втягивалось в бесконечные дискуссии о войне. Российский анархист Кропоткин признал войну как избавление от возможного порабощения россиян, а Ленин, поддерживаемый германским командованием, ратовал за перерастание ее из войны империалистической в гражданскую. Находившийся тогда в Швейцарии, а затем вернувшийся на родину лидер меньшевиков Плеханов категорически настаивал на продолжении войны до победного конца, а его соотечественник, биограф Л.Н. Толстого П.И. Бирюков выступал в эмигрантских кругах с речами против войны.

В то же время в правительственных кругах каждый втайне мечтал о власти, извергая свой гнев на других. Кругом искали виновных.

Болезнь Александры Львовны, надолго приковавшая ее к госпитальной койке, и, наконец, операция не давали ей возможности даже следить по газетам за калейдоскопом развития событий наступившего смутного времени. Единственным источником информации для

нее были врачи, однако подлинную картину происходившего установить было трудно из-за неоднозначности их оценок. Наконец, оставались письма матери и сестры, которые тоже черпали ее от знакомых, из писем Сергея Львовича, газет и журналов.

Нескончаемый месяц провела Александра Львовна в хирургическом лазарете. В письме к матери она сетует по этому поводу:

«Сегодня 30 дней, что я лежу в постели. А время такое интересное, что хотелось бы быть в армии, а не в лазарете. Боюсь, что, как и в 1905 году, люди перейдут чувство меры, и тогда вместо радости будет ужас и горе».

В последующих письмах к сестре Александра Львовна более категорична. В ее оценке происходящего в стране обнаруживается завидная проницательность:

«...Все что делается, мне не нравится, главное, потому, что подрывается и уже подорвана дисциплина в армии. Господа, стоящие во главе, совершенно упускают из вида, что время военное и что все должно быть прежде всего направлено на то, чтобы победить немца».

В середине марта, все еще находясь в хирургическом лазарете, Александра Львовна получила от своей сестры из Ясной Поляны письмо с освещением обстановки в стране и ее оценкой. 16 марта она незамедлительно отозвалась на него:

«Милая Танечка!

Спасибо за твое прекрасное, умное и ласковое письмо. Так я тебя всю прочувствовала в нем. Хорошо ты пишешь про переворот, но я еще чего-то боюсь. Боюсь, главное, победы немцев, так как дисциплина несомненно упала на фронте».

Крайне обеспокоенная также состоянием дел в своем санитарном отряде, она откладывает приезд в Москву и предполагает вернуться на фронт, в отряд. В очередном послании сестре она вновь подтверждает свои сомнения относительно возможных перемен к лучшему:

«Я все мрачнее и мрачнее смотрю на положение вещей. Немцы лезут, а дисциплина нарушена, и ничто не заставит теперь солдата защищаться. Солдаты бегут и прячутся. Думаю, в дальнейшем будет еще хуже».

Со своих позиций подходит к этим событиям недавний оппонент Александры Львовны — Якубовский, с которым она вела принципиальный спор в вопросе о войне. В эти же мартовские дни он пишет из Эривани Анне Константиновне Чертковой, справляясь об их реакции на то, что происходит в России:

«Как Вы и друзья наши переживаете это освобождение от старых оков? Хочется верить, что с падением православного самодер-

жавия будет осуществлена предсмертная воля Л.Н. Толстого выпустить из темницы все его творения... Боже мой, с какой головокружительной быстротой все свершилось. Ни эта ужасная война, ни этот сказочный переворот не имели примера в истории человечества. И в нашей Эривани, хоть в миниатюре, все повторится, что и в больших центрах. Опять пойдут бесконечные митинги, одурманивающие, как и в 1905 году, головы обитателей.

Сколько стадного в этом движении!

Многие, которые в 1905 году ходили по большим русским городам с царскими портретами и неистово кричали «Бей жидов!», теперь под звуки «Марсельезы» ходят по городу с красными тряпками, с затаенной мыслью, что если бы завтра контрреволюция восторжествовала, надеть на себя мундиры со светлыми пуговицами и фуражки с кокардами».

Все нарастающие волны политических перемен неминуемо захлестнули российскую интеллигенцию — одни купались в них, словно в живительной воде, и приветствовали падение самодержавного строя, а вместе с ним и монархии в целом; другие, опасаясь, что за ними грядет разрушительный девятый вал, покидали страну, чтобы за ее пределами переждать непродолжительное, как им тогда казалось, смутное время; третьи, разделяя в целом идеи переворота, считали неприемлемым проведение демократизации армии, чутко улавливая в нем грозовые раскаты приближающейся неминуемой катастрофы, а потому яростно сопротивлялись. В большей степени это противодействие было свойственно части русского офицерства, и в первую очередь в среде высшего командования.

Александра Львовна тяготела к третьим, прекрасно понимая, что ни к чему хорошему это не приведет, но сопротивляться не имела сил, тем более, когда ее физическое состояние не улучшалось. Надломленная длительным пребыванием в лазарете, она думала лишь об одном — поскорее вырваться в отряд, который находился без уполномоченной вот уже не один месяц.

Через несколько дней она вышла, опираясь на трость, из госпиталя и уже из газет вычитала во всех подробностях о прошедшем февральском перевороте и последовавших за этим событиях.

Положение в стране ухудшалось. Перебои с хлебом в российской столице приобретали хронический характер. На окраинных лавках очереди занимали с вечера в надежде получить его с утра, а утром не дождавшиеся куска хлеба разгневанные рабочие возвращались на заводы озлобленные и голодные.

«Хлеба!», — выкрикивала нетерпеливая очередь.

«Хлеба, хлеба!» — требовали забастовавшие рабочие на Выборгской стороне.

«Хлеба, хлеба, хлеба», — полным голосом скандировала толпа рабочих, направляясь 24 февраля к центру столицы. По пути следования она росла, как снежный ком. Словно весенние ручьи, стекались людские толпы к центральной части города. Сквозь полицейские цепи и кордоны, заблаговременно расставленные за ночь на всех крупных перекрестках и мостах, людской поток, сметая все преграды, направился к Знаменской площади напротив Николаевского вокзала.

У памятника Александру III в 12 часов дня начался митинг. Десятитысячная масса народа запрудила площадь, отдельные смельчаки залезли на крыши тут же перевернутых разбушевавшейся толпой трамваев...

Полиция тщетно пыталась разогнать митингующих, которые направились затем по Лиговке в сторону Невского. Чтобы сдержать толпу, конные полицейские пустили в ход шашки и пики. Пролилась кровь, десятки раненых корчились на мостовой.

Стенания, крики, призывы... — все мгновенно разнеслось по столице.

В последующие дни волнения увеличивались. Петроград гудел, словно разбуженный неведомой силой улей. В городе воцарилась анархия. Кто-то поджег окружной суд. Солдаты и рабочие, направлявшиеся к Таврическому дворцу, разнесли по дороге арсенал. Оружие раздавали кому попало. Из тюрем выпустили и политических, и убийц, и воров... Громили полицейские участки, хватали приставов, городовых... Власть рухнула.

Растерянные и потрясенные виденным, депутаты Государственной Думы собрались в здании Таврического дворца. Прочли указ Императора Николая II о роспуске Думы и о приостановлении ее заседаний на неопределенный срок...

Солдаты и вооруженные чем попало рабочие стекались к площади перед Таврическим дворцом, а внутри его бурлили политические страсти. Первым навстречу демонстрантам бросился Керенский:

— Мы с вами. Обещаем идти вместе с народом. Благодарим за поддержку.

Толпа на Шпалерной качала Керенского.

Солдаты и рабочие все прибывали, располагаясь стихийным лагерем на лужайках перед Таврическим дворцом. К вечеру и в течение всей ночи продрогшие грелись у костров. В среде многоликого скопища людей зрела и формировалась власть Советов... Наиболее смелые из них, изрядно промерзнув, проникли в Белый зал дворца. Митинг перекочевал в помещение. Солдаты смешались с депутатами. Не подчинившись указу Императора Николая II, в Полуциркульном зале всю ночь заседал

Совет старейшин Государственной Думы. Под утро выбрали исполнительный комитет. Где-то рядом, в соседних залах, в бурных дебатах рождался Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

Первое обращение исполнительного комитета Государственной Думы гласило:

«Временный комитет членов Государственной Думы в условиях разрухи, вызванной мерами старого Правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка.

Сознавая всю ответственность принятого решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям и могущего пользоваться его доверием.

Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко».

А днем позже, 28 февраля, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов выпустил свое воззвание:

«Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть больше стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба Царское Правительство дало народу свинец. Но солдаты не захотели идти против народа и восстали против Правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных Правительственных учреждений. Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца...»

Заканчивалось воззвание словами: «Все вместе, общими силами будем бороться для полного устранения старого Правительства и созыва Учредительного собрания, избранного на основе равного, прямого и тайного избирательного права».

В Петрограде наступило двоевластие...

А в Москву слухи о волнениях в российской столице просочились лишь двумя днями позже.

В понедельник 27 февраля в редакции московских газет пришло сообщение о перевороте и образовании Исполнительного комитета. В тот же день в спешном порядке состоялось заседание прогрессивной группы гласных представителей московских общественных организаций и рабочих. Назавтра решили организовать митинг, который состоялся на Воскресенской площади перед зданием Городской Думы. Митинг продлился до вечера. Бастовали московские заводы, остановились трамваи. Толпа заполнила главные улицы. На Тверской стоящему на пьедестале А.С. Пушкину вложили под мышки два красных флага, которые полоскались на ветру и привлекали внимание демонстрантов.

Отдельные группы без особого труда разоружали городовых. К полудню все полицейские посты были сняты. Где-то слышалась стрельба.

2 марта царь отрекся от престола. 4 марта на московском братском кладбище хоронили трех солдат — Анания Урсо, Василия Медкова и Ивана Самсонова, погибших при перестрелке с полицейскими на Каменном мосту.

Столичные и московские журналы поместили фотографии шествия траурной процессии мимо Арбатской площади, по Тверской, у Триумфальной арки...

Верная до недавнего времени престолу и монархии российская пресса эти дни называла «великой революцией, величайшей и лучшей, во имя порядка, свободы и государственной независимости против анархии самодержавного режима, которому суждено, — как писала одна из столичных газет, — сгореть дотла в священном огне освободительной войны, знаменующей в то же время и новую эру народного возрождения великой России».

Поступали сообщения из других городов: «3 марта в Туле торжественное шествие провели рабочие и работницы патронного и ружейного заводов. Вместе с солдатами, которые вынесли на демонстрацию полковое знамя, они прошли по улицам и разошлись по домам. В Баку во дворе Городской управы 4 марта собрался митинг, на котором приняли решение немедленно организовать бакинский исполнительный комитет». Двумя днями позже у горы Машук в Пятигорске прошел городской митинг с участием местного гарнизона. Празднование свободы состоялось в Архангельске и других провинциальных городах. Повсюду на митингах обсуждался коренной вопрос — о будущем строе в России, который должен решиться в Учредительном собрании.

В воскресный день 12 марта прошла демонстрация в Москве. С утра на всех окраинах стал собираться рабочий люд, много было среди них и женщин, которые организованными рядами двинулись к центру города с красными флагами, плакатами и знаменами. Впереди некоторых групп шли военные оркестры, исполнявшие армейские марши. Демонстранты несли лозунги: «Да здравствует Учредительное собрание», «Да здравствует демократическая республика», «Все для победы и свободы», «Дорогу женщине», «Да здравствует женское равноправие». Многочисленные митинги возникали на Скобелевской и Страстной площадях, перед зданием городской Думы...

А в Петрограде хоронили погибших в февральские дни. 23 марта грандиозное шествие, начавшееся в 8 часов утра, завершилось погребением их на Марсовом поле. В четыре братские могилы спустили 180

гробов под звуки похоронного марша, исполненного оркестром Семеновского полка.

Уже под вечер оркестр, направляясь к выходу после траурного церемониала , бойко играл «Марсельезу».

В столицу прибывали освобожденные из российских тюрем политические заключенные всех мастей. В это же время в германском штабе разрабатывался конспиративный план возвращения Ленина и его верных соратников в Петербург.

Для многих здравомыслящих людей грядущие дни не обещали ничего хорошего.

Александра Львовна встретила бурные февральские события настороженно. Пустые лозунги не будоражили никого. Перед отъездом в отряд Александра Львовна поделилась с сестрой своими думами:

«Красивые такие слова «Война до победного конца» хороши в тылу, где люди хлопочут о восьмичасовом рабочем дне, а в окопах, где солдаты сидят бессмысленно по восемь-десять дней по пояс в воде, звучат как-то жалко и фальшиво».

Несмотря на уговоры врачей повременить с отъездом до полного восстановления сил, она все же выехала на передовую, туда, где располагался ее санитарно-транспортный отряд. Наступила весна. Набухшие почки на деревьях, многочисленные проталины на полях и неугомонное пение пташек успокаивали встревоженную душу Александры Львовны по пути в Залесье.

Глава XXV
Фронтовая говорильня

В Минске выстроенные на городском плацу части Западного фронта присягали Временному правительству. Главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт в сопровождении свиты объехал верхом на коне стройные ряды солдат и поздоровался с ними.

— Здравия желаем, господин генерал, — раздалось в ответ.

В своей речи генерал объяснил солдатам значение свершившегося переворота.

4 марта был получен манифест об отречении царя. Его зачитали нижним чинам, растолковывая смысл перемен.

— Как же жить без царя? Что же будет дальше? — спрашивали офицеров бывалые вояки.

Неожиданность озадачила многих.

— Не знаем, — отвечали офицеры.

Неизвестно откуда появился в войсках в обход Временного правительства приказ № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов. По единодушному признанию командующих войсками и подавляющего числа офицеров, пресловутый приказ послужил началом разложения в армии, которая готовилась к весеннему наступлению. Следуя данному приказу, повсеместно начали создаваться солдатские комитеты. Наступила фронтовая говорильня.

В санитарно-транспортном отряде, куда поспешила вернуться из лазарета Александра Львовна, и в войсках царила полная неразбериха.

Много лет спустя Александра Львовна вспоминала в книге «Дочь» об этом смутном времени:

«Все говорили речи. Везде как грибы вырастали трибуны. Куда ни приедешь, везде собрания. Стали появляться странные люди. Они говорили больше всех, призывали бросать фронт, не подчиняться офицерам».

Во 2-м Кавказском корпусе бунтовщиками заправлял прапорщик Ремнев. Выступая перед двумя полками 2-й Кавказской гренадерской дивизии возле деревни Оленец, прапорщик призывал их не подчиняться приказу занять позиции. В этот же день был смещен командующий 2-м Кавказским корпусом генерал Мехмандаров. Нечто подобное творилось и на других фронтах.

В эти дни Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев в письме на имя военного министра Временного правительства А.П. Гучкова докладывал: «Положение в армии с каждым днем ухудшается; поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению.

Разложившаяся армия — не армия, а вооруженная толпа, страшная не для врага, а для своего народа и для той свободы, которую он только что завоевал».

Опытный генерал в числе причин падения дисциплины назвал дезертирство, пацифистские настроения, влияние антивоенной и пораженческой пропаганды.

В то время, когда среди солдат, подстрекаемых большевистскими солдатскими комитетами, росло нежелание воевать, представители Временного правительства агитировали войска продолжать войну до победного конца.

«Один раз, — вспоминала Александра Львовна, —когда я подъехала к первой летучке, персонал и начальник летучки выбежали из палатки ко мне навстречу.

— Пожалуйста, разрешите нам поехать на собрание, Керенский выступает. Это совсем близко, только три версты отсюда, он будет говорить!

Мне тоже хотелось его послушать, и мы все вскочили в машину и поехали. Опоздали, Керенский уже говорил. Собралась огромная толпа солдат.

На высокой трибуне худой человек среднего роста в солдатской шинели охрипшим голосом выкрикивал какие-то слова, которые трудно было разобрать. Мне показалось, что не было простоты, убежденности в речах оратора, в его призывах объединиться для спасения России».

Бурные дебаты происходили на фронтовых съездах, начало которым положил минский съезд офицерских, солдатских и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта. На минском съезде присутствовало свыше 1200 делегатов, подавляющее большинство которых были солдаты. Страсти на съезде накалились до предела. Фронтовой съезд продолжался целых десять дней. Митинговая лихорадка охватывала все большие массы, каждое подразделение считало своим долгом провести митинг.

— Война до победного конца, до последней капли крови!

— Мир без аннексий и контрибуций!

— Долой сторонников Вильгельма!

— Мир хижинам, война дворцам!

— Вернуть Ленина в Германию!

Это было безумие, сокрушалась Толстая.

Нечто подобное творилось и в одной из санитарных летучек, где во время ее длительного отсутствия все вышло из-под контроля.

Метались по фронтам члены Государственной Думы, Временного правительства, военный министр Гучков, выступая перед солдатами, призывал вести войну до победы.

Войска присягали Временному правительству. 19 марта перед кремлевскими стенами прошел церемониал приведения Московского военного округа к присяге Временному правительству.

После молебна, осенив себя крестным знамением, командующий войсками округа подполковник А.Е. Грузинов произнес следующие слова:

«Клянусь в верности народному делу, Временному правительству и этим старым боевым знаменам».

Российская пресса и фронтовые газеты крупными буквами публиковали лозунги «Тыл победил династию, фронт победит врага», с которыми шла к присяге армия генерала Брусилова. В Москве участники демонстраций разъезжали по городу на автомобиле с плакатами «Война до победного конца».

С фронта в финансовую комиссию Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Георгиевские кавалеры присылали свои золотые Георгиевские кресты на нужды Родине, кто-то делал денежные вклады...

25 447

В эти бурные дни, вырвавшись из Залесья, Александра Львовна с Варварой Михайловной несколько дней гостили в Ясной Поляне.

12 апреля 1917 года Софья Андреевна делает запись в «Дневнике»: *«Приехала дочь Саша с Варварой Михайловной. Саша, слава Богу, все такая же цветущая и полная и все так же весело и громко хохочет. Не хочется и очень радоваться посещению Саши, так как она пробудет еще только два дня, а мы так долго о ней тревожились и ждали ее».*

Дни пролетели в бесконечных беседах. Всех интересовали фронтовые будни, настроение в войсках, в санитарном отряде... Александра Львовна охотно рассказывала обо всем, стараясь не огорчать близких страшными картинами войны. Днем Александра Львовна гуляла по имению, заглядывала во все знакомые с детства уголки. Все здесь, каждая тропинка, каждое деревцо напоминало ей об отце. Порой ей казалось, что она слышит его голос.

Таня, уже подросток, ни на шаг не отходила от любимой тетушки. В воздухе пахло весной. Гуляя у нижнего пруда, они заметили стайку скворцов, сгрудившихся на проталинах, где пробивалась зеленая травка. Но время шло... и уже 15 апреля мать запишет в «Дневнике»:

«Уехала Саша опять на фронт с Варварой Михайловной, бодрая и даже веселая, а я крепилась, чтобы не заплакать».

16 апреля 1917 года в Петрограде прошла крупная манифестация инвалидов войны, требовавших ее продолжения. Ослепшие на фронте солдаты, ведомые сестрами милосердия, несли плакаты «Пролитая нами кровь требует войны до победы», «Долой сторонников Вильгельма!», группа инвалидов, солдаты на костылях несли большой стенд с надписью: «Товарищи солдаты, немедленно в окопы. Вернуть Ленина Вильгельму».

Митинг прошел в зале Государственной Думы. Выступающие резко осуждали пораженческую позицию большевиков, которые накануне устроили торжественную встречу своему вождю на Финляндском вокзале. Солдаты требовали немедленного ареста Ленина.

— Пусть едет обратно в Германию, — раздавалось из зала. В зале среди прочих красовался большой плакат: «Долой Ленина и Ко!»

По Петрограду солдаты-инвалиды разъезжали в открытых автомобилях и демонстрировали плакаты «Война за свободу народов!», «Уничтожим германский милитаризм».

1 мая, выступая с напутственными словами на съезде представителей солдатских депутатов Петроградского фронта, инициатор демократизации в армии Гучков перед тем, как передать пост военного министра Керенскому, обратился к присутствующим:

«Господа, не дайте разрушиться русской армии, ибо с ее разруше-

нием гибнет не только русская армия и завоеванная ею свобода, но гибнет сама Россия».

На фронте же в это время шло братание солдат с противником, росло число дезертиров, солдатские комитеты смещали своих бывших командиров...

Затягивалась подготовка к наступлению, целые дивизии отказывались занимать передовые позиции, не выполнялись приказы командиров. Моральный дух армии рушился на глазах.

Женский батальон смерти во главе с Георгиевским кавалером Марией Бочкаревой личным примером пытался увлечь на фронт своих отцов и братьев, но в первом же бою был рассеян по лесу. Накануне военный министр А.Ф. Керенский произвел командующую женским батальоном в офицеры, знамя батальона освятили перед Исаакиевским собором, столичная общественность проводила отважных защитниц отечества на фронт.

Первая весть о наступлении российской армии была радостно встречена в столице. Председатель Союза Георгиевских кавалеров капитан С.И. Скржинский у Казанского собора произнес перед многочисленной депутацией пламенную речь. Спустя два дня он же у памятника Минину и Пожарскому в Москве передал Георгиевское знамя московскому отделу Георгиевских кавалеров. Там же в торжественной обстановке капитан Скржинский вручил московскому женскому батальону смерти икону св. Георгия. Из Успенского собора выступил на Красную площадь крестный ход.

Однако радость оказалась преждевременной. Митинговая стратегия все более и более вносила коррективы в боевые действия.

Корниловский прорыв на Юго-Западном фронте, успешные операции 7-й и 8-й армий, занятие городов Галич и Калиш не были поддержаны остальными фронтами. Бездействовал под влиянием большевистской агитации Западный фронт под командованием генерала Эверта. В армии, стоящей лицом к лицу с противником, устраивались митинги, где обсуждались вопросы: подчиняться или не подчиняться приказам; выходить или не выходить на позиции? Полки до полуночи обсуждали их и, не приходя к единому мнению, расходились...

Глава XXVI
Кошмарный июль

Перед весенним наступлением российских войск в кампании 1917 го-

да генерал Крымов, как-то обсуждая создавшееся политическое положение, с горечью посетовал Врангелю:

— Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству ни шагу не дают ступить Советы и разнузданная солдатня. Я предлагал расчистить Петроград одной дивизией — конечно, не без кровопролития!..

Ни Гучков, ни Львов не были согласны, боясь усиления беспорядков.

Этими «комплексами», в отличие от руководителей Временного правительства, не страдали большевики. Захватив в некоторых частях руководство фронтовыми комитетами солдатских депутатов и изрядно расстроив дисциплину в подразделениях, они принялись за резервные полки.

Особенно это удавалось им в войсковых частях Северо-Западного и Западного фронтов.

Александра Львовна была свидетельницей их тлетворного влияния у себя в отряде. В середине мая 1917 года она вновь оказалась в минском хирургическом госпитале. Беспокоила старая рана. 19 мая о своем состоянии она сообщала матери:

«Милая мамаша!

Скоро, Бог даст, увижусь с вами. Сегодня три дня, что нет лихорадки и я чувствую себя хорошо, и даже на костылях хожу по коридору. Рана очень быстро заживает. Завтра вынут резиновый дренаж... Скоро, Бог даст, увижусь в вами.

Твоя любящая дочь Саша».

После выздоровления Александра Львовна вернулась в свою минскую квартирку на Немигской, а затем выехала в отряд. Дела на Северо-Западном и Западном фронтах были неважны. В армейских рядах шел интенсивный процесс распада.

3 июля в российской столице взбунтовался 1-й пулеметный полк. К шести часам вечера на улицах Петрограда появились грузовики с вооруженными солдатами, на кабинах сверху расположились пулеметчики с пулеметами. Ленинские «глашатаи мира» на сей раз откровенно призывали военные гарнизоны Петрограда к восстанию против правительства. Грузовики в течение трех дней кружили по городу и расстреливали всех тех, кто препятствовал их движению: жандармов, казаков, мирных граждан...

На улицах валялись убитые и раненые. Многим казалось, что не будет конца этому кровавому шабашу.

Затем восстали воинские гарнизоны в других городах. В приказе по Московскому военному округу от 11 июля 1917 года сообщалось:

«Гарнизоны Нижнего Новгорода, Ельца, Липецка и отчасти Владимира поддались агитации темных сил. Свергнуты были Советы, грабили, насильничали, полки отказывались идти на фронт. Позор предателям. Или мы спасем Россию, или позором покроется родная земля и дети наши проклянут нас».

В Петроград для подавления мятежа прибыли вызванные с фронта правительственные войска. Лишь 8 июля пулеметный полк был разоружен и выставлен в окружении правительственных войск на Дворцовой площади у Александровской колонны.

Популярный российский журнал «Огонек», как и многие другие издания, препроводил сообщение об этих событиях следующими строками:

«По количеству жертв, как среди мирного населения, так и среди войск, июльские дни далеко превосходят февральскую революцию. На совести и ответственности тех, кто вызвал эту кошмарную бойню, будет невинная кровь, которая пролилась в эти дни на улицах столицы».

В июльском номере журнал «Огонек» опубликовал карикатуру с надписью: «Последняя речь Ленина своим русским поклонникам».

На ней пролетарский вождь, стоя у причала и держась за столб с надписью «Германия», бросает в сторону расположенных поодаль рабочего, матроса и крестьянина прощальное: «Головотяпы!» У его ног лежит дорожный саквояж.

Несколько позже российскую прессу обошла фотография безрассудного расстрела восставшим полком толпы на углу Садовой и Невского проспекта. Перепечатанная во многих журналах и газетах из парижского журнала «Иллюстрасьон», она запечатлела паническое бегство врассыпную людей в надежде укрыться от пулеметного свинцового огня. Множество раненых и убитых попало в поле объектива. Как сообщалось, в эти страшные дни были убиты 16 человек, 40 скончалось от ран и оказались ранеными 650 человек мирных граждан.

15 июля в Петрограде состоялись похороны казаков и других жертв заговора большевиков, спровоцировавших серьезные беспорядки. Отпевание покойных состоялось у Исаакиевского собора при огромном стечении народа.

Не обошлось без жертв и в Нижнем Новгороде. Два московских полка юнкеров, прибывших в город для наведения порядка, были окружены мятежными солдатами 62-го, 183-го и 185-го эвакуированных с фронтов полков. Восставшие полки потребовали, чтобы юнкера сложили оружие и вышли из казармы. Когда же они, выполнив требование, вышли из казармы, по ним, безоружным, открыли пальбу. Часть разъяренных солдат калечила их прикладами, сапогами...

Мятеж был подавлен, спокойствие в городе восстановили. Через

неделю на братском городском кладбище состоялись похороны юнкеров Степана Новика, Николая Фомина, Яна Страздина и других.

В начале июля одновременно, словно по мановению дирижерской палочки, с фронтов стали поступать тревожные вести о паническом бегстве некоторых полков с поля боя. Из донесений Ставки стало известно, что 607-й пехотный Млыновский полк, находившийся на участке Баткув — Малаюв у западных окраин, самовольно оставил окопы и отошел назад, создав неприятелю условия для беспрепятственного продвижения вперед. Немецкие войска на плечах бегущих, некогда грозных российских полков приближались к государственной российской границе.

15 июля в Каменец-Подольске горожане уже слышали отдаленную канонаду. Пушки генерала Гинденбурга все настойчивее стучали в почти распахнутые перед ними ворота бывшей Российской империи.

Чтобы спасти положение, на Западный фронт направлялись делегации для увещевания взбунтовавшихся полков. В состав делегаций включали представителей различных партийных групп, союзнических государств, Временного правительства, интеллигенции, делегатов от других фронтов...

На митингах в ближайшем тылу, в Орше и Виленках, где выступали делегаты, сочувствия большевикам среди солдат, по их словам, не было заметно. Солдаты, и в особенности офицеры, с пониманием относились к их призывам, считая, что только победа может ускорить долгожданный мир, но ближе к окопам картина резко менялась.

Успешный прорыв фронта был предпринят немцами также в районе Тернополя. Две германские и одна австро-венгерская дивизии беспрепятственно вторглись в район крупного сосредоточения российских войск, в пять раз превосходящих их по силе, и обратили наши полки в бегство.

Когда же через полтора часа в районе прорыва оказалась немецкая кавалерия, в отступающих войсках началась настоящая паника.

Фотографии, выполненные английскими офицерами, состоявшими в российских войсках, красноречиво подтверждают случившееся. Двум английским броневым автомобилям удалось врезаться в ряды немецких частей и оттеснить их от отступающих русских солдат. Начальник английского отряда бронированных автомобилей полковник Локер-Лампсон, английские и русские офицеры, а также сознательные солдаты с трудом остановили часть разбегающихся в разные стороны солдат.

В районе местечка Крево вопреки приказу о подготовке к наступлению три полка покинули окопы и расположились походным биваком в 13 верстах от оставленных передовых линий.

Одна из делегаций, куда входили известный доктор В.Н. Катин-Ярцев, английский представитель солдат Дикенсон, представитель Временного комитета Государственной Думы М.И. Шрейдер, делегат Кавказской армии М.А. Соминский и матрос, участник восстания 1905 года, Ф.Л. Пященко, обратилась с призывом к полкам немедленно занять брошенные окопы и поддержать наступательный порыв.

Солдаты встречали делегатов недружелюбно:

— Буржуи! Не желаем воевать! Да здравствует мир! — доносились выкрики.

Большевики продолжали призывать солдат брататься с немцами и вместе, «рука об руку с порабощенными народами», вести борьбу за мировую революцию, свергнуть ненавистных буржуазных правителей.

— Долой буржуев, долой помещиков! — раскатами грядущего грома разносились эти слова по окопам.

Глава XXVII
Гром небесный

Совсем еще недавно грозная для любого противника российская армия разваливалась на глазах. Прославленные полки превращались в толпы дезертиров. Разложение в полках стало настолько стремительным, что немцы и не помышляли о каких-либо серьезных военных действиях.

Пропаганда пораженческих идей косила солдатские души вернее пулеметных очередей. 19 августа немцы все же начали наступление на рижском фронте.

Ранним утром, пользуясь благоприятным для них направлением ветра, они выпустили подряд несколько густых газовых волн вдоль реки Огер, на противоположной стороне которой находились оборонительные рубежи российских солдат. Одновременно немецкая артиллерия открыла сильный огонь по тыловым позициям наших войск. За Двиной буквально взметнулись вверх и повисли над районом боевых действий восемь немецких дирижаблей, откуда велись наблюдения за отступлением русских и корректировка стрельбы. К полудню немцы навели понтонные мосты через Двину и после успешной переправы повели наступление на Ригу.

Известие о прорыве обороны русской армии вызвало панику в среде горожан. Вереницы беженцев вперемежку с отступающими войсками наводнили Псковское шоссе. Толкая перед собой тележки с домашним скарбом, рижане покидали город, двигаясь в глубь страны.

21 августа немцы вошли в Ригу. Это событие ввергло в панику не только солдат, но и генералов. Спустя несколько дней, Верховный главнокомандующий генерал Корнилов послал главе Временного правительства Керенскому телеграмму с требованием немедленной передачи ему всей полноты власти над государством. К тому времени, оставив фронт, двинулись к Петрограду корниловские войска, в том числе Корниловский ударный полк и Дикая дивизия под командованием генерала Крымова. Керенский категорически воспротивился ультиматуму, сместил главнокомандующего со своего поста и объявил его вне закона. Наступила явная угроза гражданской войны. В этой обстановке, с целью предотвратить безумное кровопролитие с непредсказуемыми последствиями, генерал Крымов приказал остановить наступавшие на Петроград войска, а сам застрелился. Услышав поздно ночью выстрел, дежурные офицеры ворвались в кабинет. Крымов был еще жив.

— Зачем вы это сделали? — спросил его один из офицеров.

— От великой любви к Родине, — успел ответить генерал.

По сути дела, война уже закончилась. Повернувшись спиной к врагу, с винтовками в руках шли в глубь страны, в курские, орловские и тверские деревни некогда бравые солдаты забирать землю у помещиков. «Земля крестьянам, мир народам!» — звучал в их ушах ласкающий душу лозунг. От него злее становился взгляд, тверже сжимала винтовку рука...

Александра Львовна видела все это своими глазами и хорошо понимала, что война уже потеряла свой изначальный смысл. Но решиться самовольно оставить пост, как это уже делали другие, и вернуться в Москву не могла. Она продолжала работать, но уже искала любой подходящий случай, чтобы достойно покинуть отряд.

И такой случай представился. Нашелся охотник принять на себя руководство отрядом. Александра Львовна воспользовалась этим и приступила к документальной передаче дел новому уполномоченному.

На дворе стояла теплая осень, но радостных чувств она не вызывала. Со всех сторон шли неутешительные вести.

Попав в Минск для передачи дел, связанных с санитарно-транспортным отрядом, она случайно прочла заметку о волнениях тульских рабочих, которые стали проявлять революционный характер. Но более всего Александру Львовну взволновали сообщения прессы «о посягательствах на историческую усадьбу и семью Толстых и покушениях со стороны местных граждан». Давно уже ходили слухи о случаях самосуда, которые устраивали дезертиры по прибытии в родные места, о поджогах помещичьих усадеб, а тут сообщалось о массовых поджогах, имевших место в соседнем с Ясной Поляной Крапивинском

уезде, о приезде в Ясную Поляну писателя Сергеенко и наряде милиции для охраны усадьбы и ее обитателей от самовольных действий со стороны местных жителей...

В начале сентября в 109-ю полевую контору Действующей армии на имя графини Александры Львовны Толстой пришла почтовая карточка, в которой сестра сообщала о бесчинствах и грабежах, творимых в Ясной Поляне и ее окрестностях:

«*...У нас в Ясной бабы и дети три или четыре дня грабили яблочный сад и унесли все яблоки. Более 1000 пудов. Отвратительно было видеть,* — признавалась сестра, — *это разнузданное, жадное, ругающееся, торопящееся стадо, бабье. Было по несколько сот баб зараз, а мы все только поглядывали и молчали...*»

Эти, казалось бы невероятные, сообщения не на шутку встревожили Александру Львовну. Она не находила себе места.

Вечером 26 сентября, после работы, Александра Львовна, несмотря на ушиб после падения с лошади, написала короткое письмо к матери в Ясную Поляну:

«*Милая мама!*

Что случилось в Ясной? Читаю здесь сообщения и тревожусь. Думаю через недельку быть у Вас. Может быть, ты мне напишешь в Минск на Немигскую, 15, о том, что у вас делается и где Таня?

Я мечтаю поехать на юг, так как начался осенний бронхит и плохо себя чувствую, а вчера еще упала с лошади и расшибла грудь...»

Однако отдохнуть и поправить свое здоровье в Крыму Александре Львовне в очередной раз не удалось. Несколько дней она лежала в постели — ушиб оказался тяжелым. Но не столько физическая боль ее мучила, сколько боль о России. Как и многие, она не могла осмыслить реальность происходивших тогда событий. Они не поддавались здравому смыслу. Что-то темное, злое все больше и больше овладевало умами людей.

Россия не ведала, что творила.

Тревожные новости из Ясной Поляны еще более подстегнули ее к решению покинуть отряд.

Быстро закончив дела в минском отделении Земского Союза и наскоро собрав вещи, она поспешила на вокзал.

Возвращалась Александра Львовна в Москву в набитом до отказа поезде, среди разнузданных солдат.

В площадных словах и в махорочном дыму таяли все ее надежды на лучшее...

Двое суток, затертая в переполненном вагоне, просидела она без сна, пока, наконец, поезд не прибыл в Москву, на платформу Брестского вокзала.

Наняв извозчика и погрузив свой скромный скарб, она двинулась на Большую Полянку.

По Тверской, мимо памятника Пушкину, медленно двигался нанятый ею экипаж. Раздавался мерный цокот копыт по мостовой, мимо проезжали автомобили... Пасмурный день навевал пасмурные мысли.

Александра Львовна возвращалась домой в глубоком раздумье. Воспоминания нахлынули одно за другим: разговор с матерью перед уходом на фронт, прощание у могилы отца, радостное известие о назначении в санитарный поезд, первое дежурство в операционной...

Там, на облучке, извозчик чертыхнулся на нерасторопного прохожего, а перед мысленным взором Александры Львовны проплывали истощенные лица армянских беженцев, стариков и детей, сотни трупов, лежащих на заснеженных обочинах горных дорог, пленные турки... Леденящие душу картины пережитого сменяли одна другую. Как будто вчера надвигалась на нее ядовитая пелена смертоносного газа, а где-то в просторах полей, в спелой ржи с васильками разбросаны трупы российских солдат, совсем еще юных, не доживших и до двадцати лет, воинов, удушенных газами, с сизыми, исковерканными предсмертными гримасами лицами... Да, война безжалостна.

«Но моя совесть чиста, я ни о чем не жалею, — думала Александра Львовна. — Тысячи и тысячи таких, как я, — от крестьянок до баронесс — жертвовали собой ради спасения русских воинов». Тем не менее горечь, вызванная несправедливостью происходящего, не давала ей покоя.

«Разве раненые не видели нашего отношения к ним? Разве не благодарили они нас: «Спасибо, сестрица?!»

«А в ночные дежурства, там, в лазаретах, — вспоминала она, — не они ли, солдаты, говорили нам: «Поспи, сестричка, замаялась ты с нами, пойди, отдохни!» — Но мы оставались у изголовья больного всю ночь напролет... Можно ли это забыть? Почему эти люди так озлобились сегодня?»

Александра Львовна снова представила ожесточенные лица своих недавних попутчиков — солдат.

«Скажи им, что я графиня, ведь выбросили бы из окна», — с горечью подумала она.

— Приехали, сударыня, — услышала она голос извозчика и только тогда заметила, что подъехала к дому...

За время отсутствия Александры Львовны Москва сильно изменилась. К худшему. У каждой лавки, у каждого магазина с утра выстраивались длиннющие очереди. Цены безудержно росли, а люди все равно хватали все, что попадало под руку. Зато во время томительных

ожиданий в очередях можно было узнать любую новость. Кризисная ситуация углублялась. Политики думали о власти, а солдаты — о собственной шкуре.

В Петрограде одно совещание сменялось другим. В середине сентября 1917 года в Александринском театре прошло всероссийское демократическое совещание. Присутствующий на нем А.Ф. Керенский прокричал в зал из бывшей царской ложи:

«Да здравствует бессмертная русская революция!»

Шесть дней и шесть ночей работало это совещание, потонувшее в разноголосице мнений и взглядов. Наконец, после скандального ухода большевиков во главе с Троцким, президиум и делегаты договорились о сформировании нового, шестого по счету за короткий период, кабинета Временного правительства с участием московских торгово-промышленных деятелей. В октябрьском номере журнала «Огонек» после сформирования нового кабинета были помещены фотографии его членов во главе с министром-председателем и Верховным главнокомандующим А.Ф. Керенским. В состав кабинета вошли: М.И. Терещенко, А.М. Никитин, М.Б. Бернацкий, Н.М. Кишкин и другие.

«Надолго ли?» — вопрошал по этому поводу журнал «Огонек» и сам же добавлял: «На этот вопрос никто не может ответить».

И по иронии судьбы, ответ на этот вопрос последовал очень скоро. Гром небесный грянул через несколько дней.

На сей раз большевистский переворот удался. Части петроградского гарнизона и рабочих красногвардейцев во главе с Л. Троцким захватили после короткой стычки с юнкерами и женским батальоном охранявшийся ими Зимний дворец, в котором до последнего пребывало Временное правительство. Арестованных членов Временного правительства заключили в Петропавловскую крепость.

Смольный институт сделался резиденцией Совета Народных Комиссаров, объявившего себя всероссийским правительством.

Одним из первых от рук большевиков пал царскосельский пастырь отец Иоанн Александрович Когуров, принявший мученическую смерть за то, что, организовав 30 октября крестный ход, молился за прекращение братоубийственной войны и смирение людей.

События в Петрограде повергли в уныние многих. Утихшая было паника в российской столице в связи с падением Риги вновь всколыхнулась из-за боязни репрессий со стороны большевиков. Богатые и более прозорливые покидали родину только на время, как им казалось, очередной смуты; другие же штурмовали железнодорожные билетные кассы Николаевского вокзала, а затем и отбывающие в Москву поезда. Одновременно с этим повсюду в «свободную» столицу хлы-

нула масса преступного, уголовного элемента. Грабежи, разбои и убийства стали обыденным явлением в Петрограде.

Москвичи узнавали столичные новости буквально на следующий день в очередях. Лишь спустя некоторое время их подтверждали московские газеты.

Раскаты октябрьского грома докатились до Москвы к середине ноября.

Ареной московских боев явились Кремль, Никитские ворота, Арбатская площадь, Тверской и Никитский бульвары, Тверская, Большая Никитская...

Артиллерия большевиков, обстреливавшая с Кудринской площади Кремль и Александровское военное училище, не пощадила и церквей. Особенно досталось Борисоглебской церкви, у которой оказалась разбитой одна из колонн колокольни и центральный купол. Снаряд пробил его, а обломки купола засыпали внутреннюю часть храма, повредив местами стенную роспись и церковную утварь.

Во время обстрела здания московской городской Думы снаряд попал в помещение и уничтожил городскую Забелинскую библиотеку, посвященную истории Москвы. Следы от разорвавшихся снарядов можно было обнаружить на стенах гостиницы «Метрополь» на Театральной площади, на здании Ярославской мануфактуры, известного дома Колокольцева у Никитских ворот. Полностью разгромленным и сожженным оказался дом князя Гагарина в конце Тверского бульвара. Не всем жильцам большого дома удалось спастись...

Александра Львовна была свидетельницей этих ужасных событий, видела она и разрушения во время захвата большевиками московской Думы, Кремля, который защищали юнкера, и других административных учреждений, но все-таки еще на что-то надеялась.

В записке, посланной 1 декабря 1917 года из Москвы с оказией, без каких-либо комментариев она писала сестре:

«Сегодня приехал Любин внук, и я кое-что посылаю тебе и мамаше, поделите между собой гостинцы... Трудно стало жить на свете, но я еще верю в более светлое будущее».

Однако эта вера постепенно угасала.

В начале января жертвами зверского самосуда стали бывшие члены Учредительного собрания Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев, заключенные сначала в Петропавловскую крепость. В конце декабря их перевели — по настоянию врачей и с ведома большевистских властей — в Мариинскую больницу в связи с резким ухудшением состояния здоровья. Они находились в палате под неусыпным присмотром караула. 7 января 1918 года в первом часу ночи в больницу под предло-

гом смены караула ворвалась дюжина вооруженных матросов, солдат и красногвардейцев и в упор расстреляла их.

По поводу этой ужасной расправы журнал «Огонек» писал:

«В кровавый синодик русской свободы вписаны два новых имени, два новых мученика, память о которых не исчезнет, пока будет жива передовая русская общественность».

Сердце Александры Львовны содрогалось от этих злодеяний. Порой ей мерещились картины разрушений музеев, архивных кладовых, где хранились рукописи ее великого отца, — и вот они исчезают, съедаемые огненными языками пламени мировой революции...

Глава XXVIII
Брестский мир...

Ожидание весны не предвещало ничего хорошего. Москва превращалась в огромную барахолку. К нескончаемым очередям прибавились мешочники, а зачастую — просто солдатня, пользующаяся правом бесплатного проезда в поездах. Это они привозили в Петроград и Москву продукты и живность из деревень и продавали их по бешеным ценам, отчасти снимая тем самым продовольственный кризис. В поисках средств все ударились в торговлю. На улицах можно было видеть генерала, занятого продажей газет, бывшего прокурора, расклеивающего афиши, офицеров и студентов, зарабатывающих на жизнь колкой дров и расчисткой улиц от снежных заносов.

В феврале Советы неожиданно объявили демобилизацию на громадном пространстве российского фронта. Оставив боевые позиции, толпы солдат потянулись домой. Порой это напоминало недавнее бегство от неприятеля. С винтовкой в руках и награбленным по пути добром торопились они к родным местам. А там, в зависимости от обстоятельств, кто-то попадал к белым, а кто-то — к красным. Идейная убежденность особого значения не имела. Во многом решал случай. Солдаты с Кавказского фронта, в меньшей степени подверженные большевистской агитации, вливались в Белое движение, которое зарождалось на Кубани и на Дону. В Сибири поднимал голову Колчак.

Окруженные со всех сторон непримиримыми врагами, Советы видели свое спасение в заключении мира с немцами, которые проявляли исключительную лояльность и терпимость к своему недавнему противнику. Немецкое командование хорошо помнило об услугах, оказанных Лениным и большевиками по разложению царской армии, и приостановило наступление своих войск. Любой, даже незначитель-

ный успех против русских мог оказаться гибельным для Советской власти. И оно выжидало.

Первые переговоры о перемирии начались в феврале 1918 года. Однако возглавивший советскую делегацию Л. Троцкий посчитал условия противника неприемлемыми, в результате чего Советская Россия вышла из войны без заключения мира. Тогда немцы начали наступление на Петроград, быстро дошли без сопротивления до Пскова и Нарвы и заняли их. Демобилизованная накануне Лениным армия даже не сопротивлялась.

В ответ на это в Брест был срочно направлен Каменев, который ради подписания мира согласился на все условия, выставленные немецкой стороной. Договор о перемирии подписал Председатель комиссии принц Леопольд Баварский в присутствии представителя Высшего германского командования генерала Гофмана. В составе делегации находились также представитель Австрии фон Моррей и представитель Турции Цеки-паша. От Советской России за столом переговоров вместе с Каменевым находились дипломат Иоффе, адмирал Альтфатер, гражданка Биценко и секретарь делегации Карахан.

3 марта в 5 часов Каменев, по сути дела, признал капитуляцию и подписал постыдный для России и спасительный для Советской власти договор. В момент подписания лицо генерала Гофмана выражало удовлетворение. Его снисходительно-надменный взгляд говорил о многом. Между тем, столь победное завершение дел на Восточном фронте не давало Германии никаких шансов на Западном. Французы и англичане были непоколебимы. Падение сильной оборонительной линии Гинденбурга, практически отсутствие каких-либо материальных и людских ресурсов, крупные потери на море, а в последнее время и на суше не предвещали немцам ничего хорошего, кроме скорого поражения.

Зато переехавшее в Москву сразу после подписания Брестского мира Советское правительство вздохнуло с облегчением.

Советы срочно приступили к организации Красной Армии, повсеместно шла запись в ряды бойцов по партийной рекомендации, создавались отряды ополченцев, которых обучали стрельбе из винтовок и другим военным наукам.

Вернувшись в Москву, Александра Львовна тяготилась отсутствием работы. Несколько раз она навещала своих в Ясной Поляне, однако поездки туда, равно как и возвращение в Москву, требовали невероятных физических усилий. Огромные толпы осаждали поезда, в невероятной давке люди порой лишались жизни. Проверки на дорогах, ругань и унижения — чтобы выдержать это, требовалось немыслимое

напряжение сил. «Недобитым буржуям» становилось все хуже. Вот почему она с огромным энтузиазмом поддержала идею издания собрания сочинений отца.

В Петрограде при участии известнейшего в России юриста Анатолия Федоровича Кони, академиков Всеволода Измайловича Срезневского и Алексея Александровича Шахматова, писателя Александра Модестовича Хирьякова и других было организовано общество изучения и распространения творений Л.Н. Толстого. После придания ему юридического статуса общественной организации, которая затем переоформилась в Кооперативное товарищество, были найдены незначительные средства, позволившие небольшому персоналу начать работу в Румянцевском музее.

На дворе стоял последний месяц зимы 1918 года. «Мы работали в шубах, валенках, вязаных перчатках... — вспоминала много лет спустя Александра Толстая в книге «Дочь». — Согреться невозможно. Сначала остывали ноги, постепенно леденящий холод проникал глубже, казалось, насквозь промерзало все нутро, начиналась дрожь. Мы запахивали шубы, старались не двигаться, но дрожь усиливалась, стучали зубы».

Александра Львовна все более увлекалась работой, забывая обо всем на свете. В начале апреля 1918 года она посвятила сестру в свои дела и помыслы:

«Милая Таня.

Ты напрасно обо мне беспокоишься. Сейчас как раз не время. Я так ушла с головой в дело, что даже мысли и чувства, которые прежде мучили меня, — отошли на второй план. Есть рукописи, работа, издание, а остальное, даже политика, не нужны, о чем и думать некогда. Вечером усталость, беспробудный здоровый сон, а с девяти часов снова хомут. Сережа работает целый день. И на душе радость и хорошо от сознания, что мы вместе делаем большое, необходимое дело».

Сергей Львович помогал своей младшей сестре, вместе они разбирали рукописи, дневники отца, вместе считывали их с оригиналом и, как дети, радовались найденным ошибкам.

По вечерам, два раза в неделю, утомленные работой полуголодные сотрудники старались уйти от постылой действительности, собирались вместе, развлекались, разучивали под аккомпанемент гитары старинные русские и цыганские песни. Александра Львовна играла на гитаре и даже брала несколько уроков, чтобы совершенствовать свою игру.

Татьяне Львовне не все нравилось в поведении младшей сестры. Как видно, в письмах в Москву она выражала беспокойство по этому поводу.

Отвечая ей в том же письме, посланном в апреле, Александра Львовна успокаивала сестру:

«Цыгане и уроки тети Веры — это отдых в музыке, которая мне доступна и которую я люблю. Мы откапываем старые, старые песни, играем на двух гитарах; я уже начала лучше играть, и в эти часы два раза в неделю я отдыхаю, только и всего. Не знаю, чего ты боишься? Я так счастлива и спокойна, как давно не была... Спасибо, что беспокоишься за меня. Значит, тебе не все равно, а мне это радостно.

Твоя любящая сестра Саша».

С приходом весны работы в Румянцевском музее активизировались. У Александры Львовны появилось несколько заманчивых идей. Это радовало и согревало ее душу. Трудно было с питанием. Цены продолжали расти, а продукты исчезли с прилавков. Сестры по возможности поддерживали друг друга.

В середине мая Татьяна Львовна послала сестре продовольственную посылку, на что 18 мая 1918 года та ответила тем же:

«Милая Танечка!

Спасибо за длинное обстоятельное письмо и за чудесные гостинцы. Я не могу тебе сейчас написать, потому что в эти дни буквально некогда вздохнуть. Тебе все передаст Михаил Васильевич. Думаю, что ты почувствуешь настроение нашей работы и отношение к ней по его рассказам. Таня, мне предложено редактировать без первых вещей «Холстомера». Может быть, ты возьмешь его? Я очень занята перепиской, дневником, а первые 7 томов уже готовятся к печати. Теперь моя мечта приехать на Троицу. Боюсь загадывать, но хочется ужасно.

Целую крепко. Спасибо. Посылаю тебе и Танечке гостинцы».

Закончив письмо, она откинулась на спинку стула. Терпкий запах черемухи от стоящего на окне букета заполнил комнату, в которой она жила в Мерзляковском переулке.

Ее сильно потянуло в Ясную.

Велико было желание вовлечь всех членов семьи в работу над изданием сочинений отца.

В феврале 1918 года дочь Саша делилась в письме своими соображениями с матерью:

«Если мы все вместе возьмемся за дело, то, во-первых, издание будет вне конкуренции, а во-вторых, разные вопросы, связанные с литературным наследием отца, будут раз и навсегда покончены».

В отличие от старшей дочери, которая с некоторой сдержанностью восприняла идею совместной работы над новым изданием произведений отца, мать с воодушевлением отнеслась к предложению своих детей.

В один из приездов Саши Софья Андреевна занялась разборкой

рукописей и разных бумаг, касающихся Льва Николаевича, в частности, передала младшей дочери и сыну право на ряд рукописей, принялась снимать копии с них, фотографировать документы...

Потерявшая было интерес к жизни Софья Андреевна воспряла духом.

Радовало ее внимание к ней со стороны «строптивой» Саши, в которой она ощущала дочернюю заботу и любовь. Каждый ее приезд в Ясную Поляну становился все более желанным, а очередное расставание с ней вызывало материнское волнение и беспокойство.

17 февраля 1918 года она записала в «Дневнике»:

«Печально живется. Провожаем обратно в Москву дочь Сашу, и что-то на этот раз особенно грустно с ней расставаться. Собрала ей кое-какой еды, как-то еще она доедет ночью?»

Общей же неприятностью для яснополянцев было пребывание в имении неизвестно на каких правах П.А. Сергеенко, с которым семья Толстого познакомилась еще при жизни хозяина. Присланный из Москвы на правах то ли управляющего хозяйством, то ли смотрителя, он на первых порах рьяно помогал обитателям Ясной Поляны раздобыть необходимые продукты и уберечься от надвигающегося отовсюду голода. Заботился он и о сохранности толстовского имения, вызывая для этих целей из Тулы милиционеров, а порой роту солдат, когда слухи о погромах в окрестных селах все более тревожили яснополянцев.

Однако с каждым днем вмешательство управляющего в личные, семейные дела Толстых становилось все более назойливым и бесцеремонным. Это раздражало всех, и в большей степени Софью Андреевну.

«Он невоспитанный, недобрый человек, и что-то у него на уме касательно Ясной Поляны», — такую запись сделала Софья Андреевна о Сергеенко весной 1918 года.

Очень невзлюбила Сергеенко и Александра Львовна, которая связывала его появление в Ясной Поляне с приходом к власти большевиков. Летом 1918 года в письме из Москвы к Татьяне Львовне она, по горло занятая в Румянцевском музее разборкой рукописей своего отца, делилась с ней московскими новостями:

«В политическом смысле тихо. Газет приличных не выходит. Чехословаки молодцы и несомненно движение это самое серьезное из всего, что было до сих пор. Недели через две приеду. Сергеенку не распускайте, если будет очень нахален, я могу переговорить с Сережей и Мишей, и что-нибудь придумаем... Думаю, что скоро всем этим Сергеенкам конец».

Александра Львовна стала чаще наведываться в Ясную Поляну из-за планов постройки яснополянской школы. Приезжала со строителя-

ми, архитектором, обсуждая на месте многочисленные вопросы, и каждый ее приезд в родительский дом доставлял удовольствие матери.

Все более налаживающиеся отношения с младшей дочерью, которая проявляла постоянное внимание к матери и трогательную заботу о ней, не прошли бесследно. В начале 1918 года Софья Андреевна написала свое завещание, в котором включила Сашу в число наследников на случай своей смерти. После кончины Льва Николаевича разгневанная мать исключила дочь из числа наследников, а сейчас она простила ее, простила за постоянную доброту и трогательную ласку, которую все больше ощущала на себе.

Буквально в течение трех октябрьских дней Софья Андреевна записала в ежедневнике:

«Приехали утром сын Сережа и дочь Саша; оживили нашу жизнь. Как я рада своим детям! Особенно люблю своего Сережу. Таня со мной строга, а Сережа особенно мягок и мил... Сережа-сын и Саша читали вслух прекрасную статью Сережи о посещении Тургеневым Ясной Поляны».

Александра Львовна заражала всех своей неуемной энергией, жаждой созидания и просто веселым характером. Несмотря на огромную занятость в Румянцевском музее, трудности с продовольствием, на поиски которого ежедневно уходило много времени, Александра Львовна поддерживала интенсивную переписку с близкими родственниками, была внимательна и по возможности старалась помочь каждому из них.

Не забывала она информировать сестру и мать о своих буднях, о политической обстановке в Москве и настроениях.

24 октября 1918 года, выкроив свободную минутку, она написала сестре:

«Милая Танечка!

Ты удивляешься, что мало тебе пишу. Это не слова — но действительно дохнуть некогда. До трех сидишь в Музее, после летишь как сумасшедшая обедать, а после обеда бежишь в кооператив или за картошкой, потому что есть совершенно нечего. В среду, пятницу и воскресенье в 6 часов утра на базар. И так каждый день, вечерами еще заседания или кое-какие домашние дела. Сейчас я делаю маленькую бесчестность и пишу тебе в Музее... Отсюда пойду искать тебе клюквенный экстракт, но боюсь, что будет трудно найти, тогда я пришлю тебе немного клюквы, а когда приеду — привезу еще сама...

На политику все в Москве, кроме пессимистов, как Сережа-брат и Софья Андреевна, смотрят радужно. Скоро, скоро... Здесь чувствуется растерянность в правящих кругах, и они сами говорят, что настал такой решительный момент, каких еще не бывало».

На квартиру в Мерзляковском переулке к Александре Львовне час-

то захаживали ее фронтовые подруги Татьяна Алексеевна Шауфус и Ксения Андреевна Родзянко. По вечерам в полуголодной Москве сестры милосердия вспоминали военные будни, своих подруг, которых революционные вихри разбросали по свету. Кто-то из них служил на стороне белых, о других не было никаких вестей.

Тяжелые жизненные условия, недоедание и изнуряющая работа в Румянцевском музее по разбору отцовских рукописей изрядно изматывали ее. Кроме того, строительство яснополянской школы требовало постоянного внимания и забот. Поэтому Александра Львовна часто наведывалась в Ясную Поляну.

Обширные планы младшей сестры, ее увлеченность работой своеобразно воспринимались Татьяной Львовной, которая в конце сентября оставила запись в дневнике:

«Она собирается уезжать из Москвы и оставлять дело разборки рукописей отца в Румянцевском музее. Мне это очень жаль. Но она еще мечется. В ней ничего не установилось, и она поэтому не может прямо идти. Отца она никогда не понимала и, любя его всем сердцем, она все же жила и живет до сих пор интересами, чуждыми его духу.

В общем же из ее жизни получается что-то непристойное, нецельное. Никогда она не может прилипнуть к одному делу».

А между тем Александру Львовну ждали очередные трудности, о чем 22 ноября 1918 года она поделилась в письме с сестрой:

«У меня беда. Тот господин, который нас финансировал, уехал из Москвы неизвестно куда, и мы сидим без денег, не знаю, чем буду платить жалование. Но я не унываю и надеюсь, что удастся найти деньги. Бегаю целый день по Москве, но положение таково, что все разорены и рады бы помочь, да не могут. Была у Дунаева. Он медленно умирает от истощения. Жуткие, печальные дни! Вчера был Никитин, который видел приехавшего из Швейцарии Бирюкова в специальном поезде. Думаю его сегодня разыскать. Настроение у всех бодрое и оптимистическое. Москва голодает и мерзнет, но ждет и надеется».

К сожалению, рассчитывать на Александра Никифоровича Дунаева, директора одного Московского торгового банка, и на его связи не приходилось. Встреча с Павлом Ивановичем Бирюковым, только что прибывшим из Женевы, не дала Александре Львовне никаких результатов, а Колчак где-то завяз в уральских лесах...

В подавленном настроении она снова делится 2 декабря 1918 года с сестрой:

«Беда с деньгами. В нашем Товариществе и в Толстовском обществе, куда меня выбрали в финансовую комиссию, денег нет, а работа идет, и хочешь не хочешь — надо изворачиваться. На последнем засе-

дании Правления Толстовского общества чуть было не решили добровольно национализироваться. Мы с Сергуней едва отстояли Музей, и теперь ищем денег.

Бирюков, так же , как Чертков и Горбунов, начал заигрывать с большевиками и, по-видимому, находит, что все превосходно в России. Как они мирят большевизм с толстовством — не понимаю?.. На душе тяжко и только спасаюсь делом. Но все чаще и чаще думаю о том, что многое, очень многое мы заслужили».

Глава XXIX
Горестные дни

Зима подкралась незаметно, голодная и холодная.

Александра Львовна продолжала хлопотать о строительстве школы. Подключила к этой, казавшейся многим, в том числе и Софье Андреевне, невыполнимой затее Сергеенко, который в декабре привез в Ясную Поляну архитектора для выбора места постройки. Вслед за ним, сразу после Нового года, приехал известный архитектор Дмитрий Николаевич Волков, долго беседовал с Татьяной Львовной о судьбе запущенного яснополянского сада, о других хозяйственных делах, в том числе строительстве школы.

— Вряд ли это удастся. Уж больно велика затея, — воспользовавшись паузой в их разговоре, произнесла Софья Андреевна. Она отвлеклась от вязания и бросила взгляд на Дмитрия Николаевича, который сидел тут же у круглого столика в углу гостиной под портретом Л.Н. Толстого. — Саша часто загорается большими проектами, — продолжила мать свою мысль, — но не учитывает обстоятельств. Время совсем не то.

Татьяна Львовна и Дмитрий Николаевич молчали. Возможно, каждый из них согласился с ее мнением.

Время и правда было далеко не подходящее. В Ясной Поляне и господа и крестьяне думали только о хлебе насущном. Находящееся в ведении Татьяны Львовны яснополянское хозяйство явно разлаживалось. Скрыть свою раздражительность по этому поводу ей не удавалось, и мишенью для незаслуженных нападок часто оказывалась мать, которая с горечью писала в дневнике:

«Таня наговорила мне сегодня много жестоких слов. Если бы она могла только понять, какие она мне причиняет страдания! Взяла на себя хозяйство, не справилась, страдает от этого, а на меня нападает, не понимаю за что. А кого я больше всего любила и люблю в жизни?»

В конце января 1919 года Татьяна Львовна начала хлопотать о пе-

редаче яснополянского хозяйства Обществу охраны Ясной Поляны. Вскоре мать и дочь обратились в Правление просветительского общества с просьбой взять управление хозяйством в свои руки. Ни физических сил, ни материальных средств содержать большое хозяйство у Толстых не было.

Облеченный должностью председателя этого общества, Сергеенко стал действовать еще более энергично, выступая то в роли кормильца всей яснополянской округи, периодически снабжая ее обитателей крупой, кусочками мыла, а то и плитками шоколада. Иногда ему удавалось, используя свое положение и имя великого писателя, урывать у тульского начальства продукты для самих Толстых.

Однажды весной Софья Андреевна была очень удивлена приездом небольшой группы большевиков, которые после осмотра музея-усадьбы оставили ей белой муки, головку сыра, кофе и чай — неслыханное по тем временам богатство!

Пришло и решение из Совнаркома о превращении Ясной Поляны в хозяйственно-культурно-просветительский центр и выделении ассигнований для этих целей.

Несмотря на то, что еще с середины февраля Софья Андреевна подписала документ о назначении Н.И. Оболенского заведующим яснополянским хозяйством, истинным хозяином здесь себя чувствовал Сергеенко. Он заправлял всем.

Татьяна Андреевна Кузминская, проживавшая последнее время у своей сестры, частенько в разговоре с Софьей Андреевной называла Сергеенко «батюшкой-благодетелем», от разнузданной грубости которого все более становилось не по себе.

«Служащие в яснополянском доме не знали, как и чем угодить благодетелю, — вспоминала Александра Львовна, — а он покрикивал на них, да и на всех обитателей Ясной Поляны. Кричал на мать и сестру, когда она хотела внести порядок в распределение продуктов...

Сестре было больно, а я выходила из себя.

— Выгони ты его, — горячилась я, — как он смеет говорить грубости».

Молодой и неопытный Оболенский, против назначения которого на должность заведующего яснополянским хозяйством так горячо возражала Александра Львовна, — тушевался и не мог перечить «батюшке-благодетелю».

Наводить порядок в Ясной Поляне и ограждать ее от чуждых им людей пришлось Александре Львовне. Ее обращение к наркому просвещения Луначарскому возымело действие, она получила от него бумагу, из которой следовало, что она назначается полномочным комиссаром Ясной Поляны.

К лету увеличился поток посетителей музея, все чаще среди них появлялись красногвардейцы с красными повязками на рукавах и винтовками в руках. А уже с начала июля усилились слухи о победах Деникина и взятии им Ельца. Приехали в Ясную Поляну Александра Львовна с братом Сергеем и сообщили то, что пришлось видеть им самим.

«На Косой горе, — рассказали они, — красногвардейцы спешно роют окопы, чтобы защитить Тулу от белых.

Говорят, в самой Туле кто-то водрузил на здании почты белый флаг, а по улицам бродят кучки демонстрантов с белыми флагами. Тульские власти растерялись».

С нескрываемой тревогой восприняла эту новость Софья Андреевна.

В середине июля волнение охватило всех яснополянцев. «Деникин идет на Тульскую губернию» — это известие в те дни было у всех на устах. Отношение к возникшей ситуации было разным. Каждый оценивал предстоящий приход белых сквозь призму собственных взглядов.

19 июля Софья Андреевна отметила в своем «Дневнике»:

«Слухи, что идет с войсками Деникин бить большевиков, но будет ли лучше — Бог знает! Нам большевики все дают и ничем не обижают».

А спустя месяц она снова высказалась в том же духе:

«Слухи о погибающем владычестве большевиков. Все радуются, а я им благодарна за постоянные услуги и помощь».

В начале сентября 1919 года в Ясную Поляну прибыл целый полк красногвардейцев и разместился в деревне по избам. Вооруженных солдат все прибавлялось. Софью Андреевну это тревожило.

«Прислали нам много солдат, — записано в ее «Дневнике». — *Подумать страшно, что живут вооруженные люди на территории, где родился Толстой!»* 30 сентября следует очередная запись: *«Грозят сражением в Ясной Поляне, как только придет Деникин. До чего дожили. Говорят, что снаряды могут убить всех и разрушить наш дом»*.

Обитатели Ясной Поляны, Александра Львовна и Сергей Львович хлопотали о снятии осадного положения вокруг имения. Приезжал из Тулы Високомирный и срочно намеревался обратиться к московскому начальству о выводе солдат и о недопущении военных действий на территории яснополянской усадьбы. Вопрос решился сам по себе. Деникин не дошел до Тулы.

А в конце ноября в Ясную Поляну пришло огромное горе. После нескольких дней болезни скончалась от воспаления легких Софья Андреевна. В полном сознании ушла она из жизни, попрощавшись со своими детьми и прося у них прощения за все.

Похоронили ее в ограде церковного прихода в Кочеках рядом с могилой ее дочери Маши.

Александра Львовна прочла посмертное письмо матери, где были такие строки:

«Прости и ты меня, дочь Саша, что я невольно недостаточно дала тебе любви, и благодарю тебя за твое доброе отношение ко мне за все последнее время».

После похорон Александра Львовна вернулась в Москву. Ее ждала нелегкая работа в Румянцевском музее, в помещении которого становилось все холоднее с каждым днем. Алексей Евгеньевич Грузинский, добрый профессор и руководитель работы по подготовке уникального издания Л.Н. Толстого, наравне со всеми сотрудниками делил все житейские тяготы и лишения, одинаково мерз и голодал со всеми, несколько раз в день согреваясь лишь кипятком.

— Плесните мне, Сашенька, кипятка, — то и дело слышалось вокруг.

Во время отъездов в Петроград или частых болезней его замещал Александр Модестович Хирьяков.

В крещенские морозы температура в музее упала почти до нуля. Сотрудники работали в верхней одежде и в перчатках. Не легче было в домах; подобрать бревно или разобрать какой-нибудь забор считалось за счастье.

В письмах в Ясную Поляну Александра Львовна все чаще просила сестру купить ей сала, свинины ... или поделиться медом из яснополянской пасеки.

Семейные разлады в среде знакомых и близких, заступничество за других, вести о расстройстве дел в Ясной Поляне и многочисленные раздоры с тульскими властями по поводу судьбы яснополянского хозяйства отнимали много сил и угнетали Александру Львовну.

Знала ли дочь великого гуманиста, что самое тяжкое испытание еще ждет ее впереди?

Глава XXX
Тактический центр

В России далеко не каждый распознал в февральской революции предвестницу грядущих бед. Часть русской интеллигенции также оказалась под гипнозом революционной пропаганды, спокойно наблюдая за бурным развитием событий, а порой и приветствуя неведомые перемены. Однако прозрение наступало быстро.

В конце декабря 1918 года в один из морозных вечеров в доме из-

вестной московской общественной деятельницы Е.Д. Кусковой за чашкой чая встретились члены свергнутого большевиками Временного правительства, представители интеллигенции, оппозиционеры. Разговор шел о напряженной ситуации в России, непредсказуемости дальнейшего развития событий, и в ходе беседы возник вопрос о выработке приемлемой для всех политической ориентации.

В результате ряда бурных совещаний, последовавших за этой встречей в апреле 1919 года, был образован Тактический центр, целью которого было восстановление государственного единства России, созыв национального собрания для разрешения в нем вопроса о дальнейшей форме правления в стране, восстановление порядка, признание права личной собственности и проведение неотложных мероприятий экономического и социального характера. Всех пугали хаос, анархия и разгул преступности в стране. Среди участников Тактического центра был известный историк, редактор популярного журнала «Голос минувшего» и автор памфлета «Последний самодержец» С.П. Мельгунов. Он вместе с А.М. Щепкиным, С.М. Леонтьевым и С.Е. Трубецким возглавлял оппозиционную большевикам организацию.

Тактический центр не обладал централизованной структурой, не имел устава и четко сформулированной программы. Он скорее был своеобразным «мозговым центром», его члены вели долгие дискуссии по отдельным проектам государственного устройства, старались найти решение актуальных вопросов — аграрного, рабочего, продовольственного...

Реализация этих проектов связывалась с надеждами на скорое падение Советской власти, тем более, что с востока наступал на Москву Колчак, с юга теснил красногвардейские части Деникин, с севера двинулась Антанта... Казалось, судьба Советской власти висела на волоске.

Весной 1919 года белогвардейский «Северный корпус» под командованием генерала Родзянко сосредоточивал в Прибалтике свои силы для наступления на Петроград. Боясь нарастания народного волнения в связи с предстоящей активизацией действий белогвардейских сил, Ленин 31 мая 1919 года выступил с воззванием «Смерть шпионам!», в котором призывал всех сознательных рабочих и крестьян подняться на борьбу со шпионами и белогвардейскими предателями.

12 июня 1919 года восстала «Красная горка». Мятеж мгновенно перекинулся на Кронштадт. Восстание моряков, которые совсем недавно штурмовали Зимний дворец, было жестоко подавлено большевиками. Свыше 15 тысяч питерских рабочих, сотрудников ЧК и партийных органов во главе с Троцким жестоко расправились с мятежника-

ми. Массовые обыски и облавы устраивались по городу, в квартирах, в консульствах некогда союзных стран... Карательными операциями руководил заместитель председателя ВЧК Я.Х. Петерс.

Еще в ноябре 1918 года в ответ на убийство руководителя Петроградской ЧК Урицкого и покушение на Ленина он со страниц газеты «Утро Москвы» выступил с грозными словами отмщения, которые вскоре стал воплощать в жизнь:

«Я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которой поблекнет все, что понимается под красным террором». И на сей раз с удвоенной энергией чекист Петерс принялся за дело.

Аресты и слежка за подозрительными лицами, якобы причастными к контрреволюционному мятежу, продолжались до самой осени.

В этот критический момент большевики беспощадно расправились со всеми, кто подозревался в контрреволюционной деятельности.

Активизировалась деятельность чекистов и в Москве. В середине июля 1919 года поздно ночью к дому по Мерзляковскому переулку, где жила Александра Львовна, подъехал черный автомобиль, из которого выскочил комиссар особого отдела Горбатов и двое чекистов в кожаных куртках и скрылись в подъезде дома. Поднявшись по лестнице, они остановились перед дверью, на которой была прибита табличка с цифрой 25, и осмотрелись вокруг. Ни души. В подъезде и на этажах было тихо. Горбатов резко постучал в дверь, Александра Львовна ответила не сразу:

— Кто там? — спросила она, наспех накидывая на себя халат.

— Откройте, ЧК, — послышалось за дверью.

Не успела она сообразить, как трое уже ворвались в коридор, а старший из них предъявил ей ордер с четырехзначной цифрой на обыск и арест.

Разбросав все по квартире и не найдя ничего существенного, Горбатов подошел к письменному столу, перебрал бумаги и бросил хозяйке квартиры, которая в растерянности стояла посреди комнаты:

— Вы арестованы. Мы должны препроводить вас на Лубянку.

— За что? В чем вы меня обвиняете?

— Поторапливайтесь... — Горбатов внезапно замялся и, заглянув в ордер, произнес: гражданка Толстова.

— Не Толстова, а Толстая, я дочь Льва Николаевича Толстого.

— Вот там и разберутся, чья вы дочь, — прервал ее Горбатов и вновь заглянул в ордер. В нем отчетливо было написано: «Толстова Александра Львовна». «Вот грамотеи», — усмехнулся он про себя.

Ее препроводили на Лубянку, но из-за отсутствия доказательств

причастности к контрреволюционной деятельности вскоре освободили.

14 июля 1919 года после очередного обыска ее вновь арестовали и увезли на Лубянку.

На следующий день на рабочем столе председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского лежало письмо от В.Г. Черткова с просьбой об освобождении А. Толстой. *«Прошлой ночью арестована и увезена на Лубянку дочь Льва Николаевича Толстого»*, — говорилось в нем. Далее Чертков ручался за Александру Львовну и уверял в ее непричастности к политической деятельности, направленной против большевиков.

Дзержинский внимательно прочел письмо, задумался, а затем, окунув перо в массивную чернильницу, четким и твердым почерком в верхнем углу наложил резолюцию: *«Освободить, взяв расписку о невыезде»*.

Через несколько дней она уже была на свободе.

В феврале 1920 года ВЧК арестовала членов коллегии Главтопа (Главтоплива) Н.Н. Виноградского, профессора С.А. Котляревского и других; на допросе их принудили дать «откровенные показания», приведшие к аресту 26 членов этой организации.

В эту пору Александра Львовна проживала в Москве, разделяя со всеми мучительно тяжелые и голодные дни. Все чаще стали говорить об арестах, в среде москвичей нарастал страх умереть с голоду или замерзнуть в неотапливаемых помещениях.

В книгоиздательстве «Задруга», куда зашла Александра Львовна в надежде получить хоть несколько поленьев дров, ей неожиданно сообщили об аресте Мельгунова.

— Ну а Сергея Петровича за что? — с удивлением спросила она.

Александра Львовна вспомнила, как в брошюре «Последний самодержец», изданной в 1917 году в угоду большевикам, Мельгунов презрительно называл Николая II «царем-комиком», петрушкой и недоумком. На память графине пришли брошенные со страниц его брошюры слова:

«Царствование Николая II действительно одно из самых кровавых в истории. Ходынка, две кровопролитные войны, две революции, а в промежутках их — беспорядки и погромы, беспорядки, прекращавшиеся жесточайшими карательными экспедициями под девизами: «арестованных не иметь», «патронов не жалеть»...»

Она стояла перед сотрудниками издательства обескураженная и потрясенная. В то время графиня не могла еще знать, что избавившемуся от, казалось бы, неминуемого расстрела Мельгунову позволят эмигрировать, и там, вдали от родины, в относительной безопасности он напишет свой очередной, теперь уже обличающий большевиков труд «Красный террор в России». А тогда, держа в охапке несколько бе-

резовых поленьев и прижимая их к груди, словно ребенка, счастливая возвращалась она домой, осторожно обходя нависавшие с крыш огромные гирлянды сосулек.

Она вошла в подъезд дома на Большой Никитской, поднялась по парадной лестнице на третий этаж и остановилась перед дверью своей квартиры. Освободившись от охапки дров, открыла ключом дверь и вошла в холодную, уже несколько дней не отапливаемую комнату.

Окоченевшими руками кое-как расщепила топориком березовое полено и растопила печь.

Постепенно комната наполнилась теплом. Александра Львовна согрела чайник, заварила щепотку чая и, скромно поужинав, рано легла спать.

Среди ночи раздался стук в дверь. Затем он вновь повторился — громкий и настойчивый.

— Опять, — поднимаясь с постели, почти вслух промолвила Александра Львовна и направилась к двери.

Чекисты вновь явились с обыском. Как следовало из ордера, который предъявили хозяйке квартиры, провести его поручалось сотруднику ВЧК Люзохонскому. Он же обратился к ней:

— Прошу добровольно представить все то, что изобличает вас в контрреволюционной деятельности. Это на пользу вам.

— Ни к какой политической деятельности я не причастна, у меня ничего нет. И вообще, оставьте меня в покое, — вспылила Александра Львовна. — Я буду протестовать.

Чекисты, не слушая хозяйку, уже приступили к обыску. На сей раз обыск проводился исключительно тщательно.

— Где вы храните архивы своей организации? — раздраженно спрашивал старший.

«Люзохонский, Люзохонский... — размышляла про себя Александра Львовна, не обращая внимания на вопросы и реплики чекистов. — Поляк, не поляк?! Все равно — мерзавец!»

После проведенного обыска, уже под утро 29 марта, ее в очередной раз арестовали и снова препроводили на Лубянку.

В тот же день состоялся допрос, который вел особоуполномоченный ВЧК Я. Агранов. На допросе она всячески все отрицала, в результате чего подписала протокол показаний:

«Я отрицаю, что какая-либо политическая группа заседала у меня на квартире с моего ведома и согласия. Кроме того, отрицаю свою принадлежность к какой-либо политической партии. Отрицаю факт хранения архива Мельгунова...»

А. Толстая.

На следующем допросе 31 марта 1920 года, узнав о том, что некоторые арестованные по этому делу уже признались во многом, Александра Львовна в присутствии тех же Агранова и Ягоды подтвердила факт собрания у нее на квартире какой-то группы, наотрез отказавшись назвать фамилии присутствовавших. Вины за собой она не чувствовала.

Восприняв свой арест как недоразумение, Александра Львовна написала в начале апреля письмо сестре делового содержания, беспокоилась о строительстве школы, поручала сметные дела Трапезникову и просила Грузинского возобновить работу в Румянцевском музее.

«*Получила ли ты мое письмо от прошлой пятницы?* — спрашивала она. — *Мне надо писать: Внутренняя тюрьма Особого отдела ВЧК, Лубянка, 2. Я совсем здорова и бодра, пожалуйста, обо мне не волнуйся и не беспокойся*».

В конце апреля 1920 года к кампании в защиту Александры Толстой подключилось Толстовское общество, направившее на имя Председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского заявление:

«*Толстовское общество в Москве, осведомившись, что в течение 2-х недель А.Л. Толстая находится в заключении, просит об освобождении ее, глубоко уверенное в том, что Толстая не сделает ни малейшей попытки уклониться от суда и следствия...*»

На Пасху Александра Львовна вновь послала весточку в Ясную Поляну, всячески стараясь скрыть истинные условия пребывания в тюрьме, чтобы не пугать и не волновать близких:

«*По правде сказать,* — писала она в конце своего опять-таки делового письма, — *тюрьма является для меня тем отдыхом, который был мне необходим, и я действительно отдыхаю душой и телом*».

Именины Александры Львовны застали ее на Лубянке. На дворе стоял месяц май. За решетчатым окном камеры крыши родного ей города медленно озарялись солнечными лучами. Узкий лучик солнечного света коснулся лица заключенной; она открыла глаза, откинула одеяло, села на нарах и оглянулась. У изголовья стоял табурет, полный трогательных подарков от соседей по камере: кусочки сахара, папиросы, вышитый гладью мешочек и посвященные ей стихи. Глаза наполнились слезами, комок подкатил к горлу и не дал ей произнести слова, которые рвались наружу. Она вскочила и обняла соседку по койке.

— Лизочка, милая, спасибо всем вам, это так трогательно...

Молодая женщина, обняв ее тоже, еле сдерживала слезы.

— Ну, полноте, Александра Львовна, это ж пустяки, но ничего большего здесь не найдешь, — оправдывалась Малеина.

Все наперебой поздравляли именинницу. Настроение у заключенных поднялось, а когда в дверях камеры появилась изможденная от

усталости Ольга Константиновна с огромным букетом цветов и коробками съестного, радость перешла во всеобщее ликование. Улыбаясь, она обняла Александру Львовну, горячо поцеловала и стала распаковывать коробки и извлекать оттуда конфеты, пироги, торт, домашние хлебцы...

Цветами украсили железную решетку на окне, расставили их по углам камеры, отчего она стала похожа на городскую клумбу. Срочно принесли кипятка и... даже умудрились распить бутылочку вина, которую незаметно пронесла Ольга Константиновна. Ощущение было такое, будто бы все хлебнули по глоточку свободы, забыв на время свое тюремное положение.

Под вечер, до наступления темноты, Александра Львовна успела черкнуть пару слов сестре, а заодно ответила любимой племяннице Тане:

«Я только хотела сказать маленькой Танечке, — писала она, — *что жизнь прекрасна (даже здесь в тюрьме). Жизнь послана нам Богом для служения ему и людям, и если это поймешь, то плохо или хорошо живешь, но вопроса «Зачем жить?» быть не может... А про себя скажу, что минутами здесь ярче еще чувствую, как хорошо жить на свете»*...

Александра Львовна продолжала беспокоиться о делах, просила сестру написать об этом, но письма от Татьяны Львовны ее не удовлетворяли, они были короткими...

14 мая 1920 года Александра Львовна послала из Лубянки очередное письмо сестре:

«Послезавтра семь недель, что я на казенных хлебах, утешаю себя мыслью, что это время не пропало для меня даром. Друзья балуют страшно. Последняя передача была от семи лиц. Самые наши бедные сотрудники прислали кто яйцо, кто пирожок, кто цветы. Вся камера в сирени, незабудках, розах, ландышах. Меня до слез трогает отношение людей, и я снова и снова спрашиваю себя: за что? и чувствую искренне, с раскаянием, что этого не заслужила».

Между тем, тюремные власти не на шутку встревожились столь пристальным вниманием общественности к Толстой. Возможно, учитывая, что она все-таки дочь великого писателя, и боясь каких-либо последствий из-за того, что Александра Львовна на допросах категорически отрицала свою вину и старалась быть немногословной, руководство ВЧК решило испросить санкции кремлевских властителей на дальнейшие действия. Этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП/б/ 15 мая 1920 года. Присутствовали на заседании Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Преображенский, Калинин. Были приглашены также Крыленко, Агранов и другие лица.

В протоколе № 10 одним из последних под номером 26 этот вопрос формулировался коротко: «Об аресте С.Л. Толстой». Именно так: не А.Л. Толстой, а почему-то «С.Л.» Членам Политбюро давал разъяснения по этому делу особоуполномоченный ВЧК Я.С. Агранов, который дважды допрашивал Александру Львовну на Лубянке.

Агранов закончил свой короткий доклад. Наступила тишина. Каменев взглянул на Ленина. Тот сидел, не выражая никаких эмоций.

В решении записали: тому же Агранову поручается «закончить дело С.Л. Толстой не позже недельного срока и о результатах доложить в Оргбюро».

Ровно через неделю на заседании — но не Оргбюро, а опять же Политбюро, как следует из протокола № 13 от 22 мая 1920 года, уже сам Каменев докладывал о деле Тактического центра. На заседании Политбюро ЦК присутствовали Ленин, Троцкий, Сталин, Преображенский и Бухарин.

Неизвестно — пока неизвестно, — какие дебаты велись в кремлевском кабинете, о чем говорил Троцкий, какое мнение высказывал Бухарин... В лаконичном постановлении по этому вопросу значится: «Утвердить список, прочитанный т. Каменевым».

Нетрудно догадаться, о каком списке тогда шла речь. Это был перечень 28 руководителей и членов Тактического центра, куда входили: бывший товарищ министра внутренних дел Д.М. Щепкин, бывший товарищ министра внутренних дел при Временном правительстве С.М. Леонтьев, бывший товарищ министра внутренних дел в кабинете Витте и при Временном правительстве С.Д. Урусов, входивший в Союз земельных собственников, историк и публицист С.П. Мельгунов, профессор биологии Н.К. Кольцов, бывший член III и IV Государственной Думы В.И. Степковский, князь С.Е. Трубецкой, известный юрист И.И. Шейман, В.М. Устинов, Т.В. Сергиевский, С.А. Морозов, П.Н. Каптерев, Л.Н. Хрущева, машинистка Е.И. Малеина и гражданка Толстая.

Через несколько дней после этого заседания Политбюро щелкнул засов в камере, где сидела Александра Львовна, и открылась дверь.

«Гражданка Толстая! На свободу!» —вспоминала она много лет спустя. Перед тем как выйти из камеры, я по всей стене громадными буквами написала: «Дух человечества свободен! Его нельзя ограничить ничем: ни стенами, ни решетками!»

23 мая 1920 года Татьяна Львовна Сухотина получила в Ясной Поляне телеграмму из Москвы:

«Здорова, целую приеду первой возможности

Александра Толстая».

Глава XXXI
Судебный процесс

Александру Львовну и некоторых других, проходящих по делу Тактического центра, выпустили на волю до суда. Но войти в прежнюю колею жизни ей не удавалось. Допоздна она задерживалась в Георгиевском переулке, в канцелярии Верховного трибунала, изучая дело, которое завели на нее в ВЧК. Но чем дольше изучала бумаги и материалы по этому делу, тем более неясным было оно для нее.

В конце июля, чтобы выяснить, будет ли она привлечена к суду, Александра Львовна записалась на прием к Авелю Сафроновичу Енукидзе, в то время секретарю ВЦИК. Должность комиссара-хранителя Ясной Поляны позволяла ей иметь доступ к советским деятелям высокого ранга.

«*Сейчас поеду к Енукидзе*, — писала она сестре в Ясную Поляну, — *и постараюсь узнать, в чем дело и когда предполагается суд*».

Но разговор с Енукидзе не прояснил обстановки. Галантный грузин при ней звонил куда-то, наводил справки, но ничего определенного сказать не смог.

Об этом она сообщила в Ясную Поляну:

«*Была у Енукидзе. Дело неизвестно когда будет разбираться, и возможно, что меня и не привлекут*».

И в следующем письме та же неопределенность:

«*Не могу выяснить, будут ли меня судить или нет, ну, поживем, увидим*».

Но были и радостные вести:

«*Пасеку отвоевала, ур-ра! Порадуй Михаила Васильевича*».

Она была в восторге от этой победы. В то голодное время пасека для них являлась одним из важнейших источников существования.

Двинулись дела и с яснополянской школой.

Однако частые вызовы в канцелярию, встречи с обвинителем Н.В. Крыленко, унизительные допросы в присутствии и с участием Ягоды и Агранова, бестолковые разговоры с адвокатами, среди которых были А.С. Тагер и Н.К. Муравьев, не предвещали ничего хорошего. Беспомощность защитников была очевидной. Тучи сгущались вокруг Щепкина, Леонтьева, Трубецкого, Мельгунова и Котляревского, арестованного ранее других.

Непосредственно перед судом Александра Львовна сообщила об этом в Ясную Поляну:

«*Сегодня нам вручили обвинительный акт. Судьба четырех: Щепкина, Леонтьева, Трубецкого и Мельгунова — может быть очень пе-*

чальной. И на этом сосредоточены все наши силы. Я совсем замучилась и только мечтаю о том, чтобы меня посадили».

Это уже был крик души отчаявшейся женщины. А впереди предстоял суд, и надо было собраться с мыслями, сосредоточиться для собственной защиты и защиты других.

Дело рассматривалось Верховным революционным трибуналом под председательством И.К. Ксенофонтова с 16-го по 20 августа 1920 года. Главным обвинителем на процессе выступал Крыленко. Сын ссыльного крестьянина, он ревностно отстаивал позиции большевиков, выступая по делу польских ксендзов, шахтинскому делу и другим политическим процессам, и уже прослыл беспощадным к своим жертвам.

Не был исключением и этот процесс. Крыленко прекрасно помнил майские заседания Политбюро, невозмутимо молчаливую реакцию Ленина на сообщение об аресте младшей дочери Толстого, оглашение Каменевым списка осужденных по делу Тактического центра и полное одобрение им действий ВЧК.

Большевикам очень нужен был какой-то громкий политический процесс, чтобы под страхом дальнейших репрессий «поставить на место» и подчинить своим интересам очень важную социальную группу, какой являлась в России интеллигенция.

В назначенный день Александра Львовна пришла в Политехнический музей. В одном из его залов проходило заседание суда. Зал постепенно заполнялся людьми, среди которых было много знакомых. Всех без исключения волновала судьба обвиняемых, и в первую очередь тех, кому грозил расстрел.

Вскоре ввели заключенных, появились судьи.

«Встать, суд идет!» — прозвучала команда...

После ряда необходимых процедур председательствующий дал слово Крыленко. В зале наступила тишина. Александра Львовна почувствовала, как по телу пробежали мурашки, сердце учащенно забилось. Ей, как и всем остальным, было ясно, что от него зависел приговор.

Главный обвинитель начал свою речь с общей обстановки в России. Характеризуя трехлетний период существования Советской власти, Крыленко отметил, что целые общественные слои сошли со сцены и рухнули в Лету, а с ними рухнули и политические, и юридические формы того социального уклада, который поддерживался этими общественными группами.

— Но, кроме этих крупных общественных группировок, кроме земледельческой и торгово-промышленной буржуазии, существовал и продолжает существовать еще один общественный слой, над социаль-

ным бытием которого давно задумываются представители революционного социализма, — говорил он.

Голос его крепчал, а интонации становились зловещими:

— Этот общественный слой, считающий себя надклассовой группой, точно так же подвергся за эти годы тому же испытанию всеобщей переоценки. Этот слой, — почти выкрикнул в зал обвинитель, — так называемая интеллигенция!

Из середины зала послышались жидкие хлопки. Небольшая группка аплодировавших людей была незнакома Александре Львовне.

Крыленко продолжал свою речь. Признавая отсутствие у обвиняемых какой-либо программы действий, он, тем не менее, сделал вывод о якобы имеющем место политическом преступлении. Наступил кульминационный момент в оценке действий подсудимых. Тридцать человек, некогда уважаемых в обществе, под стражей слушали речь обвинителя. А те, кому были небезразличны их судьбы, сидели в зале, затаив дыхание.

— И даже если бы для падения Советской власти, — обобщал Крыленко, — обвиняемые здесь, в Москве, не ударили пальцем о палец, — все равно в момент ожесточенной борьбы, в момент объявления страны вооруженным лагерем, который отбивается от наседающих врагов, — в такой момент даже разговоры за чашкой чая о том, какой строй должен сменить падающую Советскую власть, является контрреволюционным актом.

Во время гражданской войны, — пояснил свой зловещий тезис главный обвинитель, — преступно не только всякое действие, всякий шаг, подготавливающий реставрацию иного порядка, чем тот, который установлен Советской властью, — преступно само бездействие.

Где вы, интеллигенты, — вопрошал на процессе Крыленко, — по ту или по эту сторону баррикады? Здесь ли вы — вместе с рабочими и крестьянами, с теми, кто произвел Октябрьский переворот в тяжелые минуты всеобщего расстройства, вызванного войной, экономической разрухой, голодом и эпидемиями? Или вы там, среди тех, кто ведет борьбу против нас?

* * *

«Помилование или смерть? Вокруг этой мысли, — вспоминала много лет спустя Александра Толстая, — сосредоточилось все внимание, вытеснив остальные интересы. Суд казался нелепым представлением».

На одном из заседаний суда произошел комический эпизод, вызвавший смех в зале и аплодисменты публики: на вопрос главного об-

27 447

винителя: «Гражданка Толстая, каково было ваше участие в деле Тактического центра?» — дочь великого писателя невозмутимо ответила:

— Ставила для его участников самовар.

Возвращаясь в обвинительной речи к реплике подсудимой, Крыленко заметил:

— Здесь вызвали смех слова гражданки Толстой, когда на мой вопрос, что она делала на совещаниях, она ответила: «Ставила самовар». Но, исполняя эти обязанности гостеприимной хозяйки, вы, гражданка Толстая, знали, что предоставляете квартиру для антисоветской организации!

«Конечно, знала», — усмехнулась про себя графиня, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она продолжала невозмутимо сидеть, не шелохнувшись.

Затем, обращаясь к судьям, главный обвинитель продолжил свою речь:

— Здесь я подхожу к кардинальному пункту обвинения, о несогласии с которым заявляли все подсудимые. Я утверждаю, что в конечном счете все действия обвиняемых подготовляли генеральскую диктатуру, знаменующую собой реставрацию капиталистического строя и установление дофевральского порядка.

Заключительным аккордом речи главного обвинителя стали последние слова, патетически произнесенные им с трибуны:

— Материалы этого дела с полной ясностью показали, как русская интеллигенция, войдя в горнило Революции с лозунгом народовластия, вышла из него союзником черных генералов, наемным и послушным агентом европейского капитализма.

Меру наказания для каждого подсудимого Крыленко определил разной:

— Шеймана за его богатые юридические познания и Степковского за такие же познания в аграрном вопросе — я полагаю достаточным заключить на два года в лагерь, с тем, чтобы их познания по специальности могли бы быть использованы согласно положению о контрреволюционных лагерях. Эта мера наказания обезопасит Советскую власть от названных подсудимых на оставшееся время тяжелого переходного периода.

В отношении В.М. Устинова и Г.В. Сергиевского он требовал десяти лет изоляции каждому с запрещением в дальнейшем работы в советских органах, дабы, по его словам, «обезопасить Советскую власть от этих перевертней и хамелеонов».

Когда главный обвинитель дошел до Е.И. Малеиной и А.Л. Толстой, он заявил:

— Этих подсудимых, как опасных для Советской республики, следует изолировать и заключить в лагерь до разгрома врангелевского фронта. До того момента перечисленные подсудимые, безусловно, должны быть изолированы от остальной общественной среды.

Для двадцати подсудимых он требовал высшей меры наказания.

Крыленко завершил свою речь, собрал только что прочитанные листки, подровнял их с торцов и только после этого взглянул в зал. Вокруг стояла мертвая тишина.

«Такой суд, — вспоминала в книге «Проблески во тьме» А. Толстая, — не просто суд, а испытание. Смерть витала над головами людей».

Суровый приговор был смягчен неожиданным заступничеством со стороны Троцкого, который как-то внезапно появился в зале суда и выступил в защиту одного из подсудимых, молодого ученого, заявив, что такие люди, как этот ученый, нужны Советской республике.

Трудно сказать, был ли это тонко разыгранный фарс или результат воздействия на него супруги, к которой обращалась Александра Львовна и, возможно, другие с просьбой смягчить приговор. Но так или иначе, 20 августа 1920 года Верховный революционный трибунал заменил расстрел осужденным, которого требовал Крыленко, тюремным заключением от трех до десяти лет. Максимальный срок получили Д.М. Щепкин, С.М. Леонтьев, С.П. Мельгунов и С.Е. Трубецкой.

Несколько человек, в том числе В.М. Устинов и Г.В. Сергиевский, были освобождены от наказания. Что касается А.Л. Толстой, Верховный революционный трибунал постановил: «Заключить в концентрационный лагерь на три года».

Результаты этого громкого дела большевистская пресса расценила как раскаяние представителей интеллигенции, обвиненных в контрреволюционной деятельности.

Этот процесс развязывал руки ЧК для организации гонений на интеллигенцию и церковь, служители которой подверглись, начиная с 1921 года, невиданному в России террору.

Подготовка к этому планировалась давно. Уже в марте 1918 года, после переезда Советского правительства в Москву, были закрыты соборы Кремля, а вскоре Совет Народных Комиссаров принял декрет об отделении церкви от государства, по которому все культовые заведения объявлялись «народным достоянием». Этим декретом открывался путь к разграблению церковных ценностей. Гонения на священников приняли особенно большой размах после покушения Фани Каплан на вождя пролетарской революции Ленина, совершенного ею 30 августа.

Пресса того времени сообщала из разных мест о расправах красногвардейцев над служителями церкви.

Один из соратников Дзержинского, чекист Рогов, в своем дневнике откровенно писал: «*Одного не пойму: красная столица и церковный звон! Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстрелять, церкви под клуб — и крышка религии!*»

В отличие от рядовых прямолинейно мыслящих душителей церкви руководители действовали более изощренно.

7 мая 1921 года на своем заседании Политбюро ЦК РКП/б/ одобрит доклад М.И. Калинина о запрещении выполнения религиозных обрядов на местах. Вскоре отменили христианские праздники, закрыли религиозные журналы и издания, церковные свечные заводы, умолк малиновый звон колоколов... Годом позже началась планомерная кампания по изъятию церковных ценностей, руководить которой 4 мая 1922 года на заседании Политбюро ЦК было поручено Л. Троцкому.

Вскоре Троцкий направил в Политбюро служебную записку, характеризующую состояние православной церкви после отстранения от ее руководства Патриарха Всея Руси святейшего Тихона. Предложенный Троцким план предполагал необходимость ослабления влияния церкви путем раскола между наметившимися в ней тремя направлениями.

«Полагаю, — рассуждал Троцкий, — что нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из этих направлений. Выгоднее, если между этими тремя ориентировками разгорится серьезная борьба».

Боясь того, что церковный Собор может устранить внутренние противоречия в церкви, Троцкий предлагал всячески препятствовать созыву церковного Собора или, по крайней мере, оттянуть его, чтобы еще более обострить борьбу.

«Окончательный выбор сделать позже, — предлагал он, — если вообще понадобится делать выбор. Централизованная церковь при лояльном и фактически бессильном патриархе имеет известные преимущества... Возможна, наконец, и даже вполне вероятна такая комбинация, когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть церкви, организующаяся под знаменем синода или полной автономии общин. В конце концов, — заключал Троцкий, — такая комбинация была бы, пожалуй, самой выгодной».

26 мая на очередном заседании Политбюро ЦК РКП/б/ план Троцкого был одобрен.

Никто не знал, как зрели за высокими кремлевскими стенами коварные планы расправы над православной церковью, но плоды их потрясли россиян.

Глава XXXII
В застенках Новоспасского монастыря

Процесс по делу Тактического центра закончился. Утром всех осужденных вывели во двор лубянской тюрьмы, а затем отдельными группами под конвоем отправляли в разные места заключения.

Александру Львовну и молодую машинистку Малеину препроводили в Новоспасский монастырь. В сопровождении двух вооруженных чекистов шли они через всю Москву.

Редко кто из прохожих обращал на них внимание. Такая картина для Москвы становилась обычной. Лишь одна встречная женщина на Устинском мосту остановилась и долго сочувственно смотрела им вслед.

«Слава Богу, хоть одна добрая душа нашлась», — подумала Александра Львовна.

— Лиза, — обратилась она к Малеиной, — вы заметили эту женщину?

— Да, она до сих пор провожает нас взглядом. Видно, сама пережила подобное...

— Прекратить разговоры! — грубым окриком одернул женщин старший конвоир. — В тюрьме наговоритесь, а здесь молчать!

Накрапывал дождь...

На всю жизнь запомнила Александра Львовна этот день: «Тяжелый мешок давил плечи. Идти по мостовой больно, до кровавых мозолей сбила себе ноги. Духота становилась все более и более нестерпимой».

Вдоль Крутицких казарм уже под проливным дождем дошли они, наконец, до старинных стен монастыря. Конвоиры через массивные ворота провели обеих женщин во двор монастыря и сдали тюремным надзирателям. Так началась жизнь в заключении среди разного люда — от баронессы до проституток, уголовниц и наркоманок...

В письмах из Новоспасского монастыря, который чекисты переоборудовали в концентрационный лагерь, Александра Львовна старалась утаить от близких свое истинное положение, которое вначале не было столь тяжелым. Она пыталась занять себя, быть полезной и здесь, в обществе, которое ее окружало.

В лагере ее посещали друзья, да еще приносили съестное в это трудное время. Приходил и Сергей Львович, был с ней, как всегда, мил и ласков. Родные и близкие друзья ходатайствовали об ее освобождении, однако напряженная обстановка, возникшая в связи с успешным наступлением Деникина на Южном фронте, не давала ей определенных надежд.

Время шло, а Александра Львовна продолжала демонстрировать

поразительную стойкость духа. 19 сентября 1920 года она писала из Новоспасского лагеря сестре:

«Живу все так же хорошо, на судьбу не жалуюсь и неволей не тягочусь. Одно только худо: отпуска совсем прекращены, иногда можно пойти в город на несколько часов, но уже без ночевки.

Школа наша функционирует вовсю. На днях достала волшебный фонарь, так что думаю организовать вечерние лекции.

Если тебя интересует вообще мое дело, то оно обстоит так: сейчас заседание сессии ВЦИК, когда оно кончится (приблизительно недели через две), начнется разбор нашего дела. Вот и все пока.

Твоя сестра Саша».

Не бездействовала и Татьяна Львовна. С просьбой об освобождении сестры она обращалась к Калинину и даже к Крыленко.

В одном из писем к Калинину она писала:

«Когда посетители, приходящие осмотреть комнаты отца (за последнее время было много иностранных делегаций), спрашивают о том, хорошо ли относится теперешнее правительство к нам, я всегда отвечаю, что прекрасно, и скрываю от тех, кто этого не знает, что дочь Льва Николаевича сидит в концентрационном лагере. Вы, конечно, догадываетесь, что я это скрываю не потому, что мне стыдно за нее...

Она пишет нам бодрые письма, в которых рассказывает, как она устраивала школу и вечерние чтения с волшебным фонарем в лагере, стараясь хоть немного пробудить здешние души тех несчастных существ, с которыми ее свела судьба; пишет, что много читает, и ни разу не пожаловалась на свою судьбу. Но нам-то нельзя спокойно смотреть на то положение, в котором она находится».

А из Новоспасского лагеря Александра Львовна продолжала писать в Москву Варваре Михайловне и в Ясную Поляну сестре ободряющие письма.

Время шло, а никакой реакции властей на хлопоты близких об освобождении Александры Толстой не последовало.

Она по-прежнему продолжала нести бремя узницы.

Александре Львовне не приходилось до этого бывать в Новоспасском монастыре. Несмотря на свое положение заключенной, она с большим интересом изучала его, прохаживаясь вдоль монастырских стен.

Особенно интересно рассказывала о монастыре баронесса Корф, ее соседка по палате, с которой Александра Львовна любила гулять в погожие осенние дни.

—О, этот монастырь имеет давнюю историю, — обычно по-французски вела разговор баронесса.

Александра Львовна не перебивала ее.

— Так вот, графиня, — продолжала Елизавета Владимировна, — основал Новоспасский монастырь Великий князь Иоанн III в конце четырнадцатого столетия и решил его возвести на высоком берегу реки Москвы, на месте, которое называлось Васильевским станом.

— В этих могилах, которые мы обходим, — отвлеклась от основной темы баронесса, — покоится прах боярского дома Романовых, за каждым из которых тянется интересная судьба.

— А кого здесь будут хоронить? — спросила Александра Львовна, показывая на свежие холмики земли у вырытых могил.

— О, нет. Это совсем не то, что вы думаете. По ночам здесь копается высший свет нового общества.

— Не понимаю? — недоумевала Александра Львовна.

— Как тут не понять, — объясняла ей баронесса, — по ночам уголовницы и проститутки раскапывают могилы и ищут в них золотые кольца, монеты и украшения. И представьте себе, кое-что находят.

— А что делает стража, неужели позволяет глумиться? — спросила баронессу Александра Львовна.

— Стража сперва дает раскопать им могилы, поживиться, а затем устраивает облавы и, отняв все, разгоняет их по местам. Это у них называется «экспроприация экспроприаторов», — грустно усмехнулась баронесса.

Обогнув церковь Спаса Преображения и пройдя тесным проходом с южной ее стороны, узницы, беседуя между собой, вышли к церкви Покрова Богородицы, к восточному двору.

— Так вот, графиня, — продолжила Елизавета Владимировна, — история монастыря удивительна и трагична. Его стены надежно защищали Москву от полчищ крымского хана Гирея, а в Смутное время он испытал участь опустошения. Толпы поляков и литовцев грабили и неистовствовали в его стенах.

— Посмотрите, — обратилась баронесса к Александре Львовне, — из этих бойниц и башен держали оборону. При царе Михаиле Федоровиче Романове воеводе Петру Дашкову поручалось охранять монастырь от прихода крымских и ногайских татар и сдерживать их натиск. Чтобы построить каменные стены и башни взамен деревянных, царь Михаил Федорович вызвал множество каменщиков, образовав вблизи Новоспасского монастыря слободку под названием Каменщики.

— Но не только нашествия неприятелей губительны были для монастыря, — продолжала свой рассказ баронесса, — опустошительны были и пожары, в результате которых в XVIII веке монастырь лишился многих своих сокровищ, большая часть которых погибла в огне. Досталось монастырю и в 1812 году. Он был разграблен французами и

подвергся огню, который возник из-за устроенного в нем склада неприятельских горючих веществ.

— А когда была построена колокольня? — спросила графиня Елизавету Владимировну.

Баронесса подняла высоко вверх глаза, глядя на величественное сооружение.

Устремленная ввысь, словно стрела, белокаменная четырехъярусная колокольня, увенчанная золоченым куполом и крестом на высокой стеле, одновременно служила с северо-востока входными воротами, обращенными на широкий тракт, который связывал монастырь с городом.

— Вы спрашиваете о колокольне? Ее построили значительно позже. Изначально на этом же месте Патриархом Московским и всея Руси Филаретом в 1622 году была сооружена колокольня, однако через 150 лет ее разобрали, так как она полностью обветшала.

Если мне не изменяет память, — после небольшой паузы продолжала баронесса, — нынешняя колокольня построена по проекту архитектора Ивана Жеребцова. Строилась она, начиная с 1759 года, с большими перерывами из-за отсутствия средств. Лишь через 20 лет Императрица российская Екатерина II издала указ о выделении требуемых 20 000 рублей, и к 1785 году она была закончена. Средства на позолоту колокольни выделил московский купец Васильев.

А какой красивый и мелодичный звук у колокола, — с грустью добавила баронесса. — Не раз я слышала его изумительный звон.

— О, Боже мой, неужели он замолчал навечно?

— C'est terrible, contesse, c'est terrible* — вспыхнув от возмущения, закончила свой рассказ баронесса.

— Огромное вам спасибо за экскурсию, баронесса, я давно не испытывала такого удовольствия. Какая у нас дивная история, и как плохо мы ее знаем!

Графиня обняла баронессу Корф и, боясь быть услышанной другими, шепнула ей на ухо:

— Вся эта нехристь не продержится долго.

— On verra**, — глубоко вздохнув, произнесла баронесса.

Их беседу прервал гулкий набат. Дежурная надзирательница била металлическим прутом по обрубку трамвайного рельса, подвешенному на перекладине у колокольни. Наступил час обеда.

Лагерницы потянулись к помещению столовой. Там в полутьме дежурная отмеривала черпаком в миску водянистую, дурно пахнущую похлебку и выдавала каждой в руки кусочек черного хлеба. Рассажи-

* Это ужасно графиня, это ужасно *(фр.)*

** Увидим *(фр.)*

вались за длинный стол. Это было унизительным для многих, но ничего не оставалось делать, как терпеть.

В заключении переписка с сестрой становилась для Александры Львовны жизненной необходимостью.

В конце сентября Татьяна Львовна получила от сестры очередное письмо:

«Милая Танечка. Написала тебе и Варварушке письма, которые, по-видимому, безнадежно лежат у Маши. Кажется, что все же она выйдет на днях, и потому пытаюсь снова написать вам. Я живу все так же, скорее хорошо, чем плохо. Думаю, что теперь в связи с событиями нечего и думать о моем освобождении, да это и не важно. В конце концов, лучше переживать события в лагере, чем в другом месте, а события, безусловно, надвигаются. Мое положение улучшилось тем, что меня стали снова отпускать с ночевкой домой и вообще отношение администрации ко мне хорошее. Все свободное время я пишу. Думаю, что, собирая материал даже в самом сыром виде, я все же делаю полезное дело. Вот и все обо мне...

Любящая Вас Саша».

Много лет спустя, Александра Львовна использует черновые записи о пребывании в концентрационном лагере в книге «Проблески во тьме».

Между тем борьба за ее освобождение продолжалась.

12 декабря 1920 года Татьяна Львовна сообщает брату Сергею о своих действиях с целью помочь сестре:

«Положение Саши очень тяготит и мучит меня. Пишу теперь письмо к Крыленко, обдумывая каждое слово и стараясь стать на его точку зрения и ничем не раздражить его. Говорят, он представляет из себя ту пружину, на которую нужно нажать для Сашиного освобождения. Ходят слухи, что он ждет того, чтобы к нему обратились». Более двух недель провела она в Москве, хлопоча за сестру.

В лагере Александру Львовну навещали Варвара Михайловна, Коля Оболенский и другие. Надвигающиеся голод и разруха сказывались на положении заключенных, что вынуждало ее обращаться с просьбами к родным:

«Скажи Варе, — просила она в письме Татьяну Львовну, — *что с харчами опять стало очень плохо. Пусть Коля пришлет немного масла и, если будет случай, пусть Варя напечет лепешек. Очень трудно стало жить. Каждый день на молоко трачу шестьсот рублей».*

Им удавалось принести что-нибудь из съестного и хоть как-то поддержать узницу Новоспасского концлагеря.

Каждая продовольственная посылка, которой она делилась со всеми, приносила огромную радость.

Однажды, когда Александра Львовна после очередной прогулки лежала на койке и размышляла о чем-то, загромыхала входная дверь и в комнату вошла надзирательница:

— Гражданка Толстая, выходите. К вам какой-то иностранец.

Александра Львовна соскочила с койки, отряхнула платье, вдруг показавшееся ей таким убогим и помятым, растерянно оглянулась вокруг...

— Извини, Лиза, — обратилась она к соседке по камере, — одолжи на минуточку.

Затем взяла брошенную у ее изголовья красивую пеструю шаль, проворно накинула на плечи и вышла за дверь.

В просторной комнате для свиданий стоял крупный холеный мужчина с большой аккуратной коробкой в руках.

«Где, где я его видела?» — спрашивала себя Александра Львовна.

«Are you the Countess?»* — прозвучал словно из далекого прошлого очень знакомый голос.

«Мистер Ярроу...»

Он сделал два шага вперед и обнял графиню. Из-под тонкой золотой оправы его очков брызнули слезы.

Они простояли так еще несколько минут — пока не успокоились оба.

Свидание было коротким, хотя вспомнить было о чем: далекую Армению, американский госпиталь, озеро Ван, эпидемию тифа, заболевших американских врачей, которых выхаживала сестра милосердия Александра Толстая во время ее пребывания на Кавказском фронте...

— Чем я могу вам помочь, графиня, — спросил ее напоследок американец, протягивая ей большую коробку.

— Не знаю, — ответила Александра Львовна, тронутая вниманием со стороны американца. — Обо мне хлопочут, а вам, мистер Ярроу, спасибо и за это. И еще, — добавила она, — передайте мои наилучшие пожелания миссис Джейн и вашим детям.

Ярроу сиял от счастья.

Гостинцами лакомились всей комнатой несколько дней. Досталось и надзирательнице, которая сочувствовала Александре Львовне и подоброму к ней относилась, не обращая внимания на частые нарушения режима, которые позволяла себе гражданка Толстая, опаздывая после отлучек или вовсе оставаясь на ночь вне лагерных стен.

Вместе с тем неутешительные новости, о которых она узнавала от Татьяны Львовны и из рассказов Оболенского, не давали покоя. Больше всего ее волновало все возрастающее в ее отсутствие влияние Сергеенко на яснополянских жителей. Многие из них разделяли ее опасения.

Во время одного из посещений Толстовского общества, куда Алек-

* Это Вы, графиня *(англ.)*

сандра Львовна заходила все чаще и чаще, пользуясь относительной свободой и хорошим отношением со стороны лагерной администрации, она встретила сотрудника Детинова.

— Александра Львовна, — сказал он, — спешу вам сообщить, что в ваше отсутствие Сергеенко вновь проявляет большую активность.

— Что там еще стряслось? — не без удивления спросила она собеседника.

— Пользуясь именем вашего отца, Сергеенко повсюду выбивает различные фонды продовольствия якобы для Ясной Поляны, но никто не знает, как он распоряжается ими и что у него на уме.

— Вы полагаете, что таким образом он хочет все прибрать к своим рукам? — осторожно подала мысль собеседнику Александра Львовна. Сама она часто думала об этом, ибо другого объяснения его привязанности к Ясной Поляне, желания влиять на всех ее обитателей и жителей окрестных сел она не находила.

— Вполне возможно, — подумав, ответил Детинов. — Я не исключаю здесь корыстного интереса, который может ущемить ваши права.

«Что-то явно не ладится в Ясной Поляне», — с этой мыслью Александра Львовна возвращалась в опостылевший ей лагерь. По дороге она уже прикидывала содержание письма. Главное, чтобы не ущемить при этом болезненного самолюбия сестры, которое в последнее время ощущала на себе Александра Львовна.

Вернувшись в камеру, она, раздобыв два листа бумаги, начертала быстро первые строки:

«Милая Танечка!

Спасибо вам всем, всем за вашу ласку и любовь».

Затем, сообщив в очередной раз, как ей хорошо живется в монастырских застенках, она перешла к главному — к встрече с Детиновым:

«Вечером я даже ездила вместе с Виктором Сергеевичем в отдел, виделась с Детиновым... Детинов считает, что сергеенковская опасность грозит снова Ясной, просил быть поосторожнее...»

Мысли разбежались, и Александра Львовна потеряла основную канву письма, хорошо, как ей казалось, продуманную по дороге в лагерь. Она отвлеклась и оглянулась вокруг. В окно пробивались розовые лучи заходящего солнца, окрасив в малиновые тона белоснежные стены небольшой монастырской комнаты с кафельной печью. Тетя Катя, добрая и симпатичная старушка, лежала на койке по соседству с Александрой Львовной и отдыхала. Остальные, пользуясь теплыми днями — ведь было только начало октября, гуляли в монастырском дворе. Никто не отвлекал ее от письма, но надо было спешить, осенние закаты недолги.

«Я, — продолжала она, — упрекать никого не имею права, но мне очень и очень жалко, что согласилась принять то продовольствие, которое привез Сергеенко. Издали совершенно ясно, что это новая ловушка, в которую вновь попадают яснополянские жители... Ясная Поляна меня очень и очень огорчает. Совершенно ясно, что дело тут не в продуктах, не во внешней жизни, а в том внутреннем разладе, который чувствуется на каждом шагу. Все материальные блага получаются именем Льва Николаевича, все живут за его счет, а совершенно не думают о том, как построить жизнь таким образом, чтобы отчасти следовать его учению и даже просто хоть стараться немного жить лучше. Праздность, дармоедство, алчность, возбуждаемая подачками Сергеенко, разложение молодежи, потому что не могу иначе назвать жизнь мальчиков: Ильи, Володи, Миши — и барство, доведенное до крайних пределов, и прочее, — все это ужасно, и, когда вспоминаю, стараюсь подальше отогнать от себя мысль не о всех вас, дорогих мне и близких, а о той неправде, которая завелась вокруг вас».

Александра Львовна впервые высказала столь суровые обвинения сестре. И была права. Неумение и нерешительность в управлении хозяйством со стороны Татьяны Львовны, слабохарактерность Оболенского, полностью подпавшего под влияние Сергеенко, и все нарастающая амбициозность последнего, тайные его намерения, до сих пор не разгаданные, все ухудшали и без того напряженную обстановку в Ясной Поляне, вокруг которой возникло много кривотолков.

В начале ноября Татьяна Львовна с дочерью Таней приехала в Москву. Пока дочь веселилась, бегала по своим московским подругам и театрам, ее мать повидалась в Новоспасском монастыре со своей сестрой. По-видимому, встреча двух сестер была не столь уж радостной.

«Иногда приходила сестра Таня, — вспоминала в книге «Дочь» Александра Толстая этот и последующие ее приезды, — она так же, как и баронесса, входила, точно платье подбирала, боясь запачкаться... Лицо ее выражало брезгливость, отвращение. Она старалась не замечать грубо намалеванных лиц, не слышать грязных слов... Сестра казалась мне существом другого мира, и я мучилась вдвойне. Когда она уходила и захлопывались за ней тяжелые ворота, я чувствовала облегчение».

Вполне возможно, что лагерная обстановка действовала на посетительницу удручающе. Не потому ли в ее опубликованных дневниковых записях нет упоминания об этих свиданиях?

Расхождения во взглядах на окружающие события, определенная лояльность к большевикам со стороны Татьяны Львовны и непримиримость к ним со стороны младшей сестры, на собственной шкуре испытавшей методы новой власти, а также проявление инициативы и ряд

мер, которые предпринимала Александра Львовна с целью оградить Ясную Поляну и яснополянцев от влияния посторонних и чуждых ей по убеждению лиц, — все это затрагивало самолюбие Татьяны Львовны, и, видимо, поэтому она не сочла нужным вспоминать об этом.

К чести обеих сестер, это не мешало им продолжать переписку и совместно вести дела.

По возвращении в Ясную Поляну с дочерью Татьяны Львовны случился сердечный приступ, который сильно огорчил мать и напомнил ей о схожей болезни мужа.

Александра Львовна узнала об этом из письма сестры. В конце ноября, не дожидаясь оказии, она тотчас ответила ей запиской, беспокоясь о состоянии здоровья «маленькой» Танечки, которая уже стала взрослой девушкой, и племянника Илюши:

«Какие печальные известия приходят из Ясной. Письмо твое о Тане, а теперь известие об Илюше. Так хочется сесть в поезд и приехать помочь вам. Но делать нечего. Придется сидеть в этом идиотском учреждении и терпеть. О себе писать нечего... Лучше не жаловаться на судьбу, а то хуже и себе и другим».

Ее по-прежнему беспокоит судьба Ясной Поляны и дальнейшее развитие дел, связанных с намерением Сергеенко в отсутствие Александры Львовны взять в свои руки строительство школы. По этому поводу она советует сестре сделать все возможное, чтобы вырвать дело из его рук.

Александра Львовна подозревала его в финансовой нечистоплотности, поэтому и просила настоятельно Татьяну Львовну передать распоряжение кредитом на строительство яснополянской школы другому лицу, предлагала сестре взять на себя функции комиссара и распоряжаться финансами, боясь, что они уплывут на сторону.

«Умоляю тебя, — пишет в начале декабря Александра Львовна сестре, — *напряги энергию в этом деле и добейся своего назначения. Сейчас это сделать легче, а дальше будет невозможно. О себе писать нечего,* — продолжает она далее. — *Думаю, из заключения вырвусь не скоро. В амнистии отказано, и, думаю, что теперь надо ждать весны. А там Бог знает».*

Однако буквально через неделю наступившее было смирение обернулось внезапной решительностью и желанием во что бы то ни стало освободиться из опостылевшего ей концентрационного лагеря.

Подстегнуло Александру Львовну к решительным действиям требование Верховного трибунала лишить ее возможности выхода из лагеря, лишить даже той ограниченной деятельности вне стен монастыря, какой она пользовалась до сих пор.

Генерального обвинителя Крыленко разозлило то обстоятельство, что временно командированная с разрешения коменданта лагеря в комиссариат народного продовольствия в качестве машинистки Александра Львовна, несмотря на запрет, часто возвращалась на ночь домой, а однажды даже пошла на Толстовский вечер, забыв о том, что продолжала быть на положении заключенной. В письме из Новоспасского монастыря 8 декабря 1920 года она рассказала сестре:

«Верховный трибунал (Крыленко) потребовал моего возвращения в лагерь. Все, что было возможно для моего освобождения, я предприняла. Троцкая подала заявление в комиссию по амнистии, я подала лично заявление туда же на имя Крыленко... По некоторым соображениям, — сообщала она сестре, — *я очень хочу, чтобы меня выпустили, и приму теперь к этому все меры, вплоть до обращения к Ленину. Если меня не выпустят сейчас, то придется ждать весны, а это мне по чисто деловым соображениям совершенно не улыбается»*.

Все ее внимание сосредоточилось на строительстве школы. Почти в каждом письме она просит сестру ответить, как обстоят дела с ней.

Накануне Нового года Татьяна Львовна переслала сестре, все еще томящейся в лагере, большую посылку со съестным и даже передала немного денег, чем повергла сестру в восторг. Совершенно неожиданным и главным для Александры Львовны оказалось то, что посылку эту привез из Ясной Поляны... сам Сергеенко, которого в узком кругу называли «папа».

Улыбающийся, он поставил перед ней мешок с гостинцами. Долго рассказывал обо всем: как идут дела в Ясной Поляне, как продвигается строительство школы. Был ласков, приветлив и очень внимателен.

«Меня чуть кондрашка не хватил, когда в это воскресенье прямо в камеру вполз «папа» (Сергеенко) с мешком», — поделилась Александра Львовна своими впечатлениями с сестрой.

Как хотелось бы верить его искренности и как мне это трудно, несмотря на всю мою доверчивость. Ну поживем, увидим».

А жизнь в застенках лагеря продолжалась со своими радостями и огорчениями. Но были и такие дни, которые приносили всем без исключения радость. За неделю до Нового года к ним с концертом прибыл цыганский хор Кручинина. Все было готово к его выступлению. В большом монастырском зале подготовили сцену, расставили стулья, и размалеванные уголовницы, нацепив на себя все, что было у каждой нарядного, заранее уселись на центральных местах. Народу набралось до отказа.

Гул восхищения пронесся по залу, когда красавицы цыганки в ярких, разноцветных платках, бряцая монистами, гордо вышли гурьбой на сцену под аккомпанемент гитар. Каждое их выступление принималось с

восторгом. Скрипки то надрывно плакали, сопровождая душещипательный романс, то вдруг взрывались искрометным танцем, в котором цыганки, словно дивные бабочки, порхали по сцене, полоща разноцветными широкими юбками. Часто-часто звенели бубенцы, убыстряя ритм.

Зачарованно застыл зал, когда солистка Давыдова запела знаменитый романс «Пара гнедых»:

Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих.
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых, пара гнедых!..

Певица кончила петь, глаза ее поблескивали от слез, а зал буквально рыдал...

После концерта все молча разбрелись по своим комнатам, и какая-то щемящая грусть овладела заключенными. Каждый острее почувствовал несвободу, от которой монастырские стены показались выше и прочнее.

Александру Львовну, напротив, одолевали другие чувства: этот концерт побудил ее искать собственные пути к освобождению.

В эти же дни она даже набросала черновик письма к Ленину:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Долго колебалась перед тем, чтобы Вам написать...

Я не могу примириться с мыслью о том, что я, гражданка свободной России, в то время, когда люди-работники нужны, когда они наперечет, должна жить паразитом в своей стране, заключенная в 4-х стенах, как опасный и вредный член общества. И почему? Мой отец, взглядов которого я придерживаюсь, открыто обличал царское правительство и все же даже тогда оставался свободным; и постольку, поскольку кто-либо интересуется моими взглядами — не скрываю, что я не сторонница большевизма, я высказывала свои взгляды открыто и прямо на суде, но я никогда не выступала активно против советского правительства, никогда не занималась политикой и ни в каких партиях не состояла.

Что же дает право советскому правительству запирать меня в 4-х стенах как вредное животное, лишая меня возможности работать с народом и для народа, который для меня дороже всего? Неужели тот факт, что 2 года тому назад на моей квартире происходили собрания, названия и цели которых я даже не знала, дает это право?

Я узнала только на допросе, что это были заседания Тактического центра.

Владимир Ильич!

Если я вредна России, вышлите меня за границу. Если вредна и там, то, признавая право одного человека лишать жизни другого, расстреляйте меня как вредного члена Советской Республики...

Я пишу, повторяю, потому, что верю Вам и чувствую, что Вы поверите мне и поймете, что тяжесть моего положения не в том, что я живу в клетушке, питаюсь помоями, и даже не то, что лишена внешней свободы. Тяжесть моего положения, главным образом, в том, что лишена доверия, то есть возможности работать».

Откуда было знать Александре Львовне о том, что еще в мае 1920 года ее судьба определилась на заседании Политбюро, которое прошло под председательством вождя пролетарской революции.

Помогла ей Александра Коллонтай, которая вошла с ходатайством во ВЦИК о досрочном освобождении Александры Львовны из концентрационного лагеря. До долгожданной свободы оставался месяц.

10 января 1921 года Александра Толстая из Москвы сообщила в письме сестре радостную весть:

«В четверг идет мое дело во ВЦИК с большой надеждой на успех. Если выпустят — сейчас же приеду».

На свободу она вышла в морозный февральский день 1921 года. Надзиратель открыл перед ней массивные ворота и вывел ее за стены Новоспасского монастыря.

Подхватив узелок с вещами, она пошла прочь, оставляя на снегу глубокие следы, пока не ступила на мостовую. Каменщики были пустынны и запорошены снегом. Пройдя немного, недавняя узница остановилась передохнуть. Затем оглянулась. Из-за массивных стен виднелись золоченые купола Спаса Преображения. Величественно и строго выглядела устремленная ввысь колокольня. Серебристые пушинки, особенно заметные на фоне темных сосен, раскинувшихся вдоль оврага, витали в воздухе и плавно опускались на снежный ковер, повсюду покрывший землю. Где-то внизу проглядывала заледенелая гладь Москвы-реки. Бросив прощальный взгляд в сторону монастырских стен, она двинулась к Таганской заставе.

«Дух человеческий свободен! Его нельзя ограничить ничем: ни стенами, ни решетками!» — вспомнила она надпись, которую оставила на стене камеры перед выходом из Лубянки, и почти вслух повторила:

— Дух человеческий сво-бо-ден!!!

Александра Львовна убыстрила шаг...

Полковая походная церковь в лесу

У перевязочного пункта после боя

Командующий 2-м Кавказским армейским корпусом
генерал от артиллерии С. Мехмандаров

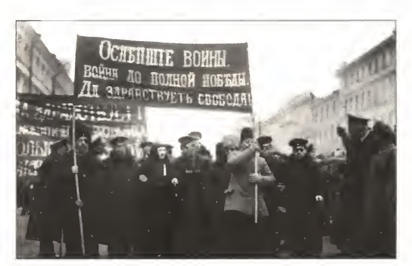
Князь Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон

Продажа дров со склада

Очередь у городской продовольственной лавки в Москве

Инвалиды войны во время демонстрации за продолжение войны. Апрель 1917 г.

Манифестация за продолжение войны. Апрель 1917 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Долго колебалась перед тем, чтобы Вам написать. Но я верю Вам и верю, что Вы поймете меня и не осудите меня.

Я не могу примириться с мыслью, что я, гражданка свободной России, в то время, когда люди-работники нужны, когда они на перечет — [illegible] жить паразитом в своей стране, заключенная в 4-х стенах, как ненужный и вредный член общества.

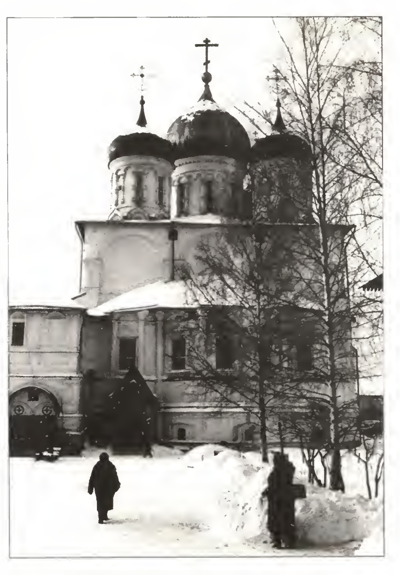
Фрагмент черновика письма А.Л. Толстой Ленину из Новоспасского концентрационного лагеря. 1920 г.

Святейший Тихон, патриарх Всея Руси

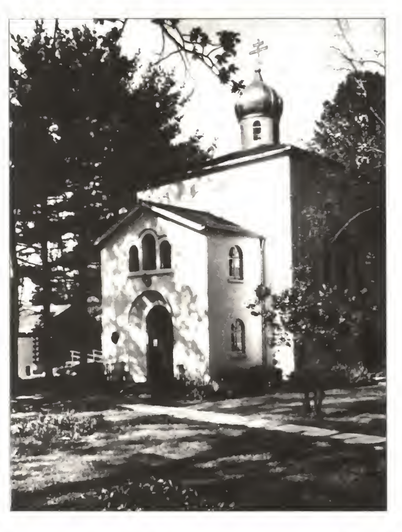
Колокольня Новоспасского монастыря (современный снимок)

Церковь Преображения в Новоспасском монастыре

Президент Толстовского фонда А.Л. Толстая. США, 1948 г.

Православная церковь на территории Толстовского центра в Валли Коттеж. США

Встреча через много лет. А.Л. Толстая в объятиях армянской беженки

А.И. Солженицын в гостях у А.Л. Толстой

Александра Львовна Толстая, 1975 г.

Домики для престарелых в Толстовском центре

Часовня в Новодевеевском монастыре

Могила А.Л. Толстой в Новодевеевском монастыре

Эпилог

В Москве Александра Львовна пробудет недолго. После встречи с Калининым ее назначат хранителем музея-усадьбы «Ясная Поляна», которому вменялась в обязанность сохранение дома и усадьбы в ее прежнем, первозданном виде, восстановление внутреннего убранства комнат и помещений в том виде, в каком они были при жизни Л.Н. Толстого. Хранителю музея вменялось также в обязанность создать в Ясной Поляне культурно-просветительный центр и школу, но местные тульские власти будут чинить всяческие препоны ее деятельности, а вскоре перейдут к открытой травле. Независимый и несгибаемый характер Александры Львовны Толстой был им не по душе.

В 1925 году покинет Россию Татьяна Львовна с дочерью Таней. В Ясной Поляне все постепенно прибиралось властями, бесконечные ревизии и проверки тульских руководителей изматывали хранителя музея. Кругом насаждались новые порядки. Работа и жизнь в России вскоре станут для Александры Толстой невыносимыми...

Мучительно трудно зрело в ее душе решение покинуть Россию. Но постепенно самоуправство местных властей, разнузданная антирелигиозная пропаганда и гнетущее ощущение несвободы подталкивали ее к решительным действиям. На дворе стояла ранняя весна 1929 года. Ясная Поляна только-только освобождалась от снега. Талая вода журчащими ручьями стекала в пруды. Крохотная речушка Воронка, разрастаясь вширь, постепенно заливала зеленеющий Калинов луг...

«Я не могла спать, — вспомнит через много лет, уже на чужбине, Александра Львовна о тех волнительных переживаниях. — Рано утром я встала и пошла через лес на отцовскую могилу. Едва светало... Я села на скамейку у могилы. Тишина — ни звука... Здесь был покой. Все остальное ложь, фальшь... Уже солнце было высоко, когда я пошла домой, — я ни о чем не думала, но чувствовала, знала, что жить во лжи я больше не могу».

29 447

Строительство яснополянской школы, ради которой она затратила столько времени и энергии, полностью закончилось, на очереди была больница... Дальше бороться с новой властью, изворачиваться, льстить, лгать, чтобы добиться чего-то, было выше ее сил, претило ей, противоречило нравственным принципам, которые унаследовала она от своего великого отца.

После безуспешной попытки освободиться от обязанностей заведующей музеем-усадьбой «Ясная Поляна» Александра Львовна отправится вскоре в Москву к одному из заместителей наркома просвещения, Эпштейну, с просьбой командировать ее в Японию под предлогом ознакомления с тамошними методами преподавания и чтения цикла лекций об отце.

Ей несколько раз откажут в выдаче иностранного паспорта, и все же, не теряя надежды, Александра Львовна продолжала переписываться с японскими друзьями, поклонниками таланта ее отца.

А когда к концу лета 1929 года пришла телеграмма с приглашением посетить Японию, она побывала у наркома просвещения Луначарского и добилась, наконец, разрешения на выезд.

Ничего, кроме необходимых рукописей, книг и конспекта лекций, взять не разрешили.

Осенью 1929 года дочь великого русского писателя в жестком вагоне пересечет всю Россию до Владивостока, откуда отбудет в Страну восходящего солнца. А в порту Цуруга ее уже встретят фоторепортеры и японские журналисты из различных газет. Первые ощущения покажутся ей пришедшими из фантастического мира. Не только своеобразие людей, их одежда, обилие товаров в многочисленных лавках и магазинах после нищеты Советской России поразят Александру Львовну.

«Я не представляла себе, — напишет она в своих мемуарах, — что Россия так отстала от цивилизации. Почти в каждом городе великолепные магазины, заваленные товарами, с японскими и европейскими ресторанами, целыми садами на крышах зданий, подъемными машинами».

Образованная Япония хорошо знала и чтила память великого русского писателя. Узнав, что Александра Львовна является его дочерью, многочисленные поклонники таланта ее отца начнут дарить ей его

произведения, переведенные на японский язык, а после очередной лекции молодежь, да и не только она, дружно потянется за ее автографами.

Пройдет время, постепенно спадет лекционный бум, снизятся гонорары, что неминуемо приведет к материальным затруднениям...

Длительное пребывание дочери великого писателя в Японии не на шутку встревожило кремлевских властителей, а вскоре от генерального консула СССР в Токио пришло письмо, предписывающее Александре Толстой явиться в советское консульство по поводу ее пребывания за границей. Недолго раздумывая, Александра Львовна в ответ на это письмо официально обратится в народный комиссариат просвещения с заявлением об отказе вернуться на родину, мотивируя свой поступок тем, что все толстовские учреждения, в том числе и музей-усадьба в Ясной Поляне, используются советскими властями в антирелигиозной пропаганде, противоречащей сути учения ее великого отца.

В качестве постоянного места жительства она предпочтет США, несмотря на тревожные сообщения в газетах о росте безработицы, экономической депрессии, наивно полагая, что она, как дочь Толстого, легко найдет себе работу и соответствующий заработок от чтения лекций о России и своем отце. Однако для отъезда из Японии в США нужны были немалые деньги, достать которые было невозможно, а заработок от чтения лекций с каждым разом сокращался.

Напрасно Александра Толстая обращалась в различные инстанции и к частным лицам, писала духоборам, памятуя о той бескорыстной помощи, которую оказал им отец, отдав им практически весь гонорар за публикацию своего романа «Воскресение» — огромную по тем временам сумму, тем самым оплатив их переселение в Канаду.

Никто не отозвался.

Положение граничило с отчаянием, когда совсем неожиданно на имя Александры Львовны пришло приглашение на обед к американскому послу.

Графиня терялась в догадках, но любопытство и соблазн были велики, и она решила, что примет приглашение посла.

Она будет крайне удивлена, когда во время визита посол ознакомит ее с письмом, присланным на ее имя, в котором один из канадцев

предлагает ей, в качестве официального и наиболее простого пути для переезда в Канаду, оформить с ним брак, чтобы избежать формальностей.

Несмотря на искренность незнакомого доброжелателя и совет консула серьезно отнестись к предложению, Александра Львовна ответит канадцу отказом.

Пройдет целых два года, прежде чем Толстая, преодолев лишения и многочисленные трудности, наконец, раздобудет разрешение, накопит с помощью друзей деньги на билет, благополучно покинет японские берега и через океан отправится в Америку.

В заключительной части своей книги «Дочь» Александра Львовна напишет о первых шагах на американской земле и контактах во время пребывания в США:

«А теперь я хочу рассказать, как я сюда приехала, как постепенно привыкала к стране. Хочу рассказать о тех замечательных людях, которых здесь встретила, чему научилась в Америке и постепенно полюбила эту страну, которую считаю своей второй Родиной».

Еще в Ясной Поляне, прощаясь с Александрой Толстой, местные крестьяне просили ее: «Расскажи им, непременно расскажи, как мы здесь живем, как мучаемся. Может, помогут нам! Они, верно, там и не знают про нашу жизнь!»

Там, в Америке, во время лекций в различных городах, памятуя о просьбе односельчан, Александра Толстая расскажет американцам о тяжелой доле простых россиян под гнетом диктатуры пролетариата, но не везде и не всегда встретит понимание слушателей. Порой ее забрасывали цветами, а порой и освистывали...

Завороженные сталинской агитацией и высказыванием таких известных и обласканных в Советской России писателей, как Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Стефан Цвейг и Ромен Роллан, не все верили, а порой и не доверяли Толстой; отсюда — множество каверзных вопросов, на которые ей часто приходилось отвечать. Александра Львовна вспомнит как-то прочитанную в Бостоне лекцию на тему «Толстой и русская революция»:

«Когда я кончила, поднялся невероятный шум. Часть зала бешено аплодировала, а другая шикала, свистела, выкрикивала какие-то оскорбительные слова».

Последовали вопросы, один из которых чуть было не застал ее врасплох:

— Чем вы объясните, что приехали, как вы говорите, из голодной страны — Советской России, а вы так упитанны, вы, верно, весите около двухсот фунтов?!

Ее ответ не заставил себя долго ждать:

— Из голодной Советской России я приехала в капиталистическую Японию, где прожила 20 месяцев. Здесь, в другой капиталистической стране, Америке, я нахожусь тоже несколько месяцев, вот и отъелась здесь на капиталистических харчах.

Часть публики хохотала, другая продолжала шипеть:

— Будьте добры объяснить, почему в Советской России мы не слышали про гангстеров, всяких жуликов, а здесь их так много!

— А это очень просто, товарищи, — ответит она. — В Америке преступников сажают в тюрьмы, а в Советской России они управляют страной.

Дебаты продолжались не только в аудиториях, но и во время встреч в домах и официальных учреждениях — со всеми, с кем приходилось встречаться Александре Толстой, включая и супругу президента США Франклина Рузвельта.

Ее политическую деятельность не разделяла часть ее близких, в том числе старшая сестра Татьяна Львовна Сухотина.

В конце 1932 года русских американцев потрясло известие о расстреле 1200 казаков, восставших на Кубани. Как потом напишет в своих мемуарах Александра Львовна, «расправа была жестокая, убивали женщин, детей, 45 000 человек сослали на Север... Когда в 1908 году, — продолжит она, — царское правительство приговорило несколько революционеров к смертной казни, из уст отца вырвался крик: «Не могу молчать». И русские люди подхватили этот крик в дружном протесте против смертной казни». Следуя заветам своего великого отца, его дочь обратится к американцам через прессу со статьей с заимствованным у отца названием «Не могу молчать»:

«У русских людей нет сил терпеть это дальше. То тут, то там вспыхивают восстания. Тысячи голодных крестьян, бросая свои дома и хозяйства, бегут с Украины, где им грозит голодная смерть. И что же де-

лает советское правительство? Издает декрет о высылке сотен и сотен тысяч людей из Москвы и карает восстающих крестьян и рабочих пулями и ссылками...

В этом своем призыве я обращаюсь к тем, кто верит в братство, равенство людей, к религиозным людям, к социалистам, к писателям, к социальным и политическим деятелям, к женам и матерям: откройте глаза, соединитесь в одном протесте против мучителей 160 миллионов беззащитных людей!»

В отличие от своей старшей сестры, жизнь которой в Риме протекала относительно благополучно, о чем сама Татьяна Львовна писала в своем дневнике, Александра Львовна продолжит активную борьбу против репрессивных действий большевиков, против открытого гонения на церковь, преследования инакомыслия, в защиту общечеловеческих нравственных принципов. Много сочувственных писем получит Александра Толстая от простых американцев в ответ на статью «Не могу молчать». Но большая политика продолжала делать свое дело, и в 1933 году правительство США официально признало Советскую Россию.

Бесплодные дебаты, постоянные переезды с места на место, пугающая атмосфера больших городов и мизерные доходы склоняли Александру Львовну к мысли приобрести небольшую ферму и заняться хозяйством на лоне природы.

И вновь на помощь пришла семья Ярроу. На этот раз ее разыскала на американской земле супруга мистера Ярроу — Джейн. Она и предложила приобрести маленькую ферму на берегу реки Коннектикут, с которой начнется новая трудовая жизнь Саши Толстой и ее давней приятельницы Ольги Александровны Христианович, учительницы яснополянской школы, которая вместе со своей дочерью последовала за Александрой Львовной сначала в Японию, а затем в США.

Трудная, но счастливая, без страха и угнетенности, жизнь на ферме хотя и отнимала много сил, но все же оставляла Александре Львовне время для чтения лекций и литературной деятельности, которые приносили ей не только определенный доход, но и моральное удовлетворение.

В одном из редких писем Татьяна Львовна Сухотина напишет своей сестре из Рима:

«Только на днях прочла твою книгу «Я работала в Советах» и очень ее одобрила. Правда, из всех нас у тебя больше всех литературного дара».

В предыдущих письмах в Рим Александра Львовна писала о смерти брата Ильи, который скончался в Америке от рака у нее на руках, о стихийном бедствии из-за наводнения, вызванного разливом реки, в результате которого они понесли огромные убытки: повредило ферму, погибли цыплята...

«Саша, не жалуйся на тяжелую жизнь, — ответит ей сестра из Рима в письме от 29 января 1938 года. — *Вот я теперь обеспечена и с какой любовью вспоминаю жизнь в Москве и в Париже, когда бывало ой как трудно и страшно не за себя одну, а за свое дитя. Этого ты не испытываешь, слава Богу. Но сколько мы видели любви, помощи, ласки. Для этого надо быть бедной. Никогда, никогда не надо жаловаться и падать духом».*

Эти слова были слабым утешением для Александры Львовны, оказавшейся в исключительно трудном материальном положении. Единственная надежда заработать на жизнь, приняв предложение американских кинематографистов снять фильм о Толстом, исчезла после решительного протеста со стороны старшей сестры. В том же письме она напишет:

«Мы все, оставшиеся дети, будем протестовать против всякого офильмования жизни отца, будет ли наш протест иметь результат или нет. Кинодело грубое; надо будет показать две стороны: одну правою, другую виноватую. И кто знает, в каком виде покажут нашу бедную мать?»...

«Несмотря на соблазн заработка и возможность приехать в Европу, — очень надеюсь, что ты не только от фильма откажешься, но и постараешься его задержать. Если будет случай, сообщи о нашем намерении протестовать».

От этой заманчивой идеи пришлось отказаться, а чтение лекций в колледжах и университетах не могло компенсировать потерь. И чтобы отвлечься от грустных мыслей, Александра Львовна с Ольгой решили немного отдохнуть.

Увлекательная поездка во Флориду, где отдых у Александры Толстой сочетался с лекциями и проповедями перед многочисленной

протестантской публикой, принесла ей душевное успокоение, но не деньги. Огромное желание съездить в Европу становилось все более нереальным:

«Если бы у меня было 300 долларов... я поехала бы в Италию проститься с сестрой, может быть, навсегда», — вспоминала она с тоской.

Шел 1938 год.

В это время в СССР народ страдал под гнетом сталинских репрессий. Повсюду аресты и расстрелы. Миллионы невинных людей этапами сгоняли в многочисленные лагеря, как грибы выросшие на необъятных просторах Воркуты, Колымы и Магадана. Дороги к ним покрывались трупами. Скрывая от соседей свою боль, проливали слезы родители, жены и дети «врагов народа», а в далекой Америке кое-кто восхищался «великим» экспериментом:

«Мы взволнованы, мы потрясены сдвигами и достижениями, которых добился великий вождь Сталин», — писали представители псевдорадикалов в американской прессе.

У Александры Львовны опускались руки, когда она читала подобные строки, но надежда не покидала ее:

«В конце концов, — верила она, — изведется нечисть, освободится русский народ, вскроются темные дела разбойников, и позорным клеймом запечатлеется деятельность тех, кто помогал этим разбойникам».

Полученная из Европы телеграмма от Татьяны Александровны Шауфус, которая извещала свою давнюю подругу о предстоящем приезде, в корне изменила направление жизни Александры Львовны Толстой.

Встреча состоялась на ферме, куда привезла она свою бывшую фронтовую подругу. После длительных разговоров у них родится мысль создать Комитет помощи русским беженцам.

«В 1939 году, ранней весной, — напишет Александра Толстая в своей книге «Дочь», — на квартире последнего русского посла Бориса Александровича Бахметьева было созвано первое организационное собрание в составе Б.А. Бахметьева, Б.В. Сергиевского, С.В. Рахманинова, гр. С.В. Паниной, друга бывшего президента Гувера доктора Колтона, профессора М.А. Ростовцева, присяжного поверенного Гревса, Т.А. Шауфус и меня.

В память моего отца Л.Н. Толстого решено назвать комитет Толстовским фондом, и он был зарегистрирован в нью-йоркском штате 15 апреля 1939 года. В моей жизни начался новый, очень важный этап».

Над Европой уже витал призрак большой беды. На протяжение всех лет второй мировой войны фонд будет осуществлять помощь прибывающим в США эмигрантам, русским военнопленным и беженцам из других стран, попавших под коммунистическое ярмо, — из Польши, Югославии, Венгрии, Чехословакии...

Особенно увеличится поток беженцев в послевоенные годы. Вспомнит о благотворительной деятельности сестры и Татьяна Львовна. Из Рима в марте 1948 года она пошлет сестре письмо, где среди прочих новостей были и такие строки:

«Писала ли я тебе о Феде Свербееве. Он и Мара, его жена, в очень трудных условиях, и он очень просит, если возможно, прислать ему посылку. И вот другая — в полной нищете и которой посылка была бы манной с неба. Не знаю, возможно ли тебе это сделать, но если да, то это будет очень добрым делом... Вот тебе адреса для посылок».

Обращалась с подобными просьбами к своей тетке и племянница Татьяна Михайловна, удачно вышедшая замуж за итальянца, преуспевающего юриста Леонардо Альбертини.

Как-то Леонардо навестил Александру Львовну в США и в подарок приобрел ей породистую корову.

За три года до смерти старшей сестры в 1947 году Александра Львовна напишет ей:

«Как обидно, что мы в старости не можем поговорить, многое было бы так понятно, и сразу бы нашли общий язык... Живу я так: встаю в шесть часов утра — пишу, в 8. 30 еду на машине в Нью-Йорк. Здесь работаю до восьми вечера, иногда до 12 ночи. И так пять дней. Два дня работаю на ферме. Личной жизни, кроме писания, — нет. Ну и не надо... Ведь мне будет скоро 63 года — старушка».

К сожалению, их встрече не суждено было состояться. Однако годы не убавили Александре Толстой жизненной энергии. Когда в Нью-Йорке летом 1948 года разразилась очередная человеческая трагедия, Александра Толстая, с присущей ей страстностью борца за свободу личности, встала на защиту своей соотечественницы — гражданки

Оксаны Косьенкиной. Командированная в США, она преподавала английский язык в техникуме для советских торговых представителей и сотрудников консульства. После долгих раздумий, она явилась в Толстовский центр, прося о политическом убежище и приюте.

«Дело» Косьенкиной для советских властей приобретало скандальный характер. Уговорами и шантажом Косьенкину заманили в советское консульство, где во время беседы с консулом она выбросилась из окна третьего этажа здания на улицу. Нью-йоркская полиция препроводила получившую увечья женщину в клиническую больницу. Потрясенная, Александра Львовна призвала американскую и мировую общественность не допустить передачу Косьенкиной советским властям, понимая, чем это грозит несчастной женщине, чудом оставшейся в живых.

Реакция в СССР последовала незамедлительно. В центральной прессе вскоре появились многочисленные статьи, «изобличающие» Александру Толстую в шпионаже против СССР.

С.М. Толстой, один из ее племянников, эмигрировавших во Францию, в своей книге «Дети Толстого», недавно изданной в России, писал об этом:

«Ее племянники, оставшиеся в России, под принуждением подписали «Протест членов семьи Л.Н. Толстого против шпионской деятельности изменницы Родины А. Толстой в Америке». Это «письмо в редакцию», составленное в лучших традициях деревянного казенного языка, было опубликовано в «Правде» 21 сентября 1948 года. Письмо призывало «всех честных людей» заклеймить позором тех, «кто пытается именем великого русского писателя и патриота прикрыть грязные, шпионские, человеконенавистнические дела, направленные против мира, прогресса и свободы. Имя Льва Толстого не может стоять рядом с именами фашистских подонков, американских гангстеров, линчевателей негров, убийц, душителей демократии, врагов свободолюбивых народов».

Под различными предлогами это письмо не подписали Анна Ильинична и Сергей Сергеевич Толстые. «Я такую мерзость не подпишу», — сказала Анна Ильинична в узком кругу близких ей людей.

Со стороны Александры Львовны ответной реакции на письмо не последовало. Она хорошо понимала, каким путем добивается

КГБ подписей под подобными протестами, и продолжала творить свое доброе дело. Она принимает активное участие в строительстве комфортабельного комплекса для престарелых, которое закончилось в 1970 году. К этому году Толстовский фонд насчитывал много отделений в Европе и Южной Америке, деятельность его расширялась, а сама Александра Львовна продолжала работать над новой книгой «Дочь» — логическим продолжением ее внушительного двухтомного мемуарного труда «Отец», изданного в Нью-Йорке в 1953 году.

При жизни Александры Львовны произойдет еще одно знаменательное событие, которое подытожит ее значительный вклад в общественную и духовную жизнь Соединенных Штатов Америки и других стран во имя гуманизма и прогресса.

9 июня 1979 года русские американцы чествовали А.Л. Толстую в связи с введением ее в Русско-Американскую Палату Славы. Основанная в США Русско-Американская Палата Славы предназначалась для чествования выдающихся американских граждан русского происхождения за их вклад в науку, технику, искусство, общественную и духовную жизнь Соединенных Штатов Америки. 28 октября 1978 года русские американцы, стоя, несмолкаемыми аплодисментами приветствовали первого лауреата — Владимира Кузьмича Зворыкина, давшего миру телевидение. Через несколько месяцев, в тот памятный июньский день более 200 членов конгресса и гостей съехалось в Толстовский центр в Валли Коттедж, чтобы высказать свои поздравления новому лауреату — Александре Львовне Толстой. Болезнь не позволила ей присутствовать на собственном торжестве.

Ее племянник, Владимир Михайлович Толстой, зачитал послание лауреата, по сути дела, ставшее ее завещанием всему русскому зарубежью. Оно заканчивалось словами:

«Коммунизм растет, захватывает все новые и новые земли и соблазняет доверчивых людей на всем земном шаре... Это ведет к гибели всех идеалов и ценностей свободного мира, вредит русскому народу и всем тем, кто порабощен коммунизмом.

Мы верим, что зло не будет торжествовать вечно.

Свободный мир должен протянуть руку дружбы порабощенному

русскому народу, ибо без свободной России не может быть свободного мира».

В канун 150-летнего юбилея со дня рождения Л.Н. Толстого, уже прикованная к постели тяжелым сердечным недугом, Александра Львовна обратилась с письмом к русским людям, проникновенные строки которого гласят: «*Не могу передать, как мне тяжело, что я не могу быть вместе с вами в эти знаменательные дни, каждая минута которых нигде не забывается в моей памяти, тем более, что я далеко от дорогой мне Ясной Поляны, от моей России, от близкого мне русского народа. Все мои мысли и чувства с вами...*

Я лежу больная и не могу принять участия в чествовании 150-летия рождения моего великого отца.

Но так радостно слышать, что люди на родине не забыли его и чтут его память. Мне грустно, что по болезни я уже пять месяцев прикована к постели, не могу ни ходить, ни писать. Я только благодарю Бога, что сохранились у меня в памяти воспоминания о нем.

Мне тяжело, что в эти драгоценные для меня дни я не могу быть с вами, с моим народом на русской земле.

Мысленно я никогда с вами не расстаюсь.

29 марта 1978 года. Александра Толстая».

Тяжелобольной Александре Львовне за несколько месяцев до ее кончины канадское издательство «Заря» и составитель книги Сергей Крыжицкий преподнесут желанный подарок — увесистый том ее книги в темно-вишневом твердом переплете, украшенном золотистой рамкой с вензелями и кратким названием «Дочь».

Умерла Александра Львовна Толстая 26 сентября 1979 года, спустя несколько месяцев после своего 95-летия.

На своем долгом веку Александра Львовна Толстая, пройдя тяжелый, тернистый путь, оставила неизгладимый след в сердцах людей и целых поколений россиян, во имя которых она жила и боролась. Тысячи и тысячи беженцев разных национальностей от княгини до кучера находили под крышей Толстовского фонда и его отделений в Европе не только еду, но и утешение, и безопасность после пережитых трагедий.

Сотни деревьев, посаженных Александрой Львовной Толстой в Ясной Поляне, на американских фермах и в усадьбе Толстовского центра

в Валли Коттедж, по сей день щедро дарят людям тень в знойный полдень и сладость своих плодов.

Светлое имя Александры Толстой никогда не предавалось забвению и в Ясной Поляне. Даже тогда, когда имя ее большевистские цензоры беспощадно вычеркивали повсюду, выпускники яснополянской школы помнили ту, которая заложила первый кирпичик в фундамент их школы и стала первым ее педагогом. Знали и хранили в памяти...

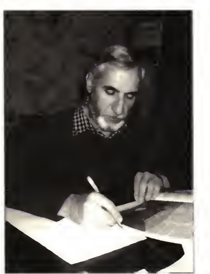
И, наконец, непреклонная и энергичная, прошедшая сквозь горнило войны, Кавалер Георгиевских медалей, Александра Толстая всю свою жизнь в одиночку боролась, подобно Георгию Победоносцу, с самым большим, как она считала, злом для себя и своего многострадального народа — большевизмом, ни на минуту не забывая заветов своего великого отца — писателя, философа, гуманиста...

СОДЕРЖАНИЕ

Дух человеческий свободен!

А. Толстая

Юрий Хечинов

Родился в 1935 году в приморском городе Батуми.
Рос и учился в Тбилиси. Окончил технический ВУЗ. Доктор технических наук, профессор Московского государственного строительного университета. Публицистикой активно занимается с 1986 года. Его первую книгу «Ангелы-хранители» о сестрах милосердия российские и зарубежные читатели приняли восторженно. О второй книге Ольга Михайловна Толстая (урожд. Родзянко) написала из США: «Крутые дороги Александры Толстой» интересна, а образ Александры Львовны выявляется живой и правдивый, такой, какой я ее знала на протяжении многих лет».

Редакция издательства этой книгой начинает сериал «Мое Отечество».
Планируется издание художественных произведений, отражающих историю многонациональной России, жизнь и деятельность замечательных людей.
Приглашаем молодых и именитых писателей к сотрудничеству.

Рекламно Издательское Агентство

